

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 2 (30) | 2023

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 2 (30)

Киров
2023

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c   j o u r n a l

№ 2 (30)

Kirov
2023

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philol. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philol. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

---

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Лейбович Олег Леонидович. «Идти за партией родной...»:</i> Горком КПСС празднует 250-летие Перми	9
<i>Голикова Светлана Викторовна. Сопrotивление оспопрививанию жителей</i> Пермской губернии в пореформенное время	22
<i>Черноухов Дмитрий Эдуардович, Черноухов Эдуард Анатольевич.</i> Проблема общедоступности медицинской помощи в Пермской губернии начала XX в.: проекты и результаты	32
<i>Колчанова Юлия Сергеевна. «Разговоров из-за примуса никогда не было»:</i> бытовой конфликт с политическим обвинением	41
<i>Орлов Максим Александрович. Влияние Новокрещенской конторы</i> на миссионерскую деятельность в пределах Вятской и Великопермской епархии	50
<i>Русинова Екатерина Александровна. Сотрудники</i> «Вятских губернских ведомостей» в эпоху Великих реформ и контрреформ.....	61

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Сенников Алексей Иванович. Треугольник СССР – США – ОАР</i> и обострение холодной войны на Ближнем Востоке в 1960 г.	68
---	----

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Суздальцев Илья Алексеевич. Об особенностях англоязычной историографии</i> Коминтерна	86
---	----

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

<i>Мохов Антон Сергеевич, Капсалькова Карина Рамазановна.</i> «Мы стараемся иметь полный комплект работ по советскому византиноведению»: переписка профессора М. Я. Сюзюмова с библиотекой Центра византийских исследований в Думбартон Окс	95
--	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Сыромятников Олег Иванович. Духовное наследие А. С. Пушкина .....</i>	105
<i>Зонина Нина Владимировна. Образ пуританина в английской драме</i> I-й половины XVII в.	114
<i>Шубин Константин Ильич. Особенности имагологической репрезентации</i> в цикле эссе О. Голдсмита «Гражданин мира»	119
<i>Беляева Наталья Павловна. Циклообразующие связи в русской рок-поэзии</i> (на примере альбома группы «ДДТ» «Это всё...»).....	130
<i>Ефимов Алексей Вадимович. Нарративная стратегия самоотстранения</i> в романе Дж. Барнса «Метроленд»	138

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ РОССИИ

*Ярычев Насруди Увайсович. Семья как мемориальный кластер
(специфика мемориальной активности современной чеченской семьи) 149*

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Leibovich Oleg Leonidovich</i> . "To follow the native party...": The CPSU City Committee celebrates the 250th anniversary of Perm	9
<i>Golikova Svetlana Viktorovna</i> . Resistance to vaccination of residents of the Perm province in the post-reform period	22
<i>Chernoukhov Dmitry Eduardovich, Chernoukhov Eduard Anatolyevich</i> . The problem of accessibility of medical care in Perm province of the early twentieth century: projects and results	32
<i>Kolchanova Yulia Sergeevna</i> . "There has never been any talk about primus": a domestic conflict with a political accusation	41
<i>Orlov Maxim Alexandrovich</i> . Influence of the Novokreschenskaya Office on missionary activity within the Vyatka and Velikopermskaya dioceses	50
<i>Rusinova Ekaterina Aleksandrovna</i> . Employees of the Vyatka Provincial Gazette in the era of Great Reforms and counter-reforms	61

GENERAL HISTORY

<i>Sennikov Alexey Ivanovich</i> . The USSR – USA – UAR triangle and the escalation of the Cold War in the Middle East in 1960	68
---	----

HISTORIOGRAPHY

<i>Suzdaltsev Ilya Alekseevich</i> . About the peculiarities of the English-language historiography of the Comintern.....	86
--	----

HISTORY IN DOCUMENTS

<i>Mokhov Anton Sergeevich, Kapsalykova Karina Ramazanovna</i> . "We try to have a complete set of works on Soviet Byzantine studies": correspondence of Professor M. Ya. Syuzumov with the library of the Center for Byzantine Studies in Dumbarton Oaks	95
--	----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Syromyatnikov Oleg Ivanovich</i> . The spiritual legacy of A. S. Pushkin.....	105
<i>Zonina Nina Vladimirovna</i> . The image of the Puritan in the English drama of the first half of the XVII century.....	114
<i>Shubin Konstantin Ilyich</i> . Features of imagological representation in the series of O. Goldsmith's essay "Citizen of the World"	119
<i>Belyaeva Natalia Pavlovna</i> . Cyclical connections in Russian rock poetry (on the example of the album of the DDT group "It's all...")	130
<i>Efimov Alexey Vadimovich</i> . The narrative strategy of self-exclusion in the novel by J. Barnes "Metroland"	138

HISTORICAL AND CULTURAL TRADITIONS OF PEOPLES OF RUSSIA

Yarychev Nasrudi Uvaysovich. The family as a memorial cluster
(specifics of the memorial activity of the modern chechen family).....149

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.53)1970"

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.018

«Идти за партией родной...»: Горком КПСС празднует 250-летие Перми

Лейбович Олег Леонидович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры.

Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-5191-939X. Researcher ID: R-4154-2016. E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Аннотация. В статье на основании архивных и опубликованных материалов ставится задача – установить роль городского партийного комитета в общественной дискуссии 1968–1972 гг. о дате основания г. Перми. Предметом исследования является позиция руководства горкома в отношении противоборствующих сторон – журналистов и краеведов (Б. Н. Назаровский) и профессиональных историков (Ф. С. Горовой). Первые предлагали вести отсчет пермской истории с 1723 г. – строительства Егошихинского завода; вторые с 1781 г. – учреждения г. Перми – центра наместничества и губернии. Формулируется гипотеза, почему горком КПСС длительное время придерживался «губернской» датировки, а осенью 1972 г. изменил свою позицию. В череде общесоюзных юбилеев не было места для локальных торжеств. В советское время дата основания Перми ни разу не отмечалась. К тому же инициативы Б. Н. Назаровского нарушали сложившийся к тому времени партийный этикет, не предусматривавший мобилизацию ответственности «снизу» – со стороны местного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и редакции областной молодежной газеты. Кредо секретаря горкома С. А. Мелешкова – не нужно споров. В соответствии с ним была заблокирована идея общегородской открытой конференции. Позиция секретаря горкома изменилась, когда союзные власти одобрили проведение юбилейных торжеств для уральских промышленных центров. Тогда пермский горком КПСС организовал празднование юбилея по образцу и подобию юбилеев В. И. Ленина и СССР, в виде набора разученных мероприятий по организации соревнования, выпуску агитационной литературы и сувениров, проведения политинформаций, докладов, лекций и, самое главное, награждений лиц и учреждений. Новая версия истории Перми была легитимизирована на торжественном заседании 8 декабря 1973 г.

Ключевые слова: Пермь, 1968–1973; дебаты о времени основания, горком КПСС, юбилей.

8 декабря 1973 г. в зрительном зале Пермского театра оперы и балета в два часа пополудни началось «торжественное заседание городского комитета КПСС и городского Совета депутатов трудящихся с участием представителей трудящихся, посвященное 250-летию Перми». Все происходило согласно утвержденному протоколу: возлагали венки к подножию памятника В. И. Ленина, вносили знамена. Под аплодисменты избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС, а до того рабочий президиум – 121 человек, едва уместившийся на оперной сцене; выслушали доклад первого секретаря горкома С. А. Мелешкова – в нем лейтмотивом звучало: у Перми славное прошлое, достойное настоящее и величественное будущее, а затем и приветствия гостей из соседних областных центров – Свердловска, Челябинска, Кирова; зачитали список почетных граждан Перми (звание было учреждено к юбилею). Пионеры звонкими голосами исполнили сочиненные по случаю куплеты:

Встают года, как зори светлые.

И радостно встречаем мы

Двухсотпятидесятилетие

Родного города Перми.

Я сама судить могу

И скажу вам смело:

Очень на моем веку

Пермь похорошела!

Над городом радостью, песня, звени!
Шагаем мы в парки Перми нашей древней,
Чтоб бабушки наши сидели в тени
Посаженных нами деревьев!
Трудом украсить город свой,
На подвиг и на труд любой
Идти за партией родной –
Клянемся! Клянемся! Клянемся! [4, с. 60–62].

Журналисты, спустя десятилетия познакомившиеся с изданным отчетом, не сомневались в том, что инициатива сделать 1973 г. юбилейным принадлежала региональным партийным властям, соперничающим с соседями за союзные инвестиции.

«Понятно, что в насквозь статусной системе СССР одинаковый возраст Перми и Свердловска позволял сдерживать соседские амбиции в борьбе за плановое распределение ресурсов» [32, с. 147].

Знакомство с архивными документами не позволяет согласиться с этим выводом. В статье использованы материалы в основном двух фондов Пермского архива государственно-политической истории (ПермГАСПИ) – личный фонд Б. Н. Назаровского (ф. 25) и фонд горкома КПСС (ф. 1). Следует подчеркнуть особенный характер партийной документации 1970-х гг. К этому времени в ней используется обновленный по отношению к прошедшему времени язык, наполненный литературными тропами: метафорами, гиперболами, эфемизмами, синекдохами, отнюдь не проясняющими содержание текстов, но очень часто затемняющими его. Из документа вытесняется какое-либо личностное начало, а с ним и полемические обороты, что соответствовало стилю партийного руководства.

Нужно напомнить, что в 70-е гг. территориальные партийные комитеты обладали всей полнотой власти, а с нею и ответственностью за все, что в городах происходило: от выполнения производственных планов промышленности до организации досуга населения, от деятельности научных учреждений до активности самодеятельных художественных сообществ.

Партийный язык распространяется и на академическую речь. «Если у Вас будет статья для «Урала», то в ней надо показать существо дела, не упоминайте даже фамилию Горowego, а просто отсылайтесь для надобности на “Уральский археографический ежегодник”, – советует свердловский историк своему пермскому корреспонденту. – Дискуссия “в личностях” может внести много нервозности и нападков» [14, л. 28].

Поскольку объемы партийного делопроизводства по указанной выше причине во много раз выросли, пришлось изменить и правила хранения и архивирования текущей документации. По новой инструкции горкомы в обязательном порядке сдавали на постоянное хранение протокольную часть и личные дела коммунистов, а также и отчеты отделов областных и городских комитетов. По поводу иных бумаг решали экспертные комиссии, что именно следует сдавать в архив на постоянное хранение, а что – нет [2]. В фонде Пермского горкома КПСС не сохранились письма и обращения участников дискуссии о времени основания г. Перми. Личный фонд журналиста Б. Н. Назаровского позволяет восполнить эти лакуны, но только частично. Материалы оппонентов представлены в нем фрагментарно.

Партийное влияние стало к этому времени всеобъемлющим и вездесущим; культура партийных аппаратов доминировала во всех государственных и общественных структурах в соответствии пусть с принципом: все через партию – и ничего вне ее. На практике он корректировался складывавшимися на местах ситуациями, партикулярными интересами ведомств, реальным влиянием действующих лиц, их способностью прочесть и понять идущие с вершины партийной власти сигналы и импульсы. Руководство партийных комитетов отнюдь не всегда выигрывало в этой схватке самолюбий, политических интуиций и споров за влияние по тем или иным вопросам. Исходя из этой установки на основании обнаруженных документов в настоящей статье делается попытка установить действительную роль горкома партии в публичной дискуссии о дате рождения г. Перми.

Дебаты о том, вести ли отчет истории города от указа Екатерины II об учреждении Пермского наместничества в 1780 г. или от закладки Егошихинского медеплавильного завода в 1723 г., продолжались в течение четырех лет [5, с. 67–68]. Начало им положила серия материалов, опубликованных в сентябре – ноябре 1968 г. в областной газете «Молодая гвардия». Журналисты и краеведы эмоционально доказывали, что отчет жизни города надо считать от петровских, а отнюдь не екатерининских времен. Ссылались на пример Екатеринбург, апел-

лировали к пролетарским традициям, напоминали о рабочей гордости: не отдавать же честь строительства города своре чиновников, тогда как его основали мастеровые. Вряд ли молодые люди, бойко владеющие пером, так хорошо знали историю Егошихинского завода. Для людей знающих не было секретом, что инициатором газетной кампании был Борис Никандрович Назаровский, или как впоследствии осторожно упоминал один из участников дискуссии «...к её организации Борис Никандрович имел какое-то касательство» [34, с. 109]. «Касательство», на самом деле, было очень тесным. Б. Н. Назаровский, ироничный и даже надменный, всегда державший на дистанции своих собеседников, с газетной молодежью сошелся настолько близко, что звал их к праздничному столу.

«Вчера после демонстрации собралась у меня молодежь и довольно прилично выпили, – писал он своей старинной приятельнице. – Но кролика не было. Были с трудом раздобытые Наташей сосиски» [17, л. 23].

Б. Н. Назаровский некогда работал вместе с Аркадием Гайдаром, был ответственным редактором областной партийной газеты «Звезда», а затем главным редактором Пермского книжного издательства; в 1968 г. – пенсионер, член областного правления недавно учрежденного Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры [9]. В среде интеллигенции к тому времени у него сложилась стойкая репутация хранителя культурных устоев города: «Лишь благодаря Назаровскому удалось не порвать связь времен, сохранить историческую преемственность» [4, с. 3]. Действительно, он был инициатором организации городских юбилейных торжеств в 1973 г.

Б. Н. Назаровский аргументировал свою позицию, прежде всего, необходимостью формирования особой пермской идентичности: «Нужно, чтобы пермяки гордились тем, что они пермяки – соленые уши, которые вытаскали миллионы тонн соли поваренной, а сейчас калийной, таскают бумагу, лес. В сознании такой пермяцкой гордости нужно воспитывать всех трудящихся» [30, л. 8]. Он старался довести до сознания своих оппонентов, что горожанам необходим праздник: «Что за проклятые люди мы, пермяки, что нам не дают отметить 250-летие своего города?!» И добавлял: «До сих пор наш город разбросан, некоторые его районы даже разобщены. Условия быта горожан крайне пестры: кто живет во вполне благоустроенных домах, а кто и в бараках, и в избах-развалюшках. У нас много закрытых предприятий, и это также не способствует сплоченности города. Юбилей города – прекрасный трамплин для разносторонней пропагандистской, агитационной и организаторской работы в массах, работы не шаблонной, а творческой» [8, с. 182–183]. Причем, праздновать нужно именно в 1973 г.: «Что можно говорить о возникновении города, если праздновать его 200-летний юбилей в 1981 году? Агитаторам, пропагандистам, докладчикам, лекторам придется повторять старую и, к сожалению, живучую сказку о Перми как о чиновничьем городе с очень недавним рабочим прошлым. Что-то не хочется такой юбилей праздновать. Отметить в 1973 году 250-летие города Перми со времени возникновения поселения Егошихинского завода имеются все основания. Это будет справедливо. Вместе с тем сделать это целесообразно для идейно-политической работы в массах» [18, л. 20–21].

Важно отметить, что Б. Н. Назаровский убеждает в своей правоте будущего докладчика на торжественном заседании С. А. Мелешкова, не просто убеждает, но и настаивает на своей правоте, даже жалуется на него в ЦК КПСС. Во всяком случае, до лета 1972 г. горком партии отнюдь не склонен отмечать городской юбилей. На это есть свои причины, вполне основательные. Начнем с того, что этот юбилей лишний. В официальном календаре празднований его нет.

В 1970 г. торжественно отмечают столетие со дня рождения В. И. Ленина; в 1972 г. – 50-летие основания Союза ССР.

Между ними в 1971 г. – награждение города орденом Ленина за успехи в выполнении очередной пятилетки. На самом деле за успешное освоение в 1969 г. серийного производства баллистической ракеты на твердом топливе РТ-2П на Пермском заводе химического оборудования. «Работы по ракете велись в трех направлениях с частичным дублированием работ. I и III ступени ракеты проектировали в КБМаш в г. Пермь под руководством главного конструктора М. Я. Цирульниковца, топливо создавали в НИИ-130 (г. Пермь, директор и главный конструктор – Л. Н. Козлов), завод изготовитель – Пермский пороховой завод № 98. <...> Серийное производство ракет на ПЗХО осуществлялось до 1981 г. [33, с. 182–199]. Было торжественное заседание во дворце им. Я. М. Свердлова «...в присутствии всех имеющих на тот момент Героев социалистического труда». Орден вручал секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов, в своей речи ни словом не обмолвившийся о грядущем юбилее города [35].

Если вспомнить, что в июле 1968 г. произошла смена руководства областной партийной организацией. К. И. Галаншин покинул пост первого секретаря обкома, чтобы занять должность министра целлюлозно-бумажной промышленности СССР. Б. Ф. Коротков – его преемник, был освобожден от должности «по болезни» в ноябре 1972 г. [10, с. 27–32, 37–39].

С. А. Мелешков лишился своего патрона. На должность секретаря горкома бывшего ведущего конструктора ОКБ завода им. Сталина выдвинул К. И. Галаншин [7]. С. А. Мелешков всю жизнь считал его своим наставником. В ситуации смены областного руководства секретарю горкома приходилось быть осторожным.

На статью в комсомольской газете полагалось реагировать. С. А. Мелешков поступил по протоколу. Некоторое время подождал. После того, как в той же «Молодой гвардии» уже после объявленного завершения дискуссии в декабре 1968 г. появилось обращение старых большевиков: «Мы, ветераны трех революций и гражданской войны, не можем принять ни умом, ни сердцем дату рождения нашего города от указа императрицы – 1781 год и горячо поддерживаем сторонников даты основания Перми в мае 1723 года» [7], начал действовать. Передал газетные материалы на экспертизу в Пермский государственный университет, где ректором был Федор Семенович Горовой – историк по образованию, профессии и призванию. «Очень приятное впечатление производят пермские историки во главе с Горовым – хохлом (нрзб) и себе на уме. Я считаю, что они сильнее наших свердловских, в частности потому, что во главе свердловского отряда, как в Университете, так и в институте истории партии сидят люди недостаточно теоретически подкованные и по характеру своему довольно мелкие», – писал свердловский литератор своему пермскому другу [24, л. 24–24 об.].

Ф. С. Горовой был человеком крайне самолюбивым, к вторжениям посторонних, в особенности журналистов и краеведов, в свою сферу интересов относился непримиримо. О роли Б. Н. Назаровского во всей этой истории, по всей видимости, знал. Они были знакомы, сотрудничали. Б. Н. Назаровский редактировал рукописи Ф. С. Горового. Тот обижался, сердился, негодовал. По мнению редактора, капризничал. Б. Н. Назаровский литературные способности своего подопечного не ставил ни в грош: «Культура у них (современных профессоров – О. Л.) неважнецкая. Чинном избавлены от необходимости заботиться о своем культурном развитии» [16, л. 19]. О человеческих качествах ректора высказывался нелицеприятно: «Он человек злобный и недобросовестный» [22, л. 26]. Можно предположить, что Ф. С. Горовой платил ему той же монетой.

В течение месяца Ф. С. Горовой подготовил доклад «О дате основания города Перми», в котором опроверг все доводы журналистов и краеведов: у заводского поселения Егошихи не было никаких ресурсов, чтобы стать городом: население убывало, производство сворачивалось, зато место было удобным. «Губернский город Пермь возник в 1781 году в условиях определенной исторической действительности, он вызван к жизни потребностью дворянского государства в укреплении аппарата власти на местах для предотвращения народных антикрепостнических возмущений» [12, л. 15].

Доклад Ф. С. Горового обсудили в феврале 1969 г. на заседании трех кафедр: истории СССР дооктябрьского периода, истории СССР послеоктябрьского периода и истории КПСС, и одобрили. «Из 13 участников заседания (странно их незначительное число) 11 проголосовали за одобрение доклада и 2 – против. Доклад Ф. С. Горового явился основанием для того, чтобы горком партии и горисполком отложили вопрос о двухсотпятидесятилетии Перми» [19, л. 1–2].

В ноябрьском (1968 г.) номере газеты «Молодая гвардия» от имени редакции содержалось обращение к горисполкому созвать научную конференцию, посвященную «...истории Перми с тем, чтобы после нее начать подготовку к празднованию 250-летнего юбилея нашего города» [11]. Горисполком газете не ответил. С. А. Мелешков на встрече с руководством областного краеведческого музея в марте 1971 г. посоветовал «не проводить такой конференции («Зачем лишние споры»), а подготовить записку в Институт истории СССР с просьбой о консультации, изложив в ней кратко и объективно позиции той и другой стороны» [23, л. 2].

Назаровский пытался попасть на прием к первому секретарю, предлагал провести рабочее совещание в его кабинете, пригласить основных участников дискуссии, писал ему: «Очень прошу вас лично, а также тт. Пинаева и Воробьеву прочесть мою пространную записку. Она все же содержит некоторый документальный материал и показывает недостойные ученого приемы, с помощью которых Ф. С. Горовому удалось задержать решение вопроса о 250-летию Перми. <...> Еще раз – убедительно прошу прочесть» [20, л. 15]. Просил дать хоть какой-нибудь ответ, хотя бы через секретаря: «Уважаемый Сергей Алексеевич! Прошу назна-

чить мне время для приема по вопросу о 250-летию Перми. Хотя я подготовил пространную записку, необходима личная беседа с Вами, которая может быть ограничена 10–15 минутами и выйдет за эти рамки лишь при вашем желании. Прошу сообщить через помощника или секретаря» [21, л. 12]. Но все было тщетно. Настойчивого пенсионера с былыми заслугами принял новый секретарь горкома по идеологии Л. Г. Пинаев, в недавнем прошлом секретарствовавший в парткоме университета вместе с Ф. С. Горовым. Он обещал в ближайшее время решить назревший вопрос, успокаивал, даже слово давал, но ничего с места не сдвинул.

Для С. А. Мелешкова спор о дате основания г. Перми явно казался неуместной склокой, сведением личных счетов между не симпатичными ему людьми. Встречаться с ними наедине он не хотел, выжидал, будет ли разрешение или запрет от областного, а лучше от союзного партийного начальства. Хотелось получить экспертное заключение от Института истории АН СССР, чтобы положить конец беспокоящим его спорам.

Из института, в конце концов, пришел ответ. Суть его сводилась к тому, что «датировки юбилейных дат для населенных пунктов, возникших на базе заводских поселков, принято связывать с датами начала строительства или (что еще предпочтительней) с датами их пуска. Для Егошихинского завода это укладывается в период 1723–1724 гг. <...> Сопоставление данных архивных документов, законодательных актов и литературы показывает, что в конце 1780 г. селение Егошихинского завода было избрано для учреждения губернского города Перми, который был официально открыт в следующем 1781 году» [15, л. 29].

Горком тем не менее не спешил принимать окончательное решение. Б. Н. Назаровский написал жалобу в ЦК КПСС:

«Не только меня, многих удивляет медлительность горкома, стремление избежать спора, забота о том, чтобы как-нибудь не обидеть профессора» [23, л. 4].

Дело было отнюдь не в профессоре. С. А. Мелешков ждал четкого и недвусмысленного сигнала сверху и получил его летом 1972 г. Стало известным, что не только Свердловск и Челябинск в 1973 г. празднуют 250-летие, но и Нижний Тагил – в 1972 г. – в год торжественного юбилея Союза ССР. В такой ситуации Пермь уже не могла выбиться из общего строя ликующих и празднующих. В окончательном тексте доклада на торжественном заседании можно обнаружить следы реальной мотивации – торжественно встретить 250-летие Перми:

«В начале XVIII века в России, укрепившей к тому времени связи со многими европейскими государствами, создались условия для более быстрого и широкого развития экономики, в первую очередь, промышленности. Именно тогда началось освоение богатейшего края – «Каменного пояса» – Урала.

Этим и объясняется, что многие уральские города, оказавшиеся на главных магистральных путях освоения края, ставшие его узловыми пунктами, практически были созданы в одно и то же время. Поэтому совершенно закономерно, что в прошлом году отпраздновал свое 250-летие Нижний Тагил, ныне его отмечают Свердловск и Пермь, скоро такой же юбилей будет в Челябинске» [4, с. 7–8].

К тому времени умирают главные участники дискуссии: Федор Семенович Горовой и Борис Никандрович Назаровский. В материалах праздничных мероприятий их имена не упоминались вовсе. И саму дискуссию постарались стереть из памяти: «зачем споры?»

Далее события разворачивались по привычному сценарию. С. А. Мелешков обратился за директивой в обком КПСС. 12 сентября 1972 г. на заседании бюро обкома 18 пунктом был поставлен «вопрос Пермского горкома КПСС». В обсуждении участвуют пять человек, в том числе первый секретарь обкома Б. Ф. Коротков и будущий секретарь Б. Н. Коноплев – тогда председатель облисполкома. Среди выступивших и секретарь по идеологии И. Я. Кириенко, без одобрения которого вряд ли появилась бы серия статей в «Молодой гвардии» четыре года тому назад. Выступления на заседаниях бюро не полагалось записывать. Только решение:

«Поручить Пермскому горкому КПСС (т. Мелешкову) и горисполкому (т. Калинкину) с привлечением соответствующих товарищей разработать план организационных и массово-политических мероприятий по подготовке к 250-летию города Перми с учетом состоявшегося обмена мнениями по данному вопросу на заседании бюро обкома КПСС. Срок – I месяц» [25, л. 29].

Учень обмен мнениями – формулировка, указывающая либо на расхождение взглядов членов бюро, либо на критическое отношение к материалам, подготовленным Пермским горкомом. Сами эти материалы не сохранились. Жесткие сроки диктовал календарь. Перенести юбилей на 1974 г. нельзя было отнюдь не по историческим причинам. В первом издании

большой советской энциклопедии годом основания Егошихинского завода был указан 1724 г. [31, с. 121]. Дату основания города было принято связывать «...с датами начала строительства или (что еще предпочтительней) с датами их пуска. Для Егошихинского завода это укладывается в период 1723–1724 гг.» [15, л. 29]. Выбрать для юбилея 1973 г. было политическим решением. Отцы города не считали для себя возможным отставать от других областных центров «каменного пояса», тем более что союзные власти поощрили такого рода инициативы. Речь шла об изменении в партийной политике. Наметился курс на регулируемую децентрализацию политического пространства страны, на формирование местных идентичностей, укрепляющих и усиливающих советский патриотизм. Руководство пермского горкома, в отличие от Б. Н. Назаровского, вовремя не обратило внимания на складывающийся идеологический тренд. Пришлось наверстывать упущенное.

Горком немедленно приступил к подготовке юбилея. Приходилось торопиться. 29 сентября на заседании бюро горкома было принято постановление «О подготовке к 250-летию со дня основания города Перми». В нем содержалась ссылка на решение обкома партии и устанавливалась дата юбилея – ноябрь 1973 г. Были прописаны организационные мероприятия, состоящие из 4 пунктов:

1. Утвердить юбилейную комиссию и рабочие секции по подготовке к 250-летию города Перми, согласно приложениям № 1 и 2. Предложить комиссии в срок до 10 октября разработать и внести на рассмотрение бюро горкома и исполкома горсовета план мероприятий по подготовке к данному юбилею.

2. Обязать райкомы партии, исполкомы районных советов депутатов трудящихся, парткомы, партийные организации и руководителей предприятий, учреждений и учебных заведений до 1 ноября 1972 г. создать юбилейные комиссии, разработать мероприятия по подготовке к празднованию юбилея города Перми.

3. Предложить партийным, профсоюзным, комсомольским организациям, хозяйственным руководителям, используя творческий подъем трудящихся, в связи с 50-летием образования СССР, продолжить соревнование за достойную встречу 250-летия родного города, положив в основу его мобилизацию всех трудящихся на успешное выполнение планов и социалистических обязательств хозяйственного и культурного строительства, благоустройства и озеленения города.

4. Рекомендовать пермским организациям и отделениям Союзов: писателей, художников, Всероссийского театрального общества, общества «Знание», культурно-просветительным учреждениям, областному дому народного творчества, комитету по радиовещанию и телевидению, редакции газеты «Вечерняя Пермь», городскому управлению культуры, дирекции городской киносети до 1 ноября разработать планы мероприятий по подготовке к 250-летию Перми и представить городской юбилейной комиссии [26, л. 44–45].

На вопрос: что делать? – горком ответил: всем партийным, государственным и прочим территориальным и производственным структурам создать юбилейные комиссии. В комиссии горкома было создано 7 секций, в том числе агитационно-массовой работы (6 чел. во главе с секретарем горкома по идеологии), секция издания юбилейной литературы (тоже 6 чел.), секция охраны памятников и памятных мест города (5 чел.) и другие.

Чем занять комиссии? Разработкой планов мероприятий. Что остается трудящимся? Продолжать соревноваться, «используя творческий подъем», но уже за новую «достойную встречу», на этот раз «250-летия родного города». По сути, горком сработал по готовым образцам, переложив ответственность с секретариата на юбилейные комиссии без каких-либо прописанных полномочий, только с обязанностями. В члены городской комиссии включили первых руководителей промышленных предприятий и учреждений, то есть людей, обремененных должностными обязательствами. Вряд ли директор завода Гознак или директор завода им. Дзержинского присутствовал хотя бы на одном из заседаний юбилейной комиссии, если, впрочем, такие заседания и были.

Тем не менее силами работников аппарата горкома за две недели был подготовлен план мероприятий городской юбилейной комиссии по подготовке к 250-летию со дня основания города Перми объемом в 10 машинописных листов. И 13 октября 1972 г. бюро горкома его утвердило [27, л. 60].

План был представлен в виде таблицы.

Рассмотрим два извлеченных из нее фрагмента: об издании юбилейной литературы, о проведении массовых мероприятий.

Таблица 1

План по секции издания юбилейной литературы

Подготовить и издать		
Иванов «Шла дивизия на запад» (об уральцах – участниках Великой Отечественной войны)	1972	Книжное издательство
Зороастров «Это было под Краславой»	1972	–»–
Калашников «Ступеньки ведут вверх» (о рабочем коллективе, записки рабочего завода им. Свердлова)	1972	–»–
Коллективный сборник пермских писателей «Маяк победы»	1972	–»–
Сборник поэта Радкевича «Камский мост»	1972	–»–
Торопов «Сто путей, сто дорог» (100 маршрутов для пермяков)	1972	–»–
Михайлюк «Пермь и пермяки» (документально-публицистический очерк о сегодняшнем дне нашего города)	1973	–»–
Тиунов, Трофимов, Мухин «Пермь индустриальная» (историко-экономические очерки о становлении пермской индустрии)	1973	–»–
Все о Перми (библиографический указатель литературы о Перми)	1973	–»–
Военно-патриотический сборник «В крылатой пехоте» (воспоминания пермских парашютистов)	1973	–»–
Очередной сборник «Рабочее Прикамье»	1973	–»–
Летопись рабочей династии (о семье Зеровых)	1973	–»–
Коллективный сборник «Посланцы партии» (О коммунистах-пермяках, мобилизованных партией в 1941 г. на фронт)	1973	–»–

[27, л. 67–68].

В соответствии с установившимся порядком Пермское книжное издательство планировало выпуск книг на два-три года вперед. Даже отчет о торжественном заседании 8 декабря 1973 г. был издан два года спустя – в 1975 г. В октябре 1972 г. сотрудники книжного издательства просто внесли в новое партийное постановление уже утвержденные годом или двумя раньше плановые публикации, выбрав из них те, что по тематике более других соответствовали решению горкома. При этом очень торопились: опустили инициалы авторов и редакторов-составителей, явно по недосмотру включили уже подготовленные к печати издания 1972 г. – первые шесть позиций в таблице. Получили задание – отчитались. Ничего нового планировать не стали.

Таблица 2

План по секции проведения массовых мероприятий

Подготовить и провести научную конференцию, посвященную 250-летию основания города Перми	IV квартал 1972	ГК КПСС, партком госуниверситета
Провести городской фестиваль художественной самодеятельности, посвященный 250-летию со дня основания г. Перми	1973	Отдел культуры ГИК
В парках, скверах, на набережной реки Камы провести народные гуляния, посвященные 230-летию города (по специально разработанным сценариям)	Июль, август 1973	Отдел культуры ГИК
В кинотеатрах, клубах, библиотеках, краеведческом музее, садах и парках города организовать выставки, связанные с юбилейной датой: «Перми – 250 лет», «Прошлое, настоящее и будущее г. Перми», «Навстречу юбилею родного города» и т. д.	1973	Дирекция киносети, управление культуры ГИК
Организовать и провести выставки работ художников-профессионалов «Город Пермь в изобразительном искусстве»; самодеятельных художников «Пермь трудовая»; фотовыставки	1973	Отдел культуры, отделение союза художников
Провести фестиваль хроникально-документальных фильмов об Урале, Прикамье и Перми, созданных Свердловской киностудией и Пермской телестудией, и кинофильмов о прошлом и настоящем города, созданных любительскими киностудиями	1973	Отдел культуры Облсовпрофа, отдел культуры ГИК
Провести смотр-фестиваль детской художественной самодеятельности и технического творчества	1973	ГорОНО
Краеведческому музею, фотостудии «Кама» подготовить эскизы и макеты фотовыставок о прошлом и настоящем Перми	Декабрь 1972	Отдел культуры горисполкома, музей, фотостудия «Кама»

Окончание табл. 2

На предприятиях, стройках, учреждениях и учебных заведениях организовать фотовыставки по тематике, утвержденной юбилейными комиссиями	1973	РК КПСС, парткомы, партийные организации
Театральный сезон 1972–1973 годов провести под девизом: «Творческие работники – городу-юбиляру»: а) коллективам театров, филармонии создать произведения на темы героического прошлого, а также о нашем современнике – строителе коммунизма; б) разработать сценарии городских и районных театрализованных представлений, юбилейных концертов; в) провести музыкальный фестиваль «Камские зори», посвященный юбилею города. Пригласить для участия в нем виднейшие коллективы, музыкантов и других исполнителей страны; г) провести декаду лучших спектаклей театров под девизом «Творческий отчет городу-юбиляру»; д) просить Министерство культуры СССР направить в Пермь на летние гастроли лучшие театры страны	1972–1973 театральный сезон	Отдел культуры
Провести парад духовых оркестров	9 мая 1973	Отдел культуры
Провести «День памяти» борцов революции, участников войны в борьбе за народное счастье. Организовать шествие трудящихся и возложение венков к памятникам и могилам революционеров, участников гражданской и отечественной войны	1973	ГК КПСС, горисполком
Организовать творческие отчеты писателей, художников, артистов перед трудящимися города	1973	Отдел культуры, творческие союзы, театры
Провести неделю детской музыки, посвященной 250-летию города	Март 1973	Отдел культуры горисполкома, ГорОНО, профсоюзные комитеты
Организовать конкурс на лучшее литературное и музыкальное произведение о Перми и пермяках	Август 1973	Отдел культуры горисполкома, отделение союза писателей

[27, л. 68–70].

Здесь следует обратить внимание на первый пункт. Горком признал, что инициатива 1968 г. – провести научную конференцию о времени основания Перми, была обоснованной. Вот только в обращении «Молодой гвардии», в письмах Б. Н. Назаровского речь шла об *открытой* конференции; в ней участники могли обсудить имеющиеся разногласия. В постановлении речь шла о конференции университетской. К тому времени ее уже подготовили и спустя месяц в три дня 15 – 17 ноября провели. Тему заранее скорректировали: «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Никакой полемики в докладах и прениях не предусматривалось. Все было торжественно и чинно:

«Конференцию открыл проректор университета по научной работе проф. И. А. Печеркин. С приветственным словом к ее участникам обратился первый секретарь Пермского городского комитета КПСС С. А. Мелешков» [1, с. 3].

Никто более не оспаривал 1723 г. как дату основания Перми. Основным докладчиком был утвержден один из наиболее близких прежде к покойному к тому времени Ф. С. Горовому доцент руководимой им кафедры Павел Иванович Хитров. Он и сформулировал основной тезис конференции:

«Горнозаводские поселки при определенных условиях могут служить отправными точками горообразованием, так как в ходе своего развития они приобретают черты, свойственные городу, и в конечном итоге становятся городами и в юридическом смысле» [37, с. 37].

Имена Ф. С. Горового и Б. Н. Назаровского в опубликованных материалах конференции не упоминались.

В целом же план представлял собой набор случайно отобранных мероприятий, ежегодно повторяющихся, но в актуальной формулировке, «посвященной 250-летию города», или под девизом: «творческий отчет городу-юбиляру», вместе с обязательствами – просить у Министерства культуры СССР «...направить в Пермь на летние гастроли лучшие театры страны» и требованиями, обращенными к местным учреждениям культуры: «создать произведения на темы героического прошлого, а также о нашем современнике – строителе коммунизма».

Встречу 250-летия Перми планировали по уже готовой модели состоявшихся юбилейных торжеств.

К торжественному заседанию отдел пропаганды и агитации горкома партии подготовил официальную версию истории города. Ее и представил публике С. А. Мелешков. В архивном фонде ГК КПСС сохранился черновой вариант доклада. Он иначе композиционно выстроен, более многословен, несколько отличается по набору имен, в нем упомянутых, тем не менее содержательно идентичен опубликованному: история города начинается с возникновения Егошихинского завода. «Первыми жителями нашего города были мастеровые». История города – это, прежде всего, история простых людей, история народа – борца против крепостнической и буржуазной эксплуатации. «Самым прекрасным, величественным и созидательным явился 56-летний советский период истории Перми. Превращение Перми в современный индустриальный город, в крупный научный и культурный центр Урала можно смело назвать вторым рождением одного из старейших городов Урала, его второй молодостью» [13, с. 3–36].

Доклад был выстроен таким образом, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в правомерности юбилейных празднеств. О дебатах по поводу времени основания города не было написано ни слова. Они никак не вписывались в торжественно-казенную атмосферу награждений, возложения венков и факельных шествий. Отдать дань уважения Б. Н. Назаровскому означало бы признать, что именно он, журналист без газеты, пенсионер без чинов и регалий, был инициатором празднования 250-летия. Частное лицо, а не городской комитет партии. Его представления о смысле общегородского праздника не были восприняты официальными учреждениями. Юбилей, в конечном счете, был сведен к массовому награждению почетными грамотами городских учреждений и ответственных работников разного ранга [28; 29].

Для публики были изготовлены значки, набор посуды с юбилейной символикой. На Московском часовом заводе заказаны часы с пермским гербом, установили стелу из титана у въезда на вокзальную площадь, «на шоссе Космонавтов установили монумент с летящими ракетами» [36].

Подведем итоги. Пермский горком партии в дискуссии о дате основания города не был ни ее инициатором, ни медиатором в возникшем споре. К нему апеллировали обе стороны, горком хранил молчание, годами ожидая решения сверху. Секретарь горкома взял на себя роль охранителя установленного календаря юбилейных торжеств, противясь каким-либо изменениям в нем. По этой причине в первые годы он поддерживал Ф. С. Горового – за ним была официальная инстанция – университет, к тому же до 1981 г. оставалось много времени. Когда же стала ясной позиция союзных органов – отмечать юбилей промышленных центров на Урале, горком изменил свою позицию на 180 градусов, организовав празднование по уже готовым сценариям юбилейных мероприятий в честь 100-летия В. И. Ленина и 50-летия СССР. В итоге замысел Б. Н. Назаровского – сделать юбилей города инструментом для смягчения социальной напряженности и на этой основе укрепления пермской идентичности – не был реализован.

Список литературы

1. 250 лет Перми : мат-лы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми» / отв. за выпуск П. И. Хитров. Пермь : Пермское книжное издательство, 1973. 286 с.
2. В. И. Ленин, КПСС и партийные архивы : [сборник] / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центр. парт. арх. [Москва] : ИМЛ, 1988 (обл. 1989). 253 с.
3. Городу Перми – 250 лет. Торжественное заседание городского комитета КПСС и городского Совета депутатов трудящихся с участием представителей трудящихся, посвященное 250-летию Перми. 8 дек. 1973 г. / отв. Л. Г. Пинаев. Пермь : Пермское книжное изд-во, 1975. 73 с.
4. Гражданин Перми : сборник памяти Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа / сост. Т. И. Быстрых. Пермь : Пермская областная универсальная научная библиотека им. Горького, 1993. 85 с.
5. Корчагин П. А. Губернская столица Пермь. Пермь : Книжный мир, 2006. 320 с.
6. Мелешков С. А. Забытые имена Пермской губернии. URL: <http://www.fnperm.ru/%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9-%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-.aspx> (дата обращения: 13.09.2022).
7. Мы говорим – рабочие // Молодая гвардия. 22.12.1968.
8. Назаровский Б. Н. – Мелешкову С. А. 22.10.1971 // Назаровский: к 100-летию со дня рождения Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа : сб. памяти / сост. Т. И. Быстрых; Пермская областная б-ка им. А. М. Горького. Пермь : Пушка, 2004. С. 180–182.

9. Назаровский: к 100-летию со дня рождения Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа : сб. памяти / сост. Т. И. Быстрых; Пермская областная б-ка им. А. М. Горького. Пермь : Пушка, 2004. 448 с.
10. Они были первыми : сб. статей о первых руководителях Пермской области. 1938–1994 / ред. В. Г. Светлаков. Пермь : ГАНИ и ОПД, 1994. 102 с.
11. От редакции // Молодая гвардия. 29.11.1968.
12. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 175. Л. 1–15. Выписки из статьи «О дате основания города Перми» / [статья без подписи; статья Ф. С. Горового]. Машинопись. Копия.
13. ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 84. Д. 43. Л. 42. Доклад секретаря горкома КПСС С. А. Мелешкова на торжественном собрании, посвященном 250-летию города Перми. Декабрь 1973. Черновик. Машинопись.
14. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 177. Л. 28. А. Г. Козлов Назаровскому Б. Н. 23.12.1971. Машинопись.
15. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 177. Л. 29. А. Г. Козлов Историческая справка об основании Егошихинского завода. 8.01.1969 – 22.12.1971. Машинопись.
16. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 213. Л. 18–20. Назаровский Б. Н. – Неверову Л. П. 01.11.1957. Машинопись.
17. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 220. Л. 119–123. Назаровский Б. Н. – Л. С. Соломянской. 08.11.1970. Копия. Машинопись.
18. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 181. Л. 5–21. Назаровский Б. Н. Часть одной из рукописей. 15.05.1971. Машинопись. Копия.
19. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–66. Назаровский Б. Н. Еще раз о дате основания Перми. Критика доклада проф. Ф. С. Горового «О дате основания города Перми». 15.05.1971. Машинопись. Копия.
20. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 177. Л. 13–15. Назаровский Б. Н. – Мелешкову С. А. 18.05.1971. Машинопись. Копия.
21. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 177. Л. 12. Назаровский Б. Н. – Мелешкову С. А. 19 мая 1971 г. Машинопись. Копия.
22. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 177. Л. 25–27. Назаровский Б. Н. – Козлову А. Г. 17.12.1971. Машинопись. Копия.
23. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–5. Назаровский Б. Н. – ЦК КПСС. Жалоба на Пермский горком КПСС. 29.02.1972. Машинопись. Копия.
24. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 212. Л. 24–25 об. Неверов Л. П. – Назаровскому Б. Н. 12.02.1958.
25. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 298. Д. 19. Л. 5–47. Протокол № 43 заседания бюро Пермского обкома КПСС. 12.09.1972.
26. ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 83. Д. 14. Л. 17–58. Протокол заседания бюро горкома КПСС. № 45. 29.09.1972.
27. ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 83. Д. 14. Л. 59–79. Протокол заседания бюро горкома КПСС. № 46. 13.10.1972.
28. ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 84. Д. 14. Л. 23–63. Протокол заседания бюро горкома КПСС. № 77. 02.11.1973.
29. ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 84. Д. 15. Л. 1–88. Протокол заседания бюро горкома КПСС. № 79. 19.12.1973.
30. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 97. Л. 4–8. Текст выступления Б. Н. Назаровского на совещании в облизполкоме. 1969. Машинопись.
31. Пермь // Большая Советская Энциклопедия. Т. 45. М. : ОГИЗ РСФСР, 1940. С. 121–124.
32. Петухов А. Л. «Мы же в России скромны...» // Назаровский: к 100-летию со дня рождения Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа : сб. памяти / сост. Т. И. Быстрых; Пермская областная б-ка им. А. М. Горького. Пермь : Пушка, 2004. С. 145–148.
33. Ракетные системы РВСН. От Р-1 – к «Тополю-М». 1946–2006 гг. : сб. мат-ов о развитии ракетного оружия в СССР и РФ / Г. И. Смирнов (сост.) Смоленск : [БИ], 2006. 442 с.
34. Степанов М. Н. Уроки Назаровского // Назаровский: к 100-летию со дня рождения Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа : сб. памяти / сост. Т. И. Быстрых; Пермская областная б-ка им. А. М. Горького. Пермь : Пушка, 2004. С. 104–109.
35. Федотова С. Пермь награждена орденом Ленина за успехи в VIII пятилетке. 1971 // Новый Компаньон. 10.08.2016. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-3318502.html> (дата обращения: 04.09.2022).
36. Федотова С. Празднование 250-летия Перми. 1973. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-3329745.html> (дата обращения: 15.09.2022).
37. Хитров П. И. Основание и развитие Егошихи – Перми в XVIII в. в сравнительном освещении // 250 лет Перми : мат-лы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми» / отв. за выпуск П. И. Хитров. Пермь : Пермское книжное издательство, 1973. С. 23–37.

"To follow the native party...": The CPSU City Committee celebrates the 250th anniversary of Perm

Leibovich Oleg Leonidovich

Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of Cultural Studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture, Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-5191-939X.
Researcher ID: R-4154-2016. E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Abstract. In the article, based on archival and published materials, the task is to establish the role of the city party committee in the public discussion of 1968–1972 on the date of the founding of Perm. The subject of the study is the position of the leadership of the city Committee in relation to the opposing sides – journalists and local historians (B. N. Nazarovsky) and professional historians (F. S. Gorova). The first proposed to count the Perm history from 1723 – the construction of the Egoshikhinsky plant; the second from 1781 – the establishment of Perm – the center of the viceroyalty and the province. The hypothesis is formulated why the CPSU City Committee adhered to the "provincial" dating for a long time, and in the fall of 1972 changed its position. There was no place for local celebrations in the series of all-Union anniversaries. In Soviet times, the founding date of Perm was never marked. In addition, the initiatives of B. N. Nazarovsky violated the party etiquette that had developed by that time, which did not provide for the mobilization of the public "from below" – from the local branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments and the editorial office of the regional youth newspaper. Credo of the secretary of the City Committee S. A. Meleshkova – no need to argue. In accordance with it, the idea of a citywide open conference was blocked. The position of the secretary of the City Committee changed when the union authorities approved the holding of anniversary celebrations for the Ural industrial centers. Then the Perm City Committee of the CPSU organized the celebration of the anniversary on the model and likeness of the anniversaries of V. I. Lenin and the USSR, in the form of a set of unlearned events for organizing competitions, releasing propaganda literature and souvenirs, conducting political information, reports, lectures and, most importantly, awarding individuals and institutions. A new version of Perm 's history was legitimized at a solemn meeting on December 8, 1973.

Keywords: Perm, 1968–1973; debates about the time of foundation, the City Committee of the CPSU, anniversary.

References

1. *250 let Permi : mat-ly nauchnoj konferencii "Proshloe, nastoyashchee i budushchee Permi"* – 250 years of Perm : the materials of the scientific conference "The past, present and future of Perm" / ed. for the is. of P. I. Hitrov. Perm. Perm Book Publishing House. 1973. 286 p.
2. *V. I. Lenin, KPSS i partijnye arhivy : [sbornik]* – V. I. Lenin, the CPSU and Party archives : [collection] / Institute of Marxism-Leninism at the Central Committee of the CPSU, Center. part. arch. [Moscow]. IML, 1988 (region 1989). 253 p.
3. *Gorodu Permi – 250 let. Torzhestvennoe zasedanie gorodskogo komiteta KPSS i gorodskogo Soveta deputatov trudyashchihsya s uchastiem predstavitelej trudyashchihsya, posvyashchennoe 250-letiyu Permi. 8 dek. 1973 g.* – The city of Perm is 250 years old. A solemn meeting of the city Committee of the CPSU and the City Council of Workers' Deputies with the participation of workers' representatives dedicated to the 250th anniversary of Perm. 8 dec. 1973 / Rev. L. G. Pinaev. Perm. Perm Book Publishing House. 1975. 73 p.
4. *Grazhdanin Permi : sbornik pamyati B. N. Nazarovskogo, zhurnalista i kraevedy* – Citizen of Perm : collection of the memory of B. N. Nazarovsky, journalist and local historian / comp. T. I. Bystykh. Perm. Perm Regional Universal Scientific Library n. a. Gorky. 1993. 85 p.
5. *Korchagin P. A. Gubernskaya stolica Perm'* [The provincial capital Perm]. Perm. Book World. 2006. 320 p.
6. *Meleshkov S. A. Zabytye imena Permskoj gubernii* [Forgotten names of the Perm province]. Available at: <http://www.fnperm.ru/%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9-%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-.aspx> (date accessed: 13.09.2022).
7. *My govorim – rabochie – We say workers // Molodaya gvardiya – Young Guard. 22.12.1968.*
8. *Nazarovskij B. N. – Meleshkovu S. A. 22.10.1971 – Nazarovsky B. N. – Meleshkov S. A. 22.10.1971 // Nazarovskij: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. Nazarovskogo, zhurnalista i kraevedy : sb. pamyati – Nazarovsky: to the 100th anniversary of the birth of B. N. Nazarovsky, journalist and local historian : memory collection / comp. T. I. Bystykh; Perm Regional Library n. a. A. M. Gorky. Perm. Pushka. 2004. Pp. 180–182.*
9. *Nazarovskij: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. Nazarovskogo, zhurnalista i kraevedy : sb. pamyati – Nazarovsky: to the 100th anniversary of the birth of B. N. Nazarovsky, a journalist and local historian : collection of memory / comp. T. I. Bystykh; Perm Regional Library n. a. A. M. Gorky. Perm. Pushka. 2004. 448 p.*
10. *Oni byli pervymi: sb. statej o pervyh rukovoditelyah Permskoj oblasti. 1938–1994* – They were the first: collection of articles about the first leaders of the Perm region. 1938–1994 / ed. V. G. Svetlakov. Perm. GANI and OPD. 1994. 102 p.

11. *Ot redakcii* – From the editorial office // *Molodaya gvardiya* – Young guard. 29.11.1968.
12. Perm State Archive of Socio-Political History (PermSASPH). F. 25. Inv. 1. File 175. Sh. 1–15. *Vypiski iz stat'i "O date osnovaniya goroda Permi"* – Extracts from the article "On the date of foundation of the city of Perm" / [article without signature; article by F. S. Gorovoy]. Typescript. Copy.
13. PermSASPH. F. 1. Inv. 84. File 43. Sh. 42. *Doklad sekretarya gorkoma KPSS S. A. Meleshkova na torzhestvennom sobranii, posvyashchennom 250-letiyu goroda Permi* – Report of the Secretary of the City Committee of the CPSU S. A. Meleshkov at a solemn meeting dedicated to the 250th anniversary of the city of Perm. December 1973. Draft. Typescript.
14. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 177. Sh. 28. *A. G. Kozlov Nazarovskomu B. N.* – A. G. Kozlov to Nazarovsky B. N. 23.12.1971. Typescript.
15. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 177. Sh. 29. *A. G. Kozlov Istoricheskaya spravka ob osnovanii Egoshikhinskogo zavoda* – A. G. Kozlov Historical information about the foundation of the Egoshikhinsky plant. 08.01.1969 – 22.12.1971. Typescript.
16. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 213. Sh. 18–20. *Nazarovskij B. N. – Neverovu L. P. – Nazarovskiy B. N. – Neverov L. P.* 01.11.1957. Typescript.
17. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 220. Sh. 119–123. *Nazarovskij B. N. – L. S. Solomyanskoj – Nazarovskiy B. N. – L. S. Solomyanskaya.* 08.11.1970. Copy. Typescript.
18. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 181. Sh. 5–21. *Nazarovskij B. N. Chast' odnoj iz rukopisej* – Nazarovsky B. N. Part of one of the manuscripts. 15.05.1971. Typescript. Copy.
19. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 176. Sh. 1–66. *Nazarovskij B. N. Eshche raz o date osnovaniya Permi. Kritika doklada prof. F. S. Gorovogo "O date osnovaniya goroda Permi"* – Nazarovsky B. N. Once again about the founding date of Perm. Criticism of the report of Prof. F. S. Gorovoy "On the date of foundation of the city of Perm". 15.05.1971. Typescript. Copy.
20. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 177. Sh. 13–15. *Nazarovskij B. N. – Meleshkovu S. A. – Nazarovskiy B. N. – Meleshkov S. A.* 18.05.1971. Typescript. Copy.
21. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 177. Sh. 12. *Nazarovskij B. N. – Meleshkovu S. A. – Nazarovskiy B. N. – Meleshkov S. A.* May 19, 1971 Typescript. Copy.
22. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 177. Sh. 25–27. *Nazarovskij B. N. – Kozlovu A. G. – Nazarovskiy B. N. – Kozlov A. G.* 17.12.1971. Typescript. Copy.
23. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 177. Sh. 1–5. *Nazarovskij B. N. – CK KPSS. Zhaloba na Permskij gorkom KPSS* – Nazarovskiy B. N. – Central Committee of the CPSU. Complaint against the Perm City Committee of the CPSU. 29.02.1972. Typescript. Copy.
24. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 212. Sh. 24–25 turn. *Neverov L. P. – Nazarovskomu B. N. – Neverov L. P. – Nazarovskiy B. N.* 12.02.1958.
25. PermSASPH. F. 105. Inv. 298. File 19. Sh. 5–47. *Protokol № 43 zasedaniya byuro Permskogo obkoma KPSS* – Minutes No. 43 of the meeting of the Bureau of the Perm Regional Committee of the CPSU. 12.09.1972.
26. PermSASPH. F. 1. Inv. 83. File 14. Sh. 17–58. *Protokol zasedaniya byuro gorkoma KPSS* – Minutes of the meeting of the Bureau of the City Committee of the CPSU. No. 45. 29.09.1972.
27. PermSASPH. F. 1. Inv. 83. File 14. Sh. 59–79. *Protokol zasedaniya byuro gorkoma KPSS* – Minutes of the meeting of the Bureau of the City Committee of the CPSU. № 46. 13.10.1972.
28. PermSASPH. F. 1. Inv. 84. File 14. Sh. 23–63. *Protokol zasedaniya byuro gorkoma KPSS* – Minutes of the meeting of the Bureau of the City Committee of the CPSU. No. 77. 02.11.1973.
29. PermSASPH. F. 1. Inv. 84. File 15. Sh. 1–88. *Protokol zasedaniya byuro gorkoma KPSS* – Minutes of the meeting of the Bureau of the City Committee of the CPSU. No. 79. 19.12.1973.
30. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 97. Sh. 4–8. *Tekst vystupleniya B. N. Nazarovskogo na soveshchani v oblispolkome* – The text of B. N. Nazarovsky's speech at a meeting in the regional executive committee. 1969. Typescript.
31. *Perm'* – Perm // *Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya* – The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 45. M. OGIZ RSFSR. 1940. Pp. 121–124.
32. *Petuhov A. L. "My zhe v Rossii skromny..."* ["We are modest in Russia ..."] // *Nazarovskij: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. Nazarovskogo, zhurnalista i kraevedy : sb. pamyati* – Nazarovskiy: to the 100th anniversary of the birth of B. N. Nazarovskiy, a journalist and local historian : collection of memory / comp. T. I. Bystykh; Perm Regional Library n. a. A. M. Gorky. Perm. Pushka. 2004. Pp. 145–148.
33. *Raketnye sistemy RVSN. Ot R-1 – k "Topolyu-M". 1946–2006 gg. : sb. mat-ov o razviti raketnogo oruzhiya v SSSR i RF* – Missile systems of the Strategic Missile Forces. From R-1 – to "Topol-M". 1946–2006 : collection of materials on the development of missile weapons in the USSR and the Russian Federation / G. I. Smirnov (comp.) Smolensk. [BI], 2006. 442 p.
34. *Stepanov M. N. Uroki Nazarovskogo* [Lessons of Nazarovskiy] // *Nazarovskij: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. Nazarovskogo, zhurnalista i kraevedy : sb. pamyati* – Nazarovskiy: to the 100th anniversary of the birth of B. N. Nazarovskiy, a journalist and local historian : collection of memory / comp. T. I. Bystykh; Perm Regional Library n. a. A. M. Gorky. Perm. Pushka. 2004. Pp. 104–109.
35. *Fedotova S. Perm' nagrazhdena ordenom Lenina za uspekhi v VIII pyatiletke. 1971* [Perm was awarded the Order of Lenin for successes in the VIII five-year plan. 1971] // *Novyj Kompan'on* – A New Companion. 10.08.2016. Available at: <https://www.newsko.ru/articles/nk-3318502.html> (date accessed: 04.09.2022).

36. Fedotova S. *Prazdnovanie 250-letiya Permi* [Celebration of the 250th anniversary of Perm. 1973]. Available at: <https://www.newsko.ru/articles/nk-3329745.html> (date accessed: 15.09.2022).

37. Hitrov P. I. *Osnovanie i razvitie Egoshihi – Permi v XVIII v. v sravnitel'nom osveshchenii* [The foundation and development of Egoshihi – Perm in the XVIII century in comparative coverage] // *250 let Permi : mat-ly nauchnoj konferencii "Proshloe, nastoyashchee i budushchee Permi"* – 250 years of Perm : materials of the scientific conference "The past, present and future of Perm" / resp. for the is. P. I. Hitrov. Perm. Perm Book Publishing House. 1973. Pp. 23–37.

Сопротивление оспопрививанию жителей Пермской губернии в пореформенное время

Голикова Светлана Викторовна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии,
Уральское отделение Российской академии наук, Россия, г. Екатеринбург.
ORCID: 0000-0001-8272-4763. Researcher ID: P-9127-2015. E-mail: avokilog@mail.ru

Аннотация. Автор изучает сопротивление оспопрививанию жителей Пермской губернии в пореформенный период. Анализируются факторы и причины выступлений против вакцинации: прежде всего психологические и культурно обусловленные. В последней трети XIX – начале XX в. вакцинацией занималось земство. В земских источниках сохранилось много сведений об антивакцинаторстве. Основной идеей антиваксеров было представление старообрядцев: «прививная оспа – печать антихриста». Стереотипы, сложившиеся об антихристе и греховности оспопрививания, пользовались популярностью среди жителей. Их борьба с вакцинацией включала в себя пассивные (чаще всего уклонение от иммунизации, повреждение прививки, презентация в коммуникативном пространстве недостоверной ошибочной или заведомо ложной информации) и активные (подкуп медиков или обвинение их в халатности, оскорбление их) формы. Отказ от вакцины являлся массовой культурной практикой до конца изучаемого периода. Старообрядцы старались уклониться от оспопрививания сами и распространяли свои взгляды среди православного населения. Эта пропаганда увеличивала число колеблющихся людей и убеждала сомневающихся отказаться от данной медицинской процедуры. Образованные группы населения были обеспокоены ростом антивакцинаторского лобби, отсутствием коллективного иммунитета от инфекции и непрекращающимися эпидемиями натуральной оспы в Пермской губернии. Они не могли рационально объяснить устойчивое бытование мема «прививка – печать антихриста» и критиковали антиваксеров, считали их поведение неадекватным, девиантным и делинквентным. Антивакцинаторство стало конфликтогенным фактором, разъединяло жителей Пермской губернии, способствовало росту социального напряжения.

Ключевые слова: земство, иммунопрофилактика, антивакцинаторство, «печать антихриста», старообрядцы, биовласть.

Антивакцинаторство считается современной проблемой. С появлением ковида оно в очередной раз актуализировало проблемы иммунопрофилактики как части биополитики: выявила степень противодействия мероприятиям властей и эффективность своей идеологии, а также показало, что борьба с эпидемиями является культурной практикой, которая оказывает влияние на степень заболеваемости и смертности. Экскурсов в историю этого явления явно недостаточно и, как правило, касаются они ближайшего прошлого. Между тем его эволюция не исчерпывается карикатурами на Э. Дженнера, Л. Пастера, Р. Коха, а имеет в своем арсенале ряд масштабных феноменов. В России, например, среди старообрядцев сложились представления о прививке от оспы как печати антихриста, благодаря которым ее население упорно сопротивлялось оспопрививанию. Изучение этой проблемы в одном из признанных раскольничьих регионов страны – Пермской губернии – внесет вклад в понимание истоков антивакцинаторства, выяснит, насколько неприятие и сопротивление первой прививочной кампании в стране является аналогом современному антипрививочному движению.

Восприятие прививания как греха, исключаящего попадание человека с оспинами в царство небесное, начало формироваться в первые десятилетия XIX в., однако высокая степень принуждения к иммунопрофилактике в дореформенный период, особенно среди крепостных и зависимых людей, мешала несогласным поступать по-своему и заниматься пропагандой собственных воззрений. Типичный пример воздействия на население и отношение его в связи с этим к прививке в 1840-е гг. демонстрировали жители г. Чердыни, о которых Н. Корнаухов писал: «Оспу прививают... почти насильно; ее называют здесь антихристовой печатью. Некоторые, чтобы истребить привитую оспу, вскоре по привитию, высасывают материю или смывают ее в бане» [12, с. 49]. Подобная ситуация, существовавшая на большей части территории страны, привела к рутинизации как оспенных эпидемий, так и оспопрививания.

вания: людей заставляли привиться, а потом они втихомолку прививку портили, в итоге имели все шансы заразиться. В той же Чердыни от натуральной оспы умирало много младенцев, а И. А. Веревкин в своей хрестоматийной работе по истории этой инфекции в России, постоянно упоминал об ее эпидемиях в губернии [4].

Иммунопрофилактику с биовластью связывает понятие «популяции». М. Фуко разрабатывал термин «биовласть» (сейчас чаще употребляется синонимичная ей «биополитика») для популяционного уровня, и вакцинация действенна только на нем. Заставляя население ставить прививку, администраторы, выступавшие как от лица государства, так и от лица помещика, применяли принудительные или репрессивные меры и одновременно рассматривали повиновение своим распоряжениям как дисциплинирующую меру, призванную продемонстрировать лояльность объектов управления. Предложившие совершенно из других соображений иммунизировать население врачи с распространением на оспины представлений об антихристовой печати дали в руки властей новый способ дисциплинирования, в очередной раз подтверждающий представление о медицине как биовласти. Сталкиваясь с подобными реалиями (отказ от прививки или ее порча) она интенсивно осваивала функции социального контроля. Насильственные методы и полицейские меры сыграли свою роль. Священник, скрывшийся за инициалами А. Л., подводил весьма позитивные итоги добровольно-принудительной вакцинации в Оханском уезде губернии накануне отмены крепостного права: «Заводские мастеровые уже привыкли к оспопрививанию, видят его пользу и необходимость и охотно дают прививать оспу своим детям; а крестьяне имеющие предубеждения противу привития оспы, под страхом взыскания не смеют уклоняться от него; даже раскольники при всем их суеверии и при всех своих глупых предрассудках, – и из тех многие, хотя и не хотя, а оспу прививают» [2, с. 260].

Ситуация начала меняться в период Великих реформ с их относительной свободой и гласностью, когда вакцинация стала прерогативой зарождавшегося в России земства. Отчитываясь об «успехах оспопрививания», – официальная формулировка, закрепившаяся за подобной отчетностью с начала XIX в. – земские источники сохранили массу свидетельств о противодействии населения иммунизации. Неудачи оспопрививания крылись не только в идеологической сфере – имели место организационные неурядицы, до 1890-х гг. сказывалось отсутствие качественного прививного материала, также освещавшиеся на страницах земской печати. Однако нас в документах земств будет интересовать сопротивление оспопрививанию исключительно по идеологическим мотивам, поскольку оно является целью статьи. В качестве единичных дополнительных источников будут привлекаться публикации этнографов, которые фиксировали этот «пережиток», и православных священников, боровшихся с расколом и не упускавших случая упрекнуть его приверженцев в данном заблуждении. Все они порождены так называемым «этным» подходом, то есть созданы людьми, которые придерживались противоположных взглядов. В отличие от отказывающегося от прививки, они находились «снаружи» ситуации и смотрели на нее глазами стороннего наблюдателя. Свидетельств с точки зрения «этного» подхода – взгляда на процедуру оспопрививания изнутри, людьми, которых принуждали вакцинироваться, – не осталось, однако их реакции запечатлелись «этниками».

В пореформенный период благодаря постепенному исчезновению прямого вмешательства в жизнь населения и падения роли принуждений и запретов сопротивление вакцинации стало возрастать. Люди более открыто выражали свои взгляды. В 1866 г. многие жители Нижне-Сергинского завода в Красноуфимском уезде называли оспу «антихристовой печатью, а оспопрививателей – холопами антихриста» и считали: «привить все равно, что заранее отдать» ему человека [8, с. 43]. В соседнем Кунгурском уезде «восставали против оспопрививания» даже на земских собраниях начала 1870-х гг.: «Во время прений относительно народного здоровья, один из гласных от крестьян... доказывал близ сидевшим соседям, что “так как оспу посылает Бог в наказание за людские прегрешения, то тут ничего не поделаешь”» [3, с. 18–19]. С «первых шагов своей деятельности» земство сопредельного с ним Пермского уезда в своих начинаниях «встретило упорство и противодействие» населения, вплоть до протестных акций: «Были примеры, когда целые волости постановляли (напр. Слудская) даже приговор о нежелании прививать оспу через кого бы то ни было» [1, с. 35]. Местная земская управа объясняла такое постоянное «глухое упорство» «многочисленностью раскольничьего населения», находящего в обыкновенной медицинской процедуре «нечто противное» своим религиозным убеждениям, а «иногда даже видевшего в “пятнании” врачами детских ручек при введении под кожу оспенной лимфы – наложение “печати антихриста” его слугами» [1, с. 37].

В ответ на этот вызов молодые земства вступили в борьбу с «косностью и невежеством населения, прибегая и к светской и к духовной власти», и сами всячески дисциплинируя нарушителей: по примеру Новоузенского земства на Урале разрабатывали системы штрафов за непривитие оспы [1, с. 35]. Таким образом поступило Пермское уездное земство, а Камышловское – издало «обязательное для жителей постановление о привитии всем детям предохранительной оспы», за неисполнение которого мировые судьи также штрафовали виновных [20, с. 205]. В Пермском – «во избежание случаев, когда богатые крестьяне готовы скорее заплатить штраф, чем привить своим детям оспе», отслеживали, «чтобы оспа непременно прививалась, независимо от штрафа». Самым упрямым угрожали даже привлечением к уголовной ответственности [1, с. 35].

Столь радикальные меры совпали с эпохой «хождения в народ», и переход от гуманизированной лимфы к животным вакцинам, происходивший тогда же в оспопрививании и приведший из-за плохой консервации телячьей лимфы к необходимости прививать непосредственно с животного, является очередным примером того, насколько власти были далеки от чаяний народных масс, а их управленческие технологии не гибки и не просчитывали поведенческие реакции. Священник Е. Золотов рисует мало соответствующую гуманной цели спасения детских жизней душераздирающую картину применения нового способа вакцинации в уральской глубинке. В один из июньских дней 1876 г. собранная в селе Ординском толпа взирала на привязанного к столу живого теленка. Однако напоминающее жертву заклания животное являлось вестником прогресса: на Урале отказывались прививать человечью лимфу «с ручки на ручку», а получаемые из оспенных телятников стеклышки и трубочки с телячьей лимфой быстро портились, поэтому разъезды с «живой» вакциной, несомненно, являлись шагом вперед. Однако окружавшая теленка толпа ребятишек и баб была далека от размышлений о путях совершенствования вакцинации. В глазах матерей выбритый телячий живот с привитой на него «оспенной материей» мало соответствовал представлениям о целительстве и врачевании. Они были «требованы» через десятников и сотников принудительно. Всех их собрали в саду, где присутствовали сельские власти, фельдшер с доктором и «некоторые из духовенства». «Подобная обстановка была непривычна для крестьян, поражала их и еще более не располагала к добровольному привитию оспы. Женщины плакали и ругались, плакали и дети от непривычного шума и гама. Мало тут помогали и увещания врачей и священников. Но так или иначе оспа была привита всем приведенным детям. А вечером, когда все воротились домой, над всем Ординским селом и другими деревнями носился дым – это крестьянки топили баню и смывали привитую оспе». Проводившие мероприятие, как и описавший его священник, видели полное фиаско своих усилий, однако продолжили их в других селах Осинского уезда [9, с. 591].

После таких обескураживающих неудач медики, например, И. И. Моллесон задумались о привлечении на свою сторону «самого надежного хранилища преданий, предрассудков и первого тормоза в деле распространения оспопрививания». Так образно этот первый санитарный врач в земской России называл женщин, аргументируя свою оценку следующим образом: «Мужчина равнодушнее и индифферентнее смотрит на эти “затеи”; греховность же прививки, антихристово печатание, смывание в банях, высасывание и пр. – все это бабьи измышления и работы, в которых они и держатся с замечательным постоянством и упорством, так что самый благоразумный и рассудительный крестьянин ничего не может поделать с убеждениями и предрассудками своей “бабы”, тогда как одно нелепое слово какой-нибудь полоумной старухи – сразу становится законом в глазах сперва женской половины, а затем и мужской сельского общества» [15, с. 173–174]. Аналогичным образом оценивали оппозиционерок священники. Тот же Е. Золотов отмечал: «Особенно сильное противодействие оспопрививанию оказывается со стороны крестьянских женщин. Они всячески стараются отделаться от этого тем или другим способом; некоторые и откупаются, т. е. если податливый оспопрививатель, то дают ему денег или что другое, – и он не прививает оспы или делает один пример, а когда оспопрививатель не соглашается на подкуп и оспе прививает, то крестьянки, тотчас же все смывают, чтобы ничего не было». Изворотливость населения, по его мнению, проистекала из-за отношения к прививкам не как к «благодетельному средству», а «с недоверием, даже враждебно»: их считали «ненужными, противными богу» и называли «печатью антихриста» [9, с. 590–591].

И. И. Моллесон считал, что иммунопрофилактика много выиграет, если ее главных противниц сделать оспенницами: «Если сама-же женщина, в известной степени подготовленная в умственном отношении и хорошо обученная оспопрививанию, явится и словом и делом раз-

рушать вкоренившиеся предрассудки об оспе, с особым тактом и логикой, свойственными именно только женщине, начнет доказывать ложность существующих взглядов и пр., то, несомненно, она довольно быстро успеет приобрести известное значение, оказать влияние и в значительной мере поколебать не только более податливых и прогрессивных мужчин, но и женщин, – повторяю – самый корень зла в отношении оспопрививания». Далее следовал панегирик феминным качествам: «Женщина обыкновенно мягче и ласковее обходится с детьми, которые не так дичатся ее, как мужчину, она всегда тщательнее и добросовестнее ведет всякое дело, за которое возьмется и настойчивее преследует его до конца; в большей части случаев ведет трезвую жизнь и уже по натуре своей является более терпеливою и способною на такое кропотливое и хлопотливое дело, как оспопрививание в деревне». В заключение своих рассуждений врач приходил к выводу: «И эти преимущества ее дают полное право надеяться, что если бы оспенницами были у нас женщины, они несравненно более принесли бы пользы и возвысили бы самое дело в глазах народа, нежели настоящие оспопрививатели – неучи». Особое внимание он советовал уделить обучению постановке прививок повитух, которые у деревенских жителей «всегда были в особой чести» [15, с. 174–175]. Перейдя на службу из Пермского губернского в Шадринское уездное земство он осуществил свои предложения, лично подготовив 10 сотрудниц [6, с. 2].

Местные власти недооценили и способность населения бороться на легитимном поле, а оно изобретательно использовало невнятно прописанные в российских юридических нормах правила эпидемиологической безопасности, в первую очередь отсутствие закона об обязательном оспопрививании, принимать который при дефиците даже в 1890-е гг. массовых и качественных вакцин было безрассудно. До появления первых заразившихся оспой процедура осуществлялась на добровольных началах, была личным делом каждого. Поэтому раскольники обжаловали решение камышловского съезда мировых судей по поводу одного штрафа в Сенат. Его правовая оценка гласила, что «принуждать к привитию оспы закон не разрешает, а советует действовать на сопротивляющихся оспопрививанию увещанием» [20, с. 205]. После разъяснения высокой инстанции система штрафных санкций земства была сломана, остались только налагаемые полицией во время эпидемии. В эту кризисную ситуацию юридические основания менялись, и вступала в действие 749 статья «Врачебного устава» о немедленной вакцинации всех непривитых детей в селении, где выявлена натуральная оспа, и в близлежащих к нему. Весной 1879 г. «целая комиссия из гг. исправника, мирового посредника, председателя земской управы, уездного врача, благочинного – все вместе» выезжали в охваченные эпидемией населенные пункты Чердынского уезда. Однако дело, по словам врача М. М. Чашницкого, «кончилось тем, что составлено было 100 протоколов и передано мировому судье, а привито предохранительной оспы очень малому количеству детей» [26, с. 47].

Вскоре земства переходят к более либеральной политике, поскольку в это время Пермскому уездному, например, лишь «изредка приходилось прибегать к привлечению отказывающихся от привития оспы к ответственности у мировых судей». Поэтому с 1881 г. в нем «начинают осознавать необходимость ослабить репрессивные меры, принимавшиеся... в борьбе с упорным нежеланием населения добровольно прививать оспу», и издают «постановление о том, чтобы принудительные меры в этих случаях по возможности не применялись» и на антиваксеров воздействовали убеждением, а именно: распространяли среди них «брошюру о необходимости привития оспы», на издание которой ассигновали 100 руб. [1, с. 43, 45]. Появляются свидетельства, показывающие перелом во взглядах на вакцинацию. Врач В. Предтеченский рассказал о казусе 1882 г. с зажиточным крестьянином, который просил «не прививать оспу его ребенку, а лишь сделать отметку о привитии, и по укоренившемуся обычаю предложил за эту услугу 5 рублей». Получив отказ, он переправил дитя к родственникам в другой уезд, где то скончалось от оспы. По словам медика, эта трагедия так подействовала на отца, что остальным его детям «предохранительная прививка производилась уже беспрепятственно» [22, с. 220]. В том же году оспа появилась в окрестностях Чермозского завода Соликамского уезда, и всем «без изъятия» ученицам женской школы местная акушерка привила оспу. Сообщивший об этом Н. Н. Новокрещенных добавляет: «...лишь два отца зароптали, что дочерям приложили печать антихриста», и временно даже взяли девочек из училища. Такой результат автор, имеющий большой положительный опыт администрирования горнозаводского населения, склонен был считать положительным, приравняв парочку недовольных к «исключению, касающемуся лишь дел антихристовых» [17, с. 111].

В целом же по губернии ситуация оставалась прежней. На ее северо-западе в Чердынском уезде по поводу прививок укоренились «предрассудки» и «почти повсеместное» «враж-

дебное отношение». Согласно доктору М. М. Чашницкому, здешние крестьяне называли оспины «антихристовым пятном или печатью», поэтому старались не допустить вакцинации или повредить поставленную прививку – ее парили в бане, смывали, царапали. Привел он и местный способ откупиться от иммунизации: матери решались заплатить антихристу своеобразный налог из одного ребенка, выбрав самого нелюбимого (или слабенького, в выживании которого были не уверены), они сами приносили его оспенникам, говоря: «На, прививай, этого не жалко, других же не дам» [26, с. 46–47]. В Рождественской волости Екатеринбургского уезда, расположенной уже на юге губернии, также неохотно обращались за медицинской помощью с больными детьми, «считая лечить оспенных грехом» и даже «тщательно скрывая таких» [16, с. 29].

Проводивший вакцинацию медицинский персонал подвергался сильнейшему психологическому давлению. Руководивший северным медицинским участком Чердынского земства врач М. И. Золотов в 1888 г. писал о мытарствах фельдшера Денисова – тому за свое «усердие» постоянно приходилось выслушивать «брань на улице то от той, то от другой бабы по своему адресу». Испытал добросовестный труженик земской медицины и неприятности от одного крестьянина, «особенно не желавшего привить своему ребенку оспу и приговоренного уже за то к штрафу мировым судьей». Убежденный антипрививочник «сделал явку в волостное правление, что его ребенок, привитой Денисовым, находится от того при смерти». Главе медицинского участка пришлось самому разбираться со столь демонстративным демаршем и убедиться, что «подобного чему, конечно, ничего не бывало». Когда весной 1887 г. за прекращение оспенной эпидемии в Вильгортской волости Чердынского уезда земцы «принялись настоятельнее», то озлобленные жители не останавливались перед клеветой не только на отдельного медработника, но и на всю прививочную кампанию, распространяя нелепые слухи о том, что «в эпидемию померло много привитых». Доктор Золотов был неприятно «поражен» не только «ходившей молвой в селах», а тем, что эти, как сказали бы сейчас, фейки, были «передаваемы с некоторой верой и интеллигентными людьми» [10, с. 18]. В соседнем закамском медицинском участке вакцинация в 1889/1890 гг. вновь проходила «чрезвычайно туго и с большими неприятностями» [11, с. 23].

В Оханском уездном земстве благодаря расколу, особенно в Очерском и Сивинском участках, оспопрививание в 1893 г. шло также «крайне неуспешно» [5, с. 276]. Подводя в 1895 г. итоги своей четвертьвековой деятельности, оно констатировало неудачу в предохранительном оспопрививании, которое «до сих пор встречает упорное сопротивление населения уезда». То «почти на одну треть своего состава принадлежало к расколу». Поскольку приверженцы старой веры видели в прививке «акт, противный своим религиозным верованиям», натуральная оспа здесь часто приобретала эпидемический характер [13, с. 30]. В аналогичной публикации Пермское уездное земство также расписалось в своем бессилии: «...оспопрививание сделало, по-видимому, очень небольшие успехи сравнительно с первыми годами деятельности земства в этой области...». И разъяснило невозможность для себя остановить нередко вспыхивающие эпидемии: «Несмотря на всевозможные меры, и репрессивные и меры кротости, население, особенно раскольничье, упорно сопротивляется прививке оспы...» [1, с. 48, 56]. В санитарном обзоре по всей Пермской губернии за тот же 1895 г. указывалось что «существеннейшим препятствием правильной постановке дела оспопрививания» является «сопротивление населения прививкам, зависящее от раскольничьих предрассудков» и лишь «судебные преследования за непривитие оспы во время оспенных эпидемий, имевшие место в Чердынском и Пермском уездах, по-видимому, несколько повлияли на увеличение числа привитых» [24, с. 25]. Хотя в городах губернии положение с иммунопрофилактикой становилось лучше. Еще в 1881 г. сообщалось о том, что население г. Красноуфимска «вообще охотно прививает оспу», а в 1902 г. – что оспенная эпидемия даже в ярмарочном Ирбите вообще «отошла в область преданий» [21, с. 76; 23, с. 23].

Взгляд местных администраторов и врачей к концу XIX в. все больше фокусировался на староверах как последнем оплоте натуральной оспы среди населения Урала. Хотя земский врач И. М. Малиев в 1899 г. отмечал, что в Соликамском врачебном участке старообрядцы не только сами саботировали вакцинацию, но и находили союзников среди остальных жителей, поскольку ему довелось наблюдать «во многих деревнях прямое противодействие этой профилактической мере раскольничьего и даже православного населения» [14, с. 26]. Земцы же Пермского уезда, напротив, в тот год указывали, что она «встречала у населения все больше и больше доверия, за исключением упорствующих раскольников, считающих прививку “печа-

тью антихриста» [19, с. 190]. Медики с изумлением обнаруживали парадоксальность их поведения: другие болезни приверженцы древнего благочестия лечили «охотно», однако оспу прививать не давали, рассматривая данную процедуру не иначе, как «наложение печати Антихриста». Тогда, по замечаниям современников, становились «бессильны и увещания долгоживущих в известной местности и уважаемых раскольниками и врачей, и других лиц, и начальства» [20, с. 205]. «Ни путем собеседования, ни путем раздачи популярных брошюр об инфекционных заболеваниях, – считал в 1905 г. врач Невьянского участка Екатеринбургского уезда, – нельзя искоренить взгляда народонаселения (не говоря уже о старообрядцах) на болезнь как на бич Божий». Причина развития эпидемии оспы в Невьянском и Быньговском заводах «коренилась, безусловно, в глубоком невежестве народных масс». Тем более что по его наблюдениям, популяризирующие оспопрививание печатные издания «за исключением немногих идут на цели им несвойственные» [25, с. 14–15].

В том, что «оспа свела прочное гнездо среди “кержаков”», был уверен отбывавший в 1908 г. ссылку в Чердынском уезде А. Чесноков. Активно занимаясь этнографическими исследованиями, он охотно использовал местные слова, в том числе прозвание здешних старообрядцев. Указывая на их старинный обычай – «противятся прививкам оспы, отказываясь всеми силами от докторов, налагающих будто бы печать антихриста», – этот ссыльный заметил его последствия даже во внешнем виде жителей: «В силу этого в настоящее время трудно встретить “кержака”, не изуродованного оспой» [27, с. 30]. «Антихристовой печатью» продолжали считать прививку и другие жители уезда. «При таких взглядах на болезнь, – риторически вопрошали в 1914 г. местные земцы, – какое же может быть отношение к прививке предохранительной оспы и в частности к тем лицам, которые занимаются этим делом?». Действительно, к последним жители проявляли едва ли не агрессию: «Оскорбления, доходящие иногда чуть не до побоев, сыплются как из рога изобилия на бедного оспопрививателя или оспопрививательницу». Вакцинация оставалась для них «тяжелым подвигом», все также оказывалась «временем сплошных недоразумений, сеющих вражду между обывателями и лицами медицинского персонала». Чтобы избежать прививки, жители запирались в своих домах, проникнуть в которые не удавалось даже с помощью полиции или сельских властей [7, с. 71–72]. Санитарный врач Шадринского уездного земства Р. А. Егоровская, сравнивая иммунопрофилактику оспы в 1870-х гг. с началом XX в., также приходила к выводу, что улучшений в ней мало: «Причину этого и тогда видели в большом количестве раскольников в уезде, недопускавших у себя производство дополнительных прививок и до ныне смотрящих на них, как приложения антихристовой печати» [6, с. 3]. В 1911 г. произошла эпидемия оспы в Смолинском врачебном участке этого земства, «населенном главным образом раскольниками» [18, с. 102].

До конца изучаемого периода переломить ситуацию с оспопрививанием в Пермской губернии не удалось: антивакцинаторство оставалось массовой культурной практикой и барьером для масштабной вакцинации. Словосочетание «печать антихриста» оказалось начертано на знамени противников борьбы с прививками. В авангарде пропаганды их греховности выступали старообрядцы. Наряду с конфессиональным лидерством, до конца 1870-х гг. источники фиксировали половой, выделяя особо активную роль женщин, затем характеристика антиваксеров превратилась в гендерно нейтральную. В целом же протестное движение против оспопрививания на всем протяжении изучаемого периода оставалось не оформленным, но сильным благодаря подпитывающим его верованиям. Свидетельства о нем чаще всего исходили из Чердынского уезда губернии. Стихийная антипрививочная агитация и рождаемые ею соответствующие настроения приводили к возникновению поведенческих реакций, которые можно разделить на пассивные (игнорировать пропаганду вакцинации и все меры земства, касающиеся добровольной постановки прививок, скрывать заболевших оспой детей и взрослых, чтобы в селении не начала действовать статья об обязательном прививании, уклониться от прививки, если эпидемия все-таки объявлена, заплатить штраф, а потом вновь уклониться, например, тянуть время постановки прививки до окончания эпидемии или уехать из эпидемического очага; или поставить ее, а затем повредить; распускать дезинформацию о находящихся при смерти или умерших привитых и т. п.), а также активные (подкупить вакцинаторов, если коррупция в сфере здравоохранения давала сбои, то оскорбить их (вплоть до рукоприкладства) или обвинить в халатности при постановке прививки, не пускать их (даже в сопровождении властей) в жилище и т. п.). К открытому протесту следует отнести предоставленные законом возможности: голосование за отказ от иммунизации на волостном сходе, оспаривание земских штрафов в кассационных инстанциях вплоть до Сената.

Использование того или иного способа борьбы зависело от эпидемиологического режима, отключающего или вводящего в действие 749 статью «Врачебного устава», но поскольку среди непривитого населения случаи оспы встречались то здесь, то там, то подобное разграничение для анализа прививочного диссидентства малопродуктивно.

Образованные слои населения, прежде всего врачи, земские деятели, священники, не могли рационально объяснить устойчивое бытование мема «прививка – печать антихриста» и находились в оппозиции к тем, кто не желал по идейным соображениям ставить прививку. Они признавали антиваксеров ответственными за невозможность достичь в губернии коллективного иммунитета против оспы и, следовательно, преодолеть ее эпидемии, относились к ним в сугубо негативном ключе, осуждали их за деструктивный подход к иммунизации. Активно боролись с ними, как бы сейчас сказали, в информационном поле – критиковали их в печати, квалифицируя их поведение как неадекватное и девиантное. Поскольку последнее мешало благополучию окружающих и нарушало правовые нормы, то его приравнивали и к делинквентному. Постоянное повторение в источниках формулировки «печать антихриста» можно рассматривать и в качестве признака стигматизации старообрядцев (если относить к ней навешивание социальных ярлыков). Влияние мема «прививка – печать антихриста» оказалось в губернии так велико, что породило не только раскол между образованной частью населения и народом, но постоянно приводило как к провоцированию сомневающийся в вакцинации, так и к увеличению группы колеблющихся в этом вопросе, и убеждало их отказываться от самой процедуры. Последнее не могло не сказаться на условиях борьбы с распространением оспенных эпидемий (во время которых власти применяли меры по противодействию распространению инфекции, а к нарушителям законодательства – формальные санкции), и в селениях (особенно старообрядческих) нарастало социальное напряжение, свидетельствующее о том, что вакцинация являлась конфликтогенным фактором.

Список литературы

1. 25-тилетие Пермского уездного земства (10 мая 1870 – 10 мая 1895 г.). Пермь : Типо-Литография губернского правления, 1895. 127 с.
2. А. Л. Смертность от оспы и кори в Оханском уезде // Пермские губернские ведомости. 1860. № 20. С. 257–264.
3. Бобылев Д. [М.] Страница из истории земства Пермской губернии : сб. Пермского земства. 1900. № 2. Отд. 3. С. 1–45.
4. Вережкин И. А. История оспы в России и меры к ее уничтожению. СПб. : Типография Я. Трея, 1867. 74 с.
5. Доклады управы с отчетами врачей о состоянии земской медицины в уезде // Журналы Оханского уездного земского собрания XXIV очередной сессии с докладами управы за 1893 год. Пермь : Типография губернской пермской управы, 1894. С. 259–289.
6. Егоровская Р. А. К постановке дела оспопрививания в Шадринском уезде // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1911. № 6–8. С. 1–10.
7. Ежегодник Чердынского уездного земства и календарь на 1914 год. Чердынь : Электро-моторная типография П. Р. Безденежных, 1913. 199 с.
8. Змиев И. Нижне-Сергинский завод // Пермские губернские ведомости. 1866. № 11. С. 43.
9. Золотов Е. По поводу смертности крестьянских детей // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1888. № 25. С. 589–593.
10. Золотов. Санитарный обзор по северному врачебному участку за 1887/8 год // Отчет XIX очередному Чердынскому уездному земскому собранию земских врачей по медицинской и ветеринарной части за 1887/88 г. Пермь : Типография губернской пермской управы, 1889. С. 16–22.
11. Калинин М. Отчет по закамскому врачебному участку за время с 1-го сентября 1889 г. по 1-е сентября 1890 г. // Отчет XXI очередному Чердынскому уездному земскому собранию земских врачей по медицинской и ветеринарной части за 1889/90 г. Пермь : Типография губернской пермской управы, 1890. С. 20–26.
12. Корнаухов Н. Этнографические черты города Чердыни Пермской губернии // Отечественные записки. Т. LVII. СПб, 1848. Отд. VIII. С. 49–58.
13. Краткий очерк деятельности Оханского уездного земства Пермской губернии за 25-тилетие его существования. Сарапул : Типолитография И. М. Колчина, 1895. 51 с.
14. Малиев И. М. Отчет по Соликамскому врачебному участку за 1898 год и с 1 января по 1 июля 1899 года // Журналы XIX чрезвычайного и XXX очередного Соликамских уездных земских собраний со всеми приложениями. 1899. Пермь : Типография губернской земской управы, 1900. С. 23–54.
15. Моллесон И. И. Записка об организации земского оспенного дела в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1872, июль–август. С. 171–177.

16. Никольский Д. П. Очерк медико-санитарного состояния Рождественской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии // Вестник судебной медицины и общественной гигиены. 1886. Т. II. Отд. IV. С. 15–30.
17. Новокрещенных Н. Н. Чермоозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб. : Типо-литография Р. Голике, 1889. 164 с.
18. Об оспопрививании в Шадринском уезде в 1912 г. // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1913. № 5–6. С. 102.
19. Отчет о состоянии земской медицины в Пермском уезде за 1899 год // Журналы Пермского уездного земского собрания XXXI очередной сессии (20 сентября – 2 октября 1900 года), доклады управы с приложениями и доклады комиссий. Пермь : Типография губернской земской управы, 1900. С. 161–200.
20. Очерки состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии. Земская медицина. Пермь : Типография губернской земской управы, 1899. 287 с.
21. Плотников А. М. Организация и настоящее положение медицинской помощи и санитарии в городах Пермской губернии // Труды VIII съезда врачей Пермской губернии. Часть II. Доклады съезду. Пермь : Типография губернской пермской управы, 1902. С. 61–79.
22. Предтеченский В. Обзор деятельности земств Пермской губернии по охранению народного здоровья // В память женщины-врача Евгении Павловны Серебрянниковой : литературный сборник. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1900. С. 212–234.
23. Приложение к журналу XII очередного Красноуфимского уездного Земского Собрания : доклады и статьи по медицинской части за 1881 г. Кунгур : Типография А. А. Зубарева и К^о, 1882. 114 с.
24. Санитарный обзор Пермской губернии за 1895 год. Пермь : Типография губернской пермской управы, 1896. 73 с.
25. Санитарный обзор Пермской губернии за 1905 год. Пермь : Электротипография губернского земства, 1907. 132 с.
26. Чашницкий М. М. Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении. Пермь : Типография губернской земской управы, 1883. 223 с.
27. Чесноков А. Среди кержаков // Пермская земская неделя. 1908. № 14. С. 28–30.

Resistance to vaccination of residents of the Perm province in the post-reform period

Golikova Svetlana Viktorovna

Doctor of Historical Sciences, leading researcher, Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Yekaterinburg.
ORCID: 0000-0001-8272-4763. Researcher ID: P-9127-2015. E-mail: avokilog@mail.ru

Abstract. The author studies the resistance to smallpox vaccination of residents of the Perm province in the post-reform period. The factors and reasons for opposing vaccination are analyzed: primarily psychological and culturally conditioned. In the last third of the XIX – early XX century the zemstvo was engaged in vaccination. There is a lot of information about anti-vaccination in the zemstvo sources. The main idea of the anti-vaxxers was the representation of the Old Believers: "vaccinated smallpox is the seal of the Antichrist." Stereotypes formed about the Antichrist and the sinfulness of smallpox vaccination were popular among residents. Their fight against vaccination included passive (most often avoiding immunization, damaging vaccinations, presenting unreliable erroneous or deliberately false information in the communicative space) and active (bribing doctors or accusing them of negligence, insulting them) forms. Refusal of the vaccine was a mass cultural practice until the end of the study period. The Old Believers tried to avoid vaccination themselves and spread their views among the Orthodox population. This propaganda increased the number of hesitant people and persuaded the doubters to abandon this medical procedure. Educated groups of the population were concerned about the growth of the anti-vaccination lobby, the lack of collective immunity from infection and the ongoing epidemics of smallpox in the Perm province. They could not rationally explain the stable existence of the meme "vaccination is the seal of the antichrist" and criticized the anti-vaxxers, considered their behavior inadequate, deviant and delinquent. Anti-vaccination became a conflictogenic factor, divided the residents of the Perm province, contributed to the growth of social tension.

Keywords: zemstvo, immunoprophylaxis, anti-vaccination, "the seal of the Antichrist", Old Believers, bio-power.

References

1. 25-tiletie Permskogo uездного zemstva (10 maya 1870 – 10 maya 1895 g.) – The 25th anniversary of the Perm county zemstvo (May 10, 1870 – May 10, 1895). Perm. Typo-Lithography of the provincial government. 1895. 127 p.

2. A. L. *Smertnost' ot ospy i kori v Ohanskom uезде* [Mortality from smallpox and measles in Okhansky county] // *Permskie gubernskie vedomosti* – Perm guberniya news. 1860. No. 20. Pp. 257–264.
3. Bobylev D. [M.] *Stranica iz istorii zemstva Permskoj gubernii : sb. Permskogo zemstva* [Page from the history of the zemstvo of the Perm province : collection of the Perm zemstvo]. 1900. No. 2. Ed. 3. Pp. 1–45.
4. Verevkin I. A. *Istoriya ospy v Rossii i mery k ee unichtozheniyu* [History of smallpox in Russia and measures for its destruction]. SPb. Printing House of Ya. Trey. 1867. 74 p.
5. *Doklady upravly s otchetami vrachej o sostoyanii zemskoj mediciny v uезде* – Reports of the board with reports of doctors on the state of zemstvo medicine in the county // *Zhurnaly Ohanskogo uездного zemskogo sobraniya XXIV ocherednoj sessii s dokladami upravly za 1893 god* – Journals of the Okhansky county zemstvo assembly of the XXIV regular session with reports of the board for 1893. Perm. Printing house of the provincial Perm City Council, 1894. Pp. 259–289.
6. Egorovskaya R. A. *K postanovke dela ospoprivivaniya v Shadrinskom uезде* [To the formulation of the case of smallpox vaccination in the Shadrinsky district] // *Vrachebno-sanitarnaya hronika Permskoj gubernii* – Medical and sanitary chronicle of the Perm province. 1911. No. 6–8. Pp. 1–10.
7. *Ezhegodnik Cherdynskogo uездного zemstva i kalendar' na 1914 god* – The yearbook of the Cherdyn county Zemstvo and the calendar for 1914. Cherdyn. Electro-motor printing house of P. R. Bezdenzhnykh. 1913. 199 p.
8. Zmiev I. *Nizhne-Serginskij zavod* [Nizhne-Serginsky plant] // *Permskie gubernskie vedomosti* – Perm guberniya news. 1866. No. 11. P. 43.
9. Zolotov E. *Po povodu smertnosti krest'yanskikh detej* [About the mortality of peasant children] // *Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti* – Yekaterinburg Diocesan Gazette. 1888. No. 25. Pp. 589–593.
10. Zolotov. *Sanitarnyj obzor po severnomu vrachebnomu uchastku za 1887/8 god* [Sanitary review of the northern medical area for 1887/8] // *Otchet XIX ocherednomu Cherdynskomu uездному zemskomu sobraniyu zemskih vrachej po medicinskoj i veterinarnoj chasti za 1887/88 g.* – Report of the XIX regular Cherdyn district zemstvo meeting of zemstvo doctors on the medical and veterinary part for 1887/88. Perm. Printing house of the provincial Perm council. 1889. Pp. 16–22.
11. Kalinin M. *Otchet po zakamskomu vrachebnomu uchastku za vremya s 1-go sentyabrya 1889 g. po 1-e sentyabrya 1890 g.* [Report on the Zakamsky medical site for the period from September 1, 1889 to September 1, 1890] // *Otchet XXI ocherednomu Cherdynskomu uездному zemskomu sobraniyu zemskih vrachej po medicinskoj i veterinarnoj chasti za 1889/90 g.* – Report to the XXI regular Cherdin district zemstvo meeting of zemstvo doctors on the medical and veterinary part for 1889/90. Perm. Printing house of the provincial Perm city council. 1890. Pp. 20–26.
12. Kornauhov N. *Etnograficheskie cherty goroda Cherdyni Permskoj gubernii* [Ethnographic features of the city of Cherdyn, Perm province] // *Otechestvennye zapiski* – Domestic notes. Vol. LVII. SPb, 1848. Ed. VIII. Pp. 49–58.
13. *Kratkij ocherk deyatel'nosti Ohanskogo uездного zemstva Permskoj gubernii za 25-tiletie ego sushchestvovaniya* – A brief outline of the activities of the Okhansky district zemstvo of the Perm province for the 25th anniversary of its existence. Sarapul. Typolithography of I. M. Kolchin. 1895. 51 p.
14. Maliev I. M. *Otchet po Solikamskomu vrachebnomu uchastku za 1898 god i s 1 yanvarya po 1 iyulya 1899 goda* [Report on the Solikamsk medical district for 1898 and from January 1 to July 1, 1899] // *Zhurnaly XIX chrezvychajnogo i XXX ocherednogo Solikamskih uездных zemskih sobranij so vseimi prilozheniyami* – Journals of the XIX extraordinary and XXX ordinary Solikamsk county zemstvo meetings with all appendices. 1899. Perm. Printing house of the provincial zemstvo council. 1900. Pp. 23–54.
15. Molleson I. I. *Zapiska ob organizacii zemskogo ospennogo dela v Permskoj gubernii* [A note on the organization of the zemstvo smallpox case in the Perm province] // *Sbornik Permskogo zemstva* – Collection of the Perm zemstvo. 1872, July–August. Pp. 171–177.
16. Nikol'skij D. P. *Ocherk mediko-sanitarnogo sostoyaniya Rozhdestvenskoj volosti Ekaterinburgskogo uезда Permskoj gubernii* [An essay on the medical and sanitary condition of the Rozhdestvenskaya volost of the Yekaterinburg district of the Perm province] // *Vestnik sudebnoj mediciny i obshchestvennoj gigieny* – Herald of Forensic medicine and public hygiene. 1886. Vol. II. Ed. IV. Pp. 15–30.
17. Novokreshchennyh N. N. *Chermozskij zavod, ego proshloe, nastoyashchee i letopis' sobytij* [Chermozsky plant, its past, present and chronicle of events]. SPb. Typo-lithography by R. Golike. 1889. 164 p.
18. *Ob ospoprivivanii v Shadrinskom uезде v 1912 g.* – On smallpox vaccination in the Shadrinsky district in 1912 // *Vrachebno-sanitarnaya hronika Permskoj gubernii* – Medical and sanitary chronicle of the Perm province. 1913. No. 5–6. P. 102.
19. *Otchet o sostoyanii zemskoj mediciny v Permskom uезде za 1899 god* – Report on the state of zemstvo medicine in Perm county for 1899 // *Zhurnaly Permskogo uездного zemskogo sobraniya XXXI ocherednoj sessii (20 sentyabrya – 2 oktyabrya 1900 goda), doklady upravly s prilozheniyami i doklady komissij* – Journals of the Perm County Zemstvo Assembly XXXI regular session (September 20 – October 2, 1900), reports of the board with appendices and reports of commissions. Perm. Printing houses of the provincial zemstvo council. 1900. Pp. 161–200.
20. *Ocherki sostoyaniya sanitarnogo i medicinskogo dela v Permskoj gubernii. Zemskaya medicina* – Essays on the state of sanitary and medical affairs in the Perm province. Zemstvo medicine. Perm. Printing house of the provincial zemstvo council. 1899. 287 p.

21. Plotnikov A. M. *Organizaciya i nastoyashchee polozhenie medicinskoj pomoshchi i sanitarii v gorodah Permskoj gubernii* [The organization and present situation of medical care and sanitation in the cities of the Perm province] // *Trudy VIII s'ezda vrachej Permskoj gubernii. Chast' II. Doklady s'ezdu* – Proceedings of the VIII Congress of doctors of the Perm province. Part II. Reports to the Congress. Perm. Printing house of the Perm Provincial Council, 1902. Pp. 61–79.

22. Predtechenskij V. *Obzor deyatelnosti zemstv Permskoj gubernii po ohraneniyu narodnogo zdraviya* [Overview of the activities of the zemstvos of the Perm province for the protection of public health] // *V pamyat' zhenshchiny-vracha Evgenii Pavlovny Serebryannikovej : literaturnyj sbornik* – In memory of a woman doctor Evgenia Pavlovna Serebryannikova : a literary collection. SPb. Printing House of M. M. Stasyulevich. 1900. Pp. 212–234.

23. *Prilozhenie k zhurnalom XII ocherednogo Krasnoufimskogo uezdnogo Zemskogo Sobraniya : doklady i stat'i po medicinskoj chasti za 1881 g.* – Appendix to the journals of the XII regular Krasnoufimsk district zemstvo meeting : reports and articles on the medical part for 1881 Kungur. A. A. Zubarev Printing House and Co. 1882. 114 p.

24. *Sanitarnyj obzor Permskoj gubernii za 1895 god* – Sanitary survey of Perm province for 1895. Perm. Printing house of the provincial Perm city council. 1896. 73 p.

25. *Sanitarnyj obzor Permskoj gubernii za 1905 god* – Sanitary survey of Perm province for 1905. Perm. Electrotypography of the provincial zemstvo. 1907. 132 p.

26. Chashnickij M. M. *Materialy k issledovaniyu Cherdynskogo uezda v mediko-statisticheskome i sanitarnom otnoshenii* [Materials for the study of Cherdynsky uyezd in medical, statistical and sanitary terms]. Perm. Printing house of the provincial zemstvo council. 1883. 223 p.

27. Chesnokov A. *Sredi kerzhakov* [Among the Kerzhaks] // *Permskaya zemskaya nedelya* – Perm zemstvo week. 1908. No. 14. Pp. 28–30.

УДК 94(470.53)«19»+353.2(470.53)«19»+614.21(470.53)«19» DOI: 10.25730/VSU.2070.23.020

Проблема общедоступности медицинской помощи в Пермской губернии начала XX в.: проекты и результаты

Черноухов Дмитрий Эдуардович¹, Черноухов Эдуард Анатольевич²

¹кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Уральский федеральный университет.

Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-6973-5078. E-mail: dmitry.chernoukhov@urfu.ru

²доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет.

Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-4640-4575. E-mail: echernoukhov@yandex.ru

Аннотация. Общедоступность базовой медицинской помощи для местного населения была одной из ключевых целей земской медицины, в том числе в Пермской губернии. Но в обширной историографии по проблемам местного самоуправления отсутствуют работы, содержащие конкретные результаты реализации этого важного принципа в сравнительной перспективе. В статье такой анализ проведен на примере Пермской губернии накануне Первой мировой войны. В начале 1910-х гг. ее уездные земства разработали проекты оптимальных сетей врачебных участков, которые бы позволили обеспечить общедоступность базовой медицинской помощи для населения. В них закономерно учитывалась и деятельность других акторов в сфере здравоохранения региона: ряда ведомств, заводоуправлений и органов городского самоуправления.

Проведенный авторами анализ земских проектов оптимальной сети врачебных участков показал похожие результаты. Для реальной общедоступности медицинской помощи в Пермской губернии их численность практически везде следовало увеличить как минимум вдвое, а в обозримой перспективе и втрое. Для этого требовалось найти новые источники средств в условиях хронического дефицита земских бюджетов, в том числе губернского. К тому же не приходилось рассчитывать на существенное расширение сети ведомственных и городских больниц в Пермской губернии.

Поэтому реализация этих масштабных земских планов потенциально требовала длительного периода времени. Проведенный авторами сравнительный анализ по организации медицины в Пермской губернии в 1861 и 1914 гг. показал примерно трехкратное увеличение сети врачебных участков при росте численности населения на 75 %. В результате к началу Первой мировой войны только половина ее жителей была обеспечена доступной базовой медицинской помощью. Необходимость нового значительного увеличения количества врачебных участков закономерно способствовала расширению границ платности земской медицины. Сама одновременная реализация двух ключевых земских принципов общедоступности и бесплатности медицинской помощи обоснованно представлялась компетентным современникам «делом далекого будущего».

Ключевые слова: медицина, общедоступность и бесплатность медицинской помощи, оптимальная сеть врачебных участков, Пермская губерния.

Различные поколения российских исследователей обоснованно отмечали бесспорный приоритет земской медицины в разработке и внедрении в широкую практику ключевого принципа общедоступности медицинской помощи для местного населения. Не стали исключением и земства Пермской губернии, последовательно стремившиеся к реализации этого важного положения. При этом в действительно обширной отечественной историографии по проблемам дореволюционной медицины фактически отсутствуют работы с анализом конкретных результатов и перспектив в достижении этой сложнейшей цели.

Это во многом объясняется срывом решения XI съезда врачей и представителей земств Пермской губернии 1914 г. о создании обобщающего труда по «вопросам земской медицины за 50 лет» (то есть за 1870–1920 гг.). Начавшаяся мировая война и революционные потрясения не позволили компетентным современникам систематизировать уже собранные обширные материалы.

Ведь с рубежа XIX–XX вв. в земствах Пермской губернии стали подводить основные итоги деятельности в различных сферах. Основное внимание закономерно уделялось проблеме введения всеобщего обучения. Неудивительно, что деятельность земств Пермской губернии в этой сфере неоднократно становилась предметом исследований. К ней постоянно обращают-

ся и современные авторы. Так, С. В. Голикова и Л. А. Дашкевич обстоятельно рассмотрели государственную политику и общественные инициативы по всеобучу, а также проанализировали расчеты по количеству необходимых учебных заведений для его достижения и масштабы финансовой поддержки правительства [4; 5].

В тот период времени в земствах Пермской губернии также достаточно активно обсуждалась и проблема общедоступности медицинской помощи для местного населения. Но в отличие от всеобуча проведенная подготовительная работа в этой сфере остается практически неизученной. Только в кандидатской диссертации Д. Э. Черноухова проанализирована деятельность Екатеринбургского уездного земства по определению оптимальной сети врачебных участков [19, с. 99–100]. Материалы по другим уездам Пермской губернии до сих пор не введены в научный оборот.

Между тем имеющаяся источниковая база позволяет подвести основные итоги по всему региону. Проведенные в начале XX в. расчеты компетентных специалистов по «нормальным», то есть необходимым для достижения реальной общедоступности медицинской помощи для местного населения, сетям врачебных участков сохранились в земских публикациях. Однако они рассредоточены по различным изданиям: ежегодникам [8; 9], журналам очередных губернских и уездных собраний [10–12], докладам их управ [6; 7], а также «Врачебно-санитарной хронике Пермской губернии» [2; 14; 15; 17]. Менее репрезентативна, но также поддается систематизации имеющаяся источниковая база по итогам деятельности других акторов в медицинской сфере региона того периода времени: ряда ведомств, заводоуправлений и органов городского самоуправления.

Эти материалы позволяют проанализировать основные итоги реализации ключевого положения о необходимости общедоступности медицинской помощи в Пермской губернии к 1914 г., а также потенциальные перспективы для его достижения. Начало Первой мировой войны поставило крест на осуществлении этих масштабных планов в обозримой перспективе. Пермские земства даже не успели согласовать проект «нормальной» общегубернской сети врачебных участков, что затрудняет работу исследователей системы здравоохранения.

Следует особо отметить, что в этой статье речь пойдет только об обеспечении населения общей или базовой медицинской помощью. В начале XX в. в земствах Пермской губернии доступность специализированной медицины обоснованно считалось долгосрочной, а не текущей задачей. За редким исключением она предоставлялась части населения только в Александровской губернской земской больнице, ряде «центральных» земских больниц в уездах, а также в некоторых ведомственных и частных клиниках.

Кроме того, необходимо учитывать последовательную позицию руководства земского самоуправления Пермской губернии по необходимости продолжения финансирования медицинских заведений со стороны ряда ведомств, прежде всего, горного. Эта обязанность была закреплена в действующих нормативных актах и традиционно учитывалась при разработке рассматриваемых земских проектов «нормальных» сетей.

Различные аспекты оптимизации неуклонно развивавшейся сети врачебных участков регулярно обсуждались на всех съездах земских врачей Пермской губернии три последних десятилетия XIX в. Но их делегатам так и не удалось согласовать единые критерии по их организации для ее обширной территории с существенной спецификой отдельных местностей. Поэтому VIII съезд врачей и представителей земств Пермской губернии (1901) рекомендовал разработать проекты оптимальной организации медицинской помощи в каждом из 12 уездов, исходя из полученного опыта и местных особенностей. Такие «нормальные» сети врачебных участков должны были обеспечить реализацию принципа общедоступности для населения.

К началу XX в. земства Пермской губернии уже достигли существенных успехов в развитии медицинской сферы. На ее территории в 1899 г. было создано 74 врачебных участка. В земско-заводских организациях медицинской помощи всему местному населению перешла в ведение земства, а заводско-земских – заводоуправлений. Однако ни в одном уезде Пермской губернии так и не удалось добиться среднего радиуса врачебного участка в 25 верст, который в тот период времени определялся в качестве разумного показателя [13, с. 227]. Поэтому в земствах региона был вновь актуализирован вопрос о существенном увеличении их численности.

Для разработки проектов «нормальных» сетей врачебных участков использовали подобный опыт расчетов по введению всеобщего начального обучения. В 1895–1897 гг. уездными земствами Пермской губернии были утверждены планы новой школьной сети по всем

уездам с возбуждением ходатайств перед правительством о материальной поддержке для их реализации [5, с. 105]. Поэтому в распоряжении управ уже были собранные «свежие» сведения о числе жителей по отдельным населенным пунктам.

Как и при подготовке перехода к введению всеобща в регионе разработкой «нормальной» сети» врачебных участков первым занялось Екатеринбургское уездное земство. Это во многом объяснялось тем, что уезд был наиболее густонаселенным в Пермской губернии и имел самый большой земский бюджет.

36 очередное Екатеринбургское уездное земское собрание 1905 г. обсудило три представленных проекта оптимальной сети врачебных участков. В варианте, предложенном врачом Н. К. Баженовым, предполагалось иметь 17 участков со средним радиусом в 18 верст, управой – 24 (16 верст), врачом И. А. Смородинцевым – 35 (12 верст). Созданная для согласования специальная комиссия констатировала, что представленные проекты в целом отличаются только сроком их реализации. Ее члены обоснованно отметили, что средний радиус участка в 12 верст принят в качестве оптимального в «образцовой» для земств Московской губернии, а для Пермской является «делом далекого будущего».

Поэтому создание оптимальной организации врачебной сети предложили разделить на две очереди. В ходе первой комиссия планировала увеличить количество участков вдвое: с имевшихся 12 до 25, добившись их максимального радиуса в 16 верст. «В отдаленной перспективе» (второй очереди) предполагалось создать еще 10. После этого средний радиус участка должен был составить 12 верст для 95 % жителей, а средняя численность его пациентов – 14 тыс. человек. Такой вариант достижения оптимальной организации и был принят гласными уезда на этом очередном собрании [16, с. 13–16].

Вторым уездом, где поставили задачу разработки «нормальной» сети врачебных участков, стал Пермский. Здесь по решению 39-го очередного уездного земского собрания 1908 г. для этого была создана специальная комиссия. Но результатом ее деятельности стал только список из семи необходимых новых участков «первой очереди» для достижения среднего радиуса в 20–25 верст. Главным препятствием к составлению полной «нормальной» сети стало отсутствие подробной карты уезда. В качестве перспективы было заявлено и о необходимости врачебных участков с радиусом «близким к современному идеалу в 10–15 верст». Однако члены комиссии констатировали, что это является делом «слишком далеко будущего» [11, отд. 1., с. 440–443; отд. 2, с. 28].

Дальнейшей разработке «нормальной» сети врачебных участков в других уездах поспособствовали решения Пермского губернского земского собрания 40-й очередной сессии 1909 г. На нем продолжилась дискуссия о необходимости децентрализации медицинской сферы в регионе. Она достаточно активно развивалась в различных структурах со времени постановки этой проблемы на 38-й очередной сессии 1907 г. В результате нового обсуждения на губернском уровне было заявлено о перспективе возможного перераспределения части средств, выделяемых на содержание Александровской больницы, в пользу уездных земств. Для этого руководство последних попросили предоставить проекты «нормальных» сетей врачебных участков. На их основе предполагалось согласовать необходимые межуездные участки, к финансированию которых планировало подключиться и губернское земство.

Кроме того, на той же 40-й очередной сессии приняли решение о выделении с 1910 г. из бюджета губернского земства средств на содержание санитарного врача в каждом из 12 уездов Пермской губернии. Одной из первоочередных задач для этих специалистов стало создание проектов «нормальной» сети врачебных участков [10, с. 67, 158, 363].

В течение нескольких лет такие расчеты были проведены в большинстве уездов Пермской губернии. В условиях отсутствия единых критериев в предоставленных проектах содержались различные, но вполне сопоставимые между собой показатели.

Санитарный врач Н. Н. Сардановский определил разумным для Ирбитского уезда средний радиус врачебного участка в 15 верст. При таком показателе их нужно было иметь не менее 12. В результате при наличии в Ирбитском уезде в 1911 г. 6 врачебных участков их сеть предполагалось увеличить вдвое. Учитывая хронический дефицит средств в земском бюджете, Н. Н. Сардановский предлагал постепенный рост. Причем в новых участках первоначально планировалось ограничиться созданием врачебной амбулатории, а строительство собственной больницы следовало отложить «до лучших времен» [15, с. 29–31].

Санитарный врач Кунгурского уезда В. А. Чарушин при расчетах «нормальной» сети считал необходимым опираться на два ключевых показателя. Он так же, как и Н. Н. Сарданов-

ский, определил разумным средний радиус врачебного участка в 15 верст и, кроме того, указал, что численность населения в каждом из них не должна превышать 12 тыс. человек. При таких критериях Кунгурский уезд нуждался в удвоении их сети: с 6 имевшихся до 12. В. А. Чарушин также предложил длительный период для реализации своего проекта в четыре очереди. Он разумно советовал начать с территорий, где потребуются минимальные затраты. Так, в первой очереди для планируемого участка с центром в Кыновском поселке можно было воспользоваться имевшейся здесь заводской больницей, а два других предполагались междуездными с получением субсидий от губернского земства [7, с. 534–535, 545].

Врачами, разработавшими проекты «нормальной сети» для двух обширных северных уездов Пермской губернии, были приняты подобные критерии. Но они учитывали значительные малонаселенные территории, позволяющие несколько увеличить радиус части врачебных участков.

В Верхотурском уезде проект «нормальной» сети несколько раз обсуждали во Врачебно-санитарном совете. По обстоятельным расчетам участкового врача А. С. Смирнова, который учел и «разумные нормы врачебного труда», оптимальный радиус участка не должен был превышать 15 верст (и до 25 верст – в малонаселенных северных районах), а численность населения – 13–15 тыс. чел. [17, с. 118, 122]. На основе этих показателей члены уездного Врачебно-санитарного совета на заседании 1913 г. посчитали необходимым увеличить их количество втрое: с имевшихся 8 до 24 (не считая запланированных двух междуездных) [14, с. 768–769].

В Чердынском уезде расчеты оптимальной сети провел санитарный врач А. А. Богородицкий. По его мнению, учитывая незначительное количество местного населения, здесь можно было ограничиться 13 врачебными участками со средним 30-верстным радиусом [2, с. 21]. В результате их количество также предполагалось увеличить практически вдвое (с 7 имевшихся).

В Оханском уездном земстве определили самый маленький оптимальный средний радиус врачебного участка, при котором медицинская помощь станет общедоступной: 8–10 верст. При таком критерии их требовалось не менее 35–40. А это было втрое меньше, чем реально имелось: 11 участков на 1915 г. С учетом 45-летнего опыта и размера дефицитного бюджета, земская управа сделала неутешительный вывод о том, что для создания такой «нормальной» сети «потребуется еще не менее 135 лет» [8, с. 68–69, 166].

Более оптимистические расчеты были представлены только по двум уездам Пермской губернии. В Шадринском проект «нормальной» сети участков был составлен уездной управой и одобрен Врачебным советом. По нему предполагалось увеличить их численность всего на треть: с 7 имевшихся до 11. Но эти расчеты были проведены по уже устаревшим показателям: среднему радиусу участка в 25 верст и численности населения на врача в 28 тыс. чел. [12, с. 752–755]. Как отмечалось выше, в земствах в тот период считалось, что последний показатель должен быть вдвое меньше (не более 12–14 тыс.).

В Осинском уезде также разработали проект оптимальной сети участков с «повышенным» радиусом в 25 верст, признав возможным ее создание за 10 лет. Но это предполагалось сделать при условии ежегодного пособия от губернского земства на строительство новых больниц. Пермская губернская земская управа, естественно, предложила отказать в подобном ходатайстве. Уже сложившаяся в регионе практика предполагала только выдачу ссуд на постройку новых сельских больниц под 5 % с пятилетним сроком погашения [6, с. 116]. Но такой вариант Осинское земство совершенно не привлекало. Соответственно, их проект 10-летнего перехода не представлялось реализовать на практике.

В целом проведенные в большинстве уездов Пермской губернии расчеты по необходимой «нормальной» сети врачебных участков показали похожие результаты. Их численность для реальной общедоступности медицинской помощи практически везде следовало увеличить как минимум вдвое, а в обозримой перспективе и втрое. Эти показатели хорошо коррелируются с данными, приведенными в «Ежегоднике Пермского земства» 1914 г. Здесь обоснованно констатировалось, что до достижения общедоступности медицинской помощи для всего населения губернии «еще далеко». Составители «Ежегодника» определили, что ей пока реально обеспечена только половина жителей региона [9, с. 87].

Всем уездным земствам Пермской губернии требовалось найти новые источники средств для реализации вышеназванных амбициозных планов масштабного расширения сети врачебных участков. Следовало учитывать, что они с 1908 г. уже получали правительственные субсидии для введения всеобщего. Предоставляемая помощь позволила земствам губер-

нии существенно увеличить численность обучаемых детей [4, с. 61, 63]. В 1912–1913 гг. размер правительственных субсидий фактически сравнялся с земским финансированием на школы [5, с. 106–107].

Получить подобную помощь и на развитии медицинской сферы в тот период времени вряд ли представлялось возможным. К тому же при выделении таких правительственных субсидий пришлось бы согласиться на распространение норм Устава лечебных заведений 1893 г. на земские больницы. А против этого последовательно выступали органы местного самоуправления.

Гласные уездных земств региона понимали, что в развитии медицинской сферы необходимо ориентироваться в основном на собственные весьма ограниченные средства. Им не приходилось рассчитывать и на существенную помощь со стороны Пермского губернского земства, также имевшим хронический дефицит бюджета. Представители последнего постоянно заявляли о его ведущей роли (в том числе в финансировании) именно в развитии санитарии и борьбе с эпидемиями на территории всей губернии. На губернских земских собраниях неоднократно отклонялись ходатайства из уездов о выделении средств на проектируемые междуездные врачебные участки. В качестве причины называлось отсутствие «нормальной» общегубернской сети, которая еще не была составлена. Основной причиной задержки в ее согласовании было непредоставление запрошенных проектов из нескольких уездов. Но реально у губернского земства и не было средств для солидных субсидий для уездов на развитие медицинской сферы. В результате в Пермской губернии так и не удалось создать ни одного междуездного врачебного участка.

В рассматриваемый период времени не приходилось надеяться и на существенное расширение сети ведомственных и городских больниц. Заводовладельцы региона все настойчивее стремились избавиться от содержания собственных медицинских заведений [20, с. 423–424], а большинство руководителей органов городского самоуправления продолжали настаивать на невозможности открытия своих стационаров.

Поэтому реализация масштабных планов расширения сети врачебных участков встретила серьезные затруднения во всех уездах. Не стал исключением и Екатеринбургский, имевший самый большой земский бюджет во всей Пермской губернии [1, с. 7]. За следующие пять лет после согласования «нормальной» сети здесь смогли открыть только два новых врачебных участка. Неудивительно, что IX губернский съезд врачей Пермской губернии 1907 г. рекомендовал уездному земству ускорить реализацию принятого плана.

Обсуждая эту рекомендацию, раскладочная комиссия очередного Екатеринбургского уездного земского собрания 1907 г. указала на фактически патовую ситуацию. Возможности для существенного повышения расходной части медицинской сметы («страшно выросшей», с регулярным перерасходом по многим статьям) были фактически исчерпаны. Поэтому ее члены прямо констатировали необходимость пересмотра «самых оснований постановки земского медицинского дела». Под этим фактически понимался отказ от бесплатного лечения для состоятельной части местного населения, а также возрождение жесткого нормирования бесплатной выдачи медикаментов. Эти радикальные предложения активно обсуждались несколько лет. В результате по рекомендации новой комиссии 40-е очередное Екатеринбургское уездное земское собрание (1909 г.) все-таки одобрило переход к частичной платности медицинской помощи для состоятельных пациентов [18, с. 221].

Фактический отказ от последовательного проведения ключевого принципа бесплатности медицинской сферы позволил несколько улучшить ситуацию с ее финансированием. К началу Первой мировой войны Екатеринбургскому уездному земству удалось открыть еще 4 новых врачебных участка. В результате их численность возросла до 18. Из них собственно земскими было всего 7, а остальные 11 частично финансировались заводоуправлениями. Но реализация принятого в 1905 г. плана создания «нормальной» сети явно затягивалась: в границах оптимального радиуса в 12 верст от врача находились всего 60 % потенциальных пациентов. Врачебные участки продолжали сильно отличаться и по численности населения. В среднем на одного врача приходилось 26,2 тыс. чел., то есть почти в два раза больше, чем по проекту 1905 г. [1, с. 84–86].

После начала Первой мировой войны, а затем и бурных революционных потрясений обсуждение планов достижения общедоступной медицинской помощи было фактически прекращено. Но в земствах Пермской губернии все-таки продолжали мечтать об их реализации. Так, в Екатеринбургском уезде в марте 1919 г. гласные временно восстановленного земства

на 49-м очередном собрании вновь вспомнили вышеназванный проект 1905 г. В тяжелейших условиях гражданской войны для продолжения его реализации они высказались за воссоздание трех временно закрытых врачебных участков: Рождественского, Маминовского и Черемисского [3, д. 22, л. 154–155].

Подводя итоги, следует сравнить доступность бесплатной врачебной помощи в Пермской губернии в 1861 и 1914 гг. Для этого потребуется сделать ряд условных допущений из-за произошедших за почти полвека существенных изменений в рассматриваемой сфере. Так, в доземский период (до 1870 г.) в Пермской губернии фактически отсутствовало понятие врачебного участка (или им считался весь уезд для единственного уездного врача). Поэтому, по нашему мнению, до 1861 г. условным участком можно считать территорию с больницей, имевшей штатного врача, куда могло обратиться за квалифицированной медицинской помощью большинство местного населения. К ним не следует причислять ведомственные госпитали, которыми заведовали фельдшера и лекарские ученики. В тот период времени так называемый «фельдшеризм» (самостоятельная практика лиц со средним медицинским образованием) уже не считался квалифицированной медицинской помощью. При такой условной классификации в Пермской губернии в 1861 г. имелось примерно 45 врачебных участков. Их центрами были губернская и 10 уездных больниц, а также 14 казенных и 20 частных горнозаводских госпиталей со штатными врачами [20, с. 286–287, 494].

За 45-летний период с учреждения земств в Пермской губернии (1870) в регионе были достигнуты значительные успехи по развитию медицинской сферы. К началу Первой мировой войны (1914) здесь имелось уже 122 врачебных участка: 96 земских, 8 земско-заводских и 18 заводско-земских [19, с. 101]. К ним следует добавить действовавшие в Пермской губернии железнодорожные, заводские, приисковые, переселенческие и городские больницы со штатными врачами. Тогда, по имеющимся в нашем распоряжении данным, численность врачебных участков в регионе увеличится до полутора сотен.

То есть можно констатировать примерно трехкратный рост их сети за 1861–1914 гг. Необходимо учитывать, что ее население также выросло более чем на три четверти: с 2,2 млн чел. на 1870 г. до 3,9 млн к 1914 г. В итоге действительно значительное увеличение количества врачебных участков не столь ощутимо опережало рост численности населения. Поэтому неудивительно, что многим компетентным современникам реализация принципа общедоступности медицинской помощи представлялась «делом далекого будущего».

Таким образом, за первые четыре с половиной десятилетия деятельности (1870–1914) органы земского самоуправления в Пермской губернии смогли кардинально увеличить сеть врачебных участков. Но эти очевидные достижения частично обесценивались, из-за отсутствия сопоставимой «поддержки» со стороны других акторов. В тот период времени происходило неуклонное сокращение заведений горнозаводской медицины, а органы городского самоуправления крайне медленно увеличивали сеть своих больниц. Поэтому и к 1914 г. доступной медицинской помощью в Пермской губернии была обеспечена только примерно половина местного населения. Созданные уездными земствами Пермской губернии проекты оптимальной сети врачебных участков показали, что их численность практически везде следовало увеличить как минимум вдвое, а в обозримой перспективе и втрое.

При этом сама возможность одновременной реализации двух ключевых принципов земской медицины (общедоступность и бесплатность базовой помощи для местного населения) вызывала серьезные сомнения у части руководства новых органов местного самоуправления и врачей. Одним из следствий определения оптимальной сети врачебных участков в Пермской губернии стало возрождение ее частичной платности в Екатеринбургском уезде. Ведь имевшиеся бюджеты уездных земств региона к 1914 г. не соответствовали масштабам новых вызовов, в том числе реализации ключевого принципа общедоступности даже базовой медицинской помощи.

Список литературы

1. Бюджет Екатеринбургского уездного земства. Свод доходных и расходных смет земства и раскладок уездного земского сбора за 45 лет его существования (годы 1871–1915). Екатеринбург : Тип. левых социал.-революц., 1918. 132 с.
2. Богородицкий А. Проект медицинской сети нормальных врачебных участков для Чердынского уезда // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1911. № 9–10. С. 18–24.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-829. Оп. 1.

4. Голикова С. В. Расчеты количества детей школьного возраста и динамика численности учащихся народных школ Пермской губернии в годы «подготовительных работ по введению всеобщего обучения» // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2020. № 1. С. 56–68.
5. Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Введение всеобщего обучения в Пермской губернии: государственная политика и общественные инициативы // Российская история. 2022. № 1. С. 99–108.
6. Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 41 очередной сессии. Отд. 2. Медицинская часть и общественное призрение. Пермь : Электро-тип. губ. земства, 1911. 198 с.
7. Доклады управы Кунгурскому уездному земскому собранию 41-й очередной сессии. Ч. 1. Кунгур : Тип. Летунова, 1911. 659 с.
8. Ежегодник Оханского уездного земства и календарь на 1916 год. Оханск : Тип. уездного земства, 1916. 264 с.
9. Ежегодник Пермского губернского земства и календарь на 1914 год. Пермь : Электро-тип. губ. земства, 1913. 196, 61 с.
10. Журналы Пермского губернского земского собрания 40-й очередной сессии 1909 г. и доклады комиссий. Пермь : Тип. губ. земства, 1910. 440 с.
11. Журналы Пермского уездного земского собрания 40-й очередной сессии 1909 г. и доклады комиссий и управы с приложениями. Пермь : Тип. губ. земства, 1910. 503, 123 с.
12. Журналы 50-го чрезвычайного и 41-го очередного Шадринского уездного земского собрания сессий 1910 г. с докладами управы и другими приложениями. Шадринск : Тип. Доронина, 1911. 1591 с.
13. Очерк состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии. Земская медицина. Пермь : Тип. губ. управы, 1899. 232 с.
14. Протокол заседания врачебно-санитарного совета Верхотурского уезда // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 10–11. С. 759–775.
15. Сардановский Н. Н. Основные нужды земско-медицинского дела в Ирбитском уезде // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1911. № 2. С. 17–43.
16. Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. Екатеринбург : Тип. газеты «Уральская жизнь», 1908. Вып. 3. Медицина и народное образование. 1901–1907 гг. 392 с.
17. Смирнов А. С. К вопросу о выработке нормальной сети медицинских участков в Верхотурском уезде // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 3–4. С. 114–123.
18. Черноухов Д. Э. Проблема частичной платности земской медицинской помощи в Пермской губернии // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (30). С. 217–227.
19. Черноухов Д. Э. Земская медицина Пермской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2021. 254 с.
20. Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы : дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 535 с.

The problem of accessibility of medical care in Perm province of the early twentieth century: projects and results

Chernoukhov Dmitry Eduardovich¹, Chernoukhov Eduard Anatolyevich²

¹PhD in Historical Sciences, senior lecturer of the Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Ural Federal University. Russia, Yekaterinburg.

ORCID: 0000-0002-6973-5078. E-mail: dmitry.chernoukhov@urfu.ru

²Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of Russian History, Ural State Pedagogical University. Russia, Yekaterinburg.

ORCID: 0000-0002-4640-4575. E-mail: echernoukhov@yandex.ru

Abstract. Accessibility of basic medical care for the local population was one of the key goals of zemstvo medicine, including in the Perm province. But in the extensive historiography on the problems of local self-government there are no works containing concrete results of the implementation of this important principle in a comparative perspective. In the article, such an analysis is carried out on the example of the Perm province on the eve of the First World War. In the early 1910s. its county zemstvos have developed projects of optimal networks of medical sites that would make it possible to ensure the accessibility of basic medical care to the population. They naturally took into account the activities of other actors in the health sector of the region: a number of departments, plant administrations and city self-government bodies.

The authors' analysis of the zemstvo projects of the optimal network of medical sites showed similar results. For the real accessibility of medical care in the Perm province, their number almost everywhere should

have been increased at least twice, and in the foreseeable future three times. To do this, it was necessary to find new sources of funds in the conditions of a chronic shortage of zemstvo budgets, including the provincial one. In addition, it was not necessary to count on a significant expansion of the network of departmental and city hospitals in the Perm province.

Therefore, the implementation of these large-scale zemstvo plans potentially required a long period of time. The comparative analysis carried out by the authors on the organization of medicine in the Perm province in 1861 and 1914 showed an approximately threefold increase in the network of medical sites with a population growth of 75 %. As a result, by the beginning of the First World War, only half of its residents were provided with affordable basic medical care. The need for a new significant increase in the number of medical sites naturally contributed to the expansion of the boundaries of the payment of zemstvo medicine. The simultaneous implementation of the two key zemstvo principles of accessibility and free medical care was reasonably presented to competent contemporaries as a "matter of the distant future."

Keywords: medicine, accessibility and free medical care, optimal network of medical sites, Perm province.

References

1. *Byudzhët Ekaterinburgskogo uezdnogo zemstva. Svod dohodnyh i raskhodnyh smet zemstva i raskladok uezdnogo zemskogo sbora za 45 let ego sushchestvovaniya (gody 1871–1915)* – The budget of the Yekaterinburg county zemstvo. A set of income and expenditure estimates of the zemstvo and layouts of the county zemstvo fee for 45 years of its existence (years 1871–1915). Yekaterinburg. Typ. of Left social-revolutionaries. 1918. 132 p.
2. *Bogorodickij A. Proekt medicinskoj seti normal'nyh vrachebnyh uchastkov dlya Cherdynskogo uezda* [The project of the medical network of normal medical sites for the Cherdynsky district] // *Vrachebno-sanitarnaya hronika Permskoj gubernii* – Medical and sanitary chronicle of the Perm province. 1911. No. 9–10. Pp. 18–24.
3. State Archive of the Sverdlovsk region (SASR). F. P-829. Inv. 1.
4. *Golikova S. V. Raschety kolichestva detej shkol'nogo vozrasta i dinamika chislennosti uhashchihsya narodnyh shkol Permskoj gubernii v gody "podgotovitel'nyh rabot po vvedeniyu vseobshchego obucheniya"* [Calculations of the number of school-age children and the dynamics of the number of pupils of public schools of the Perm province during the years of "preparatory work for the introduction of universal education"] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of Orenburg State Pedagogical University. 2020. No. 1. Pp. 56–68.
5. *Golikova S. V., Dashkevich L. A. Vvedenie vseobshchego obucheniya v Permskoj gubernii: gosudarstvennaya politika i obshchestvennye iniciativy* [Introduction of universal education in Perm province: State policy and public initiatives] // *Rossijskaya istoriya* – Russian History. 2022. No. 1. Pp. 99–108.
6. *Doklady Permskoj gubernskoj zemskoj upravy Permskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu 41 ocherednoj sessii. Otd. 2. Medicinskaya chast' i obshchestvennoe prizrenie* – Reports of the Perm provincial zemstvo council to the Perm provincial zemstvo assembly of the 41st regular session. Ed. 2. Medical part and public charity. Perm. Electro-typ. of gubernia zemstvo, 1911. 198 p.
7. *Doklady upravy Kungurskomu uezdnomu zemskomu sobraniyu 41-j ocherednoj sessii. Ch. 1* – Reports of the board to the Kungur district zemstvo assembly of the 41st regular session. Part 1. Kungur. Letunov Typ. 1911. 659 p.
8. *Ezhegodnik Ohanskogo uezdnogo zemstva i kalendar' na 1916 god* – The yearbook of the Ohansky county Zemstvo and the calendar for 1916. Ohansk. Typ. of the county zemstvo. 1916. 264 p.
9. *Ezhegodnik Permskogo gubernskogo zemstva i kalendar' na 1914 god* – The yearbook of the Perm provincial zemstvo and the calendar for 1914. Perm. Electro-typ. of gubernia zemstvo. 1913. 196, 61 p.
10. *Zhurnaly Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 40-j ocherednoj sessii 1909 g. i doklady komissij* – Journals of the Perm provincial zemstvo assembly of the 40th regular session of 1909 and reports of the commissions. Perm. Typ. of gubernia zemstvo. 1910. 440 p.
11. *Zhurnaly Permskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 40-j ocherednoj sessii 1909 g. i doklady komissij i upravy s prilozheniyami* – Journals of the Perm county zemstvo assembly of the 40th regular session of 1909 and reports of commissions and councils with appendices. Perm. Typ. of gubernia zemstvo. 1910. 503, 123 p.
12. *Zhurnaly 50-go chrezvychajnogo i 41-go ocherednogo Shadrinskogo uezdnogo zemskogo sobraniya sessij 1910 g. s dokladami upravy i drugimi prilozheniyami* – Journals of the 50th Extraordinary and 41st regular Shadrinsk district zemstvo assembly sessions of 1910 with reports of the board and other appendices. Shadrinsk. Doronin typ. 1911. 1591 p.
13. *Ocherk sostoyaniya sanitarnogo i medicinskogo dela v Permskoj gubernii. Zemskaya medicina* – An outline of the state of sanitary and medical affairs in the Perm province. Zemstvo medicine. Perm. Tip. of gubernia administration. 1899. 232 p.
14. *Protokol zasedaniya vrachebno-sanitarnogo soveta Verhoturskogo uezda* – Minutes of the meeting of the medical and sanitary Council of the Verkhoturksky district // *Vrachebno-sanitarnaya hronika Permskoj gubernii* – Medical and sanitary chronicle of the Perm province. 1914. No. 10–11. Pp. 759–775.
15. *Sardanovskij N. N. Osnovnye nuzhdy zemsko-medicinskogo dela v Irbit'skom uezde* [The basic needs of zemstvo-medical affairs in the Irbit district] // *Vrachebno-sanitarnaya hronika Permskoj gubernii* – Medical and sanitary chronicle of the Perm province. 1911. No. 2. Pp. 17–43.

16. *Sistematičeskij svod postanovlenij Ekaterinburgskogo uezdnogo zemskogo sobraniya* – A systematic set of resolutions of the Yekaterinburg County Zemstvo Assembly. Yekaterinburg. Typ. of newspaper "Uralskaya zhizn". 1908. Is. 3. Medicine and public education. 1901–1907. 392 p.

17. Smirnov A. S. *K voprosu o vyrabotke normal'noj seti medicinskih uchastkov v Verhoturskom uezde* [On the issue of developing a normal network of medical sites in Verhotursky uyezd] // *Vrachebno-sanitarnaya hronika Permskoj gubernii* – Medical and sanitary chronicle of Perm province. 1914. No. 3–4. Pp. 114–123.

18. Chernouhov D. E. *Problema chastichnoj platnosti zemskoj medicinskoj pomoshchi v Permskoj gubernii* [The problem of partial payment of zemstvo medical care in the Perm province] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* – Herald of Orenburg State Pedagogical University. 2019. No. 2 (30). Pp. 217–227.

19. Chernouhov D. E. *Zemskaya medicina Permskoj gubernii v poslednej treti XIX – nachale XX vv. : dis. ... kand. ist. nauk* [Zemstvo medicine of the Perm province in the last third of the XIX – early XX centuries : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Yekaterinburg. 2021. 254 p.

20. Chernouhov E. A. *Social'naya infrastruktura gornozavodskih okrugov Urala v XIX v.: kazennyj i chastnyj tipy : dis. ... dokt. ist. nauk* [Social infrastructure of mining districts of the Urals in the XIX century: state and private types : dis. ... Doctor of Historical Sciences]. Yekaterinburg. 2017. 535 p.

«Разговоров из-за примуса никогда не было»: бытовой конфликт с политическим обвинением

Колчанова Юлия Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0009-0002-1892-0190. E-mail: jukolchanova@gmail.com

Аннотация. В статье на основании архивных материалов – протоколов допроса, донесений осведомителей, решений судебных и внесудебных органов, дневниковых записей и протоколов партийных собраний – произведена реконструкция эпизода из жизни эвакуированных в 1941 г. Исследование выполнено на основе применения микроисторического метода. Целью статьи является детальный анализ бытового конфликта, завершившегося арестом и смертью одного из участников. В основе конфликта обнаруживается борьба за жилищную площадь между эвакуированными из Москвы снохой хозяев дома и подселенным к ним инженером. Чтобы его выселить, использовались разные средства: от бытовой травли до политической провокации. Высказывания инженера «брались на карандаш» и в виде донесений отправлялись в органы НКВД. Благодаря бдительности осведомителя «Кречета», стало возможным восстановить фрагменты потаенного общественного мнения, циркулировавшего в инженерных кругах в г. Молотове, обнаружить их непрямую зависимость от официальных органов информации, восстановить смысловые структуры городского дискурса. Инженер М. Н. Сандров, травмированный эвакуацией, не останавливающимся немецким наступлением, беспечным поведением горожан, попыткам выяснить истоки трагедии. Он считал ответственными за нее руководителей Советского Союза и лично И. В. Сталина, неудачливых военачальников и отсутствие необходимой бдительности по отношению к скрытым врагам и саботажникам, подчеркивал свое недоверие к сводкам Совинформбюро. Причем, считал свои суждения вполне допустимыми и делился ими с малознакомыми людьми, не обращая внимания на их негативную реакцию. В результате был арестован органами НКВД по ст. 58-10 УК РСФСР и умер в тюрьме, так и не дождавшись приговора. Желание семьи – избавиться от надоедливой постолянца – было удовлетворено.

Ключевые слова: 1941–1942, эвакуация, травма, инженер, репрессии.

В отечественной историографии антропологическое изучение эвакуации в годы Великой Отечественной войны фокусируется на рассмотрении конфликтных ситуаций между эвакуированным и местным населением [6; 27; 28; 30; 31]. Для их теоретического осмысления используется понятие культурного шока, в основе которого обнаруживается «взаимное отторжение и (или) неадекватная, рассогласованная идентификация, основу которой составляли фобии и мифы местного и приезжего населения» [30, с. 233], а также «взаимное непонимание, отягощенное постоянной борьбой за выживание, ожесточенными схватками за доступ к ограниченному ресурсам» [6, с. 288]. За рамками этих исследований остаются неизученными сюжеты, иллюстрирующие столкновения между самими эвакуированными.

На основании следственного дела, находящимся на хранении в Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ), в статье производится реконструкция бытовой истории 1941 г. [13]. В протоколах допросов 1941–1942, 1956 гг. обнаруживаются ее фрагменты: называется место и участники конфликта, приводятся отрывки фраз из разговоров между ними, а также рассказ о проявлении бдительности. При работе с архивно-следственными материалами необходимо учитывать несколько важных обстоятельств, отличающих их от любых других исторических источников. Во-первых, речь идет об фактах, полученных в экстремальной обстановке – в кабинете сотрудника НКВД, где один допрашивал, а другой отвечал. Во-вторых, рассказ обвиняемого подчинялся сценарию следователя, который должен любым путем доказать вину подсудимого. В-третьих, показания свидетелей, в данном случае доносчиков, подтверждали вынужденно или добровольно обвинение со стороны следователя по статье 58 УК РСФСР. Бытовая сторона истории следователя не интересовала. Тем не менее в рамках так называемой «инквизиторской антропологии» можно выявить второстепенные и не значимые для уголовного дела подробности, детали и эпизоды, восстановить по ним пропущенные лакуны:

«Работа с материалами «инквизиторской антропологии» предполагает постоянную критику. Но если удастся выделить те нарративы, которые доносят до нас живую, непосредственную, аутентичную человеческую речь, даже произнесенную под принуждением, у историка появляется шанс заглянуть в те области социальной жизни, которые при иных обстоятельствах недоступны» [7, с. 209]. В качестве дополнительных источников в статье используются дневники А. И. Дмитриева – рабочего завода № 19 в г. Молотов [11].

Время действия: июль – октябрь 1941 г.

Место действия: г. Молотов (ныне Пермь) – областной центр на Западном Урале, расположенный в тысяче километров от линии фронта. С лета 1941 г. по февраль 1942 г. в Молотовскую область было эвакуировано 246,7 тыс. человек [22, с. 143]. Война изменила городскую среду, наполнив ее людьми из Москвы, Ленинграда, Белоруссии... А. И. Дмитриев в своем дневнике записал: «Наш город переполнен эвакуированными из разных городов. Живут даже в заводском велогазае и клубе з[аво]да» [11, л. 35 об.].

Они отличались от местных жителей внешним видом, говором, манерой поведения. В этих людях из Москвы, из Одессы, из Витебска безошибочно распознавали чужих. Для простоты их всех называли «евреями». Секретарь обкома ВКП(б) Николай Иванович Гусаров убеждал партийный актив: они же не все плохие, такие же советские граждане: «Иногда из-за одной-двух барынь относятся ко всем эвакуированным неправильно» [24, л. 21].

В то время как в город эшелонами прибывали эвакуированные, из города на фронт одна за другой отправлялись маршевые роты. Комбриг Я. С. Адамсон, исполнявший обязанности начальника Молотовского гарнизона, «отправил на фронт 288 формирований (более 156 тыс. человек), в том числе 43 отд. лыжных батальона» [1].

По улицам после заводской смены нестройными рядами шагали народные ополченцы с деревянными ружьями на плече.

Начались проблемы со снабжением: в конце августа были введены карточки на хлеб. В городе появились так называемые «хвосты», полки магазинов опустели. На рынках крестьяне не принимали советские рубли. Горожанам приходилось не только стоять в очередях, но и обменивать свои вещи на продукты: «Крестьяне опять начали поступать так же, как и в 1918 г., т. е. ничего на деньги не продают, а только на что-нибудь меняют. Девчата при мне променяли 2 платя на картофель» [11, л. 45 об.]. Секретарь обкома ВКП(б) Николай Иванович Гусаров бил тревогу на пленуме областного комитета партии:

«Колхозники на деньги перестали продавать и просто нахально смотрит, облюбовывает твои штаны, рубаху и говорит – снимай штаны, тогда дам. Я слез с поезда на Григорьевской – вижу, продают молоко, спрашиваю – сколько за бутылку молока. Это Нытвенского района. Посмотрел – штаны хорошие, вроде, за бутылку не получит, и говорит – махорки осьмушку дай, тогда молоко получишь. Товарищи, это большое дело. Правда, оно смешно выглядит, но это на рабочем классе страшно отражается, и если Вы хотите знать, серьезная трещина, которую стараются враждебные элементы раздвинуть и влезть в эту трещину между рабочим классом и крестьянством» [24, л. 45–46].

В школьных зданиях на скорую руку оборудовали госпитали. К ним в грузовиках и на подводах от всех городских вокзалов везли и везли раненых. Мир горожан менялся на глазах. Тем не менее Государственный комитет обороны (ГКО) упрекал областные и городские власти в медлительности:

«Мне товарищ Сталин в последний раз при беседе сказал следующее: “Если бы Вас бомбили, тогда бы вы лучше работали. И если этого не сделают фашисты, мы зашлем их вас побомбить”» [24, л. 26].

Хотя на земле рыли щели, а наблюдатели из противоздушной обороны часами всматривались в небо, город сумел избежать бомбардировок. Здесь не вели боевых действий, но все прочие тяготы войны легли на плечи горожан, разрушив их прежнюю повседневность. В военных условиях прежние домашние конфликты приобретали новое содержание.

Бытовая история, рассматриваемая в статье, происходила на протяжении нескольких месяцев в доме № 13 по улице Кирова в старом городском квартале недалеко от трамвайного депо. На сегодняшний день дом не сохранился, поэтому практически невозможно представить его описание: количество этажей, степень благоустройства. Об этом можно только догадываться.

Действующие лица. Михаил Никитич Сандров («Миша», «Михаил»), 1909 года рождения, уроженец Минской области БССР, беспартийный, со средним техническим образованием

(Московский электромеханический техникум); до эвакуации работал на заводе № 119 (г. Москва)¹, прибыл в г. Молотов самостоятельно 15 июля 1941 г. Спустя две недели устроился на завод № 19 инженером-технологом в цех № 34. Михаил Сандров по прибытии в г. Молотов по разнарядке эвакуационных властей был поселен в квартиру семьи В-ко. В свидетельских показаниях читаем: «Я припоминаю Михаила фамилию его забыл, который в начале Отечественной войны эвакуировался из Москвы и со своей женой проживал в одной из комнат нашей квартиры. Этот Михаил первое время нигде не работал, что меня в то время очень удивляло, ибо в начале войны везде не хватало рабочих и служащих. После Михаил устроился на работу на завод имени Сталина якобы мастером» [20, л. 179 об.].

Мария Степановна В-ко, 1910 г. р., член ВКП(б) с 1930 г., с высшим техническим образованием, до эвакуации проживала в Москве со своим мужем и двумя сыновьями, по профессии – инженер-механик, но в начале 1940-х гг. «нигде не работала в связи с малолетними детьми» [21, л. 201]. Летом 1941 г., в июле месяце 28 числа, была эвакуирована из столицы в г. Молотов, где также поселилась в квартире родителей мужа по улице Кирова в доме № 13.

Петр Борисович В-ко, 1885 г. р., уроженец Витебской губернии, беспартийный, с незаконченным высшим образованием, в начале войны работал на заводе № 10 им. Дзержинского по производству боеприпасов, преподавал в техникуме [2]. Свекор Марии Степановне.

Екатерина Алексеевна В-ко, 1896 г. р., уроженка г. Казани, беспартийная, со средним образованием, в 1941 г. работала заведующей делопроизводством Эвакогоспиталя № 1711². Свекровь Марии Степановне.

В конце июля 1941 г. все участники собрались в одном месте – в квартире № 15 в доме № 13 по улице Кирова. Мария Степановна В-ко вместе с сыновьями, спасаясь от бомбежек, эвакуировалась из столицы и переехала к родителям своего мужа 28 июля. Двумя неделями раньше в Молотов прибыл М. Н. Сандров вместе с женой, и по разнарядке городских властей они заселились в квартиру В-ко, заняв одну из комнат. Семья В-ко не могла отказать им под угрозой выселения из города в сельскую местность. Областное руководство было настроено решительно и не щадило чувств домохозяев, не желавших дать кров эвакуированным. Секретарь обкома ВКП(б) угрожал обывателям с партийным билетом: «У нас многие коммунисты настолько взвыли от уплотнения, настолько их задели мирную, тихую жизнь: “Как же, это на мою площадь вселяют, оставляют одну комнату” <...> Мы не будем останавливаться вплоть до того, что будем выселять в деревню, будем людей, не связанных с оборонной промышленностью, если не будут помогать расселению, выселять в сельскую местность» [24, л. 24–25].

Семья В-ко не смогла сохранить в неприкосновенности жилплощадь для своей столичной снохи. Две семьи были вынуждены тесниться в одной квартире, за неделю превратившуюся в коммуналку.

И хозяйка в самом начале повели себя по всем правилам коммунальных войн. Если они не могли Мишу выселить, надо было сделать так, чтобы он сам ушел. В первые дни ему запретили пользоваться собственным примусом в доме. На очной ставке с М. С. В-ко Сандров рассказал: «Мне было предложено Екатериной Алексеевной (мать свидетельницы) и самой Марией Степановной В-ко разжигать примус не на кухне, а в уборной» [22, л. 104]. Над ним откровенно издевались. Примус был кухонным прибором, по назначению чем-то сравнимым с нынешней микроволновкой. Чтобы не растапливать печь, в летние месяцы на нем готовили обеды и ужины. По сравнению с иными нагревательными приборами (керосинками, керогазами и пр.) примус был наиболее удобным, экономичным и безопасным: «Альтернативы же примусу как маленькому очагу на маленькой кухне не было еще лет 20» [4]. Примус организовывал кухонное пространство. На нем готовили, на соседнем столе ели. Отправить примус в сортир значило не больше не меньше, чем выгнать в отхожее место и его хозяев: там готовьте – там ешьте. Михаил ответил резким отказом, но из квартиры не ушел. Опыт коммунальной жизни у него был. Марья Степановна на очной ставке об этом эпизоде не обмолвилась: такого-де разговора вообще не было.

¹ Завод № 119 им. Г. М. Маленкова Наркомата оборонной промышленности в 1941 г. был расположен в Москве, производил авиашасси и амортизационные стойки, а также корпуса бомб и оболочки ручных гранат. В 1941 г. был эвакуирован в г. Горький [8].

² Эвакогоспиталь 1711, расположенный по ул. Пушкина, 107а, с 1942 г. специализировался «на лечении ампутированных» [29].

Вместе эти люди прожили около трех месяцев. Со временем, как почудилось Михаилу Сандрову, их отношения наладились. Во всяком случае, они ужинали вместе, пили чай под несмолкаемый говор прибывшего в эвакуацию инженера 119 завода. Михаил Сандров принадлежал к числу людей, совсем не умеющих и не желавших держать язык за зубами. На реакцию новых слушателей он не обращал никакого внимания, главное, что они были. Михаил говорил обо всем и вся: о войне, о заводе, о местных жителях, о себе. Он резонерствовал, критиковал, высказывался о своих чувствах, обнаруживал всякого рода неисправности и несправедливости, предлагал какие-то рецепты, чаще всего нелепые. Он вел себя точно так же на заводе и в стенах дома. То, что он бывает надоедливым, М. Сандров не замечал, тем более не замечал того, что критика всего и вся может выглядеть подозрительной (не провокатор ли он) или попросту опасной (не занимается ли он антисоветской агитацией). В любом случае следовало держаться от него подальше. А Сандров, как назло, часто оставался дома. В первые две недели отдел найма и увольнения завода № 19 вместе с военкоматом проверял его документы: не является ли он дезертиром. В соответствии с приказом начальника Главного политуправления РККА Л. З. Мехлиса «На всех тех, о которых будет установлено, что, находясь в прифронтовой полосе, уклонились от мобилизации, или проявили трусость и дезертирство, немедленно оформлять материалы и предавать суду Военного трибунала. Райкомам ВКП(б) необходимо оказать практическую помощь военкоматам в проведении вышеизложенных мероприятий» [10, л. 54]. Но и позднее он часто оставался дома. Война разрушила хозяйственные связи; сырье, материалы, необходимые конструкции и детали поступали неритмично. Цеха останавливали, рабочих или распускали по домам, или держали в производственных помещениях.

«Цех все еще не работает – нет бензина. В ночную смену все, почти поголовно, спят. Нач. цеха дает массовые увольнения и подмены. А ребята пользуются моментом и едут в деревни за продуктами» [11, л. 58].

Ночью рабочие спали, днем слонялись без дела по цеху, или в августе – сентябре грелись рядом на солнышке, играли в карты и домино, курили, пересказывали друг другу сводки информбюро (одна другую все тревожнее и тревожнее) и говорили о насущном: о перебоях с продуктами, задержках заработной платы, о том, где и когда останоят немца – и почему он прет и прет на восток, что делать и кто виноват, может быть, и евреи. Отголоски этих разговоров находим в дневнике А. И. Дмитриева: «Население в городе растет с каждым днем. А большинство все приезжают евреи. Это уж давно так ведется, что они всегда бегут первыми» [11, л. 31]. Из репродукторов звучали слова о вероломном нападении; навстречу им эхом доносились голоса: «Прошляпили». Осведомители записывали, передавали кураторам, затем эти слова попадали в сводки НКВД, в том числе для партийного руководства, а уже оттуда правильно политически интерпретированные, возвращались в партийную массу. Комсомолец Александр Дмитриев допускал возможность, что немцы придут в г. Молотов и готовился умереть в бою: «Даже если получится так, что до последнего момента меня не возьмут в армию, то я уже и при оккупации буду стараться уничтожать немцев. И тогда в конце концов смерть будет неизбежна» [11, л. 39]. Кто-то просто ждал немцев, а кому-то было все равно. «Некоторые считают, что у нас и так фашистов не любят. Это не верно» [24, л. 49].

Михаил Сандров работу на заводе себе нашел: «разрабатывал технологию обработки гильзы цилиндра на отечественных станках ЗНО-118 /токарный полуавтомат/ – прорезка ребер, на которых в СССР еще не применялась», был премирован, деньги отдал в фонд обороны [23, л. 150]. На заводе ему, однако, не нравилось все, больше всего люди. Завод № 19 по ведомственному профилю по всем показателям превосходил его прежний завод им. Г. М. Маленкова: и по производственным мощностям, и по оборудованию, и по продукции (изготавливать авиадвигатели для истребителей много сложнее, чем шасси для них), и по кадрам. Несмотря на это, М. Сандров обличал и сам завод, и заводские порядки, и работников:

«При наладке станков я чувствовал какую-то неприязнь к данным станкам со стороны мастеров цеха и меня это бесило, ибо всегда можно было услышать: ничего мол с них не выйдет. Мы мол с год с ними возились и ничего не получилось <...> Встречая такую неповоротливость и отсутствие быстроты в наладке, а также опаздывание на работу с обеда мастеров и других технических работников, меня это до безумия бесило» [23, л. 150]. В общем, «бесило» его все:

«Хождение по уборным самих рабочих и рассказывание там сказок во время курения меня бесило окончательно, курить, по-моему, можно и нужно только в обед. Ведь по рассказам ... на американских заводах рабочий работая на капиталиста, может курить только в обед, а работая на свою страну – он может курить и задерживаться в уборных во время работы и

уходит из уборной – места толкушки по собственному усмотрению. Отсутствие ответственности за содержание в должном порядке инструмента и приспособлений так же вызывало немалое возмущение. На мой вопрос у отдела оборудования: где опись имущества к станку 6-ти шпиндельному и где она хранится – был ответ опись потеряна /она пришла со станков/. На вопрос у механика цеха № 34, где шестерни сменные к станку; был ответ, ищи в этой куче, а куча – это несколько тонн металла всякой всячины. И здесь опять мое старое возмущение. Люди ни за что не хотят отвечать» [23, л. 150–150 об.].

М. Сандров возмущался заводскими порядками повсюду – и на предприятии, и на квартире. Он не знал, что все его гневные высказывания за вечерним чаем внимательно слушает штатный осведомитель под кличкой «Кречет», он же глава семейства В-ко, он же «источник», если воспользоваться терминологией НКВД.

В следственном деле сохранился меморандум «по делу-формуляру № 4254 на Сандрова Михаила Никитича». В нем содержатся три агентурных сообщения «источника» об антисоветской агитации Михаила Сандрова. Если ему верить, то инженер-технолог 34 цеха завода № 19 агитировал членов семьи прямо и непосредственно за общим кухонным столом, за стаканом чая. Первое донесение «Кречета» было датировано 16 августа 1941 г. В нем воспроизводится высказывание М. Сандрова о Сталине: «Сталин, заливаясь соловьем, все время напевал о бдительности, о мобилизационной готовности, о том, что нужно быть всегда наготове, чтобы дать отпор врагу, а с немцами прошляпил и теперь разговор идет о неожиданном вероломном нападении немцев на нас, а куда же девалась бдительность? <...> Недаром есть хорошая русская пословица: «Рыба всегда начинает вонять с головы». Так и здесь» [15, л. 69]. Свой гнев Сандров распространил и на советских военачальников: «...командование наше никуда не годится, и к сожалению нигде не найдешь теперь Минина и Пожарского, которые в свое время спасли Россию, а кто теперь спасет СССР?» [15, л. 69]. Во втором донесении «Кречета» от 30 августа 1941 г. речь идет о пораженческих настроениях эвакуированного: «Мы воюем голыми руками, у нас ни танков ни самолетов – кот наплакал. Поэтому мы и отступаем и не только отступаем, но и бежим, только пятки сверкают. Все сдаем и сдаем. Зачем еще пишут, что сдали город «Н» проще бы написать нужно было, что сдали город Николаев. Они думают, что никто не догадается что это за город и что его защита бутылками с бензином, гранаты ополчения против танков. А где наши танки? Где наши самолеты? Их нет. Реки за нас воюют. Вот дошли до Днепра, здесь немного задержат, а потом опять немцы, форсировав реку, пойдут вперед» [15, л. 70]. В последнем донесении от 13 сентября 1941 г. «источник» разоблачил прогерманские симпатии советского инженера. Тот якобы ему сказал: «...а ведь откровенно говоря, немцы – самый культурный народ в мире», добавив, что не верит рассказам о немецких зверствах: «В первую империалистическую войну тоже писали о зверствах немцев, а на самом деле получилось не совсем так и массовых зверств не было» [15, л. 70].

Прошло два дня после отправки первого агентурного сообщения. Поздним вечером 18 августа 1941 г. Мария Степановна В-ко была вызвана на допрос в качестве свидетеля к следователю НКВД. В своих ответах она подтвердила основное содержание донесения «источника», точно указав даты разговоров с нежеланным квартирантом. Последний разговор с ним состоялся в день допроса. Неизвестно, сколько времени продолжался допрос. Но текст протокола получился большим. Можно предположить, что следователь и свидетель пользовались одними и теми же заготовками, полученными от осведомителя. В протоколе допроса обнаруживается три темы: ошибки советского правительства («...Германию мы снабжали продовольствием, а она в то время укреплялась, узнавала наши продовольственные ресурсы»), лживость сообщений Совинформбюро («Сейчас всем передаваемым сводкам по радио и в газетах от советского информбюро я не верю»), поражения Красной Армии («Буденный пропал, Кривой Рог и г. Николаев взяты немцами и армия Буденного отрезана...») [19, л. 165; 23, л. 162–164].

В свою очередь, ее свекровь Екатерина Алексеевна В-ко явно по инициативе своего мужа написала заявление на имя военного комиссара эвакогоспиталя № 1711:

«Тов. комиссар, у меня на квартиру поставили эвакуированную семью из гор. Москвы Сандровых. Он по приезде не работал недели две. Она работает в Наркомате угольной промышленности. Тов. Сандров Михаил Никитич производит на меня впечатление человека настроенного антисоветски. Я приведу его разговоры. В беседе с моим мужем Петром Борисовичем В-ко, Сандров говорил, что во время отечественной войны в 1812 г. народные массы потребовали смены Барклая де Толли, и царь поставил Кутузова, а попробуй теперь сказать,

что наши командующие никуда не годятся, “тебя туда загонят, куда Макар телят не гонял”. Затем в беседе с женой моего сына изволил выразиться так: “Наши правители в этой войне прошляпили и что есть русская хорошая пословица, что “рыба гниет с головы, а не с хвоста”...Затем еще говорил, что... “Сталин все время пел как соловей и призывал народ к бдительности и быть всегда наготове, а сам прошляпил”...И еще одна выдержка из его разговора:...”К сожалению нам сейчас негде найти таких людей, как Минин и Пожарский, которые могли бы спасти положение”... Судя по всем этим разговорам, человека надо проверить, что я Вас убедительно и прошу, и убрать от меня таких квартирантов, а дать честных людей, преданных государству и нашей партии. Муж мой заявлял в 1 отделение Сталинского завода, где он работает, я же в свою очередь прошу Вас расследовать и проверить тов. Сандрова» [9, л. 166]. Е. А. В-ко в заявлении высказала общее семейное намерение: «убрать от меня таких квартирантов».

Складывается впечатление, что в семье В-ко провоцировали нежелательного квартиранта вялыми и нелепыми возражениями, например: «и каждый боец Красной Армии являются примером как Минин и Пожарский» [19, л. 164 об.]. В ответ Сандров горячился и разоблачал себя как убежденного антисоветчика.

Можно предположить, что все политические обвинения семьи В-ко в адрес «товарища» Сандрова служили одной бытовой цели: избавиться от неудобного квартиранта и самим не попасть под репрессию. И у них это получилось. 13 октября 1941 г. Михаил Сандров был арестован органами НКВД, неоднократно допрошен, оставлен в следственной тюрьме № 1 г. Молотова до вынесения приговора Особым совещанием при НКВД СССР, где и умер 19 сентября 1942 г. [16, л. 47]. В тюрьме М. Н. Сандров ознакомился с обвинительным заключением 5 апреля 1942 г. и прочел в нем, что до ареста он «...вел антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию вождя ВКП(б), политики партии и советского правительства. Возводил клевету на маршалов Советского Союза и командование Красной Армии. Высказывал неверие сообщениям советского информбюро о действительном положении Красной Армии на фронтах Отечественной войны» [17, л. 139]³.

Михаил Сандров был реабилитирован 14 мая 1968 г. [постановление президиума л. 255]. За 12 лет до этого в 1956 г. КГБ при Совете министров СССР по Молотовской области проверил дело М. Сандрова и принял решение признать «предъявленное обвинение Сандрову М. Н. по ст. 58-10 ч. 2 считать правильным» [9, л. 230]. Реабилитации Сандрова в 1956 г. помешали повторные показания свидетелей обвинения членов семьи В-ко:

«Фамилию Сандров я в настоящее время не припоминаю. В период моего проживания в г. Молотове я знала гражданина по имени Миша, который вместе со своей семьей проживал в той же квартире, в которой проживала и я. Этот Михаил примерно в 1941 г. был арестован органами НКВД, и я по его делу давала показания на допросе и на очной ставке с указанным Михаилом <...> Конкретно за что был арестован Михаил, я не знаю, но на допросах я давала показания о фактах антисоветских пораженческих высказываний Михаила, которые мне были известны <...> Сейчас я все свои показания в отношении Михаила подтверждаю полностью» [21, л. 201–201 об.].

Подведем итоги. Травмированные войной люди Михаил Сандров и Мария В-ко, эвакуированные из Москвы в г. Молотов в июле 1941 г., встретились в одной квартире. Жить вместе у них не получилось. Этому есть объяснение: Михаил для семьи В-ко был человеком посторонним, к тому же раздражавшим их своей навязчивостью, гневливой болтовней о нравах на

³ Третий пункт обвинительного заключения о «неверии сообщениям советского информбюро» нуждается в комментировании. Действительно, М. Н. Сандров неоднократно говорил о том, что сводкам Информбюро он не доверяет. Так он демонстрировал свой интеллектуальный суверенитет, то есть право по-своему интерпретировать сведения, полученные из официальных источников, проверять их на достоверность, руководствуясь собственным опытом, заново структурировать и дополнять достоверными, на его взгляд, слухами, циркулирующими в заводском пространстве. Суверенитет был однако весьма и весьма ограниченным. Основные сведения он все равно получал из сводок Информбюро и газет. «Клевета на маршалов Советского Союза является эмоционально окрашенной рефлексией М. Н. Сандрова, связавшего в одно целое опубликованное на первой полосе во всех газетах постановление ГКО от 10 июля о назначении главнокомандующими направлений К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко и С. М. Буденного и сводок Информбюро о продолжающемся немецком наступлении» [26, с. 469–470]. В диссертации современного историка об этом решении ГКО читаем: «Да и сами главкомы оказались не на высоте: двое из трех – Ворошилов и Буденный не являлись современными полководцами» [25, с. 333].

заводе им. И. В. Сталина и критикой военного и партийного руководства страны. Не подозревая в хозяине дома штатного осведомителя органов НКВД, Михаил также не придавал значения неприязненному отношению к нему со стороны членов семьи В-ко. Доверчивость М. Сандрова и неумение разбираться в людях обернулись для него трагедией.

Представленный в статье казус из жизни в эвакуации позволяет обратить внимание на микроисторические сюжеты, из которых собирается мозаика повседневной жизни в экстремальных ситуациях. В частном конфликте проявляются смысловые структуры сознания советских людей 1940-х гг.

Список литературы

1. Адамсон Ян Симанович // Комбриги РККА 1935–1940 гг. URL: <https://www.nashapobeda.lv/4705.html> (дата обращения: 05.09.2022).
2. Завод № 10 им. Ф. Э. Дзержинского НКБ. URL: <https://oboron-prom.ru/page,21,predpriyatiya-6-160.html>. (дата обращения: 19.02.2023).
3. Завод № 119 НКОП. URL: <https://oboron-prom.ru/page,21,predpriyatiya-101-150.html>. (дата обращения: 10.02.2023).
4. Колосов М. «Никого не трогаю, починаю примус». Как маленькая бензиновая плитка стала символом эпохи. Литературно-исторический экскурс от «Белгородских известий». URL: <https://www.belgpressa.ru/society/drugoe/40828.html#> (дата обращения: 26.03.2023).
5. Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941 и 1942 гг. // Отечественная история. 2006. № 6. С. 7–27.
6. Лейбович О. Л. Антисемитские настроения в советском тылу СССР во Второй мировой войне: Оккупация // Холокост. Сталинизм / ред. и сост. О. В. Будницкий, Л. Г. Новикова. М. : РОССПЭН, 2014. С. 280–296.
7. Лейбович О. Л., Казанков А. И. «Инквизиторская антропология» как генератор исторических нарративов советской эпохи // Шаги/Steps. 2022. Т. 8. № 3. С. 198–214.
8. Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М. : Наука, 2006. 320 с.
9. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). В-ко Е. А. Заявление Военному комиссару эвакогоспиталя № 1711 от заведующей делопроизводством. Копия. Машинопись. Б/д.
10. ПермГАСПИ. Ф. 1241. Оп. 1. Д. 316. Л. 54. Денисов – Дежину. 12.09.1941 г.
11. ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 10. Дневник А. И. Дмитриева. 1941 г.
12. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 165. Дополнительный протокол допроса свидетеля Марии Степановны В-ко. 18 августа 1941 г.
13. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Журков Михаил Матвеевич, Сандров Михаил Никитич. 20.12.1941–23.03.1942 гг.
14. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 227–230. Заключение по архивно-следственному делу № 26645. г. Молотов. 27 декабря 1956 г.
15. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 69–70. Меморандум по делу – формуляр № 4254 на Сандрова Михаила Никитича.
16. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Наблюдательное дело Прокуратуры Молотовской области по делу Журкова М. М., Сандрова М. Н. 1942 г.
17. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 137–140. Обвинительное заключение по следственному делу № 1551. 5 апреля 1942 г.
18. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 255–255 об. Постановление Президиума Пермского областного суда. 14 мая 1968 г.
19. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 162–164 об. Протокол допроса свидетеля М. С. В-ко. 18 августа 1941 г.
20. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 179–182. Протокол допроса свидетеля П. Б. В-ко. 28 ноября 1956 г.
21. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 200–202. Протокол допроса свидетеля. М. С. В-ко. 18 декабря 1956 г.
22. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 104–107. Протокол очной ставки обвиняемому Сандрову М. Н. со свидетелем В-ко Марией Степановной. 6 марта 1942 г.
23. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 150–151. Собственноручные показания арестованного Сандрова Михаила Никитича от 25.11.1941 г.
24. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 10. 141 л. Стенограмма VI пленума Молотовского обкома. 20.10.1941 г.
25. Печенкин А. А. Высший командный состав Красной Армии накануне и в годы Второй мировой войны : дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 662 с.
26. Постановление ГКО СССР «О преобразовании Ставки Главного Командования и назначении главнокомандующих войсками направлений». № ГОКО-83сс 10 июля 1941 г. // 1941 год : в 2 кн. Кн. 2 /

сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова; вступ. ст. акад. А. Н. Яковлева. М. : Междунар. фонд «Демократия», 1998. С. 469–470.

27. Потемкина М. Н. Эвакуанаселение в уральском тылу: опыт выживания // Отечественная история. 2005. № 2. С. 86–98.

28. Потемкина М. Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны : монография. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2016. 151 с.

29. Трудовой подвиг медицинских работников Пермской области в годы Великой Отечественной Войны. URL: <http://history.milportal.ru/trudovoj-podvig-meditsinskix-rabotnikov-permskoj-oblasti-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojni/> (дата обращения: 03.03.2023).

30. Чашухин А. В. Эвакуированные или депортированные? Образы чужаков и стратегии повседневности в отчетах партийных руководителей Прикамья // Вестник Пермского университета. Серия: История. Вып. 1 (28). 2015. С. 228–235.

31. Янковская Г. Эвакуация, или диалог поневоле // Родина. 2004. № 6. С. 20–23.

"There has never been any talk about primus": a domestic conflict with a political accusation

Kolchanova Yulia Sergeevna

PhD on Historical Sciences, associate professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0009-0002-1892-0190. E-mail: jukolchanova@gmail.com

Abstract. In the article, based on archival materials – interrogation protocols, reports of informants, decisions of judicial and extrajudicial bodies, diary entries and minutes of party meetings – a reconstruction of an episode from the life of evacuees in 1941 was made. The study was carried out on the basis of the application of the microhistoric method. The purpose of the article is a detailed analysis of the domestic conflict that ended with the arrest and death of one of the participants. The conflict is based on the struggle for housing space between the daughter-in-law of the owners of the house evacuated from Moscow and the engineer who moved in with them. To evict him, various means were used: from domestic harassment to political provocation. The engineer's statements were "taken on a pencil" and sent to the NKVD bodies in the form of reports. Thanks to the vigilance of the "Gyrfalcon" informant, it became possible to restore fragments of secret public opinion that circulated in engineering circles in Molotov, to detect their indirect dependence on official information bodies, to restore the semantic structures of urban discourse. Engineer M. N. Sandrov, traumatized by the evacuation, the non-stopping German offensive, the careless behavior of the townspeople, tried to find out the origins of the tragedy. He considered the leaders of the Soviet Union and personally I. V. Stalin responsible for it, unsuccessful military leaders and the lack of necessary vigilance against hidden enemies and saboteurs, emphasized his distrust of the reports of the Sovinformburo. Moreover, he considered his judgments quite acceptable and shared them with unfamiliar people, not paying attention to their negative reaction. As a result, he was arrested by the NKVD under art. 58-10 of the Criminal Code of the RSFSR and died in prison without waiting for the verdict. The family's desire to get rid of the annoying guest was satisfied.

Keywords: 1941–1942, evacuation, trauma, engineer, repression.

References

1. Adamson Yan Simanovich – Adamson Yan Simanovich // *Kombrig RKKK 1935–1940 gg.* – The brigade commanders of the Red Army 1935–1940. Available at: <https://www.nashapobeda.lv/4705.html> (date accessed: 05.09.2022).

2. Plant No. 10 n. a. F. E. Dzerzhinsky NKB. Available at: <https://oboron-prom.ru/page,21,predpriyatiya-6-160.html>. (date accessed: 19.02.2023).

3. Plant No. 119 NKOP. Available at: <https://oboron-prom.ru/page,21,predpriyatiya-101-150.html>. (date accessed: 10.02.2023).

4. Kolosov M. "Nikogo ne trogayu, pochinyayu primus". *Kak malen'kaya benzinovaya plitka stala simbolom epohi. Literaturno-istoricheskij ekskurs ot "Belgorodskih izvestij"* ["I don't touch anyone, I fix the primus." How a small gasoline tile became a symbol of the era. Literary and historical excursion from the "Belgorod news"]. Available at: <https://www.belpressa.ru/society/drugoe/40828.html#> (date accessed: 26.03.2023).

5. Kumanev G. A. *Vojna i evakuaciya v SSSR. 1941 i 1942 gg.* [War and evacuation in the USSR. 1941 and 1942] // *Otechestvennaya istoriya – Russian History*. 2006. No. 6. Pp. 7–27.

6. Leibovich O. L. *Antisemitские настроения в советском тылу СССР во Второй мировой войне: Оккупация* [Anti-Semitic sentiments in the Soviet rear of the USSR in the Second World War: Occupation] // *Holokost. Stalinizm – The Holocaust. Stalinism* / ed. and comp. O. V. Budnitsky, L. G. Novikova. M. ROSSPEN. 2014. Pp. 280–296.

7. Lejbovich O. L., Kazankov A. I. "Inkvizitorskaya antropologiya" kak generator istoricheskikh narrativov sovetsoj epohi ["Inquisitorial anthropology" as a generator of historical narratives of the Soviet era] // *Shagi/Steps – Steps/Steps*. 2022. Vol. 8. No. 3. Pp. 198–214.
8. Muhin M. Yu. *Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 gg.* [Aviation industry of the USSR in 1921–1941]. M. Nauka (Science). 2006. 320 p.
9. Perm State Archive of Socio-Political History (PermSASPH). V-ko E. A. Statement to the Military Commissar of the evacuation Hospital No. 1711 from the head of office management. Copy. Typescript. Without date.
10. PermSASPH. F. 1241. Inv. 1. File 316. L. 54. Denisov – Dezhin. 12.09.1941
11. PermSASPH. F. 6330. Inv. 5. File 10. *Dnevnik A. I. Dmitrieva* – Diary of A. I. Dmitriev. 1941.
12. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. L. 165. *Dopolnitel'nyj protokol doprosa svidetelya Marii Stepanovny V-ko* – Additional protocol of the interrogation of witness Maria Stepanovna V-ko. August 18, 1941.
13. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. *Zhurkov Mihail Matveevich, Sandrov Mihail Nikitich* – Zhurkov Mikhail Matveevich, Sandrov Mikhail Nikitich. 20.12.1941–23.03.1942.
14. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 227–230. *Zaklyuchenie po arhivno-sledstvennomu delu № 26645* – Conclusion on the archival and investigative case No. 26645. Molotov. December 27, 1956.
15. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 69–70. *Memorandum po delu – formulyar № 4254 na Sandrova Mihaila Nikiticha* – Memorandum on the case – form No. 4254 on Mikhail Nikitich Sandrov.
16. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. *Nablyudatel'noe delo Prokuratury Molotovskoj oblasti po delu Zhurkova M. M., Sandrova M. N.* – The supervisory case of the Prosecutor's Office of the Molotov region in the case of Zhurkov M. M., Sandrova M. N. 1942.
17. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 137–140. *Obvinitel'noe zaklyuchenie po sledstvennomu delu № 1551* – Indictment in the investigative case No. 1551. April 5, 1942.
18. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 255–255 turn. *Postanovlenie Prezidiuma Permskogo oblastnogo suda* – Resolution of the Presidium of the Perm Regional Court. May 14, 1968.
19. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 162–164 turn. *Protokol doprosa svidetelya M. S. V-ko* – The protocol of the interrogation of the witness M. S. V-ko. August 18, 1941.
20. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 179–182. *Protokol doprosa svidetelya P. B. V-ko* – The protocol of the interrogation of the witness P. B. V-ko. November 28, 1956.
21. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 200–202. *Protokol doprosa svidetelya. M. S. V-ko* – The protocol of the interrogation of the witness. M. S. V-co. December 18, 1956.
22. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 104–107. *Protokol ochnoj stavki obvinyaemomu Sandrovu M. N. so svidetelem V-ko Mariej Stepanovno* – The protocol of the confrontation with the accused Sandrov M. N. with the witness V-ko Maria Stepanovna. March 6, 1942.
23. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 150–151. *Sobstvennoruchnye pokazaniya arestovannogo Sandrova Mihaila Nikiticha ot 25.11.1941 g.* – The handwritten testimony of the arrested Sandrov Mikhail Nikitich dated 25.11.1941.
24. PermSASPH. F. 105. Inv. 7. File 10. 141 sh. *Stenogramma VI plenuma Molotovskogo obkoma* – Transcript of the VI plenum of the Molotov Regional Committee. 20.10.1941.
25. Pechenkin A. A. *Vysshij komandnyj sostav Krasnoj Armii nakanune i v gody Vtoroj mirovoj vojny : diss. ... d-ra ist. nauk* [The supreme command structure of the Red Army on the eve and during the Second World War : diss. ... Dr. Histor. Sciences]. M. 2003. 662 p.
26. *Postanovlenie GKO SSSR "O preobrazovanii Stavki Glavnogo Komandovaniya i naznachenii glavnokomanduyushchih vojskami napravlenij". № GOKO-83ss 10 iyulya 1941 g.* – Resolution of the GKO of the USSR "On the transformation of the Headquarters of the Main Command and the appointment of the commanders-in-chief of the directions of the troops". No. GOKO-83ss July 10, 1941 // 1941 : in 2 books. Book 2 / comp. L. E. Reshin et al.; ed. by V. P. Naumov; introd. art. by akad. A. N. Yakovleva. M. International Fund "Democracy". 1998. Pp. 469–470.
27. Potemkina M. N. *Evakonaselenie v ural'skom tylu: opyt vyzhivaniya* [Evacuation in the Ural rear: the experience of survival] // *Otechestvennaya istoriya* – Domestic history. 2005. No. 2. Pp. 86–98.
28. Potemkina M. N. "Vykovyrennye": *lichnostnoe vospriyatie evakuacii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny : monografiya* ["Dug out": personal perception of evacuation during the Great Patriotic War : monograph]. Magnitogorsk. Publishing house of Magnitogorsk State Technical University n. a. G. I. Nosov. 2016. 151 p.
29. *Trudovoj podvig medicinskih rabotnikov Permskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj Vojny* – Labor feat of medical workers of the Perm region during the Great Patriotic War. Available at: <http://history.milportal.ru/trudovoj-podvig-medicinskix-rabotnikov-permskoj-oblasti-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (date accessed: 03.03.2023).
30. Chashchuhin A. V. *Evakuirovannye ili deportirovannye? Obrazy chuzhakov i strategii povsednevnosti v otchetah partijnyh rukovoditelej Prikam'ya* [Evacuated or deported? Images of outsiders and strategies of everyday life in the reports of party leaders of the Kama region] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorija* – Herald of Perm University. Series: History. Is. 1 (28). 2015. Pp. 228–235.
31. Yankovskaya G. *Evakuaciya, ili dialog ponevole* [Evacuation, or dialogue involuntarily] // *Rodina* – Motherland. 2004. No. 6. Pp. 20–23.

Влияние Новокрещенской конторы на миссионерскую деятельность в пределах Вятской и Великопермской епархии

Орлов Максим Александрович

кандидат исторических наук, Петербургский лицей.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. В истории России XVIII в. Новокрещенская контора занимает особое место. С одной стороны, это был орган церковного управления, созданный для организованного ведения миссионерской деятельности в Волго-Уральском регионе. С другой стороны, Новокрещенская контора являлась уникальным проектом по управлению народами указанного региона в рамках формирующейся Российской империи. Процесс образования поликонфессиональной империи начался после покорения Иваном Грозным Казанского ханства. Включение народов Поволжья и Приуралья в общероссийское правовое и культурное пространство требовало не только административных мер и развития хозяйственных связей, но и просветительской работы, христианизации нерусского населения большого многоэтничного региона. Создание Новокрещенской конторы и активная миссионерская деятельность увеличили численность православного населения Российской империи. Это был значительный шаг по сближению славян с финскими и тюркскими народами Волго-Уральского региона. В пределах Вятско-Камского региона осуществлялись схожие процессы. Вместе с тем миссионеры Вятской и Великопермской епархии действовали достаточно автономно от Новокрещенской конторы. Во многих случаях организация новокрещенских приходов и финансовое обеспечение миссии осуществлялись силами вятского епархиального руководства. Влияние Новокрещенской конторы на ход миссионерской деятельности в пределах Вятской епархии выразилось в приезде миссионеров, присылке церковной утвари и общей организации миссии.

Ключевые слова: Новокрещенская контора, Вятка, миссия, христианизация, Вятско-Камский регион.

Общая характеристика периода и конторы. В исторической литературе православная миссия во время деятельности Новокрещенской конторы оценивается по-разному. Одни рассматривали учреждение Новокрещенской конторы как значительный шаг вперед в деле христианизации народов России. Обоснование следующее: миссионеры получили внушительную поддержку от государства, была выработана правильная организация миссии, продуман план всестороннего насаждения Христовой веры среди язычников и мусульман Поволжья и Приуралья [1; 7; 8; 44]. Существует полярный взгляд, в основе которого лежат затронутые религиозные и национальные черты народов Волго-Камского региона. Встречается утверждение, что Новокрещенская контора – это «типичный орган военно-бюрократической системы полицейского абсолютистского государства, построивший свою деятельность на насилии и принуждении» [5, с. 24], что контора оставила «драматический след на страницах истории и “скрижалях” сознания народов края» [6, с. 4].

Оба взгляда поражают своей непримиримостью. Первый отражает интересы православных миссионеров, рассматривая христианизацию как дело просвещения «иноверных» истинной верой. Второй является показателем настроений и взглядов народов Волго-Камского региона, стремящихся сохранить национальные традиции и веру предков. Любые действия, совершенные царским правительством и православным духовенством, априори выставляются как враждебные. Поэтому подобные работы зачастую являются скорее настроением или впечатлением, нежели аналитическим исследованием. Под покровом науки авторы решали насущные вопросы своего времени, в частности, пытаясь доказать правомерность выхода некоторых субъектов из состава Российской Федерации [4]. Исторические факты группировались в нужном направлении: из виду упускалось то, что не встраивалось в сценарий сюжета.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть деятельность Новокрещенской конторы как уникального проекта организации миссии в рамках отдельно взятого региона – Вятско-Камского края. Цель исследования сводится к изучению степени влияния Новокре-

щенской конторы как особого органа управления религиозным разнообразием Российской империи на ход миссии, развернувшейся в пределах Вятской и Великопермской епархии в середине XVIII в.

Всякий раз, когда речь заходит о православной миссии XVIII в., необходимо обращаться к такому феномену, как государство-модерн, которое начало формироваться во время Петра I. Модернизированное государство стремилось к максимальному охвату народов огромной империи. Поэтому изучение Новокрещенской конторы не может рассматриваться вне контекста процесса империостроительства. Это был своеобразный, можно сказать, уникальный проект по расширению имперского пространства не вширь, а вглубь – распространение правового и культурного влияния центра на окраины.

Волго-Камский регион являлся особым «звеном» в территориальной структуре Российской империи. П. Верт отмечал, что в России данный регион приобретал особое значение, как первое крупное нерусское и нехристианское территориальное приобретение, датируемое завоеванием Казанского ханства в 1552 г. Кроме того, регион был расположен между «славянским ядром» (Slavic core) империи и «чужим пограничьем» (alien borderlands) [46, p. 6]. Несмотря на то, что регион был давно включен в состав Российского государства, к XVIII в. его связи с центром, особенно если речь идет о нерусском населении края, носили в основном фискальный характер. Ю. Л. Слезкин заметил, что до Петра I московское правительство рассматривало нерусское население только с точки зрения выгоды, то есть получения ясака. Только с Петра I правительство стало интересоваться культурной и духовной жизнью всех своих подданных [20, с. 120–121].

В первой четверти XVIII в. нерусское население Волго-Камского региона стало активнее включаться в единое политико-правовое пространство России. На языческое и мусульманское население была распространена рекрутская повинность и подушная подать. Предпринимались попытки христианизации «иноверных». Этот процесс происходил медленно, так как миссия велась силами отдельных лиц. Не хватало постоянно действующего учреждения, основанного на регулярных нормах. При императрице Анне Иоанновне возникает идея создания церковно-государственного учреждения, деятельность которого должна была направляться на продвижение православия среди язычников и мусульман в рамках огромной территории, от Волги до Урала. Таким образом, идея модернизации проникает в православную миссию, занимая место прежних принципов распространения православия, когда оно принималось под влиянием личного примера святого подвижника или близкого сожительства с русским населением.

В этом значительном историческом факте важен следующий момент: миссия стала проводиться «сверху», при значительной поддержке государства, тогда как прежде она инициировалась отдельными личностями, как правило, монашествующими, которые вкладывали в дело личное обаяние и симпатию. Значительное огосударствление миссии заложило противоречия в ее развитие: с одной стороны, численность православных в России значительно возрастала, открывалось много новокрещенских приходов, ставших впоследствии фундаментом дальнейшей христианизации народов Волго-Уральского региона; с другой стороны, такая крупная правительственная акция неизбежно порождала неумеренность в увеличении числа новокрещенных, что отражалось на качестве «материала», а также случаях нарушения правил добровольного крещения, то есть принуждении к принятию христианства.

При изучении православной миссии второй трети XVIII в. есть момент, на который стоит обратить внимание. Когда речь заходит об интеграции народов Российской империи, необходимо учитывать, что люди того времени не мыслили категориями современной исторической науки. Для них, особенно церковных иерархов, распространение христианства было делом богоугодным, духовной обязанностью просвещать «тьнь смертную». Включение же «иноверцев» в общеимперское пространство являлось результатом этой деятельности, а не самоцелью. Поэтому мы не можем согласиться с выводами о том, что христианизация *служила* процессу интеграции народов Российской империи в единую политическую систему [45, с. 36]. Нельзя, конечно, отрицать, что миссионерская деятельность нередко являлась таким средством. Но при этом вряд ли есть основания рассматривать процесс христианизации с сугубо политической точки зрения. Многие миссионеры и даже чиновники искренно полагали, что миссия есть дело просветительское, обязанность русского народа – принести евангельское учение «иноверным». В 1749 г. архимандрит Сильвестр (Гловатский) в донесении Св. Синоду писал, что новокрещеным необходимо неукоснительно предоставлять льготы, дарован-

ные царской властью, для того чтобы прочие «иноверцы» «из тьмы идолотворского заблуждения и вечной гибели в свет познания истины Христовой и к наследию вечного живота, приведены были» [17, л. 19 об. – 20]. Вятская духовная консистория предписывала проповедникам, чтобы они «в том богоугодном деле поступали... не тако ради воздаяния временного или хвалы за число приведенных к вере» [43, л. 2–4].

Особый орган власти для христианизации народов Волго-Уральского региона появился в 1731 г. под названием «Комиссии для крещения Казанских и Нижегородских мусульман и других инородцев». В 1734 г. Комиссия была переименована в Кантору новокрещенских дел [8, с. 10]. Следующий этап реорганизации был связан с изданием 11 сентября 1740 г. императрицей Анной Иоанновной указа, согласно которому произошла смена руководства Канторы. Было существенно скорректировано законодательство, связанное с распространением христианства среди народов Поволжья и Приуралья. С того времени в делопроизводстве все чаще употребляется выражение «Новокрещенская кантора», которое и вошло впоследствии в историческую литературу для обозначения органа церковного управления, созданного для распространения православия между народами Волго-Уральского региона.

Первые связи Новокрещенской канторы с вятским епархиальным руководством отмечены в 1739 г. Осенью этого года из Новокрещенской канторы в Вятку были присланы две промемории. Одна из них была отправлена в Верхочепецкий Воздвиженский монастырь. В ней сообщалось о крещении в Казани удмурта Гаврила Федорова. От Верхочепецкого монастыря Новокрещенская кантора требовала отдать новокрещеного удмурта «искусному священнику из бельцов» для обучения «молитвам и хождению в церковь». Вслед за этой промеморией в Хлыновскую провинциальную канцелярию была направлена другая промемория, с просьбой о предоставлении крещеному удмурту Гавриле налоговой льготы, а также выдаче ему денежного жалованья [35, л. 6–11].

В промемориях Новокрещенской канторы есть две неточности. Несколько раз в качестве игумена Верхочепецкого Воздвиженского монастыря назван некий Симеон. Но человека с таким именем, как заметил игумен Герасим, «во оном монастыре никогда не бывало». Вторая ошибка была связана с неверным наименованием Вятской и Великопермской епархии, которая была именована «Хлыновской епархией» [35, л. 6–7]. Вятское епархиальное руководство пыталось использовать указанные промемории с целью предоставления льгот новокрещеным. В деле о крещении удмуртов деревень Сибирской и Еловской Вятский духовный приказ перечисляет царские указы о даровании льгот принявшим православную веру, а также ссылается на «промеморию, присланную из Казани, из Канторы новокрещенских дел» [36]. Подобные упоминания есть и в других делах о крещении удмуртов [37; 38].

Вятская провинциальная канцелярия на тот момент подчинялась Казанской губернской администрации, поэтому ссылки на «казанский прецедент» должны были иметь силу для провинциальной канцелярии. Однако местная гражданская власть в первое время не предоставила льгот новокрещеным. Духовное и гражданское ведомства различно понимали, лучше сказать, толковали указы центральной власти. Для духовных властей предоставление льготы рассматривалось как стимул к принятию православной веры. Духовное ведомство было убеждено, что царская власть стоит на стороне миссионеров, а местные чиновники нарушают царскую волю. Светская власть была убеждена, что со своей стороны также отстаивает интерес верховной власти, ибо старается не допустить недоимки при сборе налогов и рекрутов для российской армии. Эта ситуация показывает, что в середине XVIII в. в государственном устройстве отсутствовал единый механизм реализации проектов (в данном случае миссионерского) центральной власти.

По мере географического расширения поля деятельности миссии, контакты Новокрещенской канторы с вятским епархиальным руководством усиливались. Они выразились в следующих направлениях: в приезде в Вятку руководителей канторы, в координировании Новокрещенской канторой основных направлений вятской миссии, посредничестве при распределении денежных средств и церковной утвари для обеспечения новокрещенских приходов.

Приезд миссионеров. В середине XVIII в. Вятку посетило несколько миссионеров, посланных Новокрещенской канторой: иеромонах Вениамин (Григорович), архимандрит Свяжского Богородицкого монастыря Сильвестр (Гловацкий), а также игумен Кизического монастыря Евмений (Скаловский). Первым в Вятку приехал иеромонах *Вениамин (Григорович)*. На тот момент он являлся помощником главы Новокрещенской канторы архимандрита Димитрия (Сеченова). Иеромонах Вениамин не знал языков народов Вятского края, поэтому в

качестве помощника ему был определен посадский г. Хлынова Тимофей Трефилов. Масштаб миссионерской деятельности иеромонаха Вениамина оказался невелик. Он посетил удмуртов села Дебес и, возможно, ближайшей к селу округи. Результатом этой миссионерской поездки было крещение 171 удмурта [21, с. 147].

Более значимый вклад в развитие вятской миссии оказал архимандрит *Сильвестр (Гловацкий)*. В миссионерских поездках по Вятской епархии его сопровождал священник Феодор Ившин, хорошо владевший удмуртским языком. Вятский епископ Варлаам (Скамницкий) рапортовал в Св. Синод, что при участии архимандрита *Сильвестра* в христианскую веру было обращено «до пяти тысяч душ» [15, л. 32]. В 1746 г. архимандрит Сильвестр сообщил епископу Варлааму, что в Слободском уезде с 1 января по 1 сентября того года крещено «до десятка тысяч душ» одних только мужчин, не считая женщин [16, л. 22–23 об.]. Архимандрит Сильвестр надеялся, что новокрещеных будет еще больше: «имеет он о Бозе надежду, что сего же года и все отяки того уезду (Слободского – авт.) крещение святое восприимут» [15, л. 55–55 об.]. Стоит заметить, что архимандрит Сильвестр и в других епархиях в процессе миссионерской деятельности проявлял большую активность. О его энтузиазме говорит следующее предание. Будучи в с. Перняги, архимандрит Сильвестр крестил всех марийцев этой местности [2, л. 127 об.]. В 1749 г. он доносил в Св. Синод, что в этот год «по призыванию и увещанию моему обще с помощники при проповеди слова Божия разных губерний и народов иноверцев обоих полов святым крещением просвещено шестнадцать тысяч пять сот шесть душ» [16, л. 91].

Какими приемами при обращении вятских «иноверцев» пользовался архимандрит Сильвестр, по имеющимся источникам сказать непросто. П. Н. Луппов без указаний на источник писал, что архимандрит Сильвестр приезжал в Вятку «для чтения увещательных грамот» [7, с. 146]. Историк предположил, что архимандрит с целью склонения язычников к христианству использовал увещательные грамоты. В период активного миссионерства середины XVIII в. многие миссионеры использовали царские грамоты, в которых обещались различные льготы тем, кто пожелал бы креститься [2, л. 130]. Указаний об использовании архимандритом Сильвестром «увещательных грамот» в источниках не имеется. Однако вряд ли стоит сомневаться, что этот миссионер, зарекомендовавший себя как поборник повсеместного предоставления льгот новокрещеным, не преминул воспользоваться таким способом для привлечения к православию и вятских «иноверцев».

Архимандрит Сильвестр как миссионер был фигурой далеко не однозначной. Он считал, что христианство может распространяться не только силой убеждения, но и с помощью административного ресурса, даже при отсутствии согласия креститься. Его миссионерские усилия не обходились без нарушений государственных законов и церковных правил. Правительство регулярно напоминало миссионерам, что крещение «иноверцев» должно совершаться по церковным правилам только по добровольному волеизъявлению (можно подтвердить архивом). Когда казанские татары подали жалобу на епископа Луку (Канашевича) о «подневольном» крещении, Св. Синод напомнил епархиальным архиереям о недопустимости подобных мер [18, л. 1–2 об.]. Архимандрит Сильвестр не всегда следовал этим нормам. А. Можаровский отмечал, что миссионер в отношении татар не чужд был «мер стеснительных». В Сибири, будучи митрополитом, он против воли родителей крестил их детей [9, л. 87–88].

Итак, архимандрит Сильвестр был не чужд использовать тривиальные способы распространения христианства среди язычников и мусульман. Но одной этой характеристики мало, чтобы понять роль архимандрита Сильвестра в развитии православной миссии в Вятской епархии. Архимандрит Сильвестр определял места строительства храмов в тех местах, где проживали новокрещеные. В 1745 г. он указал, что необходимо выстроить четыре храма: в Верхнем Укане, деревне Южской, Большом Полومه и деревне Понинской [30, л. 1–1 об.]. Впоследствии в этих местах долгое время находились храмы, в которых регулярно совершалось богослужение, крестины, а духовенство разъясняло, насколько это было возможно, основы христианской веры удмуртскому народу.

В помощь вятским миссионерам приезжал также игумен Кизического монастыря *Евмений*. Согласно донесению епископа Варлаама (Скамницкого) игумен Евмений «в нынешнем 746 году оных же отяков окрестил немалое ж число» [15, л. 84–85]. Этот миссионер не только способствовал распространению христианства, но и выступал третейским судьей в спорах между новокрещеными и духовенством. Так, он инициировал исследование спора между новокрещеными и духовенством с. Дебесы по поводу уплаты руги за венчание [23, л. 229 об.].

Таким образом, миссионеры Новокрещенской конторы внесли достаточно существенный вклад в историю вятской миссии. Но это было именно влияние, а не направление миссионерской деятельности, так как приезжие миссионеры появлялись в пределах Вятской епархии на определенное время, а потому могли лишь корректировать такой сложный процесс, как христианизация язычников и мусульман. Основная работа с местным населением велась архиерейским руководством и приходским духовенством.

В связи с тем, что в состав Вятской и Великопермской епархии входили пермские земли, следует обратиться к вопросу о христианизации данной территории. Так как целью работы было рассмотрение степени влияния Новокрещенской конторы на миссионерскую деятельность Вятской и Великопермской епархии, то нет необходимости исследовать процессы христианизации пермских земель вне связи с деятельностью Новокрещенской конторы. В архиве Вятской духовной консистории нами обнаружен только один документ, в котором выявилось влияние Новокрещенской конторы, это указ священнику очерской Сретенской церкви о необходимости при крещении «иноверцев» подчиняться «управителю конторы Новокрещенских дел». В указе прописывалось крестить «отяков» (удмуртов), живших в окрестностях Очера. В ответном рапорте приходской священник указал, что им, согласно указу духовной консистории, крещено 13 человек [40, л. 1 об.]. В середине XVIII в. состоялась миссионерская поездка игумена Иова (Тукмачева) к чердынским вогулам (манси), результатом которой стало крещение 123 человек [29, л. 799 об.]. Данная миссионерская работа не была связана с деятельностью Новокрещенской конторы, поэтому оставлена без подробного рассмотрения.

Новокрещенская контора выступала в качестве административного центра миссионерской деятельности в Волго-Камском регионе. В некоторых случаях новокрещенные обращались не в вятский архиерейский дом, а в Новокрещенскую контору, например, при рассмотрении дела о переводе новокрещенных из одного прихода в другой [22, л. 182 об.]. Новокрещенская контора являлась судебной инстанцией в случае возникновения конфликтов между прихожанами и духовенством. Удмурты д. Юскинской (Слободской уезд) подали жалобу в Новокрещенскую контору на местного священника на то, что он берет с них взятки, «чинит обиды», христианской вере не обучает. Удмурты ставили акцент на том, что «они восприимчивы крещению по желанию своему в недавних годах и в христианской вере еще не утверждены», потому просили назначить им другого священника [27, л. 143, 150].

Вятское епархиальное руководство обращалось за помощью в Новокрещенскую контору в тех случаях, когда местные чиновники противодействовали миссионерской деятельности. В 1745 г. Новокрещенская контора послала в Казанскую губернскую канцелярию промеморию, в которой прописывала «не малые обиды», чинимые Слободской воеводской канцелярией в отношении новокрещенных и просила предпринять соответствующие меры по их защите. Новокрещенская контора отмечала, что разорение новокрещенных может их «озлобить» и от христианской веры «отогнать» [42, л. 2–2 об.]. В подобных случаях церковное руководство, независимо от уровня (приходской священник – духовная консистория – епархиальный архиерей – Новокрещенская контора – Св. Синод), зачастую сталкивалось с препятствием в лице гражданского бюрократического аппарата (канцелярист – воевода – губернатор – Сенат). Гражданская власть, призванная обеспечить нормальное функционирование православной миссии, в действительности нередко противодействовала процессу христианизации [11].

Своеобразным структурным подразделением Новокрещенской конторы стала «команда» отставных офицеров и солдат. Она создавалась для обеспечения процесса переселения тех, кто не принимал крещения, а также для защиты миссионеров от нападений со стороны «иноверцев». Во главе этой своеобразной структуры власти долгое время стоял Б. Ярцов. В определенной степени в зависимости от Ярцова находилась хлыновская «команда» отставных солдат. В 1749 г. на имя командующего хлыновской «команды» С. Марданова поступил приказ Б. Ярцова контролировать процесс переселения «некрещенных, ежели живут с крещеными» [31, л. 2].

Судя по архивным документам «команда» военных помогала приходскому духовенству контролировать посещение новокрещеными богослужений [33, л. 2–3]. Данный институт власти был первой попыткой прямого вмешательства гражданской власти в процесс христианизации. После упразднения Новокрещенской конторы полномочия военных перешли к местным канцеляриям – Вятской провинциальной и Слободской воеводской, что видно из донесения Слободского духовного правления о необходимости понуждать новокрещенных «к хождению к славословию Божию» [24, л. 269]. После образования Вятской губернии обязан-

ность оказания помощи в понуждении новокрещеных к посещению церковных служб перешла к губернским властям и являлась неизменной до начала XX в. Таким образом, «команда» явилась первым камнем в создании системы модернизированного государства, стремившегося к максимальному охвату общественной и частной жизни подданных.

Финансовое обеспечение миссии. Новокрещенская контора являлась центром по перераспределению денежных средств, поступающих из государственного бюджета на нужды миссии. Выдача жалованья миссионерам, денежные вознаграждения новокрещеным, финансирование строительства храмов осуществлялось через ведомство Новокрещенской конторы. Вятское епархиальное руководство получало средства из конторы далеко не регулярно и не в полном объеме. П. Н. Луппов отмечал, что установленный правительством порядок, когда деньги перераспределялись Новокрещенской конторой, создавал затруднения для миссионеров. Вятской духовной консистории приходилось регулярно вести переписку с Новокрещенской конторой по вопросу о присылке денежных средств. Однако такая переписка, писал историк, зачастую оказывалась совершенно бесплодной [7, с. 153].

Часто складывалась такая ситуация, когда вятская миссия обеспечивалась за счет средств епархиальной казны. Вятский епископ Вениамин (Сахновский) писал в Св. Синод, что «многие желают воспринять святое крещение, точию требуют жалованья», а так как в Духовной приказ из Новокрещенской конторы денег не получил, то архиерей выдавал из собственных «келейных» тысячу рублей [18, л. 16 об.]. Епископ Вениамин, судя по его обращениям в Св. Синод, неоднократно выделял деньги на нужды миссии [13, л. 1 об.]. В архиве Вятской духовной консистории сохранилось много документов, показывающих, что миссия обеспечивалась в основном средствами вятского архиерейского дома [25, л. 95–95 об.; 26, л. 40; 33, л. 1]. Священник Федор Ившин в 1743 г. просил духовный приказ прислать ему для раздачи новокрещеным 1000 крестов и 200 икон. Миссионер указывал на то, что присланные до того кресты и иконы из «архиерейского дома» все розданы [39, л. 1 об.].

Между руководством Вятской епархии и Новокрещенской конторой велась длительная переписка по поводу присылки денег, необходимых для обустройства новокрещенских приходов, выплаты жалованья духовенству, а также по поводу возврата архиерейских денег, потраченных (затраченных) на миссию. В 1745 г. Вятская духовная консистория послала в Казань стряпчего Успенского Трифонова монастыря Ярофея Носкова с тем, чтобы он исходатайствовал о возврате денег в «вятский архиерейский дом». В Казани стряпчий должен был «требовать от оной Конторы о выдаче издержанных из казенных архиерейских денег тысячи двухсот шестидесяти рублей девятнадцати копеек» [41, л. 180 об.]. Получил ли вятский посланец необходимую сумму денег, неизвестно. В 1749 г. Вятская духовная консистория послала в Новокрещенскую контору промеморию с просьбой прислать денежную сумму, затраченную вятским архиерейским домом на новокрещенские нужды. Новокрещенская контора отвечала, что за прежние годы все в расход употреблено, а потому вернуть нечем [34, л. 1 об.].

П. Н. Луппов отмечал, что сложилась ситуация, когда Вятская епархия из ежегодно посылаемых в Новокрещенскую контору десяти тысяч рублей за все время получила всего 300 рублей [7, с. 154]. В редких случаях духовенство получало жалованье из Новокрещенской конторы [22, л. 475 об.].

История с возвратом потраченных вятскими архиереями денег на миссию затянулась на три десятилетия. Первый запрос в Св. Синод о компенсации был сделан в 1741 г. В Вятку был прислан ответ, что издержанные деньги следует требовать непосредственно от Новокрещенской конторы. Началась длительная и безрезультативная переписка, продолжавшаяся не один десяток лет. Только в 1770 г., когда Новокрещенская контора стала достоянием истории, Св. Синод постановил, что «по нынешним обстоятельствам оные деньги к возвращению уже не следуют. Отослать в архив» [14, л. 187].

Стоит заметить, что проблемы, связанные с финансовым обеспечением, не были характерны только для Вятской епархии. Это была общая проблема, с которой столкнулось руководство всех епархий Волго-Камского региона. Согласно подсчетам Н. В. Никольского, в чувашских новокрещенских приходах за все время существования Новокрещенской конторы священники получили жалованье всего один раз [10, с. 109]. Руководство конторы регулярно обращалось в Св. Синод, что отпускаемых из центра денег на крещение «инородцев» не хватает. Архимандрит Сильвестр доносил в Св. Синод, что присланная сумма на 1742 г. отпускаема была «по самому малому числу» и то не в полном объеме [18, л. 46–47]. Казанский епископ Лука (Канашевич) в 1755 г. доносил Синоду, что денег, необходимых для раздачи новокреще-

ным, нет, «а оныя новокрещены о произвождении им такового награждения просят» [16, л. 192 об.]. В то время когда уже не существовало Новокрещенской конторы, были произведены расчеты относительно отпускаемых сумм на новокрещенские дела. Оказалось, что за все двадцать три года существования конторы выдано было 126 923 рубля, а в «недосылке» осталось 195 140 рублей [19, л. 27].

Несколько лучше обстояло дело с получением церковной утвари: икон, «сосудов церковных» и колоколов. Священник с. Дебесского писал в духовную консисторию, что Николаевская церковь от Новокрещенской конторы церковной утварью «была удовольствована» [23, л. 175 об.]. Для строительства церкви Преображения в Каринской доле от Новокрещенской конторы были присланы иконы с прочей церковной утварью [23, л. 664 об.]. В 1753 г. Вятская духовная консистория получила из Новокрещенской конторы «святые иконы и прочую церковную утварь», переправив все это к десяти церквам в «новокрещенские жительствова» [32, л. 9 об.].

В заключение можно сказать, что *влияние Новокрещенской конторы на развитие вятской миссии было значительным, но не определяющим*. Этому есть несколько объяснений. Сказывался географический фактор. Несмотря на кажущуюся близость Вятской и Казанской епархий, сообщения между г. Хлыновом и Свияжском, где располагался штаб Новокрещенской конторы, были затруднены. Иллюстрацией этому может служить следующее дело. В 1748 г. Новокрещенская контора направила в Вятскую духовную консисторию промеморию, в которой просила прислать в Свияжск священников для принятия хлебного жалования. Руководство конторы опасалось, что «за долговременным в онбаре бытием *хлеб* (выделено мной) не слежался, не огорчал и не погнил и гадом не поеден был». В ответной промемории Вятская духовная консистория писала: «За дальним от Казани разстоянием, а иные за скудостью и за неимением к возке того хлеба лошадей отнюдь быть не могут» [28, л. 216 об.]. Таким образом, духовенство Вятской епархии не имело возможности регулярно принимать хлебное жалование, являвшееся в то время одним из главных источников существования. Вследствие этого оставался только один способ добывания пропитания: за счет новокрещенных прихожан.

Финансирование миссионерской деятельности – выдача денег на строительство храмов, их благоустройство, на небольшие подарки новопросвещенным, на поездки («подводы») духовенства – все это осуществлялось в основном за счет средств епархиальной казны. Экономическая составляющая православной миссии в синодальный период являлась одной из главных сторон процесса христианизации. Если прежде миссионерской деятельностью, как правило, занимались подвижники, монахи, то в XVIII – начале XX вв. эта сторона церковной жизни стала делом государственным. Разница очевидна: до XVIII в. численность новокрещенных была незначительной, они приписывались в основном к русским приходам, а отдельные миссионеры не требовали большого содержания. В синодальный период в результате массовой христианизации появляются новокрещенские приходы, требовавшие определенного содержания. Кроме того, государство взяло на себя обязательство выдавать денежные подарки новопросвещенным. Это была уже целая система миссионерской деятельности, и хозяином являлся тот, кто обеспечивал функционирование этой системы. В середине XVIII в. в пределах Вятско-Камского региона, очевидно, этим занимался вятский архиерейский дом.

Епархиальное руководство являлось распорядительным звеном миссии. Все акты миссионерской работы местное духовенство подтверждало не у руководства Новокрещенской конторы, а у вятского архиерея. Новокрещенская контора в свое время просила распоряжения правительства, чтобы местные архиереи не посвящали в новокрещенские приходы священников по своему усмотрению, без ведома конторы [12, с. 114]. Имеющиеся источники показывают, что духовенство назначалось по усмотрению Вятской епархии, а не Новокрещенской конторы.

Новокрещенская контора, как в целом миссия в годы правления императрицы Елизаветы Петровны, имела решающее значение в истории Русской Церкви и в судьбах народов Волго-Уральского региона. Со времен Крещения Руси такого массового приращения русского церковного общества, как это было в середине XVIII в., не было. Согласно ведомости Новокрещенской конторы, с 1741 по 1756 гг. в губерниях – Нижегородской, Оренбургской, Казанской, Воронежской, Московской – крещено было 412 962 человека [16, л. 206]. Церковный историк П. Знаменский приводил несколько иную цифру – 430 тыс. крещеных за те же годы [3, с. 36]. В суммарном объеме цифры разнятся не очень значительно. Если к этому прибавить данные за оставшиеся годы существования Новокрещенской конторы, то есть с 1757 по 1763 г., то получится следующая картина: в 1757 г. крещено было 5026 «иноверцев», 1758 г. –

5908, 1759 г. – 3804, 1760 г. – 2832, 1761 г. – 1333, 1762 г. – 135¹, 1763 г. – 242. Таким образом, с 1741 г., то есть с момента правления императрицы Елизаветы Петровны, когда развернулась массовая христианизация, до упразднения Новокрещенской конторы в Волго-Уральском регионе, было крещено (по данным, собранным Новокрещенской конторой) 432 242 «инородца». Можно с уверенностью утверждать, что Русская Церковь стала в этот период многонациональной и остается таковой по сей день.

Выявление точных данных о численности крещеных «инородцев», проживавших в пределах Вятской и Великопермской епархии, вызывает трудности. В середине XVIII в. границы епархиального и губернского ведомств не совпадали. Вятская и Великопермская епархия включала уезды Казанской и Оренбургской губернии, которые в ведомостях Новокрещенской конторы распределялись по губернскому, а не по епархиальному ведомству. Поэтому во избежание неточностей укажем численность новокрещеных, проживавших в Вятской провинции. Всего по провинции с 1741 по 1756 г. крещено 24 537 «инородцев» [16, л. 205–205 об.]. Данные по Вятской епархии неполные, так как часть приходов, находившихся в ведомстве вятского архиерейского дома, располагалась по Арской дороге, где крещено за тот же период 32 964 человека [16, л. 204].

Если говорить от имени народов Волго-Уральского региона, то нужно отметить, что период активного миссионерства существенно изменил, даже нарушил уклад жизни, веками складывавшийся у финских и тюркских народов. Значительно корректировались (хотя и полностью не заменялись) религиозные устои жизни, появлялись новые формы семейных отношений, основанных на христианском понимании брака, делался крупный шаг на сближение с русской культурой и формами быта. Таким образом, через Новокрещенскую контору новое государство-модерн расширило свою сферу влияния, охватывая новые слои населения. Русская Церковь приобрела почти полумиллионную паству, составленную из финских и тюркских народов. С этим феноменом неизбежно возникали трудности, но именно через них церковная история пополняется богатейшим опытом работы с «иноязычными» народами.

Для Вятско-Камского региона, как части Волго-Уральского, все эти процессы были характерны в такой же степени. Правда, вся эта структурная перестройка осуществлялась по большей части вятским епархиальным руководством, вложившим в дело развития миссии самый значительный вклад. В этом деле епархия опиралась главным образом на поддержку государства и посредничество Новокрещенской конторы.

Список литературы

1. Бехтерев В. Вотяки, их история и современное состояние. Бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы. Т. 84. СПб., 1880. С. 621–654.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 1274.
3. Знаменский П. Казанские татары. Казань : Типография Императорского Университета, 1910. 67 с.
4. Ислаев Ф. Г. Православные миссионеры в Поволжье. Казань : Татарское книжное издательство, 1999. 128 с.
5. Исаков Р. Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань : Татарское книжное издательство, 2011. 222 с.
6. Крайсман Н. В. Миссионерская политика российского правительства в Среднем Поволжье в XVIII веке: историко-политический анализ : дис. ... канд. ист. наук: 23.00.01. Казань, 2006. 235 с.
7. Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб. : Типография М. П. Фроловой, 1899. 333 с.
8. Малов Е. О. Новокрещенской канторе. Речь, произнесенная в торжественном годовичном собрании казанской духовной академии 1878 г. // Православный собеседник. 1878. Ч. III.
9. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М. : Общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1880. 261 с.
10. Никольский Н. В. Христианство среди чуваш среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1912. 416 с.
11. Орлов М. А. Влияние местных властей на процесс христианизации в Вятской и Великопермской епархии в XVIII веке // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 231–237.
12. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1899.

¹ Данные имеются только за первую половину года. Вряд ли стоит думать, что во вторую половину численность новокрещеных значительно возросла, если учитывать при этом динамику последних лет существования Новокрещенской конторы.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 22. Д. 611.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 31.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 337.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 26. Д. 169.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 242.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 31. Д. 205.
19. РГИА. Ф. 796. Оп. 60. Д. 29.
20. Слезкин Ю. Л. Естествоиспытатели и нации: русские ученые и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М. : Новое издательство, 2005. С. 120–154.
21. Фармаковский Игнатий, свящ. Материалы для истории Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. Отдел духовно-литературный. 1863. № 5. С. 146–152.
22. Центральный Государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 237. Оп. 1. Д. 1.
23. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 3.
24. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 10.
25. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 4.
26. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 4а.
27. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 9.
28. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 10.
29. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 13.
30. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 77.
31. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 152а.
32. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 156.
33. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 250.
34. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 373.
35. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 128.
36. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 131.
37. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 135.
38. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 136.
39. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 287.
40. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 294.
41. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 320.
42. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 492.
43. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 522.
44. Юзефович Б. М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1883. 64 с.
45. Юрганова И. И. Христианизация и исполнение православной обрядности на восточных окраинах Российской империи (вторая половина XVIII века) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 6. С. 34–43.
46. Werth Paul W. (Paul William). At the margins of orthodoxy: mission, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. Ithaca, London, 2002. 275 p.

Influence of the Novokreschenskaya Office on missionary activity within the Vyatka and Velikopermskaya dioceses

Orlov Maxim Alexandrovich

PhD in Historical Sciences, St. Petersburg Lyceum.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. In the history of Russia of the XVIII century. Novokreschenskaya office occupies a special place. On the one hand, it was a church administration body created for the organized conduct of missionary activities in the Volga-Ural region. On the other hand, the Novokreschenskaya Office was a unique project for managing the peoples of the specified region within the framework of the emerging Russian Empire. The process of formation of a multi-confessional empire began after the conquest of the Kazan Khanate by Ivan the Terrible. The inclusion of the peoples of the Volga region and the Urals into the all-Russian legal and cultural space required not only administrative measures and the development of economic ties, but also educational work, the Christianization of the non-Russian population of a large multi-ethnic region. The creation of the Novokreschenskaya office and active missionary activity increased the number of the Orthodox population of the Russian Empire. This was a significant step towards bringing the Slavs closer to the Finnish and Turkic peoples of the Volga-Ural region. Similar processes were carried out within the Vyatka-Kama region. At the same time, the missionaries of the Vyatka and Velikopermskaya dioceses acted quite independently from the Novokreschenskaya office. In

many cases, the organization of the New Baptismal parishes and the financial support of the mission were carried out by the forces of the Vyatka diocesan leadership. The influence of the Novokreschenskaya office on the course of missionary activity within the Vyatka diocese was expressed in the arrival of missionaries, the sending of church utensils and the general organization of the mission.

Keywords: Novokreschenskaya office, Vyatka, mission, Christianization, Vyatka-Kama region.

References

1. Bekhterev V. *Votyaki, ih istoriya i sovremennoe sostoyanie. Bytovye i etnograficheskie ocherki* [Votyaki, their history and current state. Everyday and ethnographic essays] // *Vestnik Evropy – Herald of Europe*. Vol. 84. SPb. 1880. Pp. 621–654.
2. State Archive of the Republic of Tatarstan (SART). F. 10. Inv. 2. File 1274.
3. *Znamenskiy P. Kazanskiye tatory* [Kazan Tatars]. Kazan. Imperial University Printing House. 1910. 67 p.
4. *Islaev F. G. Pravoslavnyye missionery v Povolzh'e* [Orthodox missionaries in the Volga region]. Kazan. Tatar Book Publishing House. 1999. 128 p.
5. *Iskhakov R. R. Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kam'ya (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.)* [Missionary work and Muslims of the Volga-Kama region (the last third of the XVIII – early XX century)]. Kazan. Tatar Book Publishing House. 2011. 222 p.
6. *Krajsman N. V. Missionerskaya politika rossijskogo pravitel'stva v Srednem Povolzh'e v XVIII veke: istoriko-politicheskij analiz : dis. ... kand. ist. nauk: 23.00.01* [The missionary policy of the Russian government in the Middle Volga region in the XVIII century: historical and political analysis : dis. ... PhD in Historical Sciences: 23.00.01]. Kazan. 2006. 235 p.
7. *Luppov P. N. Hristianstvo u votyakov so vremeni pervyh istoricheskikh izvestij o nih do XIX veka* [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical news about them to the XIX century]. SPb. Printing house of M. P. Frolova. 1899. 333 p.
8. *Malov E. O. Novokreshchenskoj kantore. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom godichnom sobranii kazanskoj duhovnoj akademii 1878 g.* [Novokreschenskaya cantore. Speech delivered at the solemn annual meeting of the Kazan Theological Academy in 1878] // *Pravoslavnyj sobesednik – Orthodox interlocutor*. 1878. Part III.
9. *Mozharovskij A. Izlozhenie hoda missionerskogo dela po prosveshcheniyu kazanskih inorodcev s 1552 po 1867 g.* [Presentation of the course of the missionary work on the enlightenment of Kazan foreigners from 1552 to 1867] // *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej Rossijskih – Readings in the Imperial Society of History and Antiquities of Russia*. M. Society of History and Antiquities of Russia. at Moscow University. 1880. 261 p.
10. *Nikol'skij N. V. Hristianstvo sredi chuvash srednego Povolzh'ya v XVI–XVIII vekah. Istoricheskij ocherk* [Christianity among the Chuvash of the Middle Volga region in the XVI–XVIII centuries. Historical essay]. Kazan. Tipol. of Imperial University. 1912. 416 p.
11. *Orlov M. A. Vliyanie mestnyh vlastej na process hristianizacii v Vyatskoj i Velikopermskoj eparhii v XVIII veke* [The influence of local authorities on the process of Christianization in the Vyatka and Velikopermskaya dioceses in the XVIII century] // *Hristianskoe chtenie – Christian reading*. 2018. No. 4. Pp. 231–237.
12. *Polnoe sobranie postanovlenij i rasporyazhenij po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossijskoj imperii. Carstvovanie imperatricy Elizavety Petrovny* – The complete collection of resolutions and orders on the Department of the Orthodox confession of the Russian Empire. The reign of Empress Elizabeth Petrovna. SPb. 1899.
13. Russian State Historical Archive (RSHA). F. 796. Inv. 22. File 611.
14. RSHA. F. 796. Inv. 23. File 31.
15. RSHA. F. 796. Inv. 25. File 337.
16. RSHA. F. 796. Inv. 26. File 169.
17. RSHA. F. 796. Inv. 28. File 242.
18. RSHA. F. 796. Inv. 31. File 205.
19. RSHA. F. 796. Inv. 60. File 29.
20. *Slezkin Yu. L. Estestvoispytateli i nacii: russkie uchenye i problema etnicheskogo mnogoobraziya* [Naturalists and nations: Russian scientists and the problem of ethnic diversity] // *Rossijskaya imperiya v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let : antologiya* – The Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years : anthology / comp. P. Vert, P. S. Kabytov, A. I. Miller. M. New Publishing House. 2005. Pp. 120–154.
21. *Farmakovskij Ignatius, priest. Materialy dlya istorii Vyatskoj eparhii* [Materials for the history of the Vyatka Diocese] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti. Otdel duhovno-literaturnyj* – Vyatka diocesan Gazette. Department of spiritual and literary. 1863. No. 5. Pp. 146–152.
22. Central State Archive of Kirov region (CSAKR). F. 237. Inv. 1. File 1.
23. CSAKR. F. 237. Inv. 1. File 3.
24. CSAKR. F. 237. Inv. 1. File 10.
25. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 4.
26. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 4a.
27. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 9.
28. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 10.

29. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 13.
30. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 77.
31. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 152a.
32. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 156.
33. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 250.
34. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 373.
35. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 128.
36. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 131.
37. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 135.
38. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 136.
39. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 287.
40. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 294.
41. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 320.
42. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 492.
43. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 522.
44. *Yuzefovich B. M. Hristianstvo, magometanstvo i yazychestvo v vostochnyh guberniyah Rossii* [Christianity, Mohammedanism and paganism in the eastern provinces of Russia]. SPb. Typ. of A. Tranchel. 1883. 64 p.
45. *Yurganova I. I. Hristianizaciya i ispolnenie pravoslavnoj obryadnosti na vostochnyh okrainah Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XVIII veka)* [Christianization and performance of Orthodox rites on the eastern outskirts of the Russian Empire (the second half of the XVIII century)] // *Gumanitarnyj vektor – Humanitarian vector*. 2020. Vol. 15. No. 6. Pp. 34–43.
46. *Werth Paul W. (Paul William). At the margins of orthodoxy: mission, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905*. Ithaca, London, 2002. 275 p.

Сотрудники «Вятских губернских ведомостей» в эпоху Великих реформ и контрреформ

Русинова Екатерина Александровна

аспирант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-4464-7909. E-mail: rusinowa.katerina2014@yandex.ru

Аннотация. «Вятские губернские ведомости» представляют собой важный источник, обладающий культурной и исторической ценностью. Газета являлась отражением социальных интересов и служила индикатором политической жизни страны. В годы правления Александра II газета переживала свой расцвет, связанный с проведением Великих буржуазных реформ, который сменился периодом стагнации эпохи контрреформ. Среди специалистов газета подробно изучалась с точки зрения ее содержания. Однако исследователи практически не касались вопросов внутренней структуры редакции, ее организации – факторов, которые способствовали развитию издания. Над газетой постоянно трудился штат служащих, о деятельности которых на сегодняшний день практически ничего неизвестно. Цель статьи – выявить ключевые особенности работы редакции газеты, ее творческого и технического коллектива.

В статье анализируется редакция газеты как единая организационная структура, уделяется внимание штатному и внештатному коллективу издания в 1860–1880-е гг., финансовым вопросам, а также отношениям с губернским начальством. Раскрывается деятельность редакторов не только как творческой единицы, но и исполнителей, ведавших хозяйственной деятельностью, вопросами распространения газеты, ее популяризации среди населения.

Важным аспектом изучения редакционного коллектива стало изучение социального состава авторов – внештатных сотрудников газеты. В «Вятские губернские ведомости» писали представители из различных уездов и сфер жизни. Широкоую журналистскую деятельность развернули этнографы, служащие народного образования, духовенство, мелкие уездные и волостные чиновники. Сохранились единичные публикации авторов-женщин.

Источниковой базой исследования стали архивные фонды Центрального государственного архива Кировской области и номера газет «Вятских губернских ведомостей».

В основе исследования лежат методы: историко-системный, статистический и контент-анализа. Благодаря историко-системному методу удалось рассмотреть газету как единую систему, в которой взаимодействовали творческая и техническая части под руководством редактора и губернского начальства. Статистический метод позволил проанализировать авторский коллектив газеты за 30 лет. Контент-анализ был необходим для исследования публикаций, выявления журналистских интересов авторов, изучения деятельности газеты в соответствии с общественно-политическими настроениями.

Ключевые слова: периодическая печать, Вятская губерния, «Вятские губернские ведомости».

Эпоха буржуазных реформ Александра II стала для периодической печати важным фактором их развития. Социально-экономические преобразования привели в обществе к появлению либерально-демократических настроений, которые откликнулись на страницах газет. Появление «Временных правил о печати» в 1865 г., когда существенно изменился характер цензурирования, дало большую свободу для издателей, предпринимателей и иных участников газетного дела [3, с. 28]. Таким образом, эпоха Великих реформ не только привела к количественному росту периодики, но и изменению ее содержания.

Однако смена курса, произошедшая после воцарения Александра III, резко изменила положение изданий. Уже 8 марта 1881 г. на заседании Совета министров С. Г. Строганов, П. А. Валуев и К. П. Победоносцев призвали к ограничению свободы печати. Обер-прокурор Синода назвал журналистику «самой ужасной говорильней, которая во все концы необъятной русской земли разносит хулу и порицание на власть... разжигает страсти, побуждает к самым вопиющим беззакониям» [10, с. 267]. Однако рост легальной и подпольной периодики, появление новых авторов с противоположными политическими взглядами уже невозможно было ограничить.

В таких условиях существовали «Вятские губернские ведомости», долгое время являвшиеся единственным постоянным печатным органом в губернии. Газета стала долгожителем местной периодики и выходила с 1838 по 1917 гг. Несмотря на общественные и политические настроения, ведомости всегда оставались актуальными и печатали материалы, посвященные

различным сферам жизни, таким как история, этнография, образование, сельское хозяйство, медицина и другие, иногда донося до читателей альтернативные мнения.

Газета принадлежала к числу официальных. В виде газетного стола она входила в состав Вятского губернского правления. Соответственно, редакция не имела автономии, финансово и идеологически зависела от государства, а сотрудники газеты в основном относились к канцелярии губернского правления, большинство из них имело гражданский чин. У каждой части ведомостей был свой редактор с несколько отличавшимся набором обязанностей. Так, редактор официальной части совмещал обязанности с должностью начальника газетного стола, что предполагало исполнение организационных дел. Помимо наполнения части газеты официальными сообщениями он также занимался выпиской изданий для губернатора и чиновников, организовывал и контролировал подписку ведомостей на территории губернии, контролировал вверенные финансы [18, л. 1–2] и так далее. Активное участие в организационных и экономических вопросах редакции принимали советники губернского правления. Так, в частности, долгие годы «внутренней кухней» газетного стола занимался советник В. А. Шубин. При этом из архивных документов ясно, что губернатор и вице-губернатор как непосредственное начальство также контролировали вопросы управления газетным столом и деятельности издания на территории губернии, имя вице-губернатора и секретаря долгое время указывалось в конце официального отдела газеты.

Редакция «Вятских губернских ведомостей» состояла из редакторов и так называемой технической части, куда входили смотритель типографии (иногда должность смотрителя и редактора занимал один человек), корректор, несколько писцов, как вольнонаемных, так и служащих канцелярии. При этом должность смотрителя типографии выгодно отличалась и в статусном, и в финансовом отношении. Также к редакции относились 1–2 разносчиков и сторож [16, л. 3]. В среднем газетный стол насчитывал 10–13 служащих. Техническим обслуживанием, то есть выпуском газеты, занималась губернская типография. Внутри газетного стола служащие не задерживались на долгий срок, писцы часто сменяли друг друга. «Долгожителями» коллектива газеты были редактор неофициальной части Н. А. Спасский, приступивший к обязанностям 15 февраля 1873 г. и прослуживший до 1891 г. [21, с. 58], и смотритель типографии П. М. Вычагжанин, занимавший должность с 1875 г. и, судя по архивным данным, продолжавший служить и в начале XX в. [19, л. 2].

Отдельно от редакции сформировалась творческая часть, куда входили постоянные авторы, публицисты, которые сотрудничали с газетой на общественных началах. По типу структур редакция напоминала современную пирамидальную структуру, где верхнюю позицию занимали не редакторы, а губернатор, вице-губернатор, советник как непосредственное руководство.

Немаловажным был вопрос жалования служащих. Оплата за службу варьировалась в зависимости от обязанностей. Например, в 1870-х гг. редактор неофициальной части Н. А. Спасский получал 50 рублей в месяц, с годовым окладом в 600 рублей соответственно [14, л. 4]. Редактор официальной части, по данным памятных книг, получал в год 300 рублей жалования и 300 рублей столовых [1, с. 5]. В 1880-х гг. при редакторе Д. Г. Утробине общая сумма увеличилась до 750 рублей в год [4, с. 208], что, к примеру, ниже жалования врача. Помощник редактора получал за год 400 рублей [4, с. 209]. Жалования остальных сотрудников варьировались. Например, в 1877 г. корректор И. И. Хрулев получал 30 рублей в месяц, писцы – от 25 до 5 рублей в зависимости от выполненной работы [14, л. 4]. Для сравнения: в то же время 25–35 рублей получали рабочие металлургического завода, 5 рублей – домашняя прислуга.

Жалование сотрудникам с течением времени увеличивалось неравномерно. К примеру, у смотрителя типографии оно выросло с 16.66 до 75, а позднее до 91 рубля, работа корректора – с 30 до 50 рублей, разносчики получали от 6 до 10 рублей, сторож отставной рядовой Николай Григорьев, который служил на этом месте не менее 20 лет, как видно из ведомостей, получал до 13 рублей 50 копеек жалования [16, л. 75]. Работа писцов оценивалась по-разному, в пределах 20–35 рублей [16, л. 75]. Ежегодно сотрудники газеты получали процентное вознаграждение. Исходя из этого, можно заметить, что труд газетного стола оценивался невысоко, в соответствии с окладами служащих младших чинов.

Иногда возникали финансово-бытовые споры и конфликты, которые вынуждали редактора прибегать к жестким мерам. Так, в архивных материалах от 1881 г. засвидетельствована переписка между коллежским секретарем Петром Дрягиным, служившим писцом в редакции, и редактором Н. А. Спасским. Дрягин подал жалобу губернатору на невыплату жалования по трудам и заслугам: «С декабря прошлого года положено жалование в 20 рублей. За март получил

3 рубля вместо 20, расписался по накладной за 3, в феврале недодали 14 рублей, расписался за 20» [15, л. 21]. Как утверждал сотрудник, во время работы не пропускал ни одного дня, кроме воскресных, между тем был уволен и не получил желаемой суммы. При этом обиженный служащий отмечал, что у него нет денег на гербовую марку, чтобы написать жалобу.

Редактор Спасский на обращение ответил, что Дрягин занимался делами неисправно, «получил по трудам и заслугам» и «ведя нетрезвую жизнь <...> не в состоянии был заниматься порученными ему бумагами» [15, л. 20]. Ситуация разрешилась тем, что на место «больного» переписчика был приглашен почетный гражданин Алексей Николаев Зеленин, ему же и была заплачена оставшаяся часть жалования. Примечателен в деле комментарий губернатора на докладной уволенного писца: «Врет» [15, л. 21]. После некоторых разбирательств история с увольнением писца сошла на нет.

Другим примером стал конфликт титулярного советника Александра Степанова Островского, служившего в Губернском Присутствии. Мужчина жаловался на коллег и начальство на невозможность быстрого выполнения ранее незнакомых ему должностных обязанностей, что стало причиной конфликта на службе: «...Последовали укоры и оскорбления вовсе незаслуженные <...> кроме того мне довелось выслушивать публично при всей канцелярии такие унижения, которых не ожидал и в течении всей почти 30летней службы не достаивался выслушивать. Случившееся затем в текущем месяце воспаление в левом боку заставило меня на время прекращать занятие, а это повело к тому, что у меня убавили из содержания 5 руб за текущий месяц <...> а вместе с тем они объяснили, что они ошиблись во мне, ожидая от меня не того на что рассчитывали...» [20, л. 73–74 об.]. Губернатор определил Островского писцом в редакцию газеты с окладом в 25 рублей.

Месяцем позднее Островский подал прошение на выдачу из типографских сумм 25 рублей в качестве помощи ввиду «уплаты самых неотложных долгов, последовавших по забору жизненных припасов и позаимствований <...> а вместе с тем положительная из этого невозможность приобретения даже жизненных продукты и припасы, потребные для пропитания себя и своего семейства» [20, л. 191а].

Как видно, редакторская деятельность предполагала не только наличие творческой составляющей, но и лидерских качеств, умения руководить и вести дела. При этом необходимо было выстраивать отношения не только с подчиненными, но и с местной властью, авторским составом и читателями. От деятельности редактора зависела направленность издания, его тон, что, несомненно, отражалось на продолжительности службы в должности. В период с 1860 по 1889 гг. сменилось 12 редакторов официальной части ведомостей и 9 редакторов неофициальной части. Ряд руководителей отстранили от должности за политическую неблагонадежность. Например, редакторы Н. В. Копиченко и К. А. Ген были политическими ссыльными, участниками общественных движений: Копиченко одно время состоял в «Земле и воле», а Ген участвовал в студенческом движении 1861 г. с Н. И. Утиным и Л. Ф. Пантелеевым [21, с. 55–56]. Биография и политические взгляды 1860-х не позволили обоим долго продержаться на службе. Так, К. А. Ген был отстранен от редакторской работы по указанию Министерства внутренних дел из-за перепечатанной в «Колоколе» острой заметки из неофициального отдела ведомостей. В материале описывалась смерть крестьянина после допроса [2, с. 21]. Эпизод привлек внимание самого А. И. Герцена, который был возмущен и напечатал новость в своей газете с ремарками.

Другим примером отставки из-за публикации может служить история этнографа и лингвиста Н. И. Золотницкого, которого местные историки считают одним из самых талантливых и деятельных редакторов газеты. За 3 года службы с 1860 по 1863 г. он привнес в ведомости демократичность, разносторонность, впервые ввел на страницы официальной газеты публичные дискуссии. В 1862–1863 гг. читатели наблюдали полемику между А. А. Красовским и П. В. Алабиным о значении библиотек [21, с. 50]. В 1862 г. Золотницкий под влиянием своего друга А. А. Красовского и с дозволения губернатора М. К. Клингенберга поместил в апрельском номере губернских ведомостей речь Герцена при открытии Вятской публичной библиотеки в 1837 г. Серьезность поступка подтверждает тот факт, что вятский губернатор дважды ездил в Петербург советоваться с известным цензором В. А. Цез, который желал дискредитировать «Колокол» в обществе. Публикация речи антимонархиста и сторонника левых взглядов могла помочь в этом. Однако провокативный метод не удался: Цез был отправлен в отставку, новому вятскому губернатору В. И. Чарыкову сделали строгий выговор, а Золотницкого уволили и обязали уехать из Вятки [21, с. 52–53].

Изучая деятельность редакторов «Вятских губернских ведомостей», можно отметить, что представители пореформенного времени отличались либеральным подходом к газете, привлечением интересных и талантливых авторов. И несмотря на короткое время работы,

каждый редактор оставил после себя культурное наследие. Редакторская работа неофициальной части в 1880-х гг. отличается большей формализованностью, что обусловлено реакционной политикой государства.

Для наполнения газеты актуальными сведениями редакция газеты обращалась к своим читателям в поисках авторов: «В настоящую пору многия известия из внутренней жизни губернии, заслуживающия общественного внимания, вовсе не сообщаются в Редакцию, и таким образом она лишена возможности личными средствами знакомить читателей с тем, что делается в разных уездах нашей обширной губернии. Редакция <...> озабочена приисканием себе постоянных сотрудников-корреспондентов, которые бы доставляли ей своевременно по возможности полные и правдивые сведения о внутренних явлениях жизни губернии... Она надеется, что между просвещенными обитателями губернии, в особенности между местным духовенством, Мировыми Судьями, местными чинами, учителями гимназий и других учебных заведений, найдутся лица, которые отнесутся сочувственно к приглашению Редакции и поделятся с нею своими сведениями» [18, л. 4–5].

Известно, что внештатные авторы не получали никаких гонораров за присылаемые публикации. В 1888 г. в связи с обращениями корреспондентов с разрешения губернатора начальником газетного стола было принято решение о выдаче отдельных оттисков или номеров газеты для поощрения авторов: «Лицам, статьи и материалы которых будут напечатаны в неофициальной части Губернских Ведомостей, выдавать в случае требования, по усмотрению Редакции, в виде гонорара, до десяти экземпляров того номера Ведомостей, в котором будет помещена известная статья, а за статьи, заслуживающие особенного внимания, отдельными оттисками, в том количестве экземпляров, какое будет признано возможным» [17, л. 203]. При этом за многолетнее сотрудничество губернатор одобрил особым разрешением бесплатно присылать газету на постоянной основе преподавателям Мариинской женской гимназии Спицыну и Юрьеву, а также Вятскому Александровскому реальному училищу [17, л. 203].

Для изучения личностей авторов издания был проанализирован указатель статей Вятских губернских ведомостей историка А. А. Спицына [9] в период с 1860-х по конец 1880-х гг. При анализе данных были выявлены более 170 авторов, сотрудничавших с газетой. Точное число установить невозможно, ввиду неполных данных. При этом большинство «внештатников» писали не более 1 материала. Однако были и те, кто долгое время сотрудничал с ведомостями и присылал большое количество материалов – это директор Вятской мужской гимназии И. М. Глебов, писарь Д. Л. Сенников, П. В. Алабин, общественный деятель, писатель и журналист, М. И. Куроптев, этнограф, секретарь Вятского губернского статистического комитета, священник и педагог Н. Н. Блинов, историк А. А. Спицын, врачебный инспектор И. И. Михайлов и другие [9].

С газетой желали сотрудничать не только местные публицисты. В архивных фондах сохранилось письмо от 1887 г. А. К. Полонянкина в редакцию губернских ведомостей: «В № 83 "Ведомостей" в объявлении об открытии подписки на 1888 год видно, что Редакция приобретает постоянных корреспондентов-сотрудников. Имея свободное время, я решаюсь просить Редакцию, не найдет ли она возможным зачесть меня в свои сотрудники. При этом нужным нахожу спросить, какого содержания желала бы иметь Редакция корреспонденции. Прошу также уведомить и о гонораре, если Редакция нужным найдет зачислить меня своим корреспондентом. П. С. Не лишним считаю присовокупить, что я состою постоянным корреспондентом "Волжско-Камского Слова" и теперь корреспондирую в Казанские газеты» [17, л. 12–13]. Неизвестен ответ редакции просителю, однако в указателе А. А. Спицына автора с такой фамилией не значится.

Постоянные авторы писали на темы, соответствующие их роду занятий. Так, например, И. И. Михайлов опубликовал большое количество материалов по медицине и инфекционным заболеваниям, ветеринарный врач Козаченко написал 6 заметок о торговле лошадьми и скотоводстве. Примечательно сотрудничество крестьянина, писаря Д. Л. Сенникова из Козаковского правления Котельничского уезда. Он неоднократно публиковал свои материалы по сельскому хозяйству, сведения о жизни губернии [2, с. 24]. Подобные материалы свидетельствовали о стремлении газеты охватить разные социальные группы и найти аудиторию не только среди интеллигенции и просвещенного населения, но и среди грамотных крестьян.

Были у редакции и постоянные литературные сотрудники. Свои стихи публиковал в ведомостях поэт М. С. Мусерский, как под своим именем, так и под псевдонимом Вятчанин. Мусерский некоторое время был сослуживцем М. Е. Салтыкова-Щедрина во время его ссылки, правителем канцелярии Вятского губернатора, членом губернского статистического комитета, секретарем губернского присутствия по крестьянским вопросам, мировым судьей в Слободском уезде [7, с. 175]. Отдельные произведения публиковал Н. Шиманский и неизвестный под псевдонимом N [9].

Культурную жизнь Вятской губернии обозревали неизвестные авторы, публиковавшиеся под псевдонимами Москвич, Зритель, Ш., М., Библиофил. Не только мужчины писали в Вятские губернские ведомости. По данным указателя А. А. Спицына, встречаются минимум три представительницы женского пола: А. К. Хлебникова в 1874 г. опубликовала статью «О средствах улучшения огородничества в северных уездах Вятской губернии» [13], у А. Томашевской в 1883 г. вышел ряд материалов, посвященных культуре и обработке льна [11], А. Филадельфова в 1860 г. описала поездку в Оренбургскую губернию по лечению кумысом [12].

Среди сотрудников газетного стола также были пишущие авторы. К ним в основном относятся редакторы газеты, например, Н. А. Спасский, Н. И. Золотницкий, К. А. Ген, П. М. Залесский. Упоминается также, что вице-губернатор В. А. Ратьков-Рожнов писал в «Вятские губернские ведомости» в качестве журналиста [5, с. 3], однако на данный момент нет подтвержденных публикаций его авторства.

Случались и отказы авторам неуместных произведений. В № 49 от 1862 г. редакция обратилась к внештатным авторам С. Т. Белошапкину и И. М. Б. в Котельнич: «Доставленные вами десять стихотворений: "К...", "Ей же", "Я был у ней", "Первая встреча", "На свиданьи" и пр. и т. п. неудобно напечатать в губернских ведомостях. ...Стихотворения ваши "Слезы сидельца", и "Чувства души" не могут быть напечатаны в губернских ведомостях» [6, с. 374].

Публикации авторов зависели от общественно-политического контекста. О народных нуждах в газете писали П. В. Алабин, Е. Пухов. Сообщалось о желании выпустить в Вятке серию брошюр для народа, авторы которых намеревались «пройти с простолюдином всю жизнь его», поговорить с крестьянином о его «жизне-бытье», об образовании [8, с. 18].

Важным средством распространения идей стали речи преподавателей на торжественных актах в учебных заведениях, которые публиковались в газете. Историческая тема прозвучала в 1862 г. в речи учителя истории Я. Г. Рождественского «Об отношении образованных классов нашего общества к народу». Актуальный подтекст имели речи «О невольничестве у древних римлян» и «О рабстве у современных народов», «Об общественной важности образования женщины» [8, с. 18].

Ключевым десятилетием для авторов считаются 1880-е гг., когда был взят курс на контрреформы. Цензурирование газет и общественной жизни привело к снижению полемики в «Вятских губернских ведомостях». Неофициальная часть газеты стала «сухой». Корреспондентского актива газета практически не имела, в основном предлагая читателю краеведческие материалы и перепечатки из других газет. В это время историческую тематику поддерживали А. А. Спицын, преподаватель В. П. Юрьев, инспектор училищ Н. Г. Первухин, автор под инициалами С. А. [21, с. 59–60].

В целом можно отметить, что в «Вятских губернских ведомостях» благодаря внештатным авторам существовало тематическое разнообразие материалов, их разнонаправленность и поиск «своей» целевой аудитории. В газете публиковались преимущественно люди, принадлежавшие к интеллигентному слою, но среди них наблюдалось и разнообразие: священники, учителя, мелкие волостные и уездные чиновники, врачи, ветеринары, представители промышленных предприятий, земства. Писали в газету и выходцы из крестьян, сообщая в основном сведения о сельском хозяйстве, жизни и быте своих волостей и уездов.

Таким образом, за 30 лет редакция «Вятских губернских ведомостей» не приобрела принципиальных изменений в организационном плане, оставаясь структурой, подотчетной губернской власти во всех ключевых аспектах. Однако огромную роль в работе издания играла редакторская должность, которая способствовала созданию образа газеты, привнесла на страницы издания новые формы и жанры, в частности, дискуссию. Деятельность редактора позволяла сохранять целостность коллектива, его дисциплину, способствовать развитию редакции.

«Обликом» газеты стал авторский коллектив издания, куда вошли известные деятели губернии из разных сфер. К постоянным авторам газеты можно отнести этнографа Н. Н. Блинова, основателя публичного музея П. В. Алабина, писателя М. И. Куроптева, директора мужской гимназии И. М. Глебова, историка А. А. Спицына и других. Некоторые из них широко продвигали идеи просвещения, народных нужд, крестьянских проблем. Также авторы газеты большое внимание уделяли истории и этнографии, медицине, сельскому хозяйству, промышленности, культуре. Нетипичным явлением были публикации авторов-женщин, что также свидетельствовало о стремлении издания к передовым для того времени идеям. Стоит также отметить разнородный социальный состав внештатных сотрудников, среди которых жители городов и деревень, представители духовенства, крестьянства, дворянства, разночинцев.

В 1860-е гг. благодаря талантливым сотрудникам газеты неофициальный отдел «Вятские губернские ведомости» пережил пик своего развития. Издание стало площадкой для высказывания представителей разночинцев и крестьянства, а демократически настроенное общество, сформировавшееся вокруг газеты, защищало людей из народа от нападков администрации, с нескрываемой симпатией говоря о них на страницах ведомостей [8, с. 18]. Однако некоторая вольность высказываний привела к увольнению трех редакторов газеты, отличавшихся широтой взглядов.

В 1870–1880-х гг. из «Вятских губернских ведомостей» по разным причинам, в том числе и из-за «неблагонадежности», ушло несколько творческих сотрудников, что отразилось на содержании. «Живые» материалы сменились перепечатками из других газет [8, с. 23].

В целом авторский и редакторский коллектив газеты определил развитие издания и его актуальность в условиях общественно-политического процесса.

Список литературы

1. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии. Вятка : Типография Губернского Правления, 1875. 395 с.
2. Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начала XX века) : учебное пособие. Ижевск : Изд-во Удмуртского университета, 1994. 112 с.
3. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. М. : Изд-во Московского университета, 1971. 88 с.
4. Календарь Вятской губернии на 1885 год / сост. Н. А. Спасский. Вятка : Губернская типография, 1884. 338 с.
5. Обед, данный 16 августа Вятским вице-губернатором В. А. Ратковым-Рожновым своим сослуживцам // Вятские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1895. № 65. С. 3.
6. От редакции // Вятские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1862. № 49. С. 374.
7. Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги. Киров : Кировское отделение Волго-Вятского книжного издательства, 1970. 288 с.
8. Сергеев В. Д. Из истории вятских газет. 1838–1917 : учеб. пособие. Киров : Кировский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2002. 103 с.
9. Спицын А. А. Систематический указатель статей местного отдела неофициальной части Вятских губернских ведомостей (1838–1890 гг.) // Календарь Вятской губернии на 1892 г. Вятка, 1891. С. 85–156.
10. Толмачев Е. П. Александр III и его время. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. 720 с.
11. Томашевская А. Культура и обработка льна // Вятские губернские ведомости. Отдел неофициальный. 1883. № 1. С. 3–4; № 3. С. 3–4; № 6. С. 3–4; № 7. С. 3–4; № 11. С. 3–4.
12. Филадельфова А. О ближайшем месте для лечения кумысом // Вятские губернские ведомости. Отдел неофициальный. 1860. № 30. С. 204–205.
13. Хлебникова А. К. О средствах улучшения огородничества в северных уездах Вятской губернии // Вятские губернские ведомости. Отдел неофициальный. 1874. № 99. С. 3–4.
14. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 583. Оп. 547. Д. 23.
15. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 551. Д. 12.
16. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 554. Д. 6.
17. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 556. Д. 91.
18. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 558. Д. 91.
19. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 561. Д. 7.
20. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 562. Д. 9.
21. Чудова Г. Ф. В те далекие годы. Киров : Волго-Вятское книжное изд-во, Кировское отд., 1981. 159 с.

Employees of the Vятka Provincial Gazette in the era of Great Reforms and counter-reforms

Rusinova Ekaterina Aleksandrovna

postgraduate student of the Department of History and Political Sciences, Vятka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4464-7909. E-mail: rusinowa.katerina2014@yandex.ru

Abstract. The Vятka Provincial Gazette is an important source of cultural and historical value. The newspaper was a reflection of social interests and served as an indicator of the political life of the country. During the reign of Alexander II, the newspaper experienced its heyday associated with the Great bourgeois reforms, which was replaced by a period of stagnation of the era of counter-reforms. Among the specialists, the newspaper was studied in detail from the point of view of its content. However, the researchers practically did not touch on the issues of the internal structure of the editorial office, its organization – the factors that contributed to the development of the publication. A staff of employees was constantly working on the newspaper,

about whose activities almost nothing is known today. The purpose of the article is to identify the key features of the newspaper's editorial office, its creative and technical staff.

The article analyzes the editorial office of the newspaper as a single organizational structure, pays attention to the staff and freelance staff of the publication in the 1860s–1880s, financial issues, as well as relations with the provincial authorities. The activity of editors is revealed not only as a creative unit, but also performers who were in charge of economic activities, issues of newspaper distribution, its popularization among the population.

An important aspect of the study of the editorial staff was the study of the social composition of the authors – freelance employees of the newspaper. Representatives from various counties and spheres of life wrote to the Vyatka Provincial Gazette. Ethnographers, public education officials, clergy, small county and township officials have launched extensive journalistic activities. Isolated publications of female authors have been preserved.

The archival funds of the Central State Archive of the Kirov Region and the issues of the Vyatka Provincial Gazette newspapers became the source base of the study.

The research is based on the methods of historical-system, statistical and content analysis. Thanks to the historical and systematic method, it was possible to consider the newspaper as a single system in which the creative and technical parts interacted under the guidance of the editor and the provincial authorities. The statistical method made it possible to analyze the author's team of the newspaper for 30 years. Content analysis was necessary to research publications, identify journalistic interests of authors, study the newspaper's activities in accordance with socio-political sentiments.

Keywords: periodical press, Vyatka province, "Vyatka provincial Gazette".

References

1. *Adres-kalendar' lic, sluzhashchih v Vyatskoj gubernii* – Address-calendar of persons serving in the Vyatka province. Vyatka. Printing House of the Provincial Government. 1875. 395 p.
2. *Vahrushev A. A. Stanovlenie i razvitie pechati Vyatskoj gubernii (XIX – nachala XX veka) : uchebnoe posobie* [Formation and development of the press of Vyatka province (XIX – early XX century) : textbook]. Izhevsk. Publishing House of Udmurt University. 1994. 112 p.
3. *Esin B. I. Russkaya dorevolucionnaya gazeta* [Russian pre-revolutionary newspaper]. M. Publishing House of Moscow University. 1971. 88 p.
4. *Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1885 god* – Calendar of Vyatka province for 1885 / comp. N. A. Spassky. Vyatka. Provincial printing house. 1884. 338 p.
5. *Obed, dannyj 16 avgusta Vyatskim vice-gubernatorom V. A. Ratkovym-Rozhnovym svoim sosluzhivcam* – Lunch given on August 16 by Vyatka Vice-Governor V. A. Ratkov-Rozhnov to his colleagues // *Vyatskie gubernskie vedomosti. Chast' neoficial'naya* – Vyatka provincial gazette. Unofficial part. 1895. No. 65. P. 3.
6. *Ot redakcii* – From the editorial office // *Vyatskie gubernskie vedomosti. Chast' neoficial'naya* – Vyatka provincial gazette. Unofficial part. 1862. No. 49. P. 374.
7. *Petryaev E. D. Lyudi, ruknvisi, knigi* [People, manuscripts, books]. Kirov. Kirov branch of the Volga-Vyatka Book Publishing House. 1970. 288 p.
8. *Sergeev V. D. Iz istorii vyatskih gazet. 1838–1917 : ucheb. posobie* [From the history of Vyatka newspapers. 1838–1917 : textbook]. Kirov. Kirov branch of Moscow Humanitarian and Economic Institute. 2002. 103 p.
9. *Spicyn A. A. Sistematicheskij ukazatel' statej mestnogo otdela neoficial'noj chasti Vyatskih gubernskih vedomostej (1838–1890 gg.)* [Systematic index of articles of the local department of the unofficial part of the Vyatka provincial gazette (1838–1890)] // *Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1892 g.* – Calendar of the Vyatka province for 1892 Vyatka. 1891. Pp. 85–156.
10. *Tolmachev E. P. Aleksandr III i ego vremena* [Alexander III and his time]. M. TERRA – Book Club. 2007. 720 p.
11. *Tomashvskaya A. Kul'tura i obrabotka l'na* [Culture and flax processing] // *Vyatskie gubernskie vedomosti. Otdel neoficial'nyj* – Vyatka provincial gazette. Unofficial department. 1883. No. 1. Pp. 3–4; No. 3. Pp. 3–4; No. 6. Pp. 3–4; No. 7. Pp. 3–4; No. 11. Pp. 3–4.
12. *Filadel'fova A. O blizhajshem meste dlya lecheniya kumysom* [About the nearest place for treatment with kumys] // *Vyatskie gubernskie vedomosti. Otdel neoficial'nyj* – Vyatka provincial gazette. Unofficial department. 1860. No. 30. Pp. 204–205.
13. *Hlebnikova A. K. O sredstvakh uluchsheniya ogorodnichestva v severnyh uezdah Vyatskoj gubernii* [On the means of improving gardening in the northern counties of the Vyatka province] // *Vyatskie gubernskie vedomosti. Otdel neoficial'nyj* – Vyatka provincial gazette. Unofficial department. 1874. No. 99. Pp. 3–4.
14. Central State Archive of the Kirov region (CSAKR). F. 583. Inv. 547. File 23.
15. CSAKR. F. 583. Inv. 551. File 12.
16. CSAKR. F. 583. Inv. 554. File 6.
17. CSAKR. F. 583. Inv. 556. File 91.
18. CSAKR. F. 583. Inv. 558. File 91.
19. CSAKR. F. 583. Inv. 561. File 7.
20. CSAKR. F. 583. Inv. 562. File 9.
21. *Chudova G. F. V te dalekie gody* [In those distant years]. Kirov. Volga-Vyatka Book Publishing House, Kirov Publishing House. 1981. 159 p.

Треугольник СССР – США – ОАР и обострение холодной войны на Ближнем Востоке в 1960 г.*

Сенников Алексей Иванович

кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-9329-2839. ResearcherID: I-4292-2018. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению истории взаимоотношений в политическом треугольнике СССР – США – ОАР на ближневосточной периферии холодной войны в 1960 г. Период конца 1950-х – начала 1960-х гг. стал рубежным в истории международных отношений. В 1958 г. произошли такие знаковые события, как создание Объединенной Арабской Республики и революция в Ираке, давшие толчок обострению холодной войны на Ближнем Востоке. В результате сложного динамичного процесса в советско-американских, советско-египетских и американо-египетских отношениях сложилась особая конфигурация, определявшая вектор дальнейшего движения региональной политики. До настоящего времени тема нормализации советско-египетских отношений после идеологического противостояния в 1958–1959 гг., во взаимосвязи с американо-египетскими отношениями находила слабое отражение в отечественной и зарубежной науке. На основе широкого круга исторических документов и историографии показаны истоки и развитие советско-египетского идеологического конфликта и раскрываются причины, способствовавшие нормализации отношений в 1960 г. Подробно анализируется роль США в этих событиях и практические действия администрации Д. Эйзенхауэра по сближению с Каиром на фоне временного ослабления позиций СССР в конце 1959 г. В настоящей статье уточняются и систематизируются знания по советско-египетским разногласиям 1958–1959 гг., раскрывается подоплека последующего сближения СССР и ОАР с учетом широкого международного контекста, в первую очередь американского фактора. Раскрываются последствия интеракций в политическом треугольнике СССР – США – ОАР, важность полученного советской и американской стороной опыта по взаимодействию с режимом, отверженным арабскому национализму, и его последствия.

Ключевые слова: СССР, США, ОАР, Г. А. Насер, Н. С. Хрущев, Д. Эйзенхауэр, холодная война на Ближнем Востоке, периферия холодной войны.

Введение. Как отмечают отечественные и зарубежные историки, 1958 г. стал рубежным для международных отношений и обозначил начало такого явления, как «арабская холодная война» [6; 80; 92; 102; 105]. Обострению биполярной конфронтации на Ближнем Востоке способствовало два ключевых события: образование Объединенной Арабской Республики (ОАР)¹ в феврале и революция в Ираке в июле 1958 г. Оба эти события воспринимались как успех движения пан-арабских сил (связываемых с именем египетского лидера Г. А. Насера) и подтверждение окончательного закрепления Советского Союза в роли важного игрока ближневосточного политического процесса, прорвавшего американский «южный санитарный кордон» сдерживания коммунизма.

События конца 1958 – первой половины 1959 гг. продемонстрировали изменчивость в политике ОАР в отношении СССР (союзника) и США (условного противника), желание и способность режима Насера противопоставлять арабский национализм не только западному империализму, но и мировому коммунизму. Это привело к идеологическому конфликту между Каиром и Москвой, обостренному началом политического соперничества между Насером и

© Сенников Алексей Иванович, 2023

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-10179).

¹ В силу того, что доминирующим звеном в едином государстве Египта и Сирии был именно Египет, далее по тексту при употреблении наименования Египет в контексте исторического периода 1958–1960 гг. следует считать его отождествляемым с ОАР целиком. Когда речь будет идти о двух субъектах Объединенной Арабской Республики, то они будут обозначаться соответственно как египетский и сирийский районы ОАР.

иракским лидером А. К. Касемом, опиравшимся на советскую помощь. Конфликт был использован Насером для поиска путей нормализации отношений с Вашингтоном. Накал напряженности спал к концу 1959 г., в советско-египетских и американо-египетских отношениях встали вопросы практического плана. В этой связи представляется актуальным изучение взаимоотношений в политическом треугольнике СССР – США – ОАР, существовавших в нем противоречий, взглядов на их дальнейшее развитие, разрешение, путей нормализации.

Целью данной статьи является рассмотрение результатов развития трехсторонней кооперации и противостояния СССР, США и ОАР в 1959–1960 гг. и определение их итогов к концу 1960 г. В процессе исследования использованы советские и американские источники и документы внешней политики [9; 10; 14; 20–76; 84; 91; 97; 99; 100; 101; 104; 106; 107–137]. Учтены актуальные отечественные [1; 6; 8; 11; 13; 17; 18; 19; 77; 79; 80; 82; 83; 85; 86; 87; 88; 90; 105; 140] и зарубежные [92; 93; 94; 95; 96; 98; 103; 139] исторические труды по данной проблеме. Следует отметить отсутствие комплексного анализа взаимоотношений в треугольнике СССР – США – ОАР в 1958–1960 гг. Статья продолжает ранее опубликованную работу по проблематике советско-египетского идеологического конфликта 1958–1959 гг.² и составляет часть научно-исследовательского проекта, посвященного изучению периферии холодной войны [5; 13; 16; 78; 81; 82; 86; 87; 88; 89; 105; 140].

Результаты взаимоотношений в треугольнике СССР – США – ОАР к концу 1959 г. Обладая уникальным геополитическим положением, Египет составлял важное звено во внешнеполитических планах Москвы и Вашингтона на Ближнем Востоке в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Образование ОАР в 1958 г. привело к усилению роли Каира в междарабских делах и политическом пространстве Ближнего и Среднего Востока, преодолению им морального и экономического эмбарго стран Запада. Важной составляющей внешнеполитической линии ОАР являлась ставка на позитивный нейтралитет, предполагавший балансирование между двумя сверхдержавами, взаимодействие с обеими, отстаивание суверенитета и «национальной гордости арабов», неприсоединение к двум военно-идеологическим блокам [98, р. 80]. В то же время внутренней причиной создания египетско-сирийского государства была установка на сдерживание коммунистического влияния в арабском регионе. Она отвечала стремлениям Насера противопоставить международному коммунизму арабский национализм, сочетавший элементы социализма, демократии и ислама [83, с. 72, 73].

В результате развернувшейся кампании преследования египетских и сирийских коммунистов в 1958–1959 гг. Н. С. Хрущев вынужден был выступить с осуждением подобной практики. Несмотря на развитие двусторонних экономических связей и важности Египта как точки опоры для продвижения интересов СССР на Ближнем Востоке [11, с. 50; 27; 83, с. 77; 101, р. 97], вопросы идеологического плана не могли быть просто проигнорированы Москвой [84, с. 348–352]. Следствием стала череда взаимных упреков прессы обеих стран [9, с. 68, 84, 88, 90; 10, с. 266; 20; 21; 77, с. 77; 80, с. 246; 94, р. 28; 96, р. 23; 107; 139, р. 260], обмен посланиями между советскими и египетскими лидерами, в которых они обозначили свое видение двусторонних противоречий [9, с. 68–71, 73–83, 94–116; 10, с. 262–265, 267–275; 15, с. 57]. Накаляло обстановку египетско-иракское противостояние [6, с. 11, 12; 105, pp. 92–95].

Каир использовал публичный характер нападок на СССР для налаживания контактов с Вашингтоном, пытаясь добиться от него нормализации экономического сотрудничества, уравновешивания советского вклада в развитие египетской промышленности, а потенциально и замены советского влияния в будущем [77, с. 111; 80, с. 208, 224; 98, р. 89; 100, pp. 516, 527, 528; 105, р. 94; 139, pp. 258, 261]. Сближение с Вашингтоном давало повод рассчитывать на налаживание торгово-экономических контактов с другими странами Запада, в первую очередь с Западной Германией (ФРГ), Италией и Японией [138, pp. 236, 237].

Острая фаза идеологического конфликта завершилась к осени 1959 г., хотя основные причины противоречий – борьба Насера с арабскими коммунистами и обезличенным «мировым коммунизмом», а также заигрывания Каира с американцами, египетско-иракское противостояние – сохранялись. Позиции Египта и Советского Союза сходились в том, что вопрос печати был внутренним делом обеих держав, а также по проблеме ближневосточного урегулирования [10, с. 283, 288, 293, 297]. Признавалось и то, что политические разногласия не оказали влияния на экономическое сотрудничество [9, с. 93; 22]. Поэтому участие советской сто-

² Сенников А. И. Обострение холодной войны на Ближнем Востоке: советско-египетский идеологический конфликт 1958–1959 гг. Вышла в № 1 журнала «Вестник гуманитарного образования» за 2023 год.

роны в индустриализации ОАР и борьба СССР с западным империализмом положительно освещались египетской прессой [7, с. 244; 23; 90, с. 35].

К концу 1959 г. перед Каиром встали вопросы практического плана, во-первых, экономические. Осенью был обнародован амбициозный десятилетний план развития ОАР, который предполагал удвоение валового национального продукта страны к 1970 г. Выполнение плана зависело от привлечения иностранных инвестиций и зарубежной экономической помощи [80, с. 255, 256; 103, р. 105]. Также направил министра экономики ОАР А. М. Кайсуни для переговоров о займах в Вашингтон [100, pp. 556–559], однако результаты поездки разочаровали официальный Каир. Хотя администрация Эйзенхауэра в декабре 1959 г. одобрила выделение кредита ОАР в размере 56 млн. долл. (из ранее обещанных 100 млн. долл.) [6, с. 15; 116; 117], в Каире рассчитывали на куда более значительную (в 2–3 раза) помощь. Тем не менее Насер продолжил посылать положительные сигналы Вашингтону, выражая надежду на выстраивание дружеских отношений [114]. Американское правительство не хотело торопить события, ожидая уступок от Египта [97, р. 35].

Центральным звеном десятилетнего плана была реализация проекта Асуанской Высотной плотины, рассчитанного на три фазы. Если исполнение первой очереди строительства в декабре 1958 г. взял на себя СССР (с предоставлением долгосрочного кредита на 90 млн. рублей) [18, с. 136], то будущее второй и третьей фаз повисло в воздухе. Во второй половине 1959 г. на этот счет стали появляться спекуляции в западной и арабской прессе [108; 113; 117; 138, р. 237]. В Вашингтоне рассчитывали, что контракт достанется одной из западных стран. Сами американцы также желали поучаствовать в проекте, видели потенциальный интерес со стороны Каира, но выставляли невыгодные арабской республике политические условия, главным из которых был отказ от сотрудничества с Москвой [100, р. 579].

Ухудшилось экономическое положение сирийского района ОАР в связи с проволочками в осуществлении аграрной и промышленной реформ, самоуправством местных чиновников, подспудной борьбой сирийских политических сил (политические партии и организации были запрещены в ОАР с марта 1958 г.), последствиями засухи 1958 и неурожая 1959 гг. [118].

Во-вторых, обострился вопрос безопасности ОАР в связи с провокациями на сирийско-израильской границе в декабре 1959 г. Израильское правительство Д. Бен-Гуриона изыскивало пути расшатывания положения ОАР и привлечения внимания США, для чего использовало пограничные столкновения для нагнетания арабо-израильского противостояния. В этой связи Каиру требовалась поддержка – прямая или косвенная – как Москвы, так и Вашингтона.

К началу 1960 г. у советского руководства накопился скептицизм в отношении дальнейшего сотрудничества с ОАР. Москва не планировала его прекращать, но исходя из сообщений арабской печати и заявлений египетского руководства, готовилась к худшему исходу [9, с. 117–119, 135; 19].

Дальнейшее развитие ситуации зависело теперь от действий Каира. Судя по составу советской делегации, направленной в январе 1960 г. для участия в церемонии открытия первой очереди строительства Асуанского гидроузла (ее возглавил министр строительства электростанций СССР И. Т. Новиков, хотя Насер приглашал лично Хрущева) [9, с. 122, 151; 24], советское правительство и Президиум ЦК КПСС не рассчитывали на новый прорыв в отношениях с ОАР.

Американское руководство, наоборот, ждало дальнейших шагов Насера по сближению со странами Запада, вызванных политическими (противостоянием с коммунистами) и экономическими (низким качеством советской технологической помощи) причинами. В Вашингтоне заранее знали, что страны Западной Европы не будут участвовать во второй очереди строительства Асуанской плотины без американской поддержки из-за серьезных политических рисков. Более того, американское руководство намеренно рекомендовало европейским союзникам этого не делать, исходя из собственных экономических соображений [100, pp. 578, 579; 104, pp. 21–31].

Факторы нормализации отношений между ОАР и СССР. В конце 1959 г. нормализации советско-египетских отношений способствовали два фактора: экономика и безопасность.

В экономическом плане ведущую роль сыграло строительство Асуанской плотины. При отсутствии конкурентных предложений по участию во второй фазе³, не желая идти на поли-

³ О западном участии в строительстве плотины «Правда» передавала постфактум сообщение египетской газеты «аль-Ахрам»: «Все разговоры о предложениях Запада были пустыми словами. О них шумели газеты, но в них не было даже намека на правду» [26].

тические уступки (а значит, и посрамление национального достоинства арабов) американцам, Каир не имел альтернативы советской помощи. Поэтому на встрече 8 января 1960 г. с главой советской делегации в ОАР И. Т. Новиковым Насер передал официальную просьбу к Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву принять участие во второй очереди строительства плотины [9, с. 122]. Новиков поспешил направить сообщение в Москву, однако ответа пришлось ждать до 15 января. Можно предположить, что недельная задержка была вызвана необходимостью в срочном порядке изучить этот вопрос и принять политическое решение на уровне Президиума ЦК КПСС. В конечном итоге ответ советского правительства был положительным [25].

Для Вашингтона такой исход событий был неожиданным. По мнению госдепартамента, советское оборудование не соответствовало международным стандартам, не могло конкурировать с западными образцами. Эксперты надеялись, что решение вопроса «будет отложено до тщательного изучения неизбежного предложения [из Западной] Германии» [100, р. 581]. Хотя слухи об этом предложении циркулировали в западной печати, Каир никаких предложений не получал.

Американское посольство в Каире, в отличие от старшего ведомства, указывало на вероятность такого исхода, хотя и отмечало, что с экономической точки зрения причины столь поспешного согласия ОАР на советские условия были неясными. Американские дипломаты были уверены, что за быстрым согласием Каира стоял шантаж Москвы о срыве строительства в условиях единоличного советского доминирования в технической составляющей проекта [100, р. 580]. В депеше отмечалось, что это соглашение означало полную военно-техническую зависимость ОАР от СССР, по крайней мере, до окончания строительства Асуанской плотины. Делался вывод, что интересы Запада в ОАР можно поддерживать только при активном участии в экономическом и гражданском развитии, упреждая создание почвы для дальнейшего роста коммунистического влияния [100, pp. 581, 582].

В реальности, как мы выяснили выше, торопилась не египетская, а советская сторона, и никаких предварительных, тем более политических, условий советское правительство перед режимом Насера не ставило, хватаясь за, возможно, одну из последних соломинок для сохранения прежнего уровня влияния в арабской республике.

Египет оставался открытым для западных инвестиций [120; 121; 132]. Из-за внутренних проволочек к марту 1960 г. американскими государственными кредитно-финансовыми агентствами египетской стороне было предоставлено займов всего лишь на 12 млн. долл. [103, pp. 107–109]. Подобные проволочки создавали картину отсутствия интереса у США в субсидировании египетских программ развития, приводили к разочарованию в правящих кругах ОАР.

В феврале 1960 г. начались первые шаги к усилению государственного сектора в экономике ОАР, выразившиеся в национализации финансово-промышленного концерна «Мыср» [7, с. 106]. Причиной этому послужили недовольство инвестиционной политикой банковской группы концерна, неисполнение предписаний по развитию промышленности и необходимость срочного поиска финансов для перекрытия понесенных в 1959 г. убытков. Советская сторона положительно встретила данный шаг, в то время как в Вашингтоне в очередной раз насторожились и раскритиковали нерыночные методы египетского правительства. По более поздним сообщениям ЦРУ, Москва взяла на себя компенсацию Египту всех субсидий, недополученных от Вашингтона [106]. СССР предоставил ОАР новый крупный кредит в размере 202,5 млн. рублей на вторую очередь строительства Асуанского гидроузла [18, с. 136].

Второй фактор нормализации отношений между СССР и ОАР и торможения такого же процесса в отношениях ОАР с США – фактор безопасности – был актуализирован произошедшими в декабре 1959 – феврале 1960 гг. столкновениями на израильско-сирийской границе [30; 31; 32; 109; 111; 112; 115; 119; 122; 123; 124; 125; 126; 130]. Израильское правительство желало использовать приграничные столкновения в качестве повода для нанесения удара по северному региону ОАР, надеясь получить поддержку США [6, с. 19, 20; 80, с. 310–312; 110; 113; 119; 129; 131; 135]. Благодаря совпавшим позициям Москвы и Вашингтона, не желавших разрастания конфликта, а также сдержанности, проявленной арабскими лидерами, кратковременный кризис не перерос в вооруженный конфликт [10, с. 299–303; 85, с. 159; 100, pp. 582, 583; 128]. Тем не менее выгодоприобретателями в данном конфликте стали Тель-Авив и Москва, поскольку симпатии американского общественного мнения оказались на израильской стороне, тогда как арабы обрушились с критикой на западные страны [17, с. 64; 133; 134;

135; 139, р. 264]. Последние особенно усилились после того, как Д. Бен-Гурион на волне общественных симпатий смог навязать Эйзенхауэру встречу в марте 1960 г.⁴ [85, с. 171].

В совокупности готовность СССР предоставить Каиру новый крупный транш, безальтернативность для Египта советских военных поставок при неготовности Вашингтона оказать столь же щедрую поддержку и его стремлении занять нейтральную позицию в арабо-израильском противостоянии, воспринимаемом арабами как позицию «произраильскую», привели к осознанию режимом Насера пагубности нагнетания отношений с Москвой.

От советской военно-технической поддержки в минуты кризиса зависела способность ОАР вести оборону. Это было дополнительно подтверждено в связи с задержками в поставках военной техники Египту в феврале 1960 г. (вместо сотни советская сторона согласилась на поставку ОАР лишь 15 самолетов, и то к сентябрю 1960 г., что было связано с нежеланием дополнительно осложнять накаленную обстановку) [10, с. 303, 304].

Трудности на пути к нормализации отношений между ОАР и СССР. Идеологические противоречия продолжали присутствовать в информационной повестке ОАР, но теперь египетский лидер стремился дистанцироваться от прямой критики Москвы и ее руководства. Насер переключился на развенчание радиопередач стран социалистического блока, посвященных судьбам египетских и сирийских коммунистов, «псевдосоциалистическим основам» арабского национализма и пропаганде коммунизма. Советская сторона также отстранилась от полемики в прессе, но на публичных дипломатических приемах в Москве выступления президента ОАР подвергались критике [10, с. 305].

В этой связи Насер через египетского посла в Москве М. аль-Куни попытался донести до советского правительства, что не выступает против «международного коммунизма», а лишь отражает нападки на себя лично. Египетский лидер заявил, что лояльно относится к друзьям, не использует эту дружбу для решения внутренних вопросов, призвал к «ликвидации мелочей в отношениях» и обещал, что «мы не будем выступать с критикой, если нас не будут критиковать. Или если без критики нельзя, то почему не критиковать друг друга "за закрытыми дверями"» [10, с. 306]. Аль-Куни заверял, что правительство Насера «не является антикоммунистическим» и лишь пытается показать «советским друзьям, что коммунизм в настоящее время не подходит для Египта». Ему пришлось признать, что египетские СМИ поступили неверно, когда отождествляли коммунизм с сионизмом и империализмом [10, с. 305].

Попытки дипломатов ОАР доказать, что египетские и сирийские коммунисты выступают против единого государства и в корне отличаются от советских коммунистов, встречали отпор работников советского МИД [10, с. 306], а в советской печати продолжилась критика репрессий в отношении египетских, сирийских и ливанских коммунистов в ОАР и применения к ним пыток [35]. Как показывают доклады американской разведки, такое положение вещей вызывало диссонанс в советском обществе, негативно воспринимавшем помощь Насеру [91].

Позиция Москвы, однако, была примирительной. В начале 1960 г. Хрущев заявил: «Мы забыли нашу ссору с Египтом. Все это было недопониманием и пустой тратой времени» [9, с. 122]. Советские дипломаты соглашались с тем, что обе страны, будучи противниками империализма, нуждались и долго будут нуждаться друг в друге. Положение было таково, что «экономические и политические отношения развивались по двум рельсам, которые не всегда шли параллельно друг другу и иногда расходились», поэтому «было лучше восстановить прежние, более близкие, сердечные отношения» [10, с. 306–308].

Политико-идеологический фактор советско-египетских разногласий в лице Ирака в 1960 г. перестал играть важную роль, поскольку после введения закона об ассоциациях (январь 1960 г.) режим Касема дистанцировался от коммунистов, пусть это и не сильно повлияло на личное соперничество Насера и Касема. Москва, выступая с поддержкой иракских коммунистов [28; 32], как и в ситуации с ОАР, не стала отказываться от поддержки Ирака – государства с антиимпериалистической риторикой [33; 34; 37; 39].

«Мягкая сила» советской дипломатии в отношениях с ОАР. В начале 1960 г. Москва стала активно использовать культурный потенциал продвижения своих интересов («мягкую

⁴ Встреча в итоге ни к чему не привела. Как отмечает А. Д. Эпштейн, «Бен-Гурион фактически читал Д. Эйзенхауэру лекцию о международном положении, от начала до конца пронизанную антикоммунистической и антисоветской риторикой», пытаясь под этим соусом вытребовать у Вашингтона современные вооружения, но «президент ответил, что не верит в то, что безопасность лежит в сфере вооружений» [85, с. 172].

силу») в отношениях с ОАР, способствуя их дальнейшей нормализации. Сюда относились обмены в области искусства, техническое сотрудничество, студенческо-преподавательские обмены, туризм [95, pp. 419–422].

Было открыто прямое воздушное сообщение между двумя странами [38]. Широко было разрекламировано турне Хрущева по странам Азии в первой половине 1960 г., которое приветствовали СМИ ОАР [29; 36], а председатель парламента А. Садат (считавшийся среди египетской элиты самым последовательным противником связей с СССР) направил поздравительное послание советскому народу, констатируя: «Нельзя не отметить выдающуюся роль Советского Союза, предоставившего азиатским и африканским странам экономическую и техническую помощь без каких бы то ни было условий» [40].

Чтобы произвести благоприятное впечатление на верующих египтян и сирийцев, устраивались показы фильмов о жизни советских мусульман. Сотрудниками МИДа и Совета по делам религиозных культов (СДРК)⁵ СССР готовились специальные рекомендации и памятки для работы с зарубежными мусульманами, анализировались и отбирались персоналии, позитивно относящиеся к советской стороне, с которыми стоило вести дипломатическую работу [1, с. 202, 203]. Духовные управления мусульман (ДУМ) по указанию СДРК трудились над созданием положительного образа СССР, занимались подготовкой советских мусульман и религиозных деятелей для участия в международных исламских конференциях, продвижением среди зарубежных единоверцев идей борьбы за мир и выступили с обращениями «Ко всем мусульманам мира», «Ко всем мусульманам стран Востока», «К народам арабских стран», «К братьям мусульманам во всем мире», высоко оцененным советским руководством [2, с. 16; 3, с. 12]. Как отмечает В. А. Ахмадуллин, многие международные акции мусульман СССР имели высокую эффективность [4, с. 248].

Весной Египет посетила научно-религиозная делегация СССР, представленная исламоведами и духовными лидерами мусульман. Они выступили с просветительскими лекциями перед Исламским конгрессом в Каире, чтобы развеять опасения относительно антирелигиозности коммунизма и продемонстрировать благополучие мусульман советских республик [10, с. 310].

Посол СССР в ОАР В. Я. Ерофеев проводил встречи с представителями египетской интеллигенции, часть которой, объединенная в рядах Египетского национального комитета мира, выступила против преследования коммунистов и демократов [10, с. 315–318]. Советский МИД настоятельно рекомендовал Ерофееву контактировать с политической элитой ОАР и устраивать регулярные встречи с египетским лидером (систематических контактов с ним, а значит, и обмена мнениями и конфиденциальной информацией в течение 1959 – начала 1960-х гг. практически не было) [10, с. 325–327].

Для нормализации важное значение имело сходство позиций СССР и ОАР по ряду международных вопросов: о поддержке обретавших независимость бывших африканских колоний, о национально-освободительном движении в Алжире, о Кубинской революции и режиме Ф. Кастро, о противодействии агрессивным намерениям Израиля [10, с. 328–331, 333, 334; 15, с. 43; 43; 44; 47; 48; 49; 90, с. 27, 31].

Экономическое сотрудничество – ключ к нормализации. В июле 1960 г. в ОАР вступила в силу десятилетняя программа развития (пришедшая на смену пятилетнему плану 1957–1961 гг.), которая предполагала укрупнение государственного сектора в экономике, продолжение индустриализации и аграрной реформы [7, с. 142; 101, р. 115]. Утверждая эту программу на конгрессе Национального союза, Насер подчеркнул, что на пути построения демократического и справедливого в социальном плане общества необходимо решить в первую очередь экономические проблемы [83, с. 71]. Стоимость реализации задумок оценивалась не менее чем в 2 млрд. долл. [103, р. 105], что было неподъемной суммой для Каира и требовало серьезной иностранной помощи.

В Москве предполагали, что при сохранении лояльного отношения Насера к сирийско-египетской буржуазии, план не удастся реализовать. При этом само появление плана уже означало внедрение в египетскую экономику основ планового хозяйства, что признавалось шагом в сторону прогрессивных изменений в жизни египетского общества [7, с. 109, 131].

⁵ В апреле 1960 г. прошло Всесоюзное совещание уполномоченных СДРК при СМ СССР, на котором одной из задач Совета было поставлено привлечение конфессий к борьбе за мир и разоблачению антисоветской пропаганды.

Во второй половине августа 1960 г. в СССР нанес визит вице-президент ОАР Н. Кахали. Он встретился с заместителем Председателя СМ СССР А. И. Микояном и Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым [53]. По итогу встреч были подписаны соглашение о предоставлении дополнительного советского займа (до 900 млн. руб. под 2,5 % годовых на 12 лет) на продолжение строительства Асуанского гидроузла и новых промышленных предприятий в египетском районе ОАР⁶ [12, с. 70; 15, с. 54, 55; 83, с. 58] и протокол о расширении объемов технического содействия сирийскому району ОАР⁷. Этими соглашениями, утвержденными лично Хрущевым, Москва поддержала десятилетний план развития арабской республики, обязавшись предоставить громадную денежную сумму, обременительную для советского бюджета⁸. СМИ египетской и сирийской частей ОАР не скупилась на слова благодарности за такой щедрый подарок [54; 56; 57].

Американо-египетские идеологические трения. Весной-летом 1960 г. американо-египетские отношения вышли на очередной виток развития, оказавшись в вопросах экономического сотрудничества и пропагандистско-идеологических разногласий в той же фазе, что советско-египетские отношения.

Сам Насер в разговорах с американским послом Ф. Райнхардтом заявлял, что «в отношениях между США и ОАР нет настоящих проблем, кроме проблемы Израиля, важность которой возрастает или уменьшается в зависимости от обстоятельств». Египетский лидер отрицал какую-либо зависимость от СССР, приводя в пример самолеты советской сборки: «[Насер] летал на русском самолете, но когда этот самолет достигал Египта, то был уже не русским, а египетским» [100, р. 589].

Это не отменяло выпадов против США в прессе ОАР, подстрекаемых антиамериканскими элементами в окружении Насера и вызванных неудачами политики США последнего времени (в частности, крушением американского самолета-разведчика У-2 под Свердловском в мае 1960 г.) [41; 42; 100, р. 591]. На июльской конференции Национального союза Насер заявил: «Россия ответила на протянутую ей нами руку, в то время как протянутая нами рука была отвергнута Америкой. <...> США так относятся к нам потому, что, проводя империалистическую политику, они связаны с сионизмом» [45]. Поскольку Вашингтон отказывался снабжать арабов оружием из-за «израильской угрозы», Каир отвечал: «Не будете снабжать нас оружием – мы обратимся к СССР» [100, р. 594].

Общий фон американо-египетских отношений также портила проблема Конго: информационная повестка ОАР с критикой действий ООН и правительства США слишком близко примыкала к советской риторике [46; 50; 51; 52; 104, pp. 607, 608]. Египетский посол в Вашингтоне М. Камель призывал игнорировать замечания в печати, но американцев такая позиция не устраивала. Они указывали на «определенную степень государственного контроля над египетской прессой» [100, р. 592]. Тогда египетская сторона заводила речь о медленном движении к нормализации двусторонних отношений, что вызывало закономерное раздражение, поскольку администрация Эйзенхауэра прежде нормализации желала, чтобы арабская республика публично заняла «более четкую позицию по отношению к США» [100, pp. 595, 596].

Финальный акт нормализации: встречи Насера с Хрущевым и Эйзенхауэром в Нью-Йорке. В сентябре 1960 г. Хрущев и Насер прибыли в Нью-Йорк для участия в работе Генеральной ассамблеи ООН. Лидеры СССР и ОАР провели три встречи (24, 30 сентября, 2 ок-

⁶ Американская пресса указывала объем займа в 225 млн. долл. США, что соответствует указанной сумме в 900 млн. руб. (при использовавшемся в США курсе конвертации \$1 = 4 сов. руб.) [137].

⁷ Протокол от 7 сентября 1960 г. подтверждал и углублял условия советско-сирийского соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, заключенного 28 октября 1957 г. Протоколом, в частности, предусматривалось оказание технического содействия в строительстве железной дороги Камышлы – Алеппо – Латакия общей протяженностью около 770 км, строительство завода азотных удобрений мощностью 110 тысяч тонн нитрата аммония в год, расширение объема геологоразведочных работ на нефть и другие полезные ископаемые, а также строительство завода смазочных масел мощностью около 25 тысяч тонн в год и иных экономически значимых объектов в Сирийском районе ОАР [55].

⁸ Для сопоставления: эта сумма представляла собой ¼ прибыли советского бюджета за 1960 г. (или почти половину дохода бюджета РСФСР), а с учетом сокращения прибыльности в следующем году (с 3,9 млрд руб. в 1960 г. до 1,7 млрд руб. в 1961 г.) заем внес значительный дисбаланс в расчеты финансирования оставшихся лет семилетнего плана развития народного хозяйства СССР (уже в 1965 г. эта сумма превышала прибыльность советского бюджета на 22 %) [14].

тября⁹) [9, с. 129; 60; 61; 62; 64], на которых обсуждались различные темы международной повестки. Египетская делегация поддержала выступление Хрущева, направленное против неокOLONиализма и расизма, а также его предложение по всеобщему разоружению. Хрущев приветствовал поддержку Каиром правительства П. Лумумбы в недавно обретшем независимость Конго, а также других освободившихся от колониализма стран Африки. Обе стороны высказались негативно о практике применения международных вооруженных сил ООН, обсудили вероятность нового конфликта на «Среднем Востоке»¹⁰ и опасность нарушения мира со стороны Турции, Иордании и Израиля [10, с. 334–340].

На второй встрече 30 сентября стороны обсудили прошлогодний идеологический конфликт. Хрущев в шуточной манере заявил: «Я вот уже давно агитирую Вас, господин Президент, стать коммунистом. Но ведь из этого ничего не выходит. Я, конечно, жалею об этом, но ничего не могу поделать». На что Насер добродушно заметил, что советскому лидеру все же удалось добиться некоторого успеха на этом пути. Хрущев, смеясь, ответил, что, «к сожалению», он этого успеха не заметил [9, с. 124]. В своих мемуарах первый секретарь ЦК КПСС вспоминал, что в шуточной форме задал Насеру вопрос о том, кто все-таки помог Египту в дни Тройственной агрессии 1956 г.: «Мы или Аллах?»¹¹. Насер в ответ лишь улыбался [84, с. 347].

Поездка Хрущева в США стала знаковой не только потому, что он провозгласил на арене главной международной организации новые принципы советской политики по поддержке национально-освободительных движений, борющихся против колониализма и империализма [58] – ставшие основой «доктрины Хрущева» [82, с. 108]. Встреча с Насером стала символом примирения сторон, хоть и не решила всех противоречий между ними.

Американцы также рассчитывали, что поездка Насера ускорит диалог по нормализации отношений. Была надежда, что как сам визит египетского президента, так и любые достигнутые с ним договоренности по арабо-израильскому урегулированию положительно скажутся на шансах республиканского кандидата (вице-президента США Р. Никсона) на грядущих в ноябре 1960 г. президентских выборах [100, pp. 599, 600]. С другой стороны, такой визит нес определенные риски: Белому Дому пришлось выдержать нападки конгрессменов-демократов, произраильских общественных деятелей и представителей СМИ, заявлявших о том, что Израиль «в одиночку храбро сражается с насеризмом» [80, с. 317]. В своих мемуарах Эйзенхауэр утверждал, что идею о встрече с Насером продвигал госсекретарь К. Гертер и члены влиятельной американской еврейской организации «Бней-Брит», считавших, что это могло способствовать смягчению позиции египетского лидера в отношении Израиля [97, pp. 578, 579].

26 сентября в Нью-Йорке прошла первая и единственная личная встреча Эйзенхауэра и Насера. Американский президент вспоминал, что его египетский визави казался впечатляющим, и ему хотелось узнать больше о характере и амбициях этого человека [97, p. 584]. Между президентами состоялся обмен мнениями по вопросам деятельности ООН в точках международной напряженности на Ближнем Востоке в связи с арабо-израильским конфликтом и в Африке в связи с разгоравшейся гражданской войной в Конго, будущего организации и советских нападков на нее [100, p. 602].

Эйзенхауэр высказал мнение, что некоторые страны (очевидно, подразумевались СССР и ОАР) несправедливо обвиняли США в «экономическом империализме». Он заявил, что Штаты не хотят доминировать над кем-либо, поэтому им не нравится, когда «определенные круги» обвиняют их в обратном [100, pp. 602, 603]. Египетский лидер указал на то, что народы Ближнего Востока возлагают большую ответственность на плечи США, учитывая их положение в мире. Поскольку Запад продает Тель-Авиву оружие, а Каиру – нет, то, по словам Насера, ОАР могла подвергнуться агрессии со стороны Израиля, и он должен был «защищать свою страну и свой народ». В очередной раз он заявил, что «Израиль является барьером для хороших американо-арабских отношений» [100, p. 604].

Египетский президент также выразил недовольство угрозами, прозвучавшими в дебатах между кандидатами в президенты США Р. Никсоном и Дж. Кеннеди, перекрыть поставки пшеницы в ОАР в связи с закрытием судоходства по Суэцкому каналу для израильтян. Он призвал

⁹ В некоторых мемуарах, статьях и монографиях указывается неверное количество встреч, либо датой первой встречи указывается 20 сентября, однако Насер прибыл в Нью-Йорк только 23 сентября [59].

¹⁰ Имелся в виду англоязычный термин Middle East – Ближний и Средний Восток.

¹¹ Этот вопрос был частью «дуэли по переписке» между Хрущевым и Насером весной 1959 г. [9, с. 72–83, 98–100].

США сначала принудить Израиль выполнить резолюции ООН по Палестине. Также он пытался убедить своего собеседника в том, что сам лично не разделяет муссировавшийся в западной прессе тезис арабской пропаганды о необходимости «сбросить евреев в море» [100, р. 605].

Американский президент ответил, что уважает позицию нейтралитета ОАР и не возражает против поставок в эту страну советского оружия. Но в США не хотели доминирования СССР в арабской республике. Эйзенхауэр согласился, что Израиль представляет собой ужасную проблему, однако «Израиль существует (как государство – прим. Авт.)». Вопрос в том, как решить проблему, не развязывая войны. Насер возразил: «Принять существование Израиля как факт – равносильно соизволению вору сохранить украденное» [100, pp. 605, 606].

На слова Эйзенхауэра о советском влиянии, Насер твердо заявил, что «ОАР не примет никакой цены за свою свободу и независимость, не уступит ни Востоку, ни Западу в этом вопросе» [100, р. 606]. В конце встречи Насер попытался объяснить, что отстаивает арабский национализм, которого боятся и иорданский монарх (реакционные арабские режимы), и коммунисты в Ираке [100, р. 607]. Начавшаяся доброжелательно встреча закончилась прохладно и стороны разошлись. В воспоминаниях Эйзенхауэр назвал встречу с Насером «интересным опытом», но не почувствовал в его словах ни обоснованности, ни желания действовать в русле взаимных уступок [97, р. 856].

Тем не менее 29 сентября Насер был одним из авторов резолюции (наравне с лидерами Югославии И. Б. Тито, Индии Дж. Неру, Ганы К. Нкрумой и Индонезии Сукарно) с предложением организовать на полях ООН встречу Эйзенхауэра и Хрущева [63; 99, р. 371; 104, р. 744]. Подобное предложение вызвало недовольство и непонимание со стороны обоих лидеров, они отказались от встречи, после чего резолюция была отозвана [65; 97, pp. 857, 858; 99, р. 372].

Во время дальнейшей работы ГА ООН египетский президент поддержал позицию США в противовес предложению Хрущева о реформе секретариата ООН. Как отмечает В. П. Румянцев, этим Насер «не только в очередной раз подчеркнул свою независимость от Москвы, но и выразил готовность занимать консолидированную позицию с США и их союзниками» [80, с. 317]. Впрочем, Эйзенхауэр во время других официальных встреч на Генассамблее о разговоре с Насером и о позиции египетской делегации высказывался определенно негативно [97, pp. 586–588; 99, pp. 372, 376, 381; 104, pp. 742–744]. Дальнейшее развитие ситуации в конце 1960 г. продемонстрировало, что американо-египетские отношения находились в состоянии тупика, а советско-египетские отношения планомерно восстанавливались.

После нормализации. В конце октября 1960 г. Насер и Хрущев обменялись подарками и посланиями с положительной оценкой встреч и работы на ГА ООН [66]. Советское и египетское правительства согласовали приезд вице-президента ОАР маршала А. Х. Амера в СССР [67]. Насер поделился с советским послом Ерофеевым соображениями по текущей ближневосточной ситуации, охарактеризовав ее как крайне напряженную. Он указал на угрозу столкновения ОАР с Иорданией (поддерживаемой Ираком и Ливаном) или Израилем. Также Насер конфиденциально сообщил Ерофееву о согласовании с англичанами восстановления отношений и обмена послами [10, с. 343, 344].

В декабре 1960 г. маршал Амер посетил СССР и провел переговоры с советскими лидерами по вопросам строительства Асуанской плотины, развития египетского ВПК и дополнительных поставок передовой военной техники [10, с. 353; 68]. Продуктивные встречи Амер провел с советскими военными во главе с заместителем министра обороны СССР маршалом А. А. Гречко [69; 70; 71; 72; 73; 74]. По итогам поездки в Советский Союз, несмотря на определенные успехи в переговорах, Амеру не удалось согласовать увеличение советской военной помощи, особенно поставок новейших систем вооружений. В Каире такой результат встретили с разочарованием.

Параллельно назрело обоюдное недовольство ОАР и США. Насер был возмущен политикой США в Конго и поддержкой американцами французского колониализма в Алжире. Госдепартамент выражал недовольство солидаризацией ОАР с СССР при голосовании в ООН. Египетский лидер в ответ заявлял, что Каир голосует в соответствии со своими принципами. Дошло до того, что Насер вновь публично обвинил Вашингтон в империализме, попытках разобщения арабских стран. Впервые критике подвергся альянс НАТО, названный в качестве противника арабского национализма [100, pp. 610–612]. Серьезные опасения в декабре 1960 г. у Насера вызвали сообщения о начале разработок в Израиле ядерного оружия [85, с. 173], из-за чего он заявил: «Если Израиль создаст атомную бомбу, то ОАР тоже получит ее, любой ценой» [79, с. 79].

23 декабря 1960 г., ровно через два года после начала антикоммунистической пропагандистской кампании, в СССР и ОАР произошел знаменательный обмен публичными заявлениями, казалось бы, подведший черту под идеологическим конфликтом. На VI сессии Верховного Совета СССР пятого созыва министр иностранных дел А. А. Громыко, выступая с докладом о международном положении и внешней политике Советского Союза, отметил важность развития отношений с нейтральными державами, в первую очередь ОАР [75]. Насер, выступая в Порт-Саиде, заявил, что его страна «будет двигаться по направлению к кооперативному демократическому социалистическому обществу»¹² [7, с. 271].

Заключение. Появление на международной арене объединенного египетско-сирийского государства стало толчком к эволюции американо-советского противостояния на Ближнем Востоке и началу его нового регионального этапа – «арабской холодной войны». Важнейшим фактором ближневосточного политического процесса стал арабский национализм, противопоставленный Насером западному империализму и международному коммунизму. Последующее развитие идеологического противостояния в треугольнике СССР – США – ОАР, попытки тактического сближения режима Насера то с Вашингтоном, то с Москвой стали яркой демонстрацией изменчивости баланса сил на ближневосточной периферии холодной войны.

В конечном счете, находясь на грани утраты выстроенных в 1955–1959 гг. позитивных партнерских отношений, Москва и Каир смогли понять близость своих политических интересов и достичь нормализации, хотя это отнюдь не означало решения всех политических проблем. Египетское руководство столкнулось с ситуацией, когда СССР оказался единственным государством, учитывавшим особенности арабского менталитета, щепетильное отношение арабов к национальной гордости, и готовым оказывать помощь без каких-либо политических условий. Когда речь заходила об идеологических разногласиях, Москва стремилась не допустить разлада: «предлагала, а не требовала», – чем снискала себе популярность в определенных кругах египетского руководства и доверие его лидера.

С другой стороны, в связи с запланированными экономическими преобразованиями и амбициями объединения всех арабов под знаменем арабского национализма перед режимом Насера в условиях борьбы с коммунистической идеологией остро встала проблема нормализации отношений со странами Запада. Для этого требовалось пойти на определенные политические и экономические уступки, из которых самыми главными и неприятными для Каира были отказ от применения силы против проамериканских режимов, признание факта существования Израиля, отказ от дальнейшего сотрудничества с СССР или как минимум от его углубления.

События 1959–1960 гг. стали важным, хотя до конца так и не усвоенным уроком для Москвы, продемонстрировав изменчивость настроений арабских правительств, их готовность ради решения собственных политических и экономических задач отказаться от налаженного сотрудничества. В данном конкретном случае режим Насера остался партнером СССР на Ближнем Востоке, но в период существования ОАР политические амбиции оставались серьезным раздражителем двусторонних отношений. Этот важный урок советские власти предадут забвению и во второй половине 1960-х гг. из Насера выстроят образ лучшего друга Советского Союза на Ближнем Востоке, что станет прологом к повторению конфликта (куда более масштабного) в годы правления А. Садата (1970–1981 гг.). Египет полностью выйдет из фактически союзных отношений с СССР, и Москва не сможет противопоставить этому ничего, даже из того арсенала, что был продемонстрирован во время нормализации 1960 г.

США получили важный опыт из американо-египетских отношений второй половины 1950-х гг. Уходящая администрация Эйзенхауэра под конец каденции не обладала достаточной мотивацией для налаживания отношений с радикальным по ее мнению режимом. Требовались свежие идеи и мысли, чтобы найти новые подходы к международным отношениям на Ближнем Востоке. В начале 1960-х гг., используя опыт предыдущего правительства, уже администрация Дж. Ф. Кеннеди предложит новый курс для упрочнения американских позиций в Египте и Сирии, и снижения роли СССР в межарабских делах. Игра на советско-египетских противоречиях станет важным тактическим инструментом политической борьбы Вашингтона против Москвы.

¹² В «Правде» отметили важность выступления Насера, но эту фразу не воспроизвели [76].

Список литературы

1. Ахмадуллин В. А. Деятельность Совета по делам религиозных культов по исследованию зарубежного ислама в 1956–1965 гг. // Вопросы истории. 2019. № 10. С. 199–206. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi21.
2. Ахмадуллин В. А. Деятельность Совета по делам религиозных культов по руководству Духовными управлениями мусульман с целью формирования положительного образа СССР у зарубежных граждан в 1953–1965 гг. // Человеческий капитал. 2019. № 9 (129). С. 11–21. DOI: 10.25629/НС.2019.09.01.
3. Ахмадуллин В. А. Деятельность советского государства по вовлечению мусульман СССР в борьбу за сохранение мира в 1960–1965 гг. // Человеческий капитал. 2019. № 8 (128). С. 11–18. DOI: 10.25629/НС.2019.08.01.
4. Ахмадуллин В. А. Координация Советским государством международной деятельности Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири в 1956–1965 гг. // Вопросы истории. 2019. № 12–2. С. 245–254. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi47.
5. Бакшаев М. В. Внешнеполитические подходы СССР и США в отношении локальных конфликтов в странах третьего мира во второй половине 1940-х – 1970-е гг. (с учетом фактора еврокоммунизма) // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 3 (27). С. 69–81. DOI: 10.25730/VSU.2070.22.026.
6. Белоусова К. А. Политика США на Ближнем Востоке в 1958–1975 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : МПГУ, 2015.
7. Беляев И. П., Примаков Е. М. Египет: время президента Насера. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Мысль, 1981.
8. Беляков В. В. СССР – Египет: этапы сближения // Азия и Африка сегодня. 2016. № 4 (705). С. 58–64.
9. Беляков В. В. Хрущев и Насер. Из истории советско-египетских отношений : документы и материалы. 1958–1964. М. : Алетейя, 2017.
10. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ, 1947–1967 : в 2 т. Т. 2. 1957–1967 / отв. ред. В. В. Наумкин. М. : МФД, 2003.
11. Васильев А. М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М. : Центрполиграф, 2018.
12. Васильев А. М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М. : Наука, 1993.
13. Воробьева Т. А., Юнгблюд В. Т. Взаимоотношения в треугольнике США – СССР – КНР в конце периода разрядки международной напряженности (1977–1980 гг.) // Вестник МГИМО Университета. 2019. № 1 (64). С. 59–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82.
14. Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик 1950, 1955, 1960–1965 гг. : статистический сборник. М. : Госкомстат, 1966.
15. Егорин А. З. Египет нашего времени. М. : Институт востоковедения РАН, 1998.
16. Калинин А. А. Планы США по интернационализации политики сдерживания СССР на Балканах в первой половине 1950-х гг. // Вестник МГИМО Университета. 2020. Т. 13. № 6. С. 53–76. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-53-76.
17. Карасова Т. А. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). М. : Аспект Пресс, 2015.
18. Коновалов И. Е., Симонов Н. С. Об участии СССР в строительстве Асуанского гидроузла (проект «Саад-аль-Аали»): новые факты и документы // Энергетика. Передача и распределение. 2017. № 1. С. 132–142.
19. Косач Г. Г. Гамаль Абель Насер в оценках советского журналиста (документ из Российского государственного архива новейшей истории) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. Вып. 2. С. 257–281. DOI: 10.31857/S086919080019120-9.
20. Правда. 19 февраля 1959 г. № 50 (14809).
21. Правда. 26 февраля 1959 г. № 57 (14816).
22. Правда. 28 ноября 1959 г. № 332 (15081).
23. Правда. 3 декабря 1959 г. № 337 (15096).
24. Правда. 6 января 1960 г. № 6 (15130).
25. Правда. 20 января 1960 г. № 20 (15144).
26. Правда. 21 января 1960 г. № 21 (15145).
27. Правда. 9 февраля 1960 г. № 40 (15164).
28. Правда. 23 февраля 1960 г. № 54 (15178).
29. Правда. 26 февраля 1960 г. № 57 (15181).
30. Правда. 27 февраля 1960 г. № 58 (15182).
31. Правда. 28 февраля 1960 г. № 59 (15183).
32. Правда. 1 марта 1960 г. № 61 (15185).
33. Правда. 15 марта 1960 г. № 75 (15199).
34. Правда. 17 марта 1960 г. № 77 (15201).
35. Правда. 23 марта 1960 г. № 83 (15207).
36. Правда. 31 марта 1960 г. № 91 (15215).
37. Правда. 2 апреля 1960 г. № 93 (15217).

38. Правда. 3 апреля 1960 г. № 94 (15218).
39. Правда. 11 апреля 1960 г. № 102 (15226).
40. Правда. 18 апреля 1960 г. № 109 (15233).
41. Правда. 10 мая 1960 г. № 131 (15255).
42. Правда. 3 июня 1960 г. № 155 (15279).
43. Правда. 26 июня 1960 г. № 171 (15302).
44. Правда. 9 июля 1960 г. № 191 (15315).
45. Правда. 12 июля 1960 г. № 194 (15318).
46. Правда. 18 июля 1960 г. № 200 (15324).
47. Правда. 24 июля 1960 г. № 206 (15330).
48. Правда. 26 июля 1960 г. № 208 (15332).
49. Правда. 30 июля 1960 г. № 212 (15336).
50. Правда. 31 июля 1960 г. № 213 (15337).
51. Правда. 2 августа 1960 г. № 215 (15339).
52. Правда. 9 августа 1960 г. № 222 (15346).
53. Правда. 23 августа 1960 г. № 236 (15360).
54. Правда. 29 августа 1960 г. № 242 (15366).
55. Правда. 8 сентября 1960 г. № 252 (15376).
56. Правда. 9 сентября 1960 г. № 253 (15377).
57. Правда. 21 сентября 1960 г. № 265 (15389).
58. Правда. 24 сентября 1960 г. № 268 (15392).
59. Правда. 25 сентября 1960 г. № 269 (15393).
60. Правда. 26 сентября 1960 г. № 270 (15394).
61. Правда. 27 сентября 1960 г. № 271 (15395).
62. Правда. 2 октября 1960 г. № 276 (15400).
63. Правда. 3 октября 1960 г. № 277 (15401).
64. Правда. 4 октября 1960 г. № 278 (15402).
65. Правда. 5 октября 1960 г. № 279 (15403).
66. Правда. 14 октября 1960 г. № 288 (15412).
67. Правда. 27 ноября 1960 г. № 332 (15436).
68. Правда. 1 декабря 1960 г. № 336 (15460).
69. Правда. 2 декабря 1960 г. № 337 (15461).
70. Правда. 5 декабря 1960 г. № 340 (15464).
71. Правда. 7 декабря 1960 г. № 342 (15466).
72. Правда. 8 декабря 1960 г. № 343 (15467).
73. Правда. 9 декабря 1960 г. № 344 (15468).
74. Правда. 10 декабря 1960 г. № 345 (15469).
75. Правда. 24 декабря 1960 г. № 359 (15483).
76. Правда. 26 декабря 1960 г. № 361 (15485).
77. *Примаков Е. М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Российская газета, 2012.
78. *Росина М. А.* США – НАТО на завершающем этапе разрядки международной напряженности, 1977–1980 годы // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 4. 13 с. DOI: 10.18254/S207054760008215-3.
79. *Румянцев В. П.* «Давид и Голиаф»: Д. Бен-Гурион и разногласия с США по вопросу ядерной программы Израиля, 1960–1963 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 78–84. DOI: 10.17223/19988613/64/10.
80. *Румянцев В. П.* Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2010.
81. *Садаков Д. А.* Политика США по нуклеаризации Корейского полуострова в 1956–1957 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 3. С. 110–122. DOI: 10.31857/S268667300013924-6.
82. *Сенников А. И.* Иракский Курдистан в биполярном противостоянии СССР и США в международных кризисах 1960-х годов // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 11. С. 106–118. DOI: 10.31857/S268667300017224-6.
83. *Ульянищева Е. В.* Советское/российское направление во внешней политике Египта и Ливии во второй половине XX века : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М., 2008.
84. *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М. : Вече, 2016.
85. *Эпштейн А. Д.* Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. Т. 1. М. : ИБВ / Мосты культуры, 2014.
86. *Юнгблюд В. Т., Бакшаев М. В.* «Мы не изменим свое отношение к вам, пока вы не измените свое отношение к нам». Как в Вашингтоне учитывали реакцию западноевропейских компартий на события в Афганистане, 1978–1985 // Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15. № 4. С. 7–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-4-85-7-42.

87. Юнгблюд В. Т., Ильин Д. В. Поправка Джексона-Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. // Вестник МГИМО Университета. 2020. Т. 13. № 2. С. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39.
88. Юнгблюд В. Т., Садаков Д. А. Японо-корейские противоречия в политике США, 1951–1954 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 12-2 (110). DOI: 10.18254/S207987840017862-7.
89. Юнгблюд В. Т., Садаков Д. А. Японо-корейское урегулирование в политике США, 1953–1965 гг. // Японские исследования. 2020. № 4. С. 98–118. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10030.
90. Юрченко В. П. Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.) М. : ИИИБВ, 2003.
91. Bi-Weekly Propaganda Guidance, March 14, 1960 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
92. Citino N. The Middle East and the Cold War // Cold War History. 2019. Vol. 19. Is. 3. Pp. 441–456. DOI: 10.1080/14682745.2019.1576677.
93. Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2016.
94. Dawisha A. Egypt in the Arab World: The Elements of Foreign Policy. N. Y. : Halsted Press, 1976.
95. Dawisha K. Soviet cultural relations with Iraq, Syria and Egypt 1955–70 // Soviet Studies. Vol. 27. Is. 3. Pp. 418–442. DOI: 10.1080/09668137508411015.
96. Dawisha K. Soviet Foreign Policy Towards Egypt. L. : The Macmillan Press LTD, 1979.
97. Eisenhower D. Waging Peace, 1956–1961: The White House Years. N. Y. : Doubleday & Company, 1965.
98. El-Hussini M. Soviet-Egyptian Relations, 1945–85. Wash. : Palgrave Macmillan, 1987.
99. Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. II. United Nations and General International Matters. Wash. : GPO, 1992.
100. Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute; United Arab Republic; North Africa. Wash. : GPO, 1992.
101. Heikal M. The Sphinx and the Commissar: The Rise and Fall of Soviet Influence in the Middle East. New York : Harper & Row, Publishers, 1978.
102. Kerr M. The Arab Cold War 1958–1967: A Study Of Ideology In Politics: 2nd edition. Oxford, UK : Oxford University Press, 1967.
103. Podeh E. The Decline of Arab Unity: The Rise and Fall of the United Arab Republic. Brighton, UK : Sussex Academic Press, 1999.
104. Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1960. Wash. : GPO, 1961.
105. Sennikov A. I. The Kurds in the U.S. Iraqi Policy in 1958–1960 // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]. 2022. Vol. 27. № 2. Pp. 90–100. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.8.
106. Sino-Soviet Bloc Economic Activities in Underdeveloped areas 1 January – 30 June 1960, August 31, 1960 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
107. The New York Times. March 23, 1959.
108. The New York Times. November 8, 1959.
109. The New York Times. December 3, 1959.
110. The New York Times. December 9, 1959.
111. The New York Times. December 13, 1959.
112. The New York Times. December 15, 1959.
113. The New York Times. December 20, 1959.
114. The New York Times. December 24, 1959.
115. The New York Times. December 25, 1959.
116. The New York Times. December 27, 1959.
117. The New York Times. December 29, 1959.
118. The New York Times. December 31, 1959.
119. The New York Times. January 6, 1960.
120. The New York Times. January 11, 1960.
121. The New York Times. January 12, 1960.
122. The New York Times. January 28, 1960.
123. The New York Times. January 30, 1960.
124. The New York Times. February 1, 1960.
125. The New York Times. February 2, 1960.
126. The New York Times. February 3, 1960.
127. The New York Times. February 5, 1960.
128. The New York Times. February 7, 1960.
129. The New York Times. February 10, 1960.
130. The New York Times. February 14, 1960.
131. The New York Times. February 17, 1960.

132. The New York Times. February 19, 1960.
133. The New York Times. February 23, 1960.
134. The New York Times. February 25, 1960.
135. The New York Times. February 26, 1960.
136. The New York Times. February 27, 1960.
137. The New York Times. August 28, 1960.
138. *Vatikiotis P. Nasser and his generation*. London : Croom Helm, 1978.
139. *Yaqub S. Containing Arab Nationalism: the Eisenhower Doctrine and the Middle East*. Chapel Hill, NC : The University of North Carolina Press, 2004.
140. *Yungblud V. T., Sadakov D. A. Inclusion of the Republic of Korea in the US Defense Perimeter after the Korean War // Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2021. T. 66. № 1. C. 226–244. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.114.

The USSR – USA – UAR triangle and the escalation of the Cold War in the Middle East in 1960

Sennikov Alexey Ivanovich

PhD in Historical Sciences, Researcher of the Department of History and Political Sciences,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-9329-2839. ResearcherID: I-4292-2018.
E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the history of relations in the political triangle of the USSR – USA – UAR on the Middle Eastern periphery of the Cold War in 1960. The period of the late 1950s – early 1960s became a milestone in the history of international relations. In 1958, such landmark events as the creation of the United Arab Republic and the revolution in Iraq took place, which gave impetus to the aggravation of the cold war in the Middle East. As a result of a complex dynamic process in Soviet-American, Soviet-Egyptian and American-Egyptian relations, a special configuration was formed that determined the vector of further movement of regional policy. Until now, the topic of normalization of Soviet-Egyptian relations after the ideological confrontation in 1958–1959, in connection with American-Egyptian relations, has been poorly reflected in domestic and foreign science. Based on a wide range of historical documents and historiography, the origins and development of the Soviet-Egyptian ideological conflict are shown and the reasons that contributed to the normalization of relations in 1960 are revealed. The role of the United States in these events and the practical actions of the D. Eisenhower administration on rapprochement with Cairo against the background of the temporary weakening of the USSR's positions at the end of 1959 are analyzed in detail. This article clarifies and systematizes knowledge on the Soviet-Egyptian disagreements of 1958–1959, reveals the background of the subsequent rapprochement of the USSR and the UAR, taking into account the broad international context, primarily the American factor. The consequences of interactions in the USSR–USA–UAR political triangle, the importance of the experience gained by the Soviet and American sides in interacting with the regime committed to Arab nationalism, and its consequences are revealed.

Keywords: USSR, USA, UAR, G. A. Nasser, N. S. Khrushchev, D. Eisenhower, the Cold War in the Middle East, the periphery of the Cold War.

References

1. *Ahmadullin V. A. Deyatel'nost' Soveta po delam religioznyh kul'tov po issledovaniyu zarubezhnogo islama v 1956–1965 gg.* [Activity of the Council for Religious Cults on the study of foreign Islam in 1956–1965] // *Voprosy istorii – Questions of History*. 2019. No. 10. Pp. 199–206. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi21.
2. *Ahmadullin V. A. Deyatel'nost' Soveta po delam religioznyh kul'tov po rukovodstvu Duhovnymi upravleniyami musul'man s cel'yu formirovaniya polozhitel'nogo obraza SSSR u zarubezhnyh grazhdan v 1953–1965 gg.* [Activity of the Council for Religious Cults on the leadership of Spiritual administrations of Muslims in order to form a positive image of the USSR among foreign citizens in 1953–1965] // *Chelovecheskij kapital – Human Capital*. 2019. No. 9 (129). Pp. 11–21. DOI: 10.25629/HC.2019.09.01.
3. *Ahmadullin V. A. Deyatel'nost' sovetskogo gosudarstva po vovlecheniyu musul'man SSSR v bor'bu za sohranenie mira v 1960–1965 gg.* [The activity of the Soviet state to involve Muslims of the USSR in the struggle for the preservation of peace in 1960–1965] // *Chelovecheskij kapital – Human Capital*. 2019. No. 8 (128). Pp. 11–18. DOI: 10.25629/HC.2019.08.01.
4. *Ahmadullin V. A. Koordinaciya Sovetskim gosudarstvom mezhdunarodnoj deyatel'nosti Duhovnogo upravleniya musul'man evropejskoj chasti SSSR i Sibiri v 1956–1965 gg.* [Coordination by the Soviet state of the international activities of the Spiritual Administration of Muslims of the European part of the USSR and Siberia in 1956–1965] // *Voprosy istorii – Questions of History*. 2019. No. 12–2. Pp. 245–254. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi47.

5. Bakshaev M. V. *Vneshnepoliticheskie podhody SSSR i SShA v otnoshenii lokal'nykh konfliktov v stranah tret'ego mira vo vtoroj polovine 1940-h – 1970-e gg. (s uchetom faktora evrokommunizma)* [Foreign policy approaches of the USSR and the USA in relation to local conflicts in third World countries in the second half of the 1940s – 1970s (taking into account the factor of Eurocommunism)] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 2022. No. 3 (27). Pp. 69–81. DOI: 10.25730/VSU.2070.22.026.
6. Belousova K. A. *Politika SShA na Blizhnem Vostoke v 1958–1975 gg. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [U.S. policy in the Middle East in 1958–1975. Ed. 2nd, corr. and add.] M. MPSU. 2015.
7. Belyaev I. P., Primakov E. M. *Egipet: vremena prezidenta Nasera. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Egypt: the time of President Nasser. Ed. 2nd, corr. and add.] M. Mysl' (Thought). 1981.
8. Belyakov V. V. *SSSR – Egipet: etapy sblizheniya* [USSR – Egypt: stages of rapprochement] // *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa today*. 2016. No. 4 (705). Pp. 58–64.
9. Belyakov V. V. *Hrushchev i Naser. Iz istorii sovetsko-egipetskih otnoshenij : dokumenty i materialy* [Khrushchev and Nasser. From the history of Soviet-Egyptian relations: documents and materials. 1958–1964]. M. Aleteya. 2017.
10. *Blizhevostochnyj konflikt: Iz dokumentov arhiva vneshnej politiki RF, 1947–1967 : v 2 t. T. 2. 1957–1967 – The Middle East conflict: From the documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, 1947–1967 : in 2 vols. Vol. 2. 1957–1967 / ed. V. V. Naumkin. M. MFD. 2003.*
11. Vasil'ev A. M. *Ot Lenina do Putina. Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke* [From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East]. M. Centrpoligraf. 2018.
12. Vasil'ev A. M. *Rossiia na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu* [Russia in the Near and Middle East: from Messianism to Pragmatism]. M. Nauka (Science). 1993.
13. Vorob'yova T. A., Yungblud V. T. *Vzaimootnosheniya v treugol'nike SShA – SSSR – KNR v konce perioda razryadki mezhdunarodnoj napryazhennosti (1977–1980 gg.)* [Relations in the triangle of the USA – USSR – PRC at the end of the period of detente of international tension (1977–1980)] // *Vestnik MGIMO Universiteta – Herald of MSIIR University*. 2019. No. 1 (64). Pp. 59–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82.
14. *Gosudarstvennyj byudzhety SSSR i byudzhety soyuznykh respublik 1950, 1955, 1960–1965 gg. : statisticheskij sbornik – The State budget of the USSR and the budgets of the Union Republics of 1950, 1955, 1960–1965 : statistical collection. M. Goskomstat. 1966.*
15. Egorin A. Z. *Egipet nashego vremeni* [Egypt of our Time]. M. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 1998.
16. Kalinin A. A. *Plany SShA po internacionalizacii politiki sderzhivaniya SSSR na Balkanah v pervoj polovine 1950-h gg.* [US plans for the internationalization of the policy of containment of the USSR in the Balkans in the first half of the 1950s.] // *Vestnik MGIMO Universiteta – Herald of MSIIR University*. 2020. Vol. 13. No. 6. Pp. 53–76. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-53-76.
17. Karasova T. A. *Izrail' i SShA: Osnovnye etapy stanovleniya strategicheskogo partnerstva (1948–2014)* [Israel and the USA: The main stages of the formation of strategic partnership (1948–2014)]. M. Aspect Press. 2015.
18. Konovalov I. E., Simonov N. S. *Ob uchastii SSSR v stroitel'stve Asuanskogo gidrouzla (proekt "Saad-al-Aali"): novye fakty i dokumenty* [On the participation of the USSR in the construction of the Aswan hydroelectric complex (Saad-al-Aali project): new facts and documents] // *Elektroenergiya. Peredacha i raspredelenie – Electric power. Transmission and distribution*. 2017. No. 1. Pp. 132–142.
19. Kosach G. G. *Gamal' Abel' Naser v ocenках sovetskogo zhurnalista (dokument iz Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva novejshej istorii)* [Gamal' Abel' Nasser in the assessments of a Soviet journalist (a document from the Russian State Archive of Modern History)] // *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremenost'* – Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity. 2022. Is. 2. Pp. 257–281. DOI: 10.31857/S086919080019120-9.
20. *Pravda* – The truth. February 19, 1959. No. 50 (14809).
21. *Pravda* – The truth. February 26, 1959. No. 57 (14816).
22. *Pravda* – The truth. November 28, 1959. No. 332 (15081).
23. *Pravda* – The truth. December 3, 1959. No. 337 (15096).
24. *Pravda* – The truth. January 6, 1960. No. 6 (15130).
25. *Pravda* – The truth. January 20, 1960. No. 20 (15144).
26. *Pravda* – The truth. January 21, 1960. No. 21 (15145).
27. *Pravda* – The truth. February 9, 1960. No. 40 (15164).
28. *Pravda* – The truth. February 23, 1960. No. 54 (15178).
29. *Pravda* – The truth. February 26, 1960. No. 57 (15181).
30. *Pravda* – The truth. February 27, 1960. No. 58 (15182).
31. *Pravda* – The truth. February 28, 1960. No. 59 (15183).
32. *Pravda* – The truth. March 1, 1960. No. 61 (15185).
33. *Pravda* – The truth. March 15, 1960. No. 75 (15199).
34. *Pravda* – The truth. March 17, 1960. No. 77 (15201).
35. *Pravda* – The truth. March 23, 1960. No. 83 (15207).
36. *Pravda* – The truth. March 31, 1960. No. 91 (15215).
37. *Pravda* – The truth. April 2, 1960. No. 93 (15217).

38. *Pravda* – The truth. April 3, 1960. No. 94 (15218).
39. *Pravda* – The truth. April 11, 1960. No. 102 (15226).
40. *Pravda* – The truth. April 18, 1960. No. 109 (15233).
41. *Pravda* – The truth. May 10, 1960. No. 131 (15255).
42. *Pravda* – The truth. June 3, 1960. No. 155 (15279).
43. *Pravda* – The truth. June 26, 1960. No. 171 (15302).
44. *Pravda* – The truth. July 9, 1960. No. 191 (15315).
45. *Pravda* – The truth. July 12, 1960. No. 194 (15318).
46. *Pravda* – The truth. July 18, 1960. No. 200 (15324).
47. *Pravda* – The truth. July 24, 1960. No. 206 (15330).
48. *Pravda* – The truth. July 26, 1960. No. 208 (15332).
49. *Pravda* – The truth. July 30, 1960. No. 212 (15336).
50. *Pravda* – The truth. July 31, 1960. No. 213 (15337).
51. *Pravda* – The truth. August 2, 1960. No. 215 (15339).
52. *Pravda* – The truth. August 9, 1960. No. 222 (15346).
53. *Pravda* – The truth. August 23, 1960. No. 236 (15360).
54. *Pravda* – The truth. August 29, 1960. No. 242 (15366).
55. *Pravda* – The truth. September 8, 1960. No. 252 (15376).
56. *Pravda* – The truth. September 9, 1960. No. 253 (15377).
57. *Pravda* – The truth. September 21, 1960. No. 265 (15389).
58. *Pravda* – The truth. September 24, 1960. No. 268 (15392).
59. *Pravda* – The truth. September 25, 1960. No. 269 (15393).
60. *Pravda* – The truth. September 26, 1960. No. 270 (15394).
61. *Pravda* – The truth. September 27, 1960. No. 271 (15395).
62. *Pravda* – The truth. October 2, 1960. No. 276 (15400).
63. *Pravda* – The truth. October 3, 1960. No. 277 (15401).
64. *Pravda* – The truth. October 4, 1960. No. 278 (15402).
65. *Pravda* – The truth. October 5, 1960. No. 279 (15403).
66. *Pravda* – The truth. October 14, 1960. No. 288 (15412).
67. *Pravda* – The truth. November 27, 1960. No. 332 (15436).
68. *Pravda* – The truth. December 1, 1960. No. 336 (15460).
69. *Pravda* – The truth. December 2, 1960. No. 337 (15461).
70. *Pravda* – The truth. December 5, 1960. No. 340 (15464).
71. *Pravda* – The truth. December 7, 1960. No. 342 (15466).
72. *Pravda* – The truth. December 8, 1960. No. 343 (15467).
73. *Pravda* – The truth. December 9, 1960. No. 344 (15468).
74. *Pravda* – The truth. December 10, 1960. No. 345 (15469).
75. *Pravda* – The truth. December 24, 1960. No. 359 (15483).
76. *Pravda* – The truth. December 26, 1960. No. 361 (15485).
77. Primakov E. M. *Konfidental'no: Blizhnij Vostok na scene i za kulisami (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka)*. Izd. 2-e, pererab. i dop. [Confidentially: The Middle East on stage and behind the scenes (the second half of the XX – beginning of the XXI century). 2nd ed., reprinted and add.] M. Rossiyskaya gazeta (Russian newspaper). 2012.
78. Rosina M. A. *SShA – NATO na zavershayushchem etape razryadki mezhdunarodnoj napryazhennosti, 1977–1980 gody* [USA – NATO at the final stage of detente of international tension, 1977–1980] // *Rossiya i Amerika v XXI veke* – Russia and America in the XXI century. 2019. No. 4. 13 p. DOI: 10.18254/S207054760008215-3.
79. Romyancev V. P. *"David i Goliat": D. Ben-Gurion i raznoglasiya s SShA po voprosu yadernoj programmy Izrailya, 1960–1963 gg.* ["David and Goliath": D. Ben-Gurion and disagreements with the USA on the issue of Israel's nuclear program, 1960–1963] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Herald of Tomsk State University. History. 2020. No. 64. Pp. 78–84. DOI: 10.17223/19988613/64/10.
80. Romyancev V. P. *Blizhnevostochnaya politika SShA i Velikobritanii v 1956–1960 gg.* [Middle East policy of the USA and Great Britain in 1956–1960] Tomsk. Publishing House of Tomsk State University. 2010.
81. Sadakov D. A. *Politika SShA po nuklearizacii Korejskogo poluoostrova v 1956–1957 gg.* [U.S. policy on the nuclearization of the Korean Peninsula in 1956–1957] // *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* – USA and Canada: economics, politics, culture. 2021. Vol. 51. No. 3. Pp. 110–122. DOI: 10.31857/S268667300013924-6.
82. Sennikov A. I. *Irakskij Kurdistan v bipolyarnom protivostoyanii SSSR i SShA v mezhdunarodnykh krizisah 1960-h godov* [Iraqi Kurdistan in the bipolar confrontation of the USSR and the USA in the international crises of the 1960s] // *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* – USA and Canada: economics, politics, culture. 2021. No. 11. Pp. 106–118. DOI: 10.31857/S268667300017224-6.
83. Ul'yanishcheva E. V. *Sovetskoe/rossijskoe napravlenie vo vneshnej politike Egipta i Livii vo vtoroj polovine XX veka : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.15* [Soviet/Russian direction in the foreign policy of Egypt and Libya in the second half of the XX century : diss. ... PhD in Historical Sciences: 07.00.15]. M. 2008.

84. Hrushchev N. S. *Vospominaniya. Vremya. Lyudi. Vlast'. Kn. 2* [Memoirs. Time. People. Power. Book 2]. M. Veche. 2016.
85. Epshtejn A. D. *Blizhajshie soyuzniki? Podlinnaya istoriya amerikano-izrail'skih otnoshenij* [Closest allies? The True History of American-Israeli relations. Vol. 1]. M. IBV / Bridges of Culture. 2014.
86. Yungblud V. T., Bakshaev M. V. "My ne izmenim svoje otnoshenie k vam, poka vy ne izmenite svoje otnoshenie k nam". *Kak v Vashingtone uchityvali reakciyu zapadnoevropejskikh kompartij na sobytiya v Afgani-stane, 1978–1985* ["We will not change our attitude towards you until you change your attitude towards us." How Washington took into account the reaction of Western European Communist parties to the events in Afghanistan, 1978–1985] // *Vestnik MGIMO Universiteta – Herald of MSUIR University*. 2022. Vol. 15. No. 4. Pp. 7–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-4-85-7-42.
87. Yungblud V. T., Il'in D. V. *Popravka Dzheksona-Venika i razvitie sovetsko-amerikanskikh otnoshenij v 1972–1975 gg.* [The Jackson-Vanik Amendment and the development of Soviet-American relations in 1972–1975] // *Vestnik MGIMO Universiteta – Herald of MSUIR University*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39.
88. Yungblud V. T., Sadakov D. A. *Yapono-korejskie protivorechiya v politike SShA, 1951–1954 gg.* [Japanese-Korean contradictions in US politics, 1951–1954] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* – Electronic scientific and educational journal "History". 2021. Vol. 12. No. 12-2 (110). DOI: 10.18254/S207987840017862-7.
89. Yungblud V. T., Sadakov D. A. *Yapono-korejskoe uregulirovanie v politike SShA, 1953–1965 gg.* [Japanese-Korean settlement in US politics, 1953–1965] // *Yaponskie issledovaniya – Japanese Studies*. 2020. No. 4. Pp. 98–118. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10030.
90. Yurchenko V. P. *Egipet: problemy nacional'noj bezopasnosti (1952–2002 gg.)* [Egypt: Problems of National security (1952–2002)]. M. IIBV. 2003.
91. Bi-Weekly Propaganda Guidance, March 14, 1960 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
92. Citino N. *The Middle East and the Cold War* // *Cold War History*. 2019. Vol. 19. Is. 3. Pp. 441–456. DOI: 10.1080/14682745.2019.1576677.
93. Dawisha A. *Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2016.
94. Dawisha A. *Egypt in the Arab World: The Elements of Foreign Policy*. N. Y. : Halsted Press, 1976.
95. Dawisha K. *Soviet cultural relations with Iraq, Syria and Egypt 1955–70* // *Soviet Studies*. Vol. 27. Is. 3. Pp. 418–442. DOI: 10.1080/09668137508411015.
96. Dawisha K. *Soviet Foreign Policy Towards Egypt*. L. : The Macmillan Press LTD, 1979.
97. Eisenhower D. *Waging Peace, 1956–1961: The White House Years*. N. Y. : Doubleday & Company, 1965.
98. El-Hussini M. *Soviet-Egyptian Relations, 1945–85*. Wash. : Palgrave Macmillan, 1987.
99. *Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. II. United Nations and General International Matters*. Wash. : GPO, 1992.
100. *Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute; United Arab Republic; North Africa*. Wash. : GPO, 1992.
101. Heikal M. *The Sphinx and the Commissar: The Rise and Fall of Soviet Influence in the Middle East*. New York : Harper & Row, Publishers, 1978.
102. Kerr M. *The Arab Cold War 1958–1967: A Study Of Ideology In Politics*: 2nd edition. Oxford, UK : Oxford University Press, 1967.
103. Podesh E. *The Decline of Arab Unity: The Rise and Fall of the United Arab Republic*. Brighton, UK : Sussex Academic Press, 1999.
104. *Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1960*. Wash. : GPO, 1961.
105. Sennikov A. I. *The Kurds in the U.S. Iraqi Policy in 1958–1960* // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]. 2022. Vol. 27. No. 2. Pp. 90–100. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.8.
106. *Sino-Soviet Bloc Economic Activities in Underdeveloped areas 1 January – 30 June 1960, August 31, 1960* // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
107. *The New York Times*. March 23, 1959.
108. *The New York Times*. November 8, 1959.
109. *The New York Times*. December 3, 1959.
110. *The New York Times*. December 9, 1959.
111. *The New York Times*. December 13, 1959.
112. *The New York Times*. December 15, 1959.
113. *The New York Times*. December 20, 1959.
114. *The New York Times*. December 24, 1959.
115. *The New York Times*. December 25, 1959.
116. *The New York Times*. December 27, 1959.
117. *The New York Times*. December 29, 1959.

118. The New York Times. December 31, 1959.
119. The New York Times. January 6, 1960.
120. The New York Times. January 11, 1960.
121. The New York Times. January 12, 1960.
122. The New York Times. January 28, 1960.
123. The New York Times. January 30, 1960.
124. The New York Times. February 1, 1960.
125. The New York Times. February 2, 1960.
126. The New York Times. February 3, 1960.
127. The New York Times. February 5, 1960.
128. The New York Times. February 7, 1960.
129. The New York Times. February 10, 1960.
130. The New York Times. February 14, 1960.
131. The New York Times. February 17, 1960.
132. The New York Times. February 19, 1960.
133. The New York Times. February 23, 1960.
134. The New York Times. February 25, 1960.
135. The New York Times. February 26, 1960.
136. The New York Times. February 27, 1960.
137. The New York Times. August 28, 1960.
138. *Vatikiotis P.* Nasser and his generation. London : Croom Helm, 1978.
139. *Yaqub S.* Containing Arab Nationalism: the Eisenhower Doctrine and the Middle East. Chapel Hill, NC : The University of North Carolina Press, 2004.
140. *Yungblud V. T., Sadakov D. A.* Inclusion of the Republic of Korea in the US Defense Perimeter after the Korean War // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2021. Vol. 66. No. 1. Pp. 226-244. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.114.

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.025

Об особенностях англоязычной историографии Коминтерна

Суздальцев Илья Алексеевич

кандидат исторических наук, преподаватель истории, Школа № 1381. Россия, г. Москва.
ORCID: 0000-0001-5204-0117. Researcher ID: AAN-2890-2021. E-mail: ialoko90@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики англоязычной историографии Коммунистического интернационала с момента появления основных публикаций до настоящего времени. Об актуальности исследования говорит факт того, что в последние десятилетия изучение политики Коминтерна и национальных коммунистических по-прежнему остается одной из задач англоязычных историков: растет количество статей и монографий, в которых авторы пытаются рассмотреть спорные, малоизученные, либо требующие переосмысления вопросы о деятельности Коминтерна, о том, насколько его национальные секции и по каким вопросам могли проявлять самостоятельность. Цель – рассмотреть динамику подходов к изучению Коминтерна, сравнить мнения историков по основным рассматриваемым вопросам. Предмет исследования – политика Коминтерна, главным образом, в отношении зарубежных коммунистических партий. Результат исследования: определены и охарактеризованы два основных направления в изучении политики Коминтерна: традиционалистское и ревизионистское. Выявлены хронологические периоды в развитии этих направлений: до 1990-х гг., 1990-е гг., с 2000-х гг. до настоящего времени. Каждый хронологический этап связан с деятельностью определенных историков, позиции которых позволили определить их в качестве приверженцев того или иного направления, а также с рядом политических и научных событий – окончанием холодной войны, началом и продолжением рассекречивания архива Коминтерна, находящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Автор приходит к выводам о том, что аргументы каждой из сторон достаточно убедительны, что, вероятнее всего, скажется на продолжении научно-го спора, что будет способствовать росту научных публикаций по данной теме.

Ключевые слова: «традиционалисты», «ревизионисты», тактика «класс против класса», III Интернационал.

События, связанные с политикой Коммунистического интернационала, всегда находились в русле актуальной повестки для изучения среди англоязычных историков, рост количества исследований в последние десятилетия подтверждает этот тезис. В их научной среде сложилось два основных направления – традиционалистское и ревизионистское.

«Традиционалисты» отстаивали позиции, свойственные идеологии западных стран в противостоянии с СССР, подобные работы стали появляться еще в 1930-е гг., основная масса публикаций увидела свет в годы холодной войны. Историки подчеркивали централизованность Коминтерна, господство в нем лидеров РКП(б) – ВКП(б), их решающее влияние на коммунистические партийные структуры по всему миру [1, с. 19–20]. Большинство из них считали период реализации тактики «класс против класса» (1928–1934 гг.) самым мрачным часом в истории Коминтерна, временем господства сталинизма, когда был нанесен максимальный ущерб рабочему движению [13, pp. 117–172; 20, pp. 4–5, 18–19, 29, 33, 50; 52, pp. 147–158]; лидеры национальных компартий, по их мнению, руководствовались необходимостью предоставить Москве доказательства верности политической линии, заданной III Интернационалом [4, p. 274; 27, pp. 42–48; 45, pp. 142–145].

Начало открытия архивов в России в 1990-е гг. способствовало увеличению числа подобного рода публикаций. Американские историки Г. Леви, Р. Пайпс и Дж. Хейнс пришли к выводу, что Коминтерн являлся тоталитарной организацией с момента начала осуществления практической деятельности, а террор конца 1930-х гг. явился логическим результатом этой тоталитарной политики [19, pp. 3–16; 32, p. 7; 49, pp. 172–239]. Их соотечественники Е. Вейц и Р. Киран указывают на неверную тактику Коминтерна в отношении профсоюзов, в

результате чего коммунистические партии Германии, США и Канады потеряли значительную массу приверженцев среди рабочего класса [25, pp. 163–197; 65, p. 151]. Канадские исследователи также поддерживают выводы Кирана в отношении Коммунистической партии Канады (КПК) и считают, что наиболее значительно партия контролировалась Коминтерном во второй половине 1920-х – 1930-е гг. [2, pp. 9–42; 8, pp. 59–60; 17, pp. 35–54, 180–210]. Британский историк Ф. Беккет, отмечает, что политика Коминтерна причинила значительный ущерб британским коммунистам и повлекла за собой много страданий в течение нескольких следующих десятилетий [6, p. 13]. Пожалуй, наибольший вклад в изучение Коминтерна в 1990-е гг. среди британских историков внес К. Макдермотт – автор монографии [40] (совместно с Дж. Агню) и ряда статей [36; 37; 38; 39], посвященных изучению этой международной организации. Он солидарен с мнением предыдущих историков относительно влияния тактики «класс против класса» на национальные компартии, называя их катастрофическими [38, pp. 409–429]. Для Макдермотта и Агню является очевидным факт того, что стратегии Третьего периода (периода реализации тактики «класс против класса») были изобретены в Москве, а пространство для дебатов и дискуссий в партиях было строго ограничено [40, pp. 94, 118, 119].

В 2000-е гг. по настоящее время количество публикаций, посвященных Коминтерну, где присутствуют схожие с вышеперечисленными оценки, продолжает расти. Дж. Макилрой и А. Кэмпбелл придерживаются мнения, что в политике КПВ в 20–30-е годы XX в. не было ни одного случая, когда политическая стратегия была бы инициирована самой партией [41, pp. 151, 173]. Профессор Университета Кларксона (США) А. Кохо-Уильямс, также сосредоточившись на изучении КПВ, приходит к выводу, что британская компартия смогла сохранить самобытность только на этапе ее становления, а затем лишилась ее из-за игнорирования коминтерновским руководством национальной ситуации в Великобритании [28]. То, что руководство Коминтерна не учитывало национальные особенности, подчеркивают британцы Г. Коэн и К. Морган [9, p. 332]. Также Морган считает, что для усиления контроля над национальными секциями Сталин способствовал тому, чтобы лидерами в них стали лояльные ему политики, такие, например, как Э. Тельман, Г. Поллитт и другие [44, pp. 42–43]. Точки зрения, что Коммунистическая партия США (КП США) постоянно выполняла директивы Коминтерна, придерживается Дж. Барретт (Виргинский университет, США) [5, pp. 178–181]. Кризис внутри Коммунистической партии Германии (КПГ) из-за разрыва сотрудничества с социал-демократами, по мнению ряда британских историков, отчасти способствовал приходу фашистов к власти [18, pp. 116–120, 177; 30, pp. 39–53; 31, p. 17; 54, p. 44]; Т. Рис (Эксетерский университет, Великобритания) и Б. Палмер (Университет Трента, Канада) считают, что из-за принудительной реализации тактики «класс против класса» была проигнорирована реальная угроза справа в Испании [47, p. 222; 51, p. 176]. В Южной Африке, по мнению Э. Дрю (Йоркский университет, Канада) и М. Свэглера (Колледж Уильямса, США), политика «класс против класса» была обречена ввиду незнания руководством Коминтерна местных условий [14, pp. 337–356] и погрузила партию во фракционность [60, p. 626]. П. Странахэн (Пенсильванский университет, США) поддерживает данный тезис применительно к Китаю [59, pp. 303–316], М. Крук (Университет Сан-Франциско, США) – к Японии [10, pp. 20–21]. В статьях канадских историков М. Ютрихта и Б. Эйдлина, а также их американского коллеги В. Девинаца, указывается на ошибки Коминтерна в 30-е гг. в отношении КП США, в результате чего американские коммунисты значительно утратили свое влияние в профсоюзах, что привело к расколу между партией и рядовыми рабочими [12, p. 147; 63, pp. 36–59].

В 1980-е гг. о себе заявили сторонники сформированного ревизионистского подхода, которые не признавали в отношениях коммунистических партий и Коминтерна нисходящее господство директив последнего. Вместо этого они старались подчеркнуть автономию первых и отметить их положительный вклад в социальные и политические процессы в своих странах. В США такими историками были П. Андерсон, Дж. Прикетт и М. Иссерман. Первый отмечал, что, помимо «железной дисциплины», существовавшей в Коминтерне, имела место самостоятельная национальная динамика, инициируемая местными коммунистами [3, p. 150]; второй – что политика Коммунистической партии США осуществлялась в соответствии как с внутренними, так и с международными факторами [50, pp. 3–36]. По мнению М. Иссермана, было бы ошибкой рассматривать КП США как собрание автономных подгрупп евреев, финнов, чернокожих, женщин, грузчиков, фанатов бейсбола, которые могли свободно определять свою политическую повестку дня без привязки к советским приоритетам. Но было бы такой же серьезной ошибкой вернуться к традиции, согласно которой члены партии полностью

подчинялись политике Коминтерна без каких-либо претензий на собственное место в американской истории [23, pp. 544–555]. Среди британцев следует отметить профессора Сассекского университета А. Хаукинса, который указывал в качестве причины прироста членства в КПВ во время Третьего периода изоляцию партии от остальной части лейбористского движения, что позволило проводить ей независимую политику, соответственно, пользоваться популярностью в народных массах [22, p. 254]. К. Морган, позже несколько изменивший свои взгляды на Коминтерн, настаивал на необходимости изучать не только линию партии, но и то, что коммунистические активисты сделали для общества, например, в промышленности [43, pp. 6–16].

В 1990-е гг. увеличилось как количество историков-ревизионистов, так и, соответственно, публикаций о Коминтерне, написанных в соответствии с данной парадигмой. Ряд американских историков поставили под сомнение катастрофические последствия тактики «класс против класса» в США, указывая на достижения в борьбе за антирасизм и массовую организацию неквалифицированных рабочих и безработных, причем чаще всего их исследования касались отдельных регионов страны, на примере которых это прослеживается достаточно очевидно [15, pp. 27–50; 26, p. 221; 55, p. XXIV]. Определенная группа исследователей пришла к выводу, что корни американского коммунизма имеют под собой национальную основу, а не навязаны в полном объеме коминтерновским руководством [7, pp. 15–44; 24, pp. XII; 46, pp. 4–5].

Британские историки М. Люк и Х. ван де Вен приходят к подобным выводам в отношении Коммунистической партии Китая [33, pp. 218–220; 64, pp. 126–127]. Ряд их соотечественников находят национальные корни в тактике «класс против класса», объясняя ее практическую реализацию в том числе желанием самих британских коммунистов [34, p. 63; 56, pp. 4–13; 57, pp. 212–222; 66, p. 74]. Профессор Лидского университета Э. Торп пишет, что влияние Коминтерна на деятельность КПВ было преувеличено большинством исследователей [61, pp. 637–662], партия была в значительной степени хозяином своей собственной судьбы. На каждом этапе изменения тактики Коминтерна, считает Торп, в КПВ было достаточное количество несогласных, и большинство из них сохранялось в партии даже после изменения линии. Например, 20 % делегатов на мартовской конференции КПВ в 1922 г. проголосовали против тактики единого фронта; в 1928 г. в партии существовали серьезные разногласия по поводу того, как проводить линию т. н. «третьего периода» [62, pp. 74–75, 81–83]. Э. Торп вместе со своим соотечественником М. Уорли приходят к любопытному выводу о том, что процесс централизации и бюрократизации в 30-е гг. XX в. проходил и в Лейбористской партии, и в профсоюзах, таким образом, можно расценивать эти процессы как особые британские черты [62, pp. 72–73], соответственно, ни советское влияние, ни влияние Коминтерна не следует рассматривать как однозначное [68, pp. 245–246].

В 2000-е гг. линия «ревизионистов» получила развитие. В сборнике «Коммунистические партии в третьем периоде», опубликованном в 2004 г., ряд исследователей приходит к выводам о его стабилизирующем характере: возросла численность британской компартии, удалось мобилизовать значительные отряды безработных в Великобритании [69, p. 66], Германии [67, p. 4], США [53, p. 208], Австралии [35, p. 266]; серьезные дискуссии, в том числе по поводу тактики, сохранялись в коммунистических партиях Франции [21, p. 107] и Португалии [11, pp. 152–153].

Канадские историки С. Форсайт, И. Маккей и К. Патриас отмечают, что в начале Великой депрессии канадская компартия в ряде крупных городов боролась за лидерство в рабочем классе, сыграла важную роль в вопросе прав безработных, добилась значительного влияния среди художников и интеллектуалов [16, p. 47; 42, pp. 132–136; 48, p. 126]. Также изучая особенности коммунизма на местном уровне – в Чикаго, Р. Сторч (Колледж Государственного университета Нью-Йорка в Кортленде, США) в своей статье выдвигает схожие тезисы с канадскими коллегами – во время Третьего периода членство в чикагском местном отделении КП США росло в районах, где активность коммунистов самым непосредственным образом касалась проблем рабочих, а также безработных из различных категорий населения [58, p. 85]. Американский историк Дж. Зумофф также отмечает, что в США и Канаде коммунистические партии сыграли центральную роль в подъеме борьбы рабочих за свои права и последовавшего за этим укрепления рабочего движения в 1930-е гг.; в годы Великой депрессии КП США была очень популярна: с 1929 по 1934 гг. ее численность увеличилась более чем в два раза [70, pp. 165, 169].

Таким образом, англоязычная историография Коминтерна переживает очередной этап своего развития. В годы существования III Интернационала и практически до окончания холодной войны ей был свойственен достаточно однозначный подход к политике этой между-

народной организации – она оценивалась как инструмент внешней политики СССР, направленный на удовлетворение ее интересов, а коммунистические партии, входившие в Коминтерн, являлись верными проводниками этой линии. В условиях рассекречивания большого числа документов из архива Коминтерна этот традиционалистский подход получил новое развитие – действительно, сложно спорить, что в разные годы из коммунистических партий было исключено много талантливых руководителей, что их сильно ослабило; просчеты коминтерновского руководства, игнорировавшего местную специфику, чаще всего приводили к изоляции этих партий, снижению политического авторитета в рабочем движении, часть коминтерновских директив коммунистические партии вынуждены были выполнять без какого-либо масштабного обсуждения.

Однако сторонники ревизионистского подхода, оформившегося в 1980-е гг., после открытия архивов и изучения партийных документов в своих странах также сформировали ряд аргументов, главным образом сосредоточившись на рассмотрении деятельности компартий на местном уровне: историки выяснили, что на уровне отдельных стран и городов вопросы безработицы, расового характера, защиты прав рабочих и так далее, достаточно часто и успешно решались именно коммунистами, иногда в союзах с социалистами и социал-демократами, что говорит и об определенной самостоятельности компартий, и об их достаточно серьезном политическом весе; также нельзя не отметить в целом популярность коммунизма не только среди рабочих, но и интеллигенции, которая также возникла ввиду того, что деятельность коммунистов была достаточно масштабной и созидательной. В связи с этим, вероятнее всего, в ближайшие годы научный спор продолжится и будут появляться новые публикации по теме.

Список литературы

1. *Суздальцев И. А.* Современная англоязычная историография Коммунистического интернационала // Новая и новейшая история. 2021. Вып. 4. С. 18–30.
2. *Akers D.* Rebel or Revolutionary? Jack Kavanagh and the Early Years of the Communist Movement in Vancouver, 1920–1925 // Labour/Le Travail. Fall 1992. No. 30. Pp. 9–42.
3. *Anderson P.* Communist Party History // R. Samuel People's History and Socialist Theory. London; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1981. Pp. 145–156.
4. *Angus I.* Canadian Bolsheviks: The Early Years of the Communist Party of Canada. Montreal : Vanguard, 1981. 404 p.
5. *Barrett J.* What Went Wrong? The Communist Party, the US, and the Comintern // American Communist History. 2018. Vol. 17 (2). Pp. 176–184.
6. *Beckett F.* Enemy Within. The Rise and Fall of the British Communist Party. London : Murray, 1995. 246 p.
7. *Brown M.* The History of the History of U.S. Communism / Michael E. Brown, Randy Martin, Frank Rosengarten & George Snedeker, eds. // New Studies in the Politics and Culture of U.S. Communism. New York : Monthly Review, 1993. Pp. 15–44.
8. *Campbell C.* Making Socialists: Bill Pritchard, the Socialist Party of Canada, and the Third International // Labour/Le Travail. Fall 1992. No. 30. Pp. 45–63.
9. *Cohen G., Morgan K.* Stalin's Sausage Machine: British Students at the International Lenin School, 1926–1937 // Twentieth Century British History. 2002. Vol. 13. № 4. Pp. 327–355.
10. *Crooke M.* Betraying Revolution: The Foundations of the Japanese Communist Party. Master's Projects and Capstones. University of San Francisco, 2018. 33 p.
11. *Cunha C. A.* The Portuguese Communist Party, Its Ancillary Organizations, and the Communist International's Third Period // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 152–173.
12. *Devinatz V.* Interpreting the Communist Party USA's Historical Role in the US Trade Unions: Insights from the Early Institutional Theory of Industrial Relations // International Critical Thought. 2020. Is. 1. Pp. 138–149.
13. *Draper T.* A present of things past : selected essays. New York : Hill and Wang, 1990. 305 p.
14. *Drew A.* The New Line in South Africa: Ideology and Perception in a Very Small Communist Party // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 337–359.
15. *Feurer R.* The Nutpickers Union, 1933–34: Crossing the Boundaries of Community and Workplace // Staughton Lynd (ed.). 'We Are All Leaders': The Alternative Unionism of the 1930s. Urbana and Chicago : University of Illinois Press, 1996. Pp. 27–50.
16. *Forsyth S.* Communists, Class, and Culture in Canada // Working on Screen. Representations of the Working Class in Canadian Cinema / eds M. Khouri, D. Varga. Toronto, 2006. Pp. 46–72.
17. *Fragar R.* Sweatshop Strife: Class, Ethnicity, and Gender in the Jewish Labour Movement of Toronto 1900–1939. Toronto : University of Toronto Press, 1992. 300 p.

18. *Haslam J.* The Spectre of War. International Communism and the Origins of World War II. Princeton, 2021. 500 p.
19. *Haynes J. E.* Red Scare or Red Menace? American Communism and Anti-Communism in the Cold War Era? Chicago : Ivan R. Dee, 1996. 214 p.
20. *Hobsbawm E. J.* Revolutionaries : contemporary essays. New York : Pantheon Books, 1973. 278 p.
21. *Hopkins S.* French Communism, the Comintern and Class Against Class: Interpretations and Rationales // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 106–128.
22. *Howkins A.* 'Class against Class': The Political Culture of the Communist Party of Great Britain, 1930–35 // F. Gloversmith Class, Culture and Social Change. Brighton : Harvester Press, 1980. Pp. 240–258.
23. *Isserman M.* Three Generations: Historians View American Communism // Labor History. 1985. No. 26. Pp. 544–555.
24. *Johanningsmeier E.* Forging American communism: the life of William Z. Foster. Princeton : Princeton University Press, 1994. 458 p.
25. *Keeran R.* The Communist Influence on American Labor // New Studies in the Politics and Culture of U.S. Communism edited by Michael E. Brown et al. New York : Monthly Review Press, 1993. Pp. 163–197.
26. *Kelley R.* Hammer and Hoe: Alabama Communists during the Great Depression. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1990. 369 p.
27. *Klehr H.* The Heyday of American Communism: The Depression Decade. New York : Basic Books, 1984. 511 p.
28. *Kocho-Williams A.* The Communist International through a British Lens // Conference: 123th Annual Meeting American Historical Association, 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/267536670_The_Communist_International_through_a_British_Lens (дата обращения: 06.07.2022).
29. *Kraditor A. S.* "Jimmy Higgins": The Mental World of the American Rank-and-File Communist, 1930–1958. New York : Greenwood Press, 1988. 283 p.
30. *LaPorte N.* Presenting a Crisis as an Opportunity: The KPD and the Third Period, 1929–1933 // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 39–53.
31. *LaPorte N.* Weimar Communism as Mass Movement: An Introduction // Weimar Communism as Mass Movement. 1918–1933 / Edited by Ralf Hoffrogge and Norman LaPorte. London, 2017. Pp. 1–24.
32. *Lewy G.* The cause that failed: Communism in American political life. New York : Oxford University Press, 1990. 384 p.
33. *Luk M. Y.* The Origins of Chinese Bolshevism. An Ideology in the Making 1920–1928. Oxford : Oxford University Press, 1990. 366 p.
34. *MacEwen M.* The Greening of a Red. London : Pluto Press, 1991. 306 p.
35. *Macintyre S.* The New Line in the Antipodes: Australian Communists and Class Against Class // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 247–269.
36. *McDermott K.* Comintern, Stalinism and Totalitarianism // Politics and Society under the Bolsheviks / Edited by Kevin McDermott and John Morison. New York : St. Martin's Press, 1999. Pp. 285–294.
37. *McDermott K.* Recent literature on the Comintern: problems of interpretation // M. Narinsky, J. Rojahn Centre and Periphery The History of the Comintern in the Light of New Documents. Groupe d'histoire et de sociologie du Communisme (ULB). Amsterdam : International Institute of Social History, 1996. Pp. 28–31.
38. *McDermott K.* Stalin and the Comintern during the Third Period // European History Quarterly. 1995. Vol. 25. No. 3. Pp. 409–429.
39. *McDermott K.* The history of the Comintern in the light of new documents // Tim Rees and Andrew Thorpe (eds.). International Communism and the Communist International 1919–1943. Manchester : Manchester University Press, 1998. Pp. 31–40.
40. *McDermott K., Agnew J.* The Comintern: A History of International Communism from Lenin to Stalin. Basingstoke : Macmillan, 1996. 336 p.
41. *Mcilroy J., Campbell A.* "Nina Ponomareva's Hats": The New Revisionism, the Communist International, and the Communist Party of Great Britain, 1920–30 // Labour/Le Travail. 2002. No. 49. Pp. 147–187.
42. *McKay I.* Joe Salsberg, Depression-Era Communism, and the Limits of Moscow's Rule // Canadian Jewish Studies. 2014. Vol. 21. Pp. 130–142.
43. *Morgan K.* Against Fascism and War: Ruptures and Continuities in British Communist Politics, 1935–41. Manchester : Manchester University Press, 1989. 328 p.
44. *Morgan K.* International Communism and the Cult of the Individual. Leaders, Tribunes and Martyrs under Lenin and Stalin. London, 2017. 363 p.
45. *Morton D.* Working People: An Illustrated History of the Canadian Labour Movement. Toronto : Deneau, 1987. 357 p.
46. *Ottanelli F. M.* The Communist Party of the United States: From the Depression to World War II. New Brunswick : Rutgers University Press, 1991. 307 p.

47. Palmer B. How Can We Write Better Histories of Communism? // Labour/Le Travail. 2019. Vol. 83. Pp. 199–232.
48. Patrias C. Immigrants, Communists, and Solidarity Unionism in Niagara, 1930–1960 // Labour/Le Travail. 2018. No. 82. Pp. 119–158.
49. Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime. New York : Columbia University Libraries, 1993. 608 p.
50. Prickett J. New Perspectives on American Communism and the Labor Movement // Political Power and Social Theory: A Research Annual. 1984. No. 4. Pp. 3–36.
51. Rees T. The “Good Bolsheviks”: The Spanish Communist Party and the Third Period // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 174–202.
52. Rodney W. Soldiers of the International: A History of the Communist Party of Canada, 1919–1929. Toronto : University of Toronto Press, 1968. 204 p.
53. Ryan J. A Final Stab at Insurrection: The American Communist Party, 1928–34 // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 203–219.
54. Smith S. A. Introduction to Volume I // The Cambridge History of Communism. Volume I. World Revolution and Socialism in One Country 1917–1941 / Edited by Silvio Pons, Stephen A. Smith. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. Pp. 28–45.
55. Solomon M. The Cry Was Unity: Communists and African Americans, 1917–1936. Jackson : University Press of Mississippi, 1998. 336 p.
56. Squires M. CPGB membership during the Class Against Class years // Socialist History. 1993. No. 3. Pp. 4–13.
57. Squires M. Saklatvala: A Political Biography. London : Lawrence and Wishart, 1990. 227 p.
58. Storch R. “Run Quick and Find the Reds”: Historians’ Search for American Communists // American Communist History. 2019. Vol. 18. Pp. 79–87.
59. Stranahan P. The Chinese Communist Party During the Third Period, 1927–34 // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 301–318.
60. Swagler M. The Russian Revolution and Pan-African Marxism // Review of African Political Economy. 2018. Vol. 45. Is. 158. Pp. 620–628.
61. Thorpe A. Comintern ‘control’ of the Communist Party of Great Britain, 1920–43 // English Historical Review. 1998. Vol. 103. No. 452. Pp. 637–662.
62. Thorpe A. The Communist International and the Communist Party of Great Britain // Tim Rees and Andrew Thorpe (eds.). International Communism and the Communist International, 1919–1943. Manchester : Manchester University Press, 1998. Pp. 67–86.
63. Uetricht M., Eidlin B. U.S. Union Revitalization and the Missing ‘Militant Minority’ // Labor Studies Journal. 2019. Vol. 44 (1). Pp. 36–59.
64. Van den Ven H. J. From Friend to Comrade: The Founding of the Chinese Communist Party, 1920–1927. Berkeley : University of California Press, 1991. 373 p.
65. Weitz E. D. Creating German Communism, 1890–1990: From Popular Protests to Socialist State. Princeton : Princeton University Press, 1997. 445 p.
66. Worley M. Class Against Class: The Communist Party of Great Britain in the Third Period, 1927–1932. Unpublished PhD diss. Univ. of Nottingham, 1998. 328 p.
67. Worley M. Courting Disaster? The Communist International in the Third Period // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 1–17.
68. Worley M. Reflections on recent British Communist Party history // Historical Materialism. 1999. No. 4. Pp. 241–261.
69. Worley M. To the Left and Back Again: The Communist Party of Great Britain in the Third Period // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 65–87.
70. Zumoff J. The Left in the United States and the Decline of the Socialist Party of America, 1934–1935 // Labour/Le Travail. 2020. Vol. 85. Pp. 165–198.

About the peculiarities of the English-language historiography of the Comintern

Suzdaltsev Ilya Alekseevich

PhD in Historical Sciences, history teacher, School No. 1381.

Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-5204-0117. Researcher ID: AAN-2890-2021. E-mail: ialoko90@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the specifics of the English-language historiography of the Communist International from the moment of the appearance of the main publications to the present time. The relevance of the research is evidenced by the fact that in recent decades, the study of the policy of the Comintern and national communist remains one of the tasks of English-speaking historians: the number of

articles and monographs in which the authors try to consider controversial, little-studied, or requiring rethinking questions about the activities of the Comintern, how much its national sections and on what questions could show independence. The purpose is to examine the dynamics of approaches to the study of the Comintern, to compare the opinions of historians on the main issues under consideration. The subject of the study is the policy of the Comintern, mainly in relation to foreign communist parties. The result of the study: two main directions in the study of Comintern politics are identified and characterized: traditionalist and revisionist. Chronological periods in the development of these directions are revealed: up to the 1990s, the 1990s, the 2000s to the present. Each chronological stage is associated with the activities of certain historians, whose positions made it possible to identify them as adherents of a particular direction, as well as with a number of political and scientific events – the end of the Cold War, the beginning and continuation of the declassification of the Comintern archive, located in the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). The author comes to the conclusion that the arguments of each side are quite convincing, which is likely to affect the continuation of the scientific dispute, which will contribute to the growth of scientific publications on this topic.

Keywords: "traditionalists", "revisionists", tactics "class against class", III International.

References

1. *Suzdaltsev I. A.* Modern English-language historiography of the Communist International // New and modern history. 2021. Is. 4. Pp. 18–30.
2. *Akers D.* Rebel or Revolutionary? Jack Kavanagh and the Early Years of the Communist Movement in Vancouver, 1920–1925 // Labour/Le Travail. Fall 1992. No. 30. Pp. 9–42.
3. *Anderson P.* Communist Party History // R. Samuel People's History and Socialist Theory. London; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1981. Pp. 145–156.
4. *Angus I.* Canadian Bolsheviks: The Early Years of the Communist Party of Canada. Montreal : Vanguard, 1981. 404 p.
5. *Barrett J.* What Went Wrong? The Communist Party, the US, and the Comintern // American Communist History. 2018. Vol. 17 (2). Pp. 176–184.
6. *Beckett F.* Enemy Within. The Rise and Fall of the British Communist Party. London : Murray, 1995. 246 p.
7. *Brown M.* The History of the History of U.S. Communism / Michael E. Brown, Randy Martin, Frank Rosengarten & George Snedeker, eds. // New Studies in the Politics and Culture of U.S. Communism. New York : Monthly Review, 1993. Pp. 15–44.
8. *Campbell C.* Making Socialists: Bill Pritchard, the Socialist Party of Canada, and the Third International // Labour/Le Travail. Fall 1992. No. 30. Pp. 45–63.
9. *Cohen G., Morgan K.* Stalin's Sausage Machine: British Students at the International Lenin School, 1926–1937 // Twentieth Century British History. 2002. Vol. 13. No. 4. Pp. 327–355.
10. *Crooke M.* Betraying Revolution: The Foundations of the Japanese Communist Party. Master's Projects and Capstones. University of San Francisco, 2018. 33 p.
11. *Cunha C. A.* The Portuguese Communist Party, Its Ancillary Organizations, and the Communist International's Third Period // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 152–173.
12. *Devinatz V.* Interpreting the Communist Party USA's Historical Role in the US Trade Unions: Insights from the Early Institutional Theory of Industrial Relations // International Critical Thought. 2020. Is. 1. Pp. 138–149.
13. *Draper T.* A present of things past : selected essays. New York : Hill and Wang, 1990. 305 p.
14. *Drew A.* The New Line in South Africa: Ideology and Perception in a Very Small Communist Party // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 337–359.
15. *Feurer R.* The Nutpickers Union, 1933–34: Crossing the Boundaries of Community and Workplace // Staughton Lynd (ed.). "We Are All Leaders": The Alternative Unionism of the 1930s. Urbana and Chicago : University of Illinois Press, 1996. Pp. 27–50.
16. *Forsyth S.* Communists, Class, and Culture in Canada // Working on Screen. Representations of the Working Class in Canadian Cinema / eds M. Khouri, D. Varga. Toronto, 2006. Pp. 46–72.
17. *Frager R.* Sweatshop Strife: Class, Ethnicity, and Gender in the Jewish Labour Movement of Toronto 1900–1939. Toronto : University of Toronto Press, 1992. 300 p.
18. *Haslam J.* The Spectre of War. International Communism and the Origins of World War II. Princeton, 2021. 500 p.
19. *Haynes J. E.* Red Scare or Red Menace? American Communism and Anti-Communism in the Cold War Era? Chicago : Ivan R. Dee, 1996. 214 p.
20. *Hobsbawm E. J.* Revolutionaries : contemporary essays. New York : Pantheon Books, 1973. 278 p.
21. *Hopkins S.* French Communism, the Comintern and Class Against Class: Interpretations and Rationales // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 106–128.
22. *Howkins A.* "Class against Class": The Political Culture of the Communist Party of Great Britain, 1930–35 // F. Gloversmith Class, Culture and Social Change. Brighton : Harvester Press, 1980. Pp. 240–258.

23. *Isserman M.* Three Generations: Historians View American Communism // *Labor History*. 1985. No. 26. Pp. 544-555.
24. *Johanningsmeier E.* Forging American communism: the life of William Z. Foster. Princeton : Princeton University Press, 1994. 458 p.
25. *Keeran R.* The Communist Influence on American Labor // *New Studies in the Politics and Culture of U.S. Communism* ed. by Michael E. Brown et al. New York : Monthly Review Press, 1993. Pp. 163-197.
26. *Kelley R.* Hammer and Hoe: Alabama Communists during the Great Depression. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1990. 369 p.
27. *Klehr H.* The Heyday of American Communism: The Depression Decade. New York : Basic Books, 1984. 511 p.
28. *Kocho-Williams A.* The Communist International through a British Lens // *Conference: 123th Annual Meeting American Historical Association, 2009*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/267536670_The_Communist_International_through_a_British_Lens (date accessed: 06.07.2022).
29. *Kraditor A. S.* "Jimmy Higgins": The Mental World of the American Rank-and-File Communist, 1930-1958. New York : Greenwood Press, 1988. 283 p.
30. *LaPorte N.* Presenting a Crisis as an Opportunity: The KPD and the Third Period, 1929-1933 // *In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period* / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 39-53.
31. *LaPorte N.* Weimar Communism as Mass Movement: An Introduction // *Weimar Communism as Mass Movement. 1918-1933* / ed. by Ralf Hoffrogge and Norman LaPorte. London, 2017. Pp. 1-24.
32. *Lewy G.* The cause that failed: Communism in American political life. New York : Oxford University Press, 1990. 384 p.
33. *Luk M. Y.* The Origins of Chinese Bolshevism: An Ideology in the Making 1920-1928. Oxford : Oxford University Press, 1990. 366 p.
34. *MacEwen M.* The Greening of a Red. London : Pluto Press, 1991. 306 p.
35. *Macintyre S.* The New Line in the Antipodes: Australian Communists and Class Against Class // *In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period* / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 247-269.
36. *McDermott K.* Comintern, Stalinism and Totalitarianism // *Politics and Society under the Bolsheviks* / ed. by Kevin McDermott and John Morison. New York : St. Martin's Press, 1999. Pp. 285-294.
37. *McDermott K.* Recent literature on the Comintern: problems of interpretation // *M. Narinsky, J. Rojahn Centre and Periphery The History of the Comintern in the Light of New Documents. Groupe d'histoire et de sociologie du Communisme (ULB)*. Amsterdam : International Institute of Social History, 1996. Pp. 28-31.
38. *McDermott K.* Stalin and the Comintern during the Third Period // *European History Quarterly*. 1995. Vol. 25. No. 3. Pp. 409-429.
39. *McDermott K.* The history of the Comintern in the light of new documents // *Tim Rees and Andrew Thorpe (eds.) International Communism and the Communist International 1919-1943*. Manchester : Manchester University Press, 1998. Pp. 31-40.
40. *McDermott K., Agnew J.* The Comintern: A History of International Communism from Lenin to Stalin. Basingstoke : Macmillan, 1996. 336 p.
41. *Mcilroy J., Campbell A.* "Nina Ponomareva's Hats": The New Revisionism, the Communist International, and the Communist Party of Great Britain, 1920-30 // *Labour/Le Travail*. 2002. No. 49. Pp. 147-187.
42. *McKay I.* Joe Salsberg, Depression-Era Communism, and the Limits of Moscow's Rule // *Canadian Jewish Studies*. 2014. Vol. 21. Pp. 130-142.
43. *Morgan K.* Against Fascism and War: Ruptures and Continuities in British Communist Politics, 1935-41. Manchester : Manchester University Press, 1989. 328 p.
44. *Morgan K.* International Communism and the Cult of the Individual. Leaders, Tribunes and Martyrs under Lenin and Stalin. London, 2017. 363 p.
45. *Morton D.* Working People: An Illustrated History of the Canadian Labour Movement. Toronto : Deneau, 1987. 357 p.
46. *Ottanelli F. M.* The Communist Party of the United States: From the Depression to World War II. New Brunswick : Rutgers University Press, 1991. 307 p.
47. *Palmer B.* How Can We Write Better Histories of Communism? // *Labour/Le Travail*. 2019. Vol. 83. Pp. 199-232.
48. *Patrias C.* Immigrants, Communists, and Solidarity Unionism in Niagara, 1930-1960 // *Labour/Le Travail*. 2018. No. 82. Pp. 119-158.
49. *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime. New York : Columbia University Libraries, 1993. 608 p.
50. *Prickett J.* New Perspectives on American Communism and the Labor Movement // *Political Power and Social Theory: A Research Annual*. 1984. No. 4. Pp. 3-36.
51. *Rees T.* The "Good Bolsheviks": The Spanish Communist Party and the Third Period // *In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period* / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 174-202.
52. *Rodney W.* Soldiers of the International: A History of the Communist Party of Canada, 1919-1929. Toronto : University of Toronto Press, 1968. 204 p.

53. *Ryan J.* A Final Stab at Insurrection: The American Communist Party, 1928–34 // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 203–219.
54. *Smith S. A.* Introduction to Volume 1 // The Cambridge History of Communism. Volume I. World Revolution and Socialism in One Country 1917–1941 / ed. by Silvio Pons, Stephen A. Smith. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. Pp. 28–45.
55. *Solomon M.* The Cry Was Unity: Communists and African Americans, 1917–1936. Jackson : University Press of Mississippi, 1998. 336 p.
56. *Squires M.* CPGB membership during the Class Against Class years // Socialist History. 1993. No. 3. Pp. 4–13.
57. *Squires M.* Saklatvala: A Political Biography. London : Lawrence and Wishart, 1990. 227 p.
58. *Storch R.* "Run Quick and Find the Reds": Historians' Search for American Communists // American Communist History. 2019. Vol. 18. Pp. 79–87.
59. *Stranahan P.* The Chinese Communist Party During the Third Period, 1927–34 // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 301–318.
60. *Swagler M.* The Russian Revolution and Pan-African Marxism // Review of African Political Economy. 2018. Vol. 45. Is. 158. Pp. 620–628.
61. *Thorpe A.* Comintern "control" of the Communist Party of Great Britain, 1920–43 // English Historical Review. 1998. Vol. 103. No. 452. Pp. 637–662.
62. *Thorpe A.* The Communist International and the Communist Party of Great Britain // Tim Rees and Andrew Thorpe (eds.). International Communism and the Communist International, 1919–1943. Manchester : Manchester University Press, 1998. Pp. 67–86.
63. *Uetricht M., Eidlin B.* U.S. Union Revitalization and the Missing "Militant Minority" // Labor Studies Journal. 2019. Vol. 44 (1). Pp. 36–59.
64. *Van den Ven H. J.* From Friend to Comrade: The Founding of the Chinese Communist Party, 1920–1927. Berkeley : University of California Press, 1991. 373 p.
65. *Weitz E. D.* Creating German Communism, 1890–1990: From Popular Protests to Socialist State. Princeton : Princeton University Press, 1997. 445 p.
66. *Worley M.* Class Against Class: The Communist Party of Great Britain in the Third Period, 1927–1932. Unpublished PhD diss. Univ. of Nottingham, 1998. 328 p.
67. *Worley M.* Courting Disaster? The Communist International in the Third Period // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 1–17.
68. *Worley M.* Reflections on recent British Communist Party history // Historical Materialism. 1999. No. 4. Pp. 241–261.
69. *Worley M.* To the Left and Back Again: The Communist Party of Great Britain in the Third Period // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. M. Worley. London : Tauris, 2004. Pp. 65–87.
70. *Zumoff J.* The Left in the United States and the Decline of the Socialist Party of America, 1934–1935 // Labour/Le Travail. 2020. Vol. 85. Pp. 165–198.

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

УДК 94(47)

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.026

«Мы стараемся иметь полный комплект работ по советскому византиноведению»: переписка профессора М. Я. Сюзюмова с библиотекой Центра византийских исследований в Думбартон Окс*

Мохов Антон Сергеевич¹, Капсалькова Карина Рамазановна²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0001-9803-6949.
Researcher ID: R-2487-2016. E-mail: a.s.mokhov@urfu.ru

²кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0003-4163-5099.
Researcher ID: W-1839-2017. E-mail: k.r.kapsalykova@urfu.ru

Аннотация. Изучение советско-американских научных связей в годы холодной войны является актуальной научной задачей. В историографии рассматривались контакты двух мировых держав на высшем научном уровне (исследование космоса, изучение Антарктики и прочее). Однако связи между отдельными учеными или университетами, как правило, специального внимания не привлекали. В статье впервые публикуются письма из личного фонда профессора М. Я. Сюзюмова (Уральский университет, Свердловск), которые он получал от профессора византийской истории и литературы Гарвардского университета И. И. Шевченко, а также от библиотекарей центра византийских исследований при Гарвардском университете в Думбартон Окс Лоис Хасслер-Смит и Мерлина Пакарда. Эти архивные материалы позволяют проследить пути международного книгообмена, важной движущей силы развития мировой византистики 1960–1970-х гг. В данное время между советскими и американскими учеными завязались неофициальные контакты, которые позволяли, избегая бюрократических формальностей, получать новейшую научную литературу. Публикуемые в статье письма свидетельствуют, что переписка М. Я. Сюзюмова с сотрудниками библиотеки Думбартон Окс продолжалась более 10 лет. Американская сторона получала изданную в Свердловске научную периодику, материалы конференций и учебные пособия, а М. Я. Сюзюмов – новинки американской византиноведческой литературы. Авторам статьи удалось выявить ошибку, допущенную составителями указателя *Who Was Who at Dumbarton Oaks, 1940–2015*. В этом издании указано, что в библиотеке работали сотрудницы Лоис Смит и Лоис Хасслер. Между тем, анализ переписки М. Я. Сюзюмова с коллегами из США и данные американской периодической печати доказывают, что речь идет об одном человеке – Лоис Хасслер-Смит. Полученные авторами статьи результаты будут использованы для создания научной биографии М. Я. Сюзюмова, а также для реализации проектов по сохранению культурного наследия и популяризации научных знаний.

Ключевые слова: источниковедение, историография, М. Я. Сюзюмов, Уральский университет, Думбартон Окс.

Советско-американские отношения в послевоенный период традиционно рассматриваются в историографии как бескомпромиссное противоборство двух мировых держав. Соревнование между СССР и США в годы холодной войны распространялось не только на экономическую и военную сферы, но также на науку и культуру. Однако в наименее подверженных влиянию официальной идеологии отраслях исторической науки – истории древнего мира и средних веков – в 1960–1980-е гг. наблюдалось активное взаимодействие ученых двух

© Мохов Антон Сергеевич, Капсалькова Карина Рамазановна, 2023

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01455; <https://rscf.ru/project/22-28-01455/>.

стран. Наиболее показательной в этом отношении является византистика, которая в это время переживала бурный расцвет, уверенно превращаясь из *Orchideendisziplin* в самостоятельное научное направление. «Историческая роль Византии в процессе развития цивилизации была столь значительна, что историей Византии в настоящее время занимаются ученые таких стран, существование которых даже не могло быть известно византийцам, – Америки и Японии», – писал выдающийся советский историк Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982) [13, с. 168].

В послевоенные годы для развития советской и американской византистики характерно формирование ведущих исследовательских центров. В СССР таковым являлся Сектор истории Византии Института всеобщей истории АН СССР, в Соединенных штатах – Центр византийских исследований в Думбартон Окс при Гарвардском университете (*Center for Byzantine Studies, Dumbarton Oaks, Harvard University, Washington D. C.*) [14, pp. 97–99; 15, p. 6]. На официальном уровне советские и американские византисты встречались редко – во время работы международных конференций по историческим наукам и на проводившихся раз в пять лет конгрессах византийских исследований. Однако неофициальные контакты между учеными двух стран поддерживались постоянно: велась оживленная переписка, был налажен обмен научной литературой, в специализированных периодических изданиях печатались библиографические обзоры.

В Советском Союзе систематическое получение новых изданий из-за границы длительное время было возможно только через государственные структуры. Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 25 июня 1955 г. № 1185 «О мероприятиях по улучшению использования научной и технической литературы, патентов и каталогов зарубежных стран», советские ученые получили возможность подавать заявки на получение иностранной научной литературы. В частности, в этом документе предписывалось: «начать с августа 1955 г. прием подписки от научных и инженерно-технических работников на иностранные издания»; <...> «отменить неправильные ограничения в использовании читателями иностранной научно-технической литературы, поступающей в государственные библиотеки и библиотеки министерств и ведомств» [2, с. 222–223].

Следует отметить, что полученная из-за рубежа научная периодика и новые монографические исследования, в первую очередь, поступали в фонды Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, а также в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР. Получить доступ к ним через систему межбиблиотечного абонеента могли все заинтересованные лица. Известно, что доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Уральского университета М. Я. Сюзюмов активно пользовался предоставленной возможностью на протяжении многих лет. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в личном фонде ученого в Государственном архиве Свердловской области.

Заявление М. Я. Сюзюмова в АН СССР

В книжный отдел Академии наук СССР
от заведующего кафедрой всеобщей истории
Уральского Государственного Университета
Сюзюмова Михаила Яковлевича, профессора, доктора исторических наук

Прошу принять мой заказ на иностранную литературу на 1959 год.

Для моих работ требуются следующие книги:

1) *Traité d'études byzantines*, éd. P. Lemerle.

I. *La chronologie*, par V. Grumel.

II. *Les papyrus*, par A. Bataille (Paris, 1958). NB NB NB!!

2) *Byzantinische Geschichtsschreiber*, hrsg. von E. Ivanka, Verlag Styria.

I. *Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen* (Bd. II);

II. *Die Normannen in Thessalonike* (Bd. III);

III. *Vademecum des Byzantinischen Aristokraten* (Bd. V).

3) F. Dölger. *Byzanz und die europäische Staatenwelt*. Ettal, 1953.

Машинопись, отпуск [6, л. 33 об.].

Письмо из Книжного отдела АН СССР М. Я. Сюзюмову

Академия наук СССР, Книжный отдел,
Москва Г-34, ул. Кропоткина, д. 16.
Москва, 3 августа 1970 г.

Глубокоуважаемый профессор!

Извещаем Вас, что Комиссия Президиума АН СССР, рассмотрев Ваше заявление о выписке иностранных журналов на 1971 год, утвердила Вам к выписке следующие журналы: *Byzantinische Zeitschrift*.

Деньги для оплаты Вашего заказа имеются на Вашем счете.
Библиограф Книжного отдела
Академии наук СССР

Бланк Книжного отдела АН СССР,
машинопись, подлинник [7, л. 41 об.].

Другая возможность получить иностранную научную литературу предоставлялась при книгообмене между университетскими библиотеками. Так, в 1956 г. газета «Уральский университет» с гордостью сообщила: «Недавно отправлены «Ученые записки Уральского университета» и еще несколько изданий университета в библиотеки Академий наук Китайской Народной Республики и Румынской Народной Республики, Болгарскому Высшему сельскохозяйственному институту, Софийскому университету, библиотеке университета Бирмингама. На днях наша библиотека получила предложение установить книгообмен с библиотекой конгресса Вашингтона (США)» [1].

Однако быстрее и эффективнее был неофициальный путь. Он позволял советским ученым обеспечить себя новейшей литературой и редкими изданиями. Подтверждением этому является переписка М. Я. Сюзюмова с американскими коллегами. В частности, с профессором Калифорнийского университета в Беркли Полом Александером (*Paul Julius Alexander*; 1910–1977) и профессором Университета Нью-Йорка Элиасом Бикерманом (*Elias Joseph Bickerman*; 1897–1981).

Большой интерес представляют письма Игоря Ивановича Шевченко (*Ihor Ševčenko*; 1922–2009). В личном фонде советского историка в Государственном архиве Свердловской области хранятся два письма И. И. Шевченко, которые относятся к 1968–1971 гг. Американский исследователь в эти годы занимал должность профессора византийской истории и литературы Центра византийских исследований в Думбартон Окс при Гарвардском университете. Помимо этого, в 1966–1968 гг. он являлся директором Центра, что предполагало его значительную заинтересованность в пополнении библиотеки Думбартон Окс новейшими иностранными изданиями [20, р. 2]. Далее мы приводим письма И. И. Шевченко, сохраняя авторскую орфографию и пунктуацию.

Письмо И. И. Шевченко М. Я. Сюзюмову

Dumbarton Oaks
Trustees for Harvard University
1703 Thirty-second Street, Washington 7, D. C. 20007
Center for Byzantine Studies

14 августа 1968 г.

Глубокоуважаемый и дорогой профессор Сюзюмов!

Спасибо за милое письмо, которое очень меня обрадовало! Не отвечал, ожидая прихода «Исторической науки на Урале» – только что получил, очень благодарен. Отчет показывает деятельность, о которой нам было неизвестно [9].

Читал Вашу статью о зилотах в «Византийском временнике» и очень тронут тем, что Вы так позитивно расцениваете мое издание Кавасилы [15, с. 17–18; 23]. Самое ценное в Вашей работе, это уточнение понятий и нежелание больше принимать упрощенных схем.

О социальном существе верхушки зилотов мы, наверное, никогда точных сведений не получим, но мне кажется, что исходя из имеющихся у нас данных, Ваша оценка всего ближе истине.

Приветствую заблаговременно с семидесятипятилетием в ноябре и желаю получить сборник статей, выпущенный по случаю Вашего 80-летия!

Ваш всегда преданный
Игор (Иванович) Шевченко

Бланк для писем Гарвардского университета,
рукопись, подлинник [5, л. 1–1 об.].

Письмо И. И. Шевченко М. Я. Сюзюмову

Dumbarton Oaks
Trustees for Harvard University
1703 Thirty-second Street, Washington 7, D. C. 20007
Center for Byzantine Studies

March 5, 1971

Mr. M. Ja. Sjuzumov
A. M. Gorki State University
48a Kuibyshev Street
Sverdlovsk USSR

Dear Mr. Sjuzumov:

Best thanks for sending me the work of Mr. Smetanin [12]. I was very impressed with both its bibliographical and its systematic parts.

I do remember your kind letter sent to me soon after the Moscow Congress. I was touched by its sentiment but I found myself unable to follow its advice. For better or worse, my views on *Торарча* will arrear in print [24].

Yours sincerely,
Ihor Ševčenko

Бланк для писем Гарвардского университета,
рукопись, подлинник [5, л. 2].

В связи с книгообменом между М. Я. Сюзюмовым и Центром византийских исследований в Думбартон Окс особый интерес представляет переписка советского византиниста с сотрудниками научной библиотеки, которая продолжалась с 1963 по 1973 гг. Корреспондентами профессора Сюзюмова являлись Лоис Хасслер-Смит (*Lois Hassler-Smith*) и Мерлин Пакард (*Merlin Packard*). Далее мы приводим эти письма, авторская орфография и пунктуация сохранены.

Письмо Лоис М. Хасслер к М. Я. Сюзюмову

Первый лист письма отсутствует,
без даты.

Trustees for Harvard University
The Dumbarton Oaks Research Library and Collection
1703 Thirty-second Street, Washington 7, D. C.

Problemy ikonoborčestva v Vizantii (Uchenye Zapiski, Sverdlovsk, Inst. nat. de pädag. 1948, p. 48–110) [11].

If you would be kind enough to send us a copy of these, we would be most grateful.

Sincerely,
Lois M. Hassler,
Administrative Libn.

Бланк для писем Гарвардского университета,
машинопись, подлинник [4, л. 1].

Письмо Лоис Хасслер-Смит к М. Я. Сюзюмову

Dumbarton Oaks
Trustees for Harvard University
1703 Thirty-second Street, Washington 7, D. C.
Center for Byzantine Studies

September 8, 1964

Professor M. Ja. Sjuzumov
Generalskaja ul. N. 6, kv. 7
Sverdlovsk, U.S.S.R.

Dear Professor Sjuzumov:

We are interested in obtaining articles in our field of Byzantine studies and would very much like to have offprints of any articles you may have published in this field, or which you may publish in the future.

In particular we would like to have:

Sjuzjumov, M.: Problema socialno-politicheskoj syshchnosti arianstva. (Uralski Gosud. Univ. A. M. Gorkogo. Sbornik materialov... Istoricheskie nauki 1963, pp. 178–183). Sverdlovsk, 1963 [12].

If you would be kind enough to send us a copy of this, we would be most grateful.

Sincerely,

(Mrs.) Lois H. Smith

Assistant Librarian

P. S. Thank you for sending us various articles in the past.

Бланк для писем Гарвардского университета,
машинопись, подлинник [5, л. 1].

Письмо Лоис Хасслер-Смит к М. Я. Сюзюмову

January 12, 1965

Professor M. Ja. Siuziumov

Generalskaya ul. N. 6, kv. 7

Sverdlovsk, U.S.S.R.

Dear Professor Siuziumov:

We wish to express our thanks for the copy of the article requested in our letter of September 8, 1964.

It has been a pleasure to add this item to our collection.

Sincerely,

(Mrs.) Lois H. Smith

Assistant Librarian

Trustees for Harvard University,

The Dumbarton Oaks Research Library and Collection

1703, 32nd Street, N. W., Washington 7, D. C., U.S.A.

Аэрограмма (US Postage, Air Mail),
машинопись, подлинник [5, л. 1–2 об.].

Примечательно, что в личном фонде М. Я. Сюзюмова в ГАСО письма Лоис Хасслер и Лоис Смит разделены и составляют два архивных дела. Эта ошибка была сделана в 1994–1995 гг., во время научно-технической обработки и составления новой описи фонда Р-802. Впрочем, составители каталога *Who Was Who at Dumbarton Oaks, 1940–2015* также были уверены, что в библиотеке Думбартон Окс работали две сотрудницы: одну из них звали Лоис Хасслер (*Lois Margaret Hassler*), а другую – Лоис Смит (*Lois Hassler Smith*) [19]. Между тем, речь идет об одном человеке.

Лоис Маргарет Хасслер родилась в Филадельфии (Пенсильвания) в 1922 г. Окончив государственную школу, она продолжила обучение в Колледже Брин-Мар (*Bryn Mawr College*), где в 1943 г. получила степень бакалавра искусств, а в 1948 г. – степень магистра классических наук в Университете Джона Хопкинса (*Johns Hopkins University*). С 1946 по 1968 гг. она работала помощником библиотекаря (*Assistant Librarian*) и библиографом (*Administrative Librarian*) в исследовательской библиотеке Думбартон Окс. В 1963 г. Лоис Хасслер вышла замуж за юриста Монтгомери Смита (*Montgomery Smith*). С 1970 по 1988 гг. Лоис Хасслер-Смит работала в Общественном колледже Северной Вирджинии (*Northern Virginia Community College*), сначала – координатором библиотечной службы, а затем директором по учебным программам (*Director of Learning Resources*). В 1975 г. она получила степень магистра библиотековедения (*Master of Library Science*) в Католическом университете в Вашингтоне (*Catholic University of America*). Выйдя на пенсию в 1988 г., Лоис Смит вела активную общественную жизнь, неоднократно избиралась жителями городского округа Фэрфакс в штате Вирджиния (*Fairfax County, Virginia*) на различные общественные должности. Скончалась 14 января 2013 г. [16].

Помимо Лоис Смит, М. Я. Сюзюмов вел переписку с сотрудником библиотеки Гарвардского университета Мерлином Пакардом (1929–2015). Он родился в 1929 г. в Портленде в штате Мэн (*Portland, Maine*), обучался в частном Хаверфордском колледже (*Haverford College*), где специализировался на изучении русского, греческого и немецкого языков. После окончания учебы находился на федеральной службе, сначала – в Вашингтоне, а затем в Мюнхене. По возвращении в США он продолжил обучение в Колумбийском университете (*Columbia University*) по истории Византии. В библиотеке Думбартон Окс Мерлин Пакард работал последовательно ассистентом библиотекаря (1964–1967) и библиотекарем (1967–1990). Помимо этого,

он сотрудничал с музеями Нью-Йорка и Вашингтона. Мерлин Пакард скончался 18 октября 2015 г. [17].

В личном фонде М. Я. Сюзюмова сохранены письма Мерлина Пакарда на русском и английском языках. В них библиотекарь упоминал, что о многих вышедших в Советском Союзе новых изданиях ему сообщал профессор Гарвардского университета Игорь Шевченко. Следует также отметить, что помимо научных работ библиотека Думбартон Окс была заинтересована в получении учебных пособий по специальным курсам. В частности, речь идет о классическом учебнике М. Я. Сюзюмова по всеобщей хронологии [8, с. 56–61].

Письмо Мерлина Пакарда к М. Я. Сюзюмову
Dumbarton Oaks
Trustees for Harvard University
1703 Thirty-second Street, Washington 7, D. C.
Center for Byzantine Studies

12-ий января 1966-ого г.
Профессору М. Я. Сюзюмову

Уважаемый Господин Профессор:

На днях, Профессор И. Шевченко показал мне сборник «Античная древность и средние века, выпуск третий», который Вы недавно послали ему. Так-как мы стараемся иметь в нашей Библиотеке Думбартон-Окс возможно полный комплект работ по советскому византиноведению, нам было бы очень желательно получить этот сборник и предшествующие ему выпуски.

Два дня тому назад, Профессор Шевченко получил, благодаря Вашей любезности, «Тезисы докладов» Седьмой Всесоюзной Конференции Византинистов, которая состоялась в декабре прошлого года [9]. Я не нашел сведений об этих конференциях в советской периодической печати последних годов. Мы очень хотели бы узнать, когда и где имели место предыдущие конференции и достигнули-ли в печати тезисы прочитанных там докладов.

С глубоким уважением,
Ваш Мерлин В. Пакард

Бланк для писем Гарвардского университета,
машинопись, подлинник [3, л. 1].

Письмо Мерлина Пакарда к М. Я. Сюзюмову
Dumbarton Oaks
Trustees for Harvard University
1703 Thirty-second Street, Washington, D. C. 20007

1 February, 1972

Prof. Dr. M. Ia. Siuzimov,
Universitet,
Prospekt Lenina 51
Sverdlovsk – 83
USSR

Dear Professor Siuzimov:

Thank you for the New Year's greetings of last year. I am sending to you today a number of off-prints from various Dumbarton Oaks publications. Should they be of interest to you, please let me know, and I shall be able to send you other offprints, as well.

At various times, I have received from you *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Vyp. 1, 2, 3, and 6. Should Vyp. 4 and 5 still be available, I should be grateful to have copies of them, as well as of any which have been issued since Vyp. 6.

In *Revue des etudes byzantines XXIX*, there is a review of V. A. Smetanin: *Epistolografiia*, Sverdlovsk, 1970 [10]. I have been unable to obtain a copy of this book and wonder if it would be possible for you to obtain one for me?

Yours sincerely,
Merlin W. Packard
Librarian
Dumbarton Oaks Research Library

Бланк научной библиотеки Думбартон Окс,
машинопись, подлинник [3, л. 2].

Письмо Мерлина Пакарда к М. Я. Сюзюмову
Dumbarton Oaks
Trustees for Harvard University
1703 Thirty-second Street, Washington, D. C. 20007

21 November 1973

Professor M. Ia. Siuziumov
Universitet
Prospekt Lenina 51
Sverdlovsk – K-83
USSR

Dear Professor Siuziumov:

Thank you very much for the copy of *Antichnaia drevnost' i srednie veka* (9), which arrived today. I also want to thank you for copies of the volumes 4, 6, 7 and 8, which you have sent during the past year; as well as copies of your own *Khronologiia vseobshchaia* and *Romanchuk: Vizantiiskii gorod* [8, с. 59–60]. I am very happy to be able to add these publications to our collection. I shall be sending you some of our publications in a few days.

May I take this opportunity to wish you, somewhat in advance, a very happy new year 1974.

Yours sincerely,
Merlin W. Packard, Librarian
Dumbarton Oaks Research Library

Бланк научной библиотеки Думбартон Окс,
машинопись, подлинник [3, л. 3].

Следует отметить, что Мерлин Пакард составил солидную библиографию работ по византистике на русском языке, которые имелись в фондах библиотек Гарвардского университета. Он специально акцентировал внимание на том, какое значение для американской стороны имел книгообмен. По его словам, объем советских публикаций по данной тематике в 1930-е гг. был небольшим, но все же он прекрасно представлен в Думбартон Окс. Далее он отмечал, что большая коллекция публикаций, вышедших в странах Восточной Европы, является результатом масштабного обмена, который активизировался в послевоенные годы. В библиотеке насчитывалось 75 тыс. томов, 700 наименований периодики, ежегодников, серийных изданий. Кроме того, Мерлин Пакард упомянул о приобретении библиотекой 6 тыс. микрофиш с дореволюционными российскими изданиями [18, pp. 34–35].

Подводя итоги, отметим, что интенсивный книгообмен способствовал развитию византистики как в СССР, так и в Соединенных штатах. В Советском Союзе долгое время доступ к зарубежным изданиям можно было приобрести только официальным путем. Эта сфера регламентировалась специальным постановлением Совета Министров СССР. В первой половине 1960-х гг. официальный путь получения научной литературы стал менее эффективным, поскольку Библиотека им. В. И. Ленина и Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР не справлялись с потоком запросов от научных организаций и отдельных ученых со всей территории огромной страны. В данной ситуации на первый план выходили неофициальные контакты советских историков с их зарубежными коллегами. Судя по переписке с сотрудниками библиотеки Думбартон Окс (Лоис Хасслер-Смит и Мерлин Пакард), которая продолжалась более 10 лет, М. Я. Сюзюмов регулярно отправлял в США новые научные издания. В ответ свердловский историк получал не только новинки американской научной литературы, но также классические издания, которые ранее были ему доступны только в столичных библиотеках.

Список литературы

1. Воробьева Т. Книгообмен с зарубежными вузами // Уральский университет. 1956. 23 мая. № 21 (869).
2. Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции / под ред. Л. И. Карпова, В. А. Серверцева. М.: Советская наука, 1957. 656 с.
3. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 242.
4. ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 256.
5. ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 260.
6. ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 261.
7. ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 312.
8. ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 558.

9. Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917–1967 : Материалы 3-й Науч. сессии вузов Урал. экон. района (ист. науки) / отв. ред. М. Я. Сюзюмов. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1967–1968. Вып. 1: История СССР. 193 с.; Вып. 2: Всеобщая история. 165 с.
10. *Капсалькова К. Р.* М. Я. Сюзюмов и историческая хронология // Историко-культурное наследие в институциональном измерении : мат-лы II Уральского историко-архивного форума, 6–9 октября 2022 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 56–61.
11. Седьмая Всесоюзная конференция византистов (Тбилиси, 13–18 декабря 1965 г.) : тезисы докладов. Тбилиси : Мецниереба, 1965. 138 с.
12. *Сметанин В. А.* Эпистография : методическая разработка к специальному семинару для студентов исторического факультета / под ред. М. Я. Сюзюмова. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1970. 181 с.
13. *Сюзюмов М. Я.* К вопросу о характере выступления зилотов в 1342–1349 гг. // Византийский временник. 1968. Т. 28. С. 15–37.
14. *Сюзюмов М. Я.* Проблемы иконоборчества в Византии // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. 1948. Вып. 4. С. 48–110.
15. *Сюзюмов М. Я.* Проблемы социально-политической сущности арианства : сборник материалов Научной сессии вузов Уральского экономического района (Свердловск, февраль 1963 г.). Вып. 6: Исторические науки. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1963. С. 178–183.
16. *Сюзюмов М. Я.* VIII всесоюзная сессия византистов // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 168–172.
17. *Harvard A to Z* / ed. by J. T. Bethell, R. M. Hunt, R. Shenton. Cambridge, Mass. : Harvard University press, 2004. 396 p.
18. *Jeffreys E., Haldon J., Cormack R.* Byzantine Studies as an academic discipline // Oxford handbook of Byzantine studies / ed. by E. Jeffreys. Oxford : Oxford University Press, 2008. 1050 p.
19. *Lois Smith* Obituary: [Obituary] // Main Line Media News from Feb. 6 to Feb. 13, 2013. URL: <https://www.legacy.com/us/obituaries/mainlinemedianews/name/lois-smith-obituary?id=19744436> (дата обращения: 05.02.2023).
20. *Mango C.* Ihor Sevčenko, 10 February 1922 – 26 December 2009 // *Dumbarton Oaks Papers*. 2010, No. 64. Pp. 1–3.
21. *Merlin W. Packard*, *Dumbarton Oaks librarian*: [Obituary] // *Washington Post*. Nov. 21, 2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/local/obituaries/washington-area-obituaries-of-note/2015/11/21/> (дата обращения: 05.02.2023).
22. *Packard M. W.* *Dumbarton Oaks*, III. The library // *Harvard Library Bulletin*. 1971. Vol. 19. No. 1. Pp. 33–35.
23. *Ševčenko I.* Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse: a reinterpretation // *Dumbarton Oaks Papers*. 1957, No. 11. Pp. 79–171.
24. *Ševčenko I.* Date and Author of the So-called Fragments of *Toparcha Gothicus* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971, No. 25. Pp. 115–187.
25. *Who Was Who at Dumbarton Oaks, 1940–2015*. URL: <https://www.doaks.org/about/history/who-was-who-at-dumbarton-oaks-194020132015> (дата обращения: 05.02.2023).

"We try to have a complete set of works on Soviet Byzantine studies": correspondence of Professor M. Ya. Syuzumov with the library of the Center for Byzantine Studies in Dumbarton Oaks

Mokhov Anton Sergeevich¹, Kapsalykova Karina Ramazanovna²

¹Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0001-9803-6949. Researcher ID: R-2487-2016. E-mail: a.s.mokhov@urfu.ru

²PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Foreign Regional Studies, Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0003-4163-5099. Researcher ID: W-1839-2017. E-mail: k.r.kapsalykova@urfu.ru

Abstract. The study of Soviet-American scientific relations during the Cold War is an urgent scientific task. The historiography considered the contacts of the two world powers at the highest scientific level (space exploration, Antarctic exploration, etc.). However, connections between individual scientists or universities, as a rule, did not attract special attention. The article for the first time publishes letters from the personal fund of Professor M. Ya. Syuzumov (Ural University, Sverdlovsk), which he received from Professor of Byzantine History and Literature at Harvard University I. I. Shevchenko, as well as from librarians of the Center for Byzantine Studies at Harvard University in Dumbarton Oaks Lois Hassler-Smith and Merlin Packard. These archival materials allow us to trace the ways of international book exchange, an important driving force in the development of world Byzantine studies in the 1960s and 1970s. At this time, informal contacts were established between

Soviet and American scientists, which allowed, avoiding bureaucratic formalities, to receive the latest scientific literature. The letters published in the article indicate that the correspondence of M. Ya. Syuzyumov with the staff of the Dumbarton Oaks library lasted more than 10 years. The American side received scientific periodicals published in Sverdlovsk, materials of confessions and textbooks, and M. Ya. Syuzyumov received novelties of the American Byzantine literature. The authors of the article managed to identify an error made by the compilers of the index *Who Was Who at Dumbarton Oaks, 1940–2015*. In this edition, it is indicated that Lois Smith and Lois Hassler worked in the library. Meanwhile, the analysis of correspondence of M. Ya. Syuzyumov and his colleagues from the USA and data from the American periodical press prove that we are talking about one person – Lois Hassler-Smith. The results obtained by the authors of the article will be used to create a scientific biography of M. Ya. Syuzyumov, as well as to implement projects for the preservation of cultural heritage and the popularization of scientific knowledge.

Keywords: source studies, historiography, M. Ya. Syuzyumov, Ural University, Dumbarton Oaks.

References

1. Vorob'eva T. *Knigoobmen s zarubezhnymi vuzami* [Book exchange with foreign universities] // *Ural'skij universitet* – Ural University. 1956. May 23. No. 21 (869).
2. *Vyssaya shkola. Osnovnye postanovleniya, prikazy i instrukcii* – Higher school. Basic resolutions, orders and instructions / ed. by L. I. Karpov, V. A. Severtsev. M. Sovetskaya Nauka (Soviet science). 1957. 656 p.
3. SASR (State Archive of the Sverdlovsk region). F. P-802. Imv. 1. File 242.
4. SASR. F. P-802. Imv. 1. File 256.
5. SASR. F. P-802. Imv. 1. File 260.
6. SASR. F. P-802. Imv. 1. File 261.
7. SASR. F. P-802. Imv. 1. File 312.
8. SASR. F. P-802. Imv. 1. File 558.
9. *Istoricheskaya nauka na Urale za 50 let. 1917–1967 : Materialy 3-j Nauch. sessii vuzov Ural. ekon. rajona (ist. nauki)* – Historical science in the Urals for 50 years. 1917–1967 : Materials of the 3rd Scientific. sessions of universities of Ural Econ. district (Hist. sciences) / ed. by M. Y. Syuzyumov. Sverdlovsk. Ural university Publishing House. 1967–1968. Is. 1: History of the USSR. 193 p.; Is. 2: General History. 165 p.
10. *Kapsalykova K. R. M. Ya. Syuzyumov i istoricheskaya hronologiya* [M. Ya. Syuzyumov and historical chronology] // *Istoriko-kul'turnoe nasledie v institucional'nom izmerenii : mat-ly II Ural'skogo istoriko-arhivnogo foruma, 6–9 oktyabrya 2022 g.* – Historical and cultural heritage in the institutional dimension : proceedings of the II Ural Historical and Archival Forum, October 6–9, 2022 Yekaterinburg. Ural universiy Publishing House. 2022. Pp. 56–61.
11. *Sed'maya Vsesoyuznaya konferenciya vizantinistov (Tbilisi, 13–18 dekabrya 1965 g.) : tezisy dokladov* – Seventh All-Union Conference of Byzantinists (Tbilisi, December 13–18, 1965) : abstracts. Tbilisi. Metsniereba. 1965. 138 p.
12. *Smetanin V. A. Epistolografiya : metodicheskaya razrabotka k special'nomu seminaru dlya studentov istoricheskogo fakul'teta* [Epistolography : methodological development for a special seminar for students of the faculty of History] / ed. by M. Ya. Syuzyumov. Sverdlovsk. Ural university Publishing House. 1970. 181 p.
13. *Smetanin V. A. Epistolografiya : metodicheskaya razrabotka k special'nomu seminaru dlya studentov istoricheskogo fakul'teta* [On the question of the nature of the Zealots' speech in 1342–1349] // *Vizantijskij vremennik* – Byzantine vremennik. 1968. Vol. 28. Pp. 15–37.
14. *Syuzyumov M. Ya. Problemy ikonoborchestva v Vizantii* [Problems of iconoclasm in Byzantium] // *Uchenye zapiski Sverdlovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* – Scientific notes of Sverdlovsk State Pedagogical Institute. 1948. Is. 4. Pp. 48–110.
15. *Syuzyumov M. Ya. Problemy social'no-politicheskoy sushchnosti arianstva : sbornik materialov Nauchnoj sessii vuzov Ural'skogo ekonomicheskogo rajona (Sverdlovsk, fevral' 1963 g.). Vyp. 6: Istoricheskie nauki* [Problems of the socio-political essence of Arianism : a collection of materials of the Scientific session of universities of the Ural Economic Region (Sverdlovsk, February 1963). Is. 6: Historical Sciences]. Sverdlovsk. Ural univesity Publishing House. 1963. Pp. 178–183.
16. *Syuzyumov M. Ya. VIII vsesoyuznaya sessiya vizantinistov* [VIII All-Union session of the Byzantinists] // *Voprosy istorii* – Questions of History. 1970. No. 8. Pp. 168–172.
17. *Harvard A to Z* / ed. by J. T. Bethell, R. M. Hunt, R. Shenton. Cambridge, Mass. : Harvard University press, 2004. 396 p.
18. *Jeffreys E., Haldon J., Cormack R. Byzantine Studies as an academic discipline* // *Oxford handbook of Byzantine studies* / ed. by E. Jeffreys. Oxford : Oxford University Press, 2008. 1050 p.
19. *Lois Smith Obituary: [Obituary]* // Main Line Media News from Feb. 6 to Feb. 13, 2013. Available at: <https://www.legacy.com/us/obituaries/mainlinemedianews/name/lois-smith-obituary?id=19744436> (date accessed: 05.02.2023).
20. *Mango C. Ihor Sevchenko, 10 February 1922 – 26 December 2009* // *Dumbarton Oaks Papers*. 2010, No. 64. Pp. 1–3.

21. *Merlin W. Packard*, Dumbarton Oaks librarian: [Obituary] // *Washington Post*. Nov. 21, 2015. Available at: <https://www.washingtonpost.com/local/obituaries/washington-area-obituaries-of-note/2015/11/21/> (date accessed: 05.02.2023).

22. *Packard M. W.* Dumbarton Oaks, III. The library // *Harvard Library Bulletin*. 1971. Vol. 19. No. 1. Pp. 33–35.

23. *Ševčenko I.* Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse: a reinterpretation // *Dumbarton Oaks Papers*. 1957, No. 11. Pp. 79–171.

24. *Ševčenko I.* Date and Author of the So-called Fragments of *Toparcha Gothicus* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971, No. 25. Pp. 115–187.

25. Who Was Who at Dumbarton Oaks, 1940–2015. Available at: <https://www.doaks.org/about/history/who-was-who-at-dumbarton-oaks-194020132015> (date accessed: 05.02.2023).

Духовное наследие А. С. Пушкина

Сыромятников Олег Иванович

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-4826-3857. E-mail: pani_perm@list.ru

Аннотация. Актуальность статьи определяется тем значением, которое придается в настоящее время традиционным для России духовно-нравственным ценностям. Цель исследования – выявить духовные основы творчества А. С. Пушкина и проследить особенности их воплощения в различных жанрах. Предметом исследования является художественное творчество Пушкина, его дневниковые и эпистолярные записи, а также свидетельства современников.

В результате исследования установлено, что своеобразие творчества поэта определяется особенностями духовного развития его личности. В отличие от многих его современников оно имело характер резких качественных изменений. Это было связано с такими особенностями личности Пушкина, как открытость миру, любознательность, ум, религиозность и ярко выраженное национальное самосознание. Используя разум и веру как равнозначные средства познания окружающей действительности, Пушкин главной целью своей жизни и творчества поставил изучение фундаментальных онтологических законов, управляющих судьбой каждого конкретного человека, целого народа и всего человечества.

Не менее важной задачей было и самосовершенствование, основанное на бескомпромиссном анализе своих недостатков и сознательном деятельном преображении себя в соответствии с христианским идеалом. Духовная жизнь поэта нашла отражение в различных жанрах его творчества, обусловив их художественные достоинства и создав условия для эффективного развития магистрального направления русской литературы – православного реализма.

Полученные результаты могут быть применены при изучении различных аспектов жизни и творчества Пушкина, а также в процессе преподавания дисциплины «История русской литературы» (первая треть XIX в.).

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Библия, Христос, духовная жизнь, православный реализм.

Имя А. С. Пушкина известно всем русским людям и всем образованным иностранцам. О Пушкине сказано и написано, наверное, больше, чем о каком-то другом русском писателе, однако исследования его жизни и творчества продолжают непрерывно и в России, и за рубежом. В этом особенность гения – его огромность не вмещается в обычный человеческий разум. Тем не менее необходимо осмыслить феномен Пушкина, попытаться понять, что делает его близким и нужным самым разным людям.

Воплощенные в слове мысли и чувства писателя, соединяясь на доминирующем уровне трихотомии его личности с императивной силой таланта, становятся литературным произведением. В некоторых случаях доминирующий уровень выражен очень ярко, и это позволяет дать творчеству писателя точное определение: эротическое, сентиментальное, интеллектуальное, философское или религиозное. Сделать такой однозначный вывод о творчестве Пушкина крайне затруднительно, потому что оно содержит произведения, созданные на каждом из этих уровней, а иногда одно произведение сочетает в себе элементы разных уровней – от телесного (эротического) до духовного (религиозного).

И это всегда чувствовали внимательные читатели. В. Г. Белинский назвал роман «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни» [1, с. 566], а Аполлон Григорьев однажды сказал: «Пушкин – наше все» [5, с. 194]. «Все» оно и есть «все» – как в хорошей энциклопедии, поэтому самые разные читатели с самыми разными личностными доминантами находили, находят и будут находить в пушкинском творчестве нечто свое. Однако, если понять, какой

уровень трихотомии был главным в личности (а значит, и в творчестве) Пушкина, то появится возможность увидеть внутренние идеи разных его произведений в единстве и целостности. Для этого необходимо найти в личности поэта черты, оказавшие наибольшее влияние на его творчество.

Важнейшей из них Ю. М. Лотман считал «способность Пушкина меняться» [11, с. 42], то есть очень быстро развиваться и совершенствоваться. Следовательно, и оценивать произведения поэта, созданные в разные периоды его жизни (отроческий, лицейский, до 1820, южный, михайловский, до 1830 г., болдинский и так далее) следует с учетом этих изменений.

Одной из важных черт, очень рано проявившихся в характере Пушкина, была *открытость миру*. Друзья не случайно сравнивали его с эоловой арфой – поэт откликался на малейшие звуки окружающей действительности не только чувствами или разумом, но всем своим существом. Это не была инертная впитывающая податливость – одни импульсы внешнего мира Пушкин принимал и делал частью своей души, а другие отражал, возвращая миру.

Характерным свойством личности поэта была *любопытность*. По словам Ю. М. Лотмана, этим качеством Пушкин «выделялся как ищущий среди нашедших» [11, с. 42]. В отличие от многих современников, он не довольствовался простыми знаниями и простыми объяснениями, а хотел понять, как устроен мир и какие тайные пружины двигают им. Иногда любопытность толкала Пушкина на не вполне обдуманные действия, очень напоминавшие попытки заглянуть за грань обычной, повседневной реальности. С этим связаны и дуэли поэта (за исключением последней, имевшей все признаки заказного убийства) и литературные эксперименты и сложные интеллектуальные поиски. Так, весной 1824 г. он пишет В. К. Кюхельбекеру из Одессы о том, что берет «уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur¹, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души». Эти слова могли бы стать (и отчасти стали) основанием для обвинения в атеизме, если бы не их продолжение: «Система не столь утешительная как обыкновенно думают, но к несчастью (курсив наш. – О. С.) более всего правдоподобная» [16, с. 96]. Очевидно, что назвать правдоподобие атеизма «несчастьем» мог только искренне, хотя еще и не глубоко верующий человек.

Пушкин постоянно учился, причем не просто собирал информацию о мире, а творчески перерабатывал ее, превращая в качественно новое знание. Это говорит о таком свойстве его личности, как *ум*. По словам современника поэта, К. А. Полевого, он «обладал необычайными умственными способностями» [14, с. 76]. Добавим к этому прекрасное знание древних и современных языков и литератур, а также истории и культуры европейской цивилизации – и получим личность необычайно глубокую и многогранную.

Характерной чертой этой личности была *страстность*. В молодости поэту казалось, что в жизни надо испытать все и он не особо сдерживал себя в своих желаниях. По этому поводу Ю. М. Лотман писал: «Жить в постоянной напряженности страстей была для Пушкина не уступкой темпераменту, а сознательной и программной жизненной установкой» [11, с. 51]. Однако, несомненно, была грань, которую поэт не перешел бы никогда. Она определялась понятием «благородство», в основе которого лежало требование безусловной и абсолютной честности по отношению к себе и к другим. С годами к ней прибавилось и понимание того, что безотчетное отдавание себя страстям рано или поздно окончится бедой и страданиями – и своими, и чужими.

Любопытность поэта не ограничивалась видимой, материальной реальностью, а простиралась за ее пределы. Обладая необычайной духовной чуткостью, Пушкин чувствовал присутствие потустороннего мира и живо откликался на его сигналы. Этим объясняется и его известная суеверность и то обстоятельство, что в начале мая 1821 г. он вступил в масонскую ложу «Овидий-2» [8]. Однако скоро поэт понял, что провозглашаемые масонами цели (свобода, равенство, братство, самосовершенствование, филантропия и прочее) только прикрывали их истинные намерения – борьбу с православием и русским самодержавием. Пушкин решительно порвал с масонством, чем вызвал недоумение у некоторых своих приятелей, близких масонским кругам. Так, С. А. Соболевский вспоминал: «Я как-то изъявил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу» [20, с. 11] Ответ Пушкина был характерен: «Разве ты

¹ Что не может быть существа разумного, творца и правителя (*франц.*).

не знаешь, что все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление, подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам?» [20, с. 11–12]. Следует помнить, что поэт никогда не был революционером в традиционном для России понимании этого слова – борцом с самодержавием и крепостным правом. Он лишь хотел, чтобы все русские люди – от простого мужика до царя – «склонились под сень» Божьего закона [17]².

Должны были пройти годы, чтобы религиозность Пушкина приняла правильные, церковные формы. Этому способствовала и литургическая жизнь поэта и так называемый «ломоносовский принцип» [10] – гармоничное сочетание веры и разума как двух равноправных средств познания окружающей действительности в ее видимой и невидимой части. К тому же Пушкин наверняка заметил, что все масонские «премудрости» и пропитанная ими европейская философия есть не что иное, как упрощенный и искаженный пересказ того, что уже содержится в Священном Писании, а потому не стоит тратить время на изучение вторичного, не зная того, что было его источником. Внимание Пушкина к христианскому вероучению росло с каждым годом. Об этом говорят слова Павла Вяземского (сына знаменитого поэта), сказанные в середине 1830-х гг.: «Пушкин постоянно и настойчиво указывал мне на недостаточное мое знакомство с текстами Священного Писания и убедительно настаивал на чтении книг Ветхого и Нового завета» [3, с. 194].

К этому времени поэт уже хорошо понимал, что настоящее знание о человеке и мире может дать только христианское Откровение и творения святых отцов. Он начал изучать Писание еще в Кишиневе, о чем затем мельком обмолвился в стихотворном послании к Ф. Ф. Вигелю: «Я слишком с Библией знаком...» [18, т. 9, с. 75]. Духовное самообразование продолжилось и позже – в конце ноября 1824 г. Пушкин требует от брата поскорее прислать ему в Михайловское «Библию, Библию! и непременно французскую» [18, т. 9, с. 121]. Как замечает И. Ю. Юрьева, «в письмо был вложен список требуемых книг, где Пушкин четко указал две Библии, то есть вместе с церковнославянской он просил прислать “и французскую непременно”» [21, с. 11]. Конечно, Пушкин читал Библию и раньше, когда, как и все русские дети, знакомился с православным вероучением. Но сейчас те же слова читал уже *другой* человек, и читал их по-другому – сознательно, напряженно и внимательно сравнивая церковнославянский текст с французским переводом, чтобы как можно лучше понять внутреннее значение каждого слова. Пушкин был настолько потрясен открывшейся ему Красотой, что даже, по словам И. Ю. Юрьевой, «начал переводить с церковно-славянского на русский Песнь Песней царя Соломона», а в 1830-е гг. «обратился к древнееврейскому оригиналу Библии “с намерением переводить Иова”. Этот замысел не был осуществлен: изучение древнееврейского языка остановилось, вероятно, на начальной стадии, и для Пушкина первоисточником Св. Писания и главным источником поэтического вдохновения осталась церковнославянская Библия» [21, с. 12, 14].

По интенсивности духовной жизни Пушкина можно сравнить только с Н. В. Гоголем, а из последователей («все мы вышли из “Шинели” Гоголя») – с Ф. М. Достоевским. Апостол Павел напоминает о важнейшем гносеологическом законе, согласно которому «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 2,14–15). Именно поэтому автор «Мертвых душ» так хорошо понял Пушкина, сказав: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа...» [4, с. 50]. В жизни и творчестве поэта, полагал Гоголь, во всей полноте и противоречии воплотились основные свойства русского национального характера.

Важнейшим из них был *патриотизм* – любовь к отечеству. Это не было эстетическим переживанием или рациональным убеждением, патриотизм Пушкина был деятельным и энергичным. Поэт внимательно следил за современной политической обстановкой, анализировал происходящие события и старался увидеть их главные, духовные причины. Обращаясь к узловым моментам отечественной истории (Смутному времени, реформам Петра I, пугачевскому бунту), он видел их причины в действии тех самых законов, о которых говорит Библия: «Благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается» (Притч. 1,11). Это значит, что последствия греха правителя ложатся на народ, а за грехи народа расплачивается

² О христианских мотивах оды «Вольность» см. П. В. Герасимов. Ода А. С. Пушкина «Вольность» и ее библейские параллели. URL: https://ruskline.ru/analitika/2013/02/02/oda_aspushkina_volnost_i_ee_biblejskie_paral-leli/ (дата обращения: 21.01.2023).

правитель. Поясняя этот закон, святитель Василий Великий говорил: «И за немногих приходят бедствия на целый народ, и за злодеяния одного вкушают плоды его многие» [2, с. 641]. О том же писал и святитель Московский Киприан: «Не весте ли, яко грех людский на князи и княжеский грех на люди нападает?» [13] По-своему раскроет этот закон Достоевский, сказав словами брата старца Зосимы («Братья Карамазовы»): «Воистину всякий пред всеми за всех и за все виноват» [6, т. 14, с. 262]. Речь идет об изначальном духовном единстве человечества, о котором говорит Св. Писание: «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело... Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор. 12,12–13, 26–27). Результатом художественного осмысления этого духовного закона в творчестве Пушкина стала драма «Борис Годунов» (1825).

Судьба России осмыслена Пушкиным также и во множестве стихотворений, но особого внимания заслуживает его историософский труд «История Пугачева» (1833). Главный вопрос, который ставит перед собой поэт: почему единый по вере, культуре и образу жизни народ разделился, и начался «бессмысленный и беспощадный» бунт? Пушкин понимает, что социальные, экономические и политические причины – лишь внешние проявления духовных законов, приведенных в действие двумя противоположными мировоззренческими принципами – своеволием и смирением. Осуществление этих принципов в человеческой жизни поэт показал в своего рода «художественном комментарии» к «Истории Пугачева» – «Капитанской дочке» (1836) образами Емельяна Пугачева и Петра Гринева.

Следующим этапом познания Пушкиным законов исторического бытия России должна была стать «История Петра», в которой предполагалось дать ответ на важнейший вопрос русской истории: каковы меры зла и добра, принесенные Петром I России и ее народу? Поэт понимал, что на этот вопрос не может быть однозначного ответа, об этом говорят подготовительные материалы к «Истории Петра», а также его публицистические и частные отзывы о деятельности великого реформатора. Одной из первых попыток художественного осмысления этого вопроса стала поэма «Медный всадник» (1833).

Венцом историософских трудов Пушкина должна была стать реализация колоссального замысла под рабочим названием «Русский Пелам» (1834), охватывающего весь период русской истории от крещения Руси до царствования Николая I. Вероятным толчком к созданию такого труда послужило появление «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (1818). Пушкин очень высоко оценил эту работу, но видел ее главный недостаток в том, что историк только описал события, но не вскрыл их духовные причины. Это и хотел сделать поэт, и нетрудно представить, что если бы ему это удалось, то сегодня мы имели бы идеальное руководство по истории России, позволяющее не только увидеть ее прошлое, но понять настоящее и предвидеть будущее.

Пламенная любовь к России и непрерывно крепнущее чувство единства с ее судьбой позволили Пушкину глубоко проникнуть в тайну исторического предназначения России. Говоря об этом, Ф. М. Достоевский назвал поэта «началом и начальником славянофилов» [6, т. 21, с. 269], «главным славянофилом России» [6, т. 24, с. 276], а в июне 1880 г., выступая на пушкинских торжествах в Москве, он продолжил мысль Гоголя, сказав, что Пушкин есть явление «и пророческое» [6, т. 26, с. 136]. Достоевский прав – именно в творчестве Пушкина профетизм русской литературы проявился с наибольшей силой.

Пророк – это тот, кого Бог призывает для передачи Своей воли людям. Она была открыта Пушкину летом 1826 г. и запечатлена им в стихотворении «Пророк». Любой образованный человек того времени умел сочинять стихи, но сочинить *такое* было невозможно, *такое* можно было только *записать*, как записывали Откровение Божией воли ветхозаветные пророки и ученики Христа. В тот день Пушкину открылась сущность и назначение поэтического таланта – он дается человеку не просто так и не в награду за что-то, а как призвание на служение Творцу³. Ему стал ясен и личный смысл жизни – нужно побороть эгоизм и гордыню, исполниться волей Бога и нести людям Его слово. И наконец, поэту открылось историческое призвание России – она должна во всей чистоте и непорочности хранить православную веру и в час всеобщей гибели явить ее для спасения мира.

Пушкин передал своим современникам волю Бога, опубликовав это стихотворение, но не вступил на указанный ему путь. Он помнил о грехах (в том числе и литературных), кото-

³ См. притчу о талантах: Мф. 25,14–30.

рые совершил в молодости, необдуманно поддавшись страстям. Заметим, что, подобно Гоголю, поэт искренне сожалел о некоторых своих ранних произведениях, понимая, что принес ими больше вреда, чем пользы. Однако, писал он в августе 1828 г., «...ни в одном из моих сочинений, даже из тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религией» [18, т. 10, с. 353]. Действительно, в этих произведениях нет прямого богохульства или богоборчества, скорее их можно назвать легкомысленными (хотя и несомненно греховными) шалостями, шалопайством. Тем не менее Пушкин счел себя недостойным судьбы пророка и, подобно ветхозаветному Ионе, попытался жить прежней жизнью.

Отказ от призвания немедленно обернулся тяжелейшим духовным кризисом. В 1828 г., в день своего рождения, Пушкин пишет страшное в своей безысходности стихотворение «Дар напрасный, дар случайный / Жизнь, зачем ты мне дана?». Он долго не решался опубликовать его, понимая, что это не просто стихотворение, а дерзкий вызов Богу. Стихотворение появилось в печати только в январе 1830 г., вдруг неожиданно для себя Пушкин получил письмо от предстоятеля Русской Православной Церкви митрополита Филарета (Дроздова). Оно было написано в той же поэтической форме, что и пушкинское стихотворение и содержало ясные и точные ответы на все вопросы поэта. Пушкин был потрясен до глубины души и в ответном (также стихотворном) письме⁴ назвал святителя «серафимом», узнав в его лице того же посланца Бога, который однажды уже явился ему в «Пророке». Поэт искренне покаялся в греховном унынии и поблагодарил митрополита Филарета за пастырское наставление и духовную поддержку.

С этого времени в жизни Пушкина начался особый этап – этап собственно духовной жизни, под которой православие понимает сознательную и целенаправленную борьбу с греховными страстями. Эта сторона жизни поэта была неизвестна многим его современникам, и даже близкие друзья узнали о ней только после его смерти. Так, П. А. Вяземский в середине февраля 1837 г. сообщал великому князю Михаилу Павловичу: «Смерть обнаружила в характере Пушкина все, что было в нем доброго и прекрасного. Она надлежащим образом осветила всю его жизнь. Все, что было в ней беспорядочного, бурного, болезненного, особенно в первые годы его молодости, было данью человеческой слабости, обстоятельствам, людям, обществу. Пушкин был не понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями» [15, с. 528]. Эмоциональная и интеллектуальная открытость, подвижность и пытливость чувств и ума поэта скрывали от посторонних глаз напряженную, не прекращавшуюся ни на мгновение духовную работу, говоря о которой он однажды дал себе самое точное определение из всех возможных – «духовный труженик»⁵. Следы этой работы, вспоминает В. В. Путьта, были видны лишь иногда, когда в Пушкине «было заметно какое-то грустное беспокойство, какое-то неравенство духа; казалось, он о чем-то томился, куда-то порывался» [16, с. 5].

О напряженности этого периода духовной жизни поэта говорит стихотворение «Бесы», работа над которым началась еще в октябре 1829 г., а полностью завершилась 7 сентября 1830 г. Казалось бы, эта та же осенняя «пора, очей очарованье», воспетая Пушкиным, но картина, созданная им в стихотворении, не имеет ничего общего с пейзажем за окном – это студено-вьюжная зимняя ночь. Лирический герой (в котором легко узнать самого поэта) сбился с пути и оказался на краю гибели. Отправляясь в дорогу, он надеялся, что разум (ямщик) сможет справиться со страстями (конями), но этого не произошло. Желание жить, полагаясь лишь на свои чувства и разум, завело в тупик, из которого нет выхода. От надвигающейся смертельной опасности может спасти только одно – немедленно подчиниться воле Божией и со смирением, терпением и любовью возвратиться на указанный Им путь.

Впервые знаменитая пушкинская диада «ум – сердце» появилась еще в 1817 г.: «Ум ищет Божества, а сердце не находит»⁶. *Рационализм* – важнейшее свойство личности поэта до болдинской осени 1830 г. Он был воспитан на идеалах Просвещения и верил, что скоро разум и наука откроют все тайны бытия, и люди станут счастливы. В ошибочности этой мысли Пушкин убедился на личном опыте, оказавшись на самом краю гибели сначала в «пустыне мрачной» («Пророк»), а затем в еще более страшной безжизненной ледяной пустыне («Бесы»). И лишь благодаря переписке со святителем Филаретом поэт понял, что третьего раза может и не быть, а потому настало время принять окончательное решение.

⁴ «В часы забав иль праздной скуки...» (1830).

⁵ «Странник», 1835.

⁶ «Безверие» (1817).

По словам М. М. Дунаева, «враг рода человеческого особенно активен тогда, когда человек начинает восхождение на новый, более высокий уровень своего духовного бытия. Все свидетельствует о том, что Пушкин пребывал именно в таком состоянии. Творческие достижения его – тому очевидное подтверждение. Самые злые силы ополчились против души поэта перед трагическим концом его» [7, с. 285]. Духовная динамика следующих стихотворений болдинского цикла («Элегия», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» и другие) говорит о том, что Пушкин смог завершить всю необходимую работу по самопознанию («Я еще был молод...» [18, т. 2, с. 746]) и приступить к целенаправленной (по сути – аскетической) борьбе со страстями, которые считал наиболее опасными. С каждым годом эта работа становилась все более интенсивной и напряженной. Об этом свидетельствует просительная часть переработанной поэтом великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина: «Владыко дней моих! дух праздности унылой, / Любоначалия, змеи сокрытой сей, / И празднословия не дай душе моей. / Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья, / Да брат мой от меня не примет осужденья, / И дух смирения, терпения, любви / И целомудрия мне в сердце оживи»⁷. Как во всякой борьбе, здесь были свои победы и свои поражения, о чем поэт сказал в краткой, но очень яркой зарисовке, сделанной, вероятно, в минуту отдохновения и подведения некоторых итогов: «Напрасно я бегу к Синским высотам / Грех алчный гонится за мною по пятам...» (1836).

Художественное творчество Пушкина содержит ясное указание на то, что произойдет, если человек откажется от духовной работы. В «Евгении Онегине» поэт исследует важнейший духовный закон, определяющий счастье и несчастье человека. Главный герой обладает многими достоинствами, но не имеет того, что придает им подлинную ценность, – идеала и определяемой им ясной и предметной цели. Это превращает его жизнь в тягостную и жестокую пытку, в конце концов приводящую к преступлению: «Убив на поединке друга, / Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов, / Томясь в бездействии досуга / Без службы, без жены, без дел, / Ничем заняться не умел» [18, т. 4, с. 160]. Духовное состояние Онегина таково, что при всем внешнем благополучии он готов на что угодно, лишь бы жизнь приобрела хоть какой-то смысл. Он «мыслит, грустью отуманен: / Зачем я пулей в грудь не ранен? / Зачем не хилый я старик, / Как этот бедный откупщик? / Зачем, как тульский заседатель, / Я не лежу в параличе? / Зачем не чувствую в плече / Хоть ревматизма? – ах, Создатель! / Я молод, жизнь во мне крепка; / Чего мне ждаться? тоска, тоска!» [18, т. 4, с. 186]. И даже внезапная влюбленность в Татьяну не может ничего изменить, потому что она порождена не бескорыстной заботой о счастье другого человека, а эгоизмом и уязвленным самолюбием.

Те же идеи, но иначе, выражены в «Капитанской дочке» (1836). До тех пор, пока герои романа послушны Божьей воле, все в их жизни складывается наилучшим образом. И даже нападение бунтовщиков принципиально ничего не меняет – капитан Миронов и его соратники обрели бессмертие, безукоризненно выполнив свой долг. Твердо следуя воле Бога, Маша готова сохранить верность Петру даже ценой своей жизни, а он, в свою очередь, готов не колеблясь отдать за нее свою жизнь⁸. Судьбой своих героев Пушкин показывает, что исполнение главного закона бытия, выраженного Христом: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22,37–39), является источником настоящего счастья и благополучия, а его нарушение приводит к бедам и страданиям.

Пугачев, напротив, попытался противопоставить воле Бога свою волю: «Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою» [18, т. 5, с. 374]. Пушкин показывает предводителя бунтовщиков умным и великодушным человеком, в глубине души понимающим ошибочность избранного пути, но уже не способного сойти с него: «Нет, <...>, поздно мне каяться. Для меня не будет помилования» [18, т. 5, с. 374]. Действительно, Пугачев жестоко нарушил закон и должен был понести наказание. Понимая это, он с покаянием обращается к народу: «Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрешил перед тобою... прости, народ православный!» [18, т. 7, с. 102].

Наше восприятие личности Пушкина во многом находится в парадигме, заданной М. Ю. Лермонтовым («Смерть поэта», 1837). Полагаем, Лермонтов ошибся, не понял Пушкина, потому что судил о нем *душевно*, а не *духовно*. Да, Пушкин был «невольником чести» – он верил,

⁷ «Отцы пустынноики и жены непорочны» (1836).

⁸ Ср.: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13).

что мужчина должен защищать свою честь, честь своей семьи и своей родины, но никакой «жажды мести» в его груди не было. Напротив, друг и секундант Пушкина на последней дуэли К. К. Данзас вспоминал, как уже на смертном одре поэт твердо сказал, «что не хочет, чтоб кто-нибудь мстил за него, и что желает умереть христианином» [9]. Впоследствии ошибку Лермонтова использовали те, кто хотел сделать из Пушкина подобие агитационного плаката, видя главной задачей литературы борьбу с православием, самодержавием и народностью⁹.

Несомненно, художественное дарование Лермонтова по масштабу и силе сопоставимо с пушкинским, а в чем-то (например, в прозе, которую Гоголь называл «благоуханной» [4, с. 402]) даже превосходило его. Но в главном, в духовном содержании творчества эти два великих русских писателя принципиально расходились. Пушкин преодолел искушение неверием («Безверие», 1817), однако, не чувствуя себя способным к монашеской жизни¹⁰, искал путь между крайностями светской жизни и аскетизмом. Идя по этому пути, он неустанно боролся со вспыхивающими одна за другой страстями, о чем ярко говорят произведения последних лет его жизни: «Анжело» (1833), «Родриг» (1835), «Странник» (1835) и другие.

Более того, есть все основания утверждать, что духовный взор поэта был постоянно устремлен к сияющей личности Спасителя. Об этом свидетельствует не только общая духовная направленность его творчества, но и многочисленные дневниковые и черновые записи. Анализируя их, еще в 1979 г. М. Ю. Лотман отмечал «вдумчивое и серьезное отношение Пушкина 1830-х гг. к теме Христа и христианства». По словам исследователя, «характерной чертой художественного мышления Пушкина являются “сквозные сюжеты” – замыслы, к которым он, варьируя и изменяя их, упорно обращается в разные моменты своего творчества». Одним из таких сюжетов Лотман считает и «сюжет об Иисусе» [12, с. 26–27]. По предположению современного исследователя, «в творчество Пушкина эти темы прочно вошли примерно с 1823 года, и все, что он написал с этого времени, насквозь пронизано ими» [19, с. 4].

Подводя итог, скажем, что Пушкин не только создал современный русский литературный язык, но вместе с Гоголем и другими православными русскими литераторами (И. А. Крыловым, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, Ф. И. Тютчевым и другими) вернул русскую литературу на путь, указанный ей в XI веке митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати», и с которого она едва не свернула в XVIII в. под напором апостасийной европейской идеологии, хлынувшей на Русь через прорубленное Петром I «окно».

И главное: Пушкин и Гоголь существенно обогатили изобразительные ресурсы русской литературы, в разных жанрах своего творчества исследовав фундаментальные онтологические духовные законы, управляющие судьбами мира. Их открытия были творчески переосмыслены и доведены до совершенства Ф. М. Достоевским, поднявшим православный реализм – художественное воплощение наличествующего бытия (как его представляет православие) – на недостижимую высоту. В июне 1880 г., завершая свое выступление на пушкинских торжествах в Москве, писатель сказал: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» [6, т. 26, с. 149]. Примем сказанное как завет и исполним его так, чтобы быть достойными памяти великих творцов русской литературы.

Список литературы

1. *Белинский В. Г.* Собр. соч. : в 3-х т. Т. 3. М. : Худож. лит., 1949. 926 с.
2. *Василий Великий.* Творения : в 2 т. Т. 1. Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. М. : Сибирская благовонница, 2008. Беседа 8. Говоренная во время голода и засухи. 750 с.
3. *Вяземский П. П.* Александр Сергеевич Пушкин. 1826–1837. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1985. 194 с.
4. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 8 / АН СССР, Ин-т лит-ры (Пушк. дом). М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. 816 с.
5. *Григорьев А. А.* Апология почвенничества / сост. и комм. А. В. Белова, отв. ред. О. В. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. 688 с.
6. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.

⁹ Об этом говорил В. Г. Белинский в письме Н. В. Гоголю от 15.07.1847 г.

¹⁰ Как это сделал, например, человек его круга и младший современник, святитель Игнатий (Брянчанинов) (1807–1867).

7. Дунаев М. М. Православие и русская литература : в 6 ч. Ч. 1–2. Изд. 2-е, испр., доп. М. : Христианская литература, 2001. 736 с.
8. Замойский Л. П. За фасадом масонского храма: Взгляд на проблему. М. : Политиздат, 1990. С. 158.
9. Из воспоминаний К. К. Данзаса, записанных А. Амосовым Последний год жизни Пушкина / сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. М. : Правда, 1990. С. 456.
10. Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской императорской Академии Наук майя 26 дня 1761 года // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 4. С. 461–377.
11. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин : иллюстр. биография писателя. М. : Проспект, 2022. 272 с.
12. Лотман Ю. М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // Временник пушкинской комиссии. 1979. Л. : Наука, 1982. 15–27 с.
13. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. IV, 3. М. : Изд-во Московского патриархата РПЦ, 2001. С. 35.
14. Полевой К. А. Из статьи «Александр Сергеевич Пушкин» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1985. С. 76.
15. Последний год жизни Пушкина / сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. М. : Правда, 1990. 704 с.
16. Путята В. В. Из записной книжки // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1985. С. 5–9.
17. Пушкин А. С. Вольность, 1817.
18. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : Худож. лит., 1962.
19. Резников В. К., прот. Размышления на пути к вере. Ключевые проблемы бытия в творчестве А. С. Пушкина. М. : Покровский храм поселка Черкизово, 2014. 336 с.
20. Соболевский С. А. Из статьи «Таинственные приметы в жизни Пушкина» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1985. С. 11.
21. Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство : сб. произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. Изд. 2-е, доп. М. : Муравей, 1999. С. 14.

The spiritual legacy of A. S. Pushkin

Syromyatnikov Oleg Ivanovich

Doctor of Philology, professor of the Department of Russian Literature, Perm State National Research University.
Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-4826-3857. E-mail: pani_perm@list.ru

Abstract. The relevance of the article is determined by the importance that is currently attached to the traditional spiritual and moral values for Russia. The purpose of the study is to identify the spiritual foundations of A. S. Pushkin's creativity and to trace the features of their embodiment in various genres. The subject of the study is Pushkin's artistic creativity, his diary and epistolary records, as well as the testimonies of contemporaries.

As a result of the study, it was found that the originality of the poet's creativity is determined by the peculiarities of the spiritual development of his personality. Unlike many of his contemporaries, it had the character of abrupt qualitative changes. This was due to such features of Pushkin's personality as openness to the world, curiosity, intelligence, religiosity and a pronounced national identity. Using reason and faith as equivalent means of cognition of the surrounding reality, Pushkin set the main goal of his life and work to study the fundamental ontological laws governing the fate of each individual, the whole nation and all mankind.

An equally important task was self-improvement, based on an uncompromising analysis of one's shortcomings and a conscious active transformation of oneself in accordance with the Christian ideal. The spiritual life of the poet was reflected in various genres of his work, determining their artistic merits and creating conditions for the effective development of the main direction of Russian literature – Orthodox realism.

The results obtained can be applied in the study of various aspects of Pushkin's life and work, as well as in the teaching of the discipline "History of Russian Literature" (the first third of the XIX century).

Keywords: A. S. Pushkin, the Bible, Christ, spiritual life, Orthodox realism.

References

1. Belinskij V. G. *Sobr. soch. : v 3-h t. T. 3* [Coll. works : in 3 vols. Vol. 3]. M. Hudozh. lit. (Art. lit.). 1949. 926 p.
2. Basil the Great. *Tvoreniya : v 2 t. T. 1. Dogmatiko-polemicheskie tvoreniya. Ekzegeticheskie sochineniya. Besedy* [Creations : in 2 vols. Vol. 1. Dogmatic and polemical creations. Exegetical writings. Conversations]. M. Siberian blagozvonitsa. 2008. Conversation 8. Spoken during famine and drought. 750 p.
3. Vyazemskij P. P. *Aleksandr Sergeevich Pushkin. 1826–1837. A. S. Pushkin v vospominiyakh sovremennikov : v 2-h t. T. 2* [Alexander Sergeevich Pushkin. 1826–1837. A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2]. M. Hudozh. lit. (Art. lit.) 1985. 194 p.

4. Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. : v 14 t. T. 8* [Full collection of works : in 14 vols. Vol. 8] / USSR Academy of Sciences, Institute of literature (Pushkin House). M. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1937–1952. 816 p.
5. Grigor'ev A. A. *Apologiya pochvenichestva* [The apology of soil science] / comp. and comm. A. V. Belova, ed. O. V. Platonov. M. Institute of Russian Civilization. 2008. 688 p.
6. Dostoevskij F. M. *Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Complete collection of works : in 30 vols.] L. Nauka (Science). 1972–1990.
7. Dunaev M. M. *Pravoslavie i russkaya literatura : v 6 ch. Ch. 1–2. Izd. 2-e, ispr., dop.* [Orthodoxy and Russian literature : in 6 parts. Pts. 1–2. Ed. 2nd corr., add.] M. Christian Literature. 2001. 736 p.
8. Zamojskij L. P. *Za fasadom masonskogo hrama: Vzglyad na problemu* [Behind the facade of the Masonic temple: A look at the problem]. M. Politizdat. 1990. P. 158.
9. From the memoirs of K. K. Danzas, recorded by A. Amosov. The last year of Pushkin's life / comp., introd. essays and notes by V. V. Kunin. M. Pravda (Truth). 1990. P. 456.
10. Lomonosov M. V. *Yavlenie Venery na Solnce, nablyudennoe v Sankt-Peterburgskoj imperatorskoj Akademii Nauk majya 26 dnya 1761 goda* [The phenomenon of Venus on the Sun, observed in the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences of the Maya on the 26th day of 1761] // *Lomonosov M. V. Poln. sobr. soch.* [Full Collection of works]. M.-L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1955. Vol. 4. Pp. 461–377.
11. Lotman Yu. M. *Aleksandr Sergeevich Pushkin : illyustr. biografiya pisatelya* [Alexander Sergeevich Pushkin : illustr. biography of the writer]. M. Prospect. 2022. 272 p.
12. Lotman Yu. M. *Opyt rekonstrukcii pushkinskogo syuzheta ob Iisuse* [The experience of reconstruction of the Pushkin story about Jesus] // *Vremennik pushkinskoj komissii – The Temporary Pushkin Commission.* 1979. L. Nauka (Science). 1982. Pp. 15–27.
13. *Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi – The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church.* IV, 3. M. Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church. 2001. P. 35.
14. Polevoj K. A. *Iz stat'i "Aleksandr Sergeevich Pushkin"* [From the article "Alexander Sergeevich Pushkin"] // *A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov : v 2-h t. T. 2 – A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2. M. Hudozh. lit. (Art. lit.).* 1985. P. 76.
15. *Poslednij god zhizni Pushkina – The last year of Pushkin's life / comp., introd. essays and notes by V. V. Kunin. M. Pravda (Truth).* 1990. 704 p.
16. Putyata V. V. *Iz zapisnoj knizhki* [From a notebook] // *A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov : v 2-h t. T. 2. – A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2. M. Hudozh. it. (Art. lit.)* 1985. Pp. 5–9.
17. Pushkin A. S. *Vol'nost'* [Liberty], 1817.
18. Pushkin A. S. *Sobr. soch. : v 10 t.* [Coll. works : in 10 vols]. Artist lit., 1962.
19. Reznikov V. K., *prot. Razmyshleniya na puti k vere. Klyuchevye problemy bytiya v tvorchestve A. S. Pushkina* [Reflections on the way to faith. The key problems of being in the works of A. S. Pushkin]. M. Pokrovsky temple of the village of Cherkizovo, 2014. 336 p.
20. Sobolevskij S. A. *Iz stat'i "Tainstvennyye primety v zhizni Pushkina"* [From the article "Mysterious omens in the life of Pushkin"] // *A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov : v 2-h t. T. 2 – A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2. M. Hudozh. lit. (Art. lit.)* 1985. P. 11.
21. Yur'eva I. Yu. *Pushkin i hristianstvo : sb. proizvedenij A. S. Pushkina s parallel'nymi tekstami iz Svyashchennogo Pisaniya i komentariem. Izd. 2-e, dop.* [Pushkin and Christianity : collection of works by A. S. Pushkin with parallel texts from Holy Scripture and commentary. Ed. 2nd publ., add.] M. Muravej (Ant). 1999. P. 14.

Образ пуританина в английской драме I-й половины XVII в.

Зонина Нина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный университет.

Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0003-3684-8911. E-mail: ninazonina@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена трактовке образа пуританина в английской драме I-й половины XVII в. Тема не подвергалась серьезному анализу в отечественном литературоведении, как и английская драма того периода в целом. Материалом для рассмотрения заданного предмета выбраны две пьесы времен правления королей Якова I и Карла I Стюартов: комедия «Варфоломеевская ярмарка» (1614) Бена Джонсона – ведущего драматурга Англии конца XVI – начала XVII вв. и комедия «Прополка Ковент-Гардена» (1632–1633) Ричарда Брума – младшего современника и последователя Б. Джонсона, яркого комедиографа тех лет, имя которого практически отсутствует в российских работах по истории английской драмы и театра.

Пуританизм как религиозно-идеологическое движение сыграл эпохальную роль в истории Англии и в истории английской драмы. Борьба пуритан против драмы, особенно в ее сценическом воплощении, нашла отражение как в памфлетах, так и в драматических произведениях того времени, прежде всего в комедиях. В статье акцент делается на трансформации образа пуританина в английской драме начала XVII в. (правление Якова I) и середины 30-х гг. того же века (у власти Карл I). Сравнительный анализ образов пуритан в данных пьесах демонстрирует значительную метаморфозу образа за период в 20 лет: от снисходительно-пародийного пуританина Ребби Бизи в «Варфоломеевской ярмарке» до образа неистового фанатика Габриэля в комедии Р. Брума, когда пуритане превратились в силу, представлявшую собой уже серьезную угрозу обществу и приведшую через 10 лет к закрытию театров и Гражданской войне.

Ключевые слова: пуританин, английская драма, комедия, театр, Б. Джонсон, Р. Брум.

«Наши театры, если еще не являются публичными домами – каковыми они легко могли бы стать..., то во всяком случае состоят в близком родстве с ними...» [1, с. 255], – так выражал свое отношение к театру воинствующий пуританин У. Принн в своем памфлете «Бичевание актеров» («*Histrionum Mastix, The players scourge, or, Actors tragoedia*» – 1633). Его ненависть к искусству, особенно к театральному, была сильна – с ней могла сравниться только нелюбовь к монархии. Ради «правого дела» он готов был за свои памфлеты платить огромные штрафы, сидеть в тюрьме, быть прикованным к позорному столбу, даже пожертвовать ушами [11, с. 365]. Его фанатизм представлял собой квинтэссенцию пуританской идеологии: «Если можно сказать, что один человек вобрал в себя целое движение, то таким человеком, несомненно, является Принн, который олицетворяет собой весь пуританизм» [15, с. 304].

Памфлет Принна не был первой и единственной атакой пуритан на сцену. Претензии к театру пуритане начали выражать еще в Елизаветинскую эпоху в 1570-х гг. [12, с. 391–418], но тогда они в своей основе не носили идеологического характера, а скорее касались общественно-социальных проблем [3, с. 131]. Идеиная война пуритан против театра началась в 1577 г. С публикации сочинения бристольского священника Джона Нортбрука: «Трактат, в котором игра в кости, танцы, суетные пьесы или интерлюдии, и другое праздное времяпрепровождение, обычное для дня субботнего, опровергаются силой слова Божьего и древних авторов» [5, с. 91]. Говорящее название данного опуса дает полное представление о его содержании. Эту тему вскоре подхватил протестантский священник Джон Стоквуд, выступивший в 1578 г. С «проповедью, читанной у креста св. Павла», в которой возмущенно вопрошал: «Почему один звук трубы созывает сразу тысячу людей на представление отвратительной пьесы, тогда как целый час колокольного звона не собирает на проповедь и сотню слушателей... даже в Божий день!» [10, с. 199]. Их протесты были уже направлены против самого театра, отвлекавшего паству от посещений церковной службы, не соблюдавшего воскресных дней и искушавшего публику безнравственными пьесами. Среди ярых пуританских борцов за сохранение морали, духовной и телесной чистоты истинного английского христианина тяжеловесами можно назвать таких неистовых оппонентов театра, как Стивен Госсон и Филипп Стаббс. Их антите-

атральная риторика очень схожа: первый в своем трактате «Школа злоупотреблений» (School of Abuses – 1579) бичевал «поэтов, актеров, дудочников, шутов и им подобных трутней в стране», за их поведение, грехи, непотребные слова, неприличные любовные действия, оскорбляющие глаза [10, с. 203–205], второй, Ф. Стаббс в трактате «Анатомия злоупотреблений» (Anatomy of Abuses – 1583), объемом более 1000 страниц вопрошает: «...Разве не поощряют они разврат и нечестивость? ... публика ...валит в театр... с целью увидеть пьесы и интермедии, в которых царят вольные жесты, скабрзные речи, хохот, насмешки, поцелуи, объятия и нескромные взоры» [10, с. 293].

К началу XVII в. активно-агрессивная деятельность пуритан во всех областях жизни английского общества создала им репутацию ханжей, фанатиков и ярых врагов искусства и культуры. «У пуританина был страх перед красотой, эстетикой, чувственностью... Сцена представлялась ему школой разврата и лжи, огромной индустрией распутства, деятельностью, ведущей к полному вырождению» [12, с. 70].

«Благочестивая» деятельность пуритан уже серьезно рассердила драматургов, и вот первый «пуританин» вышел на английскую сцену. Бен Джонсон (Ben Jonson – 1572–1637) сделал его значимым персонажем комедии «Варфоломеевская ярмарка» (Bartholomew Fair – 1614). Успех пьесы у публики был огромный, чему, несомненно, способствовал яркий образ святоши-пуританина Ребби Бизи.

Он – пуританин по рождению: родился в городке Бенбери, оплоте пуританизма. У него говорящее имя: «Ревнитель земли нашей» (*Zeal-of-the-land*), но в миру он Ребби Бизи (*Rabbi Busy* – «проповедник-делец»). Как поясняет один из персонажей пьесы: «он пророк..., был булочником, но потом у него появились видения и откровения, и он оставил свое прежнее ремесло». Сделал он это «из-за угрызений совести – ведь его булочки ... служили угощением на свадьбах, на майских праздниках... словом, на всяких мирских сборищах и увеселениях» [2, с. 389].

Ребби Бизи – образцовый лицемер: «У него вся вера на роже, а не в сердце ... призывает к исправлению нравов ... разыгрывает из себя избранника божьего... Древних осмеивает, наук не признает..., многих братьев облапошил, напросившись быть их душеприказчиком...» [2, с. 389].

Ребби Бизи жонглирует изречениями из Святого писания, пытаясь представить свои не слишком праведные делишки и вождедения в «богоугодном» свете, ярким примером чего является его «благочестивое» разглагольствование на тему о «вкушении свинины» на ярмарке: «Воистину, недуг желанья есть ... плотский недуг; ... свинина есть мясо, а мясо питательно и может возбуждать желание быть съеденным ... Но есть мясо на ярмарке не подобает... ярмарка – это капище языческое...». Но если очень хочется, у святоши найдется и другое толкование: «Рассудить можно иначе... Место ... не имеет ...большого значения ...можем же мы оставаться верующими среди язычников... только вкушать свинину надлежит со скромностью и смирением, а не с плотоядной жадностью и прожорливостью, ибо грех и опасность заключаются только в этом» [2, с. 396]. Полученное им приглашение «откушать свинины» окончательно делает этот процесс «богоугодным», т. к. «... поедая свинину, мы тем самым утверждаем свою святую ненависть и отвращение к иудейству, которым заражены многие братья наши» [2, с. 397].

Но ничто и никто не может отвлечь Ребби Бизи от обличения противных церкви человеческих пороков, к которым приводит и сама увеселительно-торговая ярмарка, представляя собой: «торжище идолов» и «капище языческое», лотки с пряниками и игрушками, не что иное, как: «... суть товары дьявола, ...приманки для малых, дабы они впадали в грех идолопоклонства» [2, с. 429]. Но самое большое негодование у него вызывает ярмарочный театр марионеток кукловода Лезерхеда. Пуританин преисполнен «святим» рвением разоблачить и истребить это гнездо разврата: «... ибо сии лицедеи и рифмоплеты, сии нечестивые скоморохи искушают взоры греховными плясками для осмеяния святых братьев и дела их, ибо все они орудие в руках сатаны и порождение злобы его!» [2, с. 469]. Однако в борьбе с театром пуританин Ребби Бизи терпит поражение. Он проигрывает в споре с кукловодом, который выступлением своей марионетки Дионисием разбивает в пух и прах все его обвинения в адрес кукольного театра: «Это старая твоя погудка против актеров, но к марионеткам она не пристанет, ибо среди нас нет ни мужчин, ни женщин, и в этом ты можешь тут же удостовериться, несмотря на свое лживое подслеповатое ханжество. На, гляди! (Раздевается догола)» [2, с. 470]. Дионисий был так убедителен в своих доводах, что Пуританин был вынужден признать свое поражение: «Я посрамлен. ... Пускай продолжают представление. ... я решил, что могу быть зрителем вместе с вами!» [2, с. 471].

Пьеса завершается победой театра и примирением бывших противников, которое скрепляется хорошим ужином. Иначе и быть не могло. Несмотря на календарный XVII в., Бен Джонсон всем своим творчеством принадлежал Елизаветинской драме. Его комедия, как справедливо отмечает А. Т. Парфенов, еще тесно связана с народно-праздничной культурой, ее смеховой природой: в пуританине Рэбби Бизи много от традиционного образа «монаха обжоры», хотя и со знаком минус [6; 29]. И как ренессансный автор, высмеивая порок, Джонсон приводит пуританина к нравственному очищению и «перерождению». Да и пуритане еще тогда не являли собой большую опасность: король Яков I продолжал относиться к пуританам как к «секте», не видя для нее «никакой возможности попасть в правительство» [13, с. 22].

Но к 30-м гг. XVII в. пуритане, составлявшие уже большинство в парламенте, практически правили страной, и тема пуританизма становится как никогда актуальной в английской драме. Комедия «Варфоломеевская ярмарка» начинается с выхода на сцену театрального сторожа, который высказывает свое мнение о комедии: «пьеса... только бы не услышал автор ее или его подручный мистер Брум за занавесом..., на мой взгляд, ... настоящая дребедень» [2, с. 381]. «Мистер Брум» не случайно прозвучал в пьесе. Ричард Брум (Richard Brome – 1590–1652), ученик и последователь Джонсона, яркий комедиограф времен правления Карла I, принял комедийную эстафету от учителя и до закрытия театров в 1642 г. продолжал изобличать «низости» своего времени, к которому относились для драматурга и пуритане [4, с. 42].

Через 18 лет после премьеры «Варфоломеевской ярмарки» Брум выводит пуританина в своей пьесе «Прополка Ковент-Гардена» (The Weeding of the Covent-Garden, 1632). Подчеркивая преемственность традициям Джонсона, Брум наделяет своих героев смысловыми именами и указывает на их наследственную связь с героями «Варфоломеевской ярмарки»: так, например, персонаж пьесы Брума мировой судья Кокбрейн («заносчивый»), заявляет, что для него образцом для подражания является «почтенный предшественник судья Адам Оверду» [8, I.I.] из «Варфоломеевской ярмарки».

Пуританин Габриэль в комедии «Прополки Ковент-Гардена» на первый взгляд схож с Рэбби Бизи: он тоже лицемер и ханжа, ненавидящий праздники, искусство. «Он повесил голову..., с тех пор как в стране вновь разрешено устраивать праздничные развлечения». Музыка для него «нечестивый звон сатанинских литавр, режущая слух какофония, склоняющая помыслы к распутству» [8, I.I.]. Но в отличие от Рэбби Бизи, его фанатизм носит свирепый характер: в Габриэле уже ничего нет от гротескно-фарсового ренессансного «монаха-обжоры», дающего пищу для смеха и катарсиса. Габриэль – «карающий меч» для любого грешника, которого, будь у него на то власть, он «бил бы им со всей силы, вбивал бы в землю, пока тот своими молитвами не изгонит из себя дьявола» [8, I.I.]. Фанатизм ослепляет его до такой степени, что он не может отличить распутных гуляк из сообщества «Клинка и дубинки» от благочестивых собратьев, а старую потаскушку от почтенной пуританской матроны [8, IV.2].

Брум сравнивает пуританизм с либертинажем [7, с. 307–310] – идеологией полной свободы от всяких моральных и общественных законов общества – представленного в пьесе братством «Клинка и дубинки», членом которой является брат Габриэля Михиль. По разрушительному влиянию на общество драматург считает обе экстремистские идеологии одинаково опасными, так как одна игнорирует законы, «установленные церковью», другая – «мировым судьей» [8, IV.2].

В пьесе Брум делает попытку исследовать природу агрессивного фанатизма, привнося психологизм в образ пуританина. По Бруму, приверженность человека к крайним агрессивным идеологиям, таким как пуританизм и либертинаж, есть заболевание – психическое отклонение от нормы: «все фанатично принимающие религию, подобно Габриэлю, явно не в своем уме» [8, III.2]. Как всякая болезнь, эта тоже имеет первопричины. И такой первопричиной является тирания отца Габриэля, мистера Кроссуила (непререкаемый), требующего от сыновей только беспрекословного повиновения, не учитывая их мнения и интересы, увлечения. Габриэль рос здоровым и жизнерадостным, в юности был влюблен в девушку, которая отвечала ему взаимностью. Но отец, желая пресечь увлечение сына, отправил Габриэля подалее от дома в обучение к епископу. Во время его отсутствия заезжий франт обесчестил девушку. Эта весть, дошедшая до юноши, сказалась на его психике: обезумев от горя, он отказался от светской жизни и полностью ушел в религию. Два родных брата – совершенные антитипы и оба с отрицательным знаком. По словам их отца, один из них – «пуританский болван», другой – «законченный головорез» [8, V.1]. Развенчивая обе идеологии, драматург видит источник этих аномалий в верховной власти, которую олицетворяет в пьесе мистер Кроссуил.

Его деспотическая опека вызвала у обоих сыновей протест, толкнувший их на путь крайностей, характер которых такой же уродливый, как и воспитательные методы отца.

Так, на материале темы «отцы и дети» драматург касается чрезвычайно актуальных проблем английского общества тех лет. Рассматривая механизм пороков и отклонений от нравственных норм у молодых людей, он возлагает всю ответственность на их «отцов», как на власть, призванную сеять разумное, доброе в детях своих, уважая в них личность и право на свой выбор. Развязка конфликта «отцов и детей» в пьесе обнадеживает – на то она и комедия: Кроссуил находит в себе силы раскаяться: «Я ... сам виноват. Я исправлюсь и обещаю стать мудрым отцом» [8, V.3].

Параллель между тираническим правлением в масштабах семьи Кроссуила и абсолютистской властью Карла I в масштабах страны [9, с. 156] легко улавливалась современным зрителем. Драматург как бы предлагает и «отцу отечества» рецепт для излечения «больного общества»: признать губительность авторитарной политики и стать «мудрым» отцом для своих подданных пока не поздно.

Но было уже поздно. В конечном итоге жертвенность пуританина Принна была не напрасной. После ратных сражений за душу и нравственную чистоту своих соотечественников пуритане одержали полную победу над театрами, рассадниками разврата и распутства: 2 сентября 1642 г. указом пуританского парламента все театры были закрыты. А вскоре они очистили страну и от монархии: в 1649 г. королю Карлу I Стюарту отрубили голову. Таким образом, и с театром, и с монархией главными врагами пуритан на 11 лет было покончено.

Список литературы

1. Булгаков А. С. Театр и театральная общественность Лондона эпохи расцвета торгового капитализма. Ленинград : Academia, 1929. 260 с.
2. Джонсон Бен. Варфоломеевская ярмарка : пьесы. М.-Л. : Искусство, 1960. С. 589–727.
3. Зонина Н. В. Пуритане и английский театр XVII в. // Англистика XXI в. : мат-лы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции. СПб. : Университетские образовательные округа, 2019. С. 129–135.
4. Зонина Н. В. Английская комедия на рубеже XVI–XVII веков : сб. статей по материалам VIII Международной научной конференции «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования» // Интернаука. 2018. № 2. С. 39–46.
5. Колесник В. А., Макаров В. С. Джон Нортбрук. Трактат, в котором игра в кости, танцы, суетные пьесы и интерлюдии // Вестник ПСТГУ. Серия III: филология. 2019. Вып. 58. С. 91–110.
6. Парфенов А. Т. Бен Джонсон и его комедия «Вольпоне». М. : Высшая школа, 1982. 110 с.
7. Ступников И. В. Уильям Конгрив и его комедии. М., 1977. С. 305–334.
8. Brome Richard. The Weeding of the Covent-Garden Or the Middlesex-Justice of Peace / University of Sheffield funded by Arts and Humanities Research Council. 2016–2018. URL: www.dhi.ac.uk/projects/brome.
9. Butler M. Theatre and Crisis 1632–1642. Cambridge University Press, 1984. 539 p.
10. Chambers E. K. The Elizabethan Stage. Oxford, 1923. Vol. 4. Pp. 199–230.
11. Cressy D. Book Burning in Tudor and Stuart England // Sixteenth Century Journal. 2005. № 36 (2). Pp. 359–374. DOI: 10.2307/20477359.
12. Fluchere H. Shakespeare and Elizabethans. N. Y., 1960. 254 p.
13. Heinemann M. Puritanism and Theatre, Thomas Middleton and Opposition under Early Stuarts. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 300 p.
14. Ringler W. A. The First Phase of the Elizabethan Attack on the Stage, 1558–1579 // Huntington Library Quarterly. Vol. 5. T. 4. (Jul. 1942). Pp. 391–418. DOI: 10.2307/3815757.
15. Wilson J. D. History of English Literature. Cambridge, 1932. 404 p.

The image of the Puritan in the English drama of the first half of the XVII century.

Zonina Nina Vladimirovna

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Faculty of Foreign Languages,
St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0003-3684-8911. E-mail: ninazonina@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to the interpretation of the image of the Puritan in the English drama of the first half of the XVII century. The topic was not seriously analyzed in Russian literary studies, as was the English drama of that period in general. Two plays from the reign of Kings James I and Charles I of Stuart were chosen as

the material for consideration of the given subject: the comedy "St. Bartholomew's Fair" (1614) by Ben Johnson, the leading playwright of England in the late XVI – early XVII centuries, and the comedy "Weeding Covent Garden" (1632–1633) by Richard Broome, Jr., a contemporary and follower of B. Johnson, a bright comedian of those years, whose name is practically absent in Russian works on the history of English drama and theater.

Puritanism as a religious and ideological movement played an epochal role in the history of England and in the history of English drama. The Puritans' struggle against drama, especially in its stage incarnation, was reflected both in pamphlets and in dramatic works of that time, primarily in comedies. The article focuses on the transformation of the image of the Puritan in the English drama of the early XVII century (the reign of James I) and the mid-30s of the same century (Charles I is in power). A comparative analysis of the images of Puritans in these plays demonstrates a significant metamorphosis of the image over a period of 20 years: from the condescending parody of the Puritan Rebbie Beezy in "Bartholomew Fair" to the image of the violent fanatic Gabriel in R. Broome's comedy, when the Puritans turned into a force that was already a serious threat to society and led to the closure of theaters and The Civil War.

Keywords: Puritan, English drama, comedy, theater, B. Johnson, R. Broome.

References

1. Bulgakov A. S. *Teatr i teatral'naya obshchestvennost' Londona epohi rascveta torgovogo kapitalizma* [Theater and the theatrical community of London during the heyday of commercial capitalism]. L. Academia. 1929. 260 p.
2. Johnson Ben. *Varfolomeevskaya yarmarka : p'esy* [Bartholomew Fair : plays]. M.-L. Iskusstvo (Art). 1960. Pp. 589–727.
3. Zonina N. V. *Puritane i anglijskij teatr XVII v.* [Puritans and English theater of the XVII century] // *Anglistika XXI v. : mat-ly IX Vserossijskoj mezhvuzovskoj nauchno-metodicheskoj konferencii – Anglistics of the XXI century : materials of the IX All-Russian Interuniversity Scientific and Methodological Conference*. SPb. University Educational Districts. 2019. Pp. 129–135.
4. Zonina N. V. *Anglijskaya komediya na rubezhe XVI–XVII vekov : sb. statej po materialam VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: sovremennye vzglyady i nauchnye issledovaniya"* [English comedy at the turn of the XVI–XVII centuries : collection of articles based on the materials of the VIII International Scientific Conference "Cultural studies, art history and philology: modern views and scientific research"] // *Internauka – Interscience*. 2018. No. 2. Pp. 39–46.
5. Kolesnik V. A., Makarov V. S. *Dzhon Nortbruk. Traktat, v kotorom igra v kosti, tancy, suetnye p'esy i interlyudii* [John Northbrook. A treatise in which dice games, dances, vain plays and interludes] // *Vestnik PSTGU. Seriya III: filologiya – Herald of PSU. Series III: Philology*. 2019. Is. 58. Pp. 91–110.
6. Parfenov A. T. *Ben Dzhonson i ego komediya "Vol'pone"* [Ben Johnson and his comedy "Volpone"]. M. Vysshaya Shkola (Higher School). 1982. 110 p.
7. Stupnikov I. V. *Uil'yam Kongriv i ego komedii* [William Congreve and his comedies]. M. 1977. Pp. 305–334.
8. *Brome Richard*. The Weeding of the Covent-Garden Or the Middlesex-Justice of Peace / University of Sheffield funded by Arts and Humanities Research Council. 2016–2018. Available at: www.dhi.ac.uk/projects/brome.
9. Butler M. *Theatre and Crisis 1632–1642*. Cambridge University Press, 1984. 539 p.
10. Chambers E. K. *The Elizabethan Stage*. Oxford, 1923. Vol. 4. Pp. 199–230.
11. Cressy D. Book Burning in Tudor and Stuart England // *Sixteenth Century Journal*. 2005. No. 36 (2). Pp. 359–374. DOI: 10.2307/20477359.
12. Fluchere H. *Shakespeare and Elizabethans*. N. Y., 1960. 254 p.
13. Heinemann M. *Puritanism and Theatre, Thomas Middleton and Opposition under Early Stuarts*. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 300 p.
14. Ringler W. A. The First Phase of the Elizabethan Attack on the Stage, 1558–1579 // *Huntington Library Quarterly*. Vol. 5. T. 4. (Jul. 1942). Pp. 391–418. DOI: 10.2307/3815757.
15. Wilson J. D. *History of English Literature*. Cambridge, 1932. 404 p.

Особенности имагологической репрезентации в цикле эссе О. Голдсмита «Гражданин мира»

Шубин Константин Ильич

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: kostyashubin43@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности дискурса о национальном в цикле эссе английского писателя О. Голдсмита «Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на востоке» (*Letters from a Citizen of the World, to His Friends in the East*), 1762. В нем Голдсмит живописует картину Англии XVIII в., детально изображая социальную, духовную, политическую сферы английского общества сквозь призму англо-китайского и (имплицитно) англо-ирландского культурного диалога. Анализ данного произведения в имагологическом аспекте позволяет выделить структурные компоненты гетерообраза Англии, представленного с использованием техники остранения, с точки зрения фикционального повествователя, исследовать «национальный текст» эссе в содержательном и жанровом планах, выделить средства создания национального образа и его акцентирования, в частности, при помощи сатирических приемов и аллегии. Также в статье рассматриваются элементы автобиографизма в цикле «Гражданин мира», социально-философские, эстетические и духовные искания О. Голдсмита, повлиявшие на его репрезентацию образа Англии, который, по сути, предстает как имагологический метаобраз. Особенности цикла эссе писателя, установленные в ходе анализа, могут способствовать более глубокому пониманию творчества Голдсмита в целом и его произведения «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке» в частности, а материалы исследования могут быть использованы при дальнейших исследованиях по данной теме.

Ключевые слова: Голдсмит, имагологический образ, репрезентация, остранение, аллегория.

Как известно, нации Европы начали формировать представления о собственной идентичности начиная с периода позднего Ренессанса через определение инаковости по отношению к другим. Этот процесс «партикуляризации» национального самосознания был продолжен в XVIII в., о его важности свидетельствует то, что к нему обратились крупнейшие философы эпохи: Д. Вико, Вольтер, Ш. Монтескье, Д. Юм, И. Г. Гердер [4, с. 11]. Среди просветителей, размышлявших о национальном, видное место принадлежит О. Голдсмиту как автору произведения «Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на востоке» (*Letters from a Citizen of the World, to His Friends in the East*), 1762. Эссе, составившие этот цикл, написаны в русле дидактической интерпретации восточной темы, что отражает общую этическую направленность английского Просвещения. С другой стороны, они представляют собой мистификацию ориентальной рецепции образа Англии, необходимую для национальной самоидентификации через сопоставление с восточным «другим». Такого рода опыты, посвященные изображению предполагаемого (воображаемого, «имагинируемого») восприятия восточными цивилизациями реалий Запада, предпринимались неоднократно в конце XVII – XVIII вв.

Сочинение Голдсмита занимает самобытное место в данном ряду. Во многом это обусловлено оригинальным способом издания «Писем» как периодической публикации в журнале *The Public Ledger* («Общественный журнал»). Периодичность издания эссе способствовала их циклизации, выстраиванию логически упорядоченного и единого текста, который организован в том числе на сюжетном уровне. По мысли А. Р. Гейзера, для цикла О. Голдсмита характерна «определенная внутренняя цельность, которая заключается не только в динамике контрастных сцен и обрамляющего сюжета <...>, но и в своеобразном движении, развитии мысли главного персонажа, «автора» писем» [1]. Кроме того, «Гражданин мира» отличается разнообразной жанровой основой, включая в себя практически все выделенные литературоведами [5, с. 133] разновидности английского ориентального жанра XVIII в.: сатирические, моралистические, художественно-медитативные и критические эссе.

Документализм эссе, входящих в цикл, их эпистолярная основа способствовали тому, что они воспринимались читателями как подлинные письма китайца Лянь Чи Альтанчжи,

который живет в Лондоне и описывает Англию глазами чужестранца. Все это выгодно отличало письма Голдсмита от иных художественных произведений с восточными мотивами, где главный герой не был свободен, находился под властью восточного правителя. Благодаря периодическому изданию писем, их фактографичности и свободе авторских оценок Голдсмит сумел вызвать большой интерес читательской публики, с которой вступал в доверительный живой диалог [10, с. 143], подобно тому как это делали издатели нравоучительного журнала *Spectator* («Зритель») Дж. Аддисон и Р. Стил. Не случайно письма так серьезно влияли на английское общество, создавая образ не только Англии, но и Китая в национальном сознании англичан [7, с. 73].

Источником вдохновения для Голдсмита послужили «Китайские письма» (1739–1740) маркиза д'Аржана (*Letters chinoises*), «Письма Турецкого шпиона» (1687–1693) Джованни Паоло Мараны (*Letters written by a Turkish spy*), «Персидские письма» (1721) Шарля Монтескье, «Письма перса из Англии к друзьям в Исфагани» Джорджа Литтлтона (1735) (*Letters from a Persian in England to his friends at Ispahan*), сказки «Тысяча и одна ночь» (1704–1717) в переводе Антуана Галлана (*Les Mille et une Nuit: Conte Arabes*), а также «Письма армянина из Ирландии к друзьям в Трапезунде» (1756) (авторство не установлено) (*Letters from an Armenian to his friends at Trabisonde, etc.*) [13, с. 116], «Письмо Ксо Хо, китайского философа в Лондоне, к своему другу Лянь Чи в Пекин» (1757) Хорейса Уолпола (*Letter from Ho He, a Chinese Philosopher at London, to His Friend Lien Chi at Peking*) [13, с. 196], сочинения Вольтера [8, с. 113]. Главными источниками сведений о Китае в «Письмах» Голдсмита послужили «Новые воспоминания о современном состоянии Китая» Луи Ле Конта (*Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Chine*) (1697), «Описания Китайской империи» Жана-Батиста Дюальда (*A Description of the Empire of China*) (1738 и 1741) [13, с. 112] и «Китайские письма» маркиза д'Аржана (*Letters Chinoises*) (1740) [13, с. 113].

Название цикла «Гражданин мира» Голдсмит мог позаимствовать из книги «Космополит, или Гражданин мира» (1750), которую написал француз Луи Шарль Фужере де Монброн [13, с. 189]. Представляется вероятным, что имя китайца Фум Хоум, которому Альтанчжи отправлял письма, возникло под влиянием китайского фольклора [13, с. 190]. Имя китайского философа (Лянь Чи) совпадает с именем одного из персонажей «Писем» Хорейса Уолпола. Возможно, идея для создания «Гражданина мира» возникла у Голдсмита под влиянием упомянутого выше памфлета Х. Уолпола. Голдсмит назвал цикл эссе «Гражданин мира», чтобы показать, что он является сторонним наблюдателем, который глубоко проникает в действительность и может объективно ее описывать [19, с. 99].

Вторую группу источников, оказавших влияние на имагологическую репрезентацию в «Гражданине мира», составили труды, посвященные концептуализации этнотипов, в частности, с позиций категории «климата». Так, О. Голдсмит воспринял взгляды Монтескье, который считал, что климат оказывает влияние на национальный характер, а также позаимствовал у Линнея и Бюффона теорию о том, что климат воздействует на характер людей так же, как на животных [13, с. 61]. Кроме того, писатель опирался на книгу Франсуа Эспирада «Дух наций» (1752). Данное сочинение являлось первым трудом в Европе, в котором всесторонне рассматривался вопрос о влиянии климата на характер нации. Примечательно, что Голдсмит адаптировал перевод «Духа наций» для эссе о взаимосвязи климата и национального характера [13, с. 56].

Под влиянием природных условий, по мнению Голдсмита, сложились такие качества англичан, как гордость, нетерпеливость и особая твердость духа, способность выдержать самые суровые испытания:

"I know of no country where the influence of climate and soil is more visible than in England, the same hidden cause which gives courage to their dogs and cocks, gives also fierceness to their men" [с. 113]. "The vulgar English, therefore, may be easily distinguished from all the rest of the world, by superior pride, impatience, and a peculiar hardness of soul" [с. 114]. "Those miseries, under which any other people in the world would sink, they have often shewed they were capable of enduring" [11, с. 115].

(«Нет другой страны, где влияние почвы и климата проявлялось бы столь явно, как в Англии. Английский простолюдин отличается от себе подобных во всем мире гордостью, нетерпеливостью и особой твердостью духа. Они не раз доказывали, что способны перенести такие невзгоды, которые оказались бы не по силам другим народам») [2, с. 230].

Голдсмит, как и Монтескье, считал, что климат определяет характер нации, детерминирующий особенности политического строя и культуры национального государства. Соответ-

ственно, в «Письмах китайского философа» английское правительство предстает сильным, свободным, устойчивым, «твердым», как и английский характер. Следует сказать, что размышления о влиянии климата являются лишь субъективным мнением писателей, которое не имеет научного подтверждения. Однако образы, созданные на основе данных гипотез, оказывают влияние на восприятие стран друг другом и в настоящее время [16, с. 70]. В данном случае имагология выходит за рамки литературы и вступает в область политики, международных отношений, экономики и др. [7, с. 6].

В своей «климатической» концепции О. Голдсмит во многом расходился с мнением Д. Юма, по мнению которого наибольшее влияние на нравы оказывают не природные условия, а моральные нормы, институции власти [14]. Следует отметить, что Д. Юм допускал влияние климата с точки зрения употребления спиртных напитков и взаимоотношений между мужчиной и женщиной: северные нации более склонны к употреблению алкоголя, а южные наделены более страстным любовным темпераментом. Оригинально мнение Д. Юма относительно национального характера англичан, которые, как он считал, не имеют отличительного национального признака. Философ обосновывал это тем, что на общество оказывают влияние люди, стоящие у власти. А поскольку в Англии в правящих кругах присутствуют аристократия, буржуазные слои, представители различных сословий, то и национальный характер отличается гетерогенностью, соединением разнообразных черт [10].

Это многообразие ярко представлено в «Гражданине мира», повествование в котором ведется от лица китайского философа по имени Лянь Чи Альтанчжи, во многом воплощающего alter ego писателя. Авторская оценка английской действительности в произведении дается также через образ господина в черном, которого встречает рассказчик и который соединяет в себе лучшие качества жителей Альбиона. Этот герой напоминает мистера Берчелла из романа Голдсмита «Векфилдский священник». Кроме того, в «господине в черном» можно различить черты Сидни Картона, персонажа «Повести о двух городах» Диккенса. Как и Сидни Картон, «господин в черном» проникновен, умен, сострадателен, благороден, хотя и старается всеми силами не показывать этого. Он мог бы достичь высокого положения в обществе, но для него многие вещи, которые ценятся большинством, он воспринимает как тщетные и ограниченные, поскольку видит их истинную сущность. Можно сказать, что он не от мира сего. «Господин в черном» находится как бы вне общества и потому имеет возможность наблюдать за ним. Прообразом для данного персонажа послужил сам Голдсмит. Образ «господина в черном» служит для противопоставления добродетели и греха, для более яркого отображения социальных проблем английского общества, для создания контраста между высокими моральными идеалами и порочной жизнью англичан. Таким образом, имагологическая репрезентация осуществляется в двойном аксиологическом фокусе: с одной стороны, с точки зрения воображаемого национального другого, с другой – с позиций наблюдателя, представляющего собственную культуру.

Главным качеством «господина в черном» является сострадание, но именно это свойство своего характера он старается скрыть от окружающих. С помощью данного противопоставления Голдсмит описывает социальные проблемы. Читатель проникается сочувствием к беднякам, симпатизирует «господину в черном», острее ощущает несправедливость законов, глубже погружается в жизнь низших слоев английского общества. Голдсмит пишет о «господине в черном»:

“Though he is generous, even to profusion, he affects to be thought a prodigy of parsimony and prudence ; though his conversation be replete with the most sordid and selfish maxims, his heart is dilated with the most unbounded love” [11, с. 99].

(«Он – человек щедрый до расточительности, но хочет при этом слыть образцом бережливости и благоразумия, речь его пересыпана присловиями, свидетельствующими о своекорыстии и эгоизме, а сердце полно безграничной любви к людям») [2, с. 65].

Вот слова самого «господина в черном»:

“I am surprised at the inactivity of our magistrates, in not taking up such vagrants, who are only a weight upon the industrious: I am surprised that the people are found to relieve them, <...>. Were I to advise any man, for whom I had the least regard, I would caution him by all means not to be imposed upon by their false pretences: let me assure you, sir, they are impostors, every one of them, and rather merit a prison than relief” [11, с. 100].

(«Меня поражает бездеятельность наших мировых судей! Отчего не арестовать бездельников, которые сидят на шее у тружеников? И у этих трутней есть еще защитники! Да

посоветуйся со мной любой сколько-нибудь уважаемый человек, я скажу ему, чтобы прежде всего он не верил лживым рассказам этих попрошаек. Право, сударь, все они обманщики, все до единого, и заслуживают тюрьмы, а не вспомоществования») [2, с. 66].

Суждения «господина в черном» нередко публицистически заострены, они непосредственно выражают идейные ориентации О. Голдсмита, в то время как оценки повествователя даны скорее в резонирующей, нередко ироничной манере, с позиций объективного отстраненного наблюдателя. Лянь Чи Альтанчжи не раз отзывается об англичанах как о здравомыслящих и рассудочных людях. В то же время они очень подвержены суетливости и беспричинному страху, панике. Кроме того, англичане очень доверчивы к слухам, особенно мрачным, предвещающим бедствия. Они не проверяют достоверность известий, но сразу же принимают меры. Размышляют англичане над слухами гораздо позже. Поэтому плоды их необдуманных действий зачастую горьки и комичны.

"The English, however, <...> first act, and, when too late, begin to examine. From a knowledge of this disposition, there are several here who make it their business to frame new reports, at every convenient interval, all tending to denounce ruin both on their contemporaries and their posterity. Thus are they ever rising above one report, only to sink into another. In other countries, those boding politicians would be left to fret over their own schemes alone, and grow sullen without hopes of infecting others" [11, с. 167].

(«Англичане же <...> сначала действуют, а потом с большим опозданием начинают обдумывать. Зная о такой их склонности, некоторые люди избрали себе ремеслом предсказывать гибель как современникам, так и их потомкам. Не успевают люди выбраться из одной новости, как уже тонут в другой. В других странах на таких политических пророков никто бы и внимания не обратил, и они корпели бы над своими новостями в одиночестве и хандрили без малейшей надежды заразить своей хандрой других») [2, с. 260].

Говоря о противоречивости англичан, можно отметить, что они очень услужливы, вежливы, внимательны:

"The Englishman, seeing me shrink from the weather, accosted me thus: "Psha, man, what dost thou shrink at? here, take this coat; I don't want it; I find it no way useful to me; I had as lief be without it" [11, с. 13].

(«Англичанин, заметив, что я дрожу, сразу же сказал: «Послушайте, друг мой, что вы дрожите? Возьмите мой плащ, мне он не нужен... Все равно от него никакого проку, и я прекрасно обойдусь без него») [2, с. 16].

В то же время англичане склонны к лести. Например, при дворе она является обычным явлением и разрослась до такой степени, что китайский философ предлагает ввести специальную должность – наследственный льстец. Также из писем видно, что к лести особенно часто прибегают служители церкви.

"Though no people in the world flatter each other more than the English, I know none who understand the art less, and flatter with such little refinement" [11, с. 182].

(«Хотя я не знаю страны, где бы люди так льстили друг другу, как в Англии, англичане совершенно не знают толка в этом искусстве и льстят на диво неуклюже») [1, с. 268].

Среди пороков англичан повествователь выделяет гордыню и тщеславие, а также чревоугодие, которому они предаются больше всего на выборах и церковных собраниях. Этот порок выступает особенно ярко, когда Голдсмит сравнивает пиршества богачей и обездоленность голодных бедняков. Кроме того, на собраниях обсуждаются совершенно ненужные вещи.

"To say the truth, eating seems to make a grand ingredient in all English parties of zeal, business, or amusement. When a church is to be built, or a hospital endowed, the directors assemble; and instead of consulting upon it, they eat upon it; by which means, the business goes forward with success. When the poor are to be relieved, the officers, appointed to dole out public charity, assemble and eat upon it: nor has it ever been known, that they filled the bellies of the poor till they had previously satisfied their own" [11, с. 189].

(«По правде говоря, на всех английских собраниях – религиозных ли, деловых или увеселительных – еда едва ли не самое важное занятие. Когда закладывается церковь или жертвуют на богадельню, устроители сходятся вовсе не для совещания, а для обильной трапезы, чем немало споспешествуют делу. Когда требуется облегчить нужду бедняков, те, кто распределяет вспомоществование, собираются за столом и едят до отвала. И не было случая, чтобы они накормили бедняков, прежде чем насытились сами») [2, с. 272].

На страницах писем китайского философа осмеиваются представители разных сословий и групп: алчные издатели и книгопродавцы, думающие только о собственной прибыли, а

не о продвижении талантливых писателей, врачи-шарлатаны, судьи, занятые бюрократической волокитой.

В книге имеется несколько писем, внутренне связанных между собой. В них речь идет о несчастьях философов, нелепостях ученых мужей и подверженности англичан сплину. Думается, что существует взаимосвязь между этими явлениями. Как пишет Голдсмит, праздность порождается роскошью. Высшие круги английского общества были подвержены сплину больше всего, поскольку проводили большую часть времени в безделье в своих поместьях или же пытались избавиться от гнетущего чувства печали в вине, танцах, охоте, азартных играх.

"When the men of this country are once turned of thirty, they regularly retire every year, at proper intervals, to lie in of the spleen. The vulgar, unfurnished with the luxurious comforts of the soft cushion, down bed, and easy chair, are obliged, when the fit is on them, to nurse it up by drinking, idleness, and ill-humour. The rich, as they have more sensibility, are operated upon with greater violence by this disorder. In the country, this disorder mostly attacks the fair sex in town it is most unfavourable to the men" [11, с. 108].

(Когда мужчины этой страны достигают тридцати лет, они каждый год уединяются, чтобы предаться сплину. Простолюдины, не располагающие мягкими подушками, пуховиками и покойными креслами, вынуждены лечить свою хандру пьянством, безделием и злостью. Богатые, как более чувствительные, испытывают более сильные приступы этого недуга. В загородных поместьях эта болезнь чаще поражает прекрасный пол, в городах же она особенно опасна для мужчин) [2, с. 228].

По-иному праздность действовала на ученых, ибо они много времени тратили на вещи, которые того не стоят, делали безосновательные выводы и углублялись в частности, не замечая целого. То же относится и к философам. Они предстают как люди, постоянно погруженные в мрачные раздумья относительно будущего, оторванные от реальных проблем мира. Данное состояние обусловлено праздностью и, кроме того, самомнением и желанием прослыть великим мыслителем.

"It is not enough to engage all the compassion of a philosopher here, that his own globe is harassed with wars, pestilence, or barbarity; he shall grieve for the inhabitants of the moon, if the situation of her imaginary mountains happen to alter; and dread the extinction of the sun, if the spots on his surface happen to increase: one should imagine, that philosophy was introduced to make men happy; but here it serves to make hundreds miserable" [11, с. 117].

(«Здешнему философу, видно, мало печалиться о том, что собственный его мир терзают войны, моровые язвы и варварство, нет, он будет горевать об обитателях Луны, если в расположении ее воображаемых гор обнаружатся изменения, и страшиться угасания солнца, если пятна на его поверхности увеличатся. Казалось бы, философия родилась, дабы делать людей счастливыми, здесь же она делает несчастными тысячи») [2, с. 232].

Китайский философ с иронией отзывается о развлечениях англичан, склонности дам к азартным играм, сетует на то, что у английской публики пользуются большой популярностью клоуны, жонглеры, фокусники, танцоры.

Голдсмит сетует о том, что молодые, обеспеченные люди в Англии тратят свое время и силы впустую. Они могли бы помочь многим, но вместо этого следуют прихотям моды в искусстве и гонятся за славой.

Показательно письмо, в котором автор сравнивает отношение к старшим в Китае и Англии. Если в империи о пожилых людях заботятся и законы направлены на то, чтобы всевозможными способами улучшить их жизнь, то в Англии наоборот. Например, старый ремесленник, у которого все семь сыновей на войне, вынужден влачить жалкое существование.

"Nor far from this city lives a poor tinker, who has educated seven sons, all at this very time in arms and fighting for their country, and what reward do you think has the tinker from the state for such important services? None in the world! his sons, when the war is over, may probably be whipt from parish to parish as vagabonds; and the old man, when past labour, may die a prisoner in some house of correction" [11, с. 33].

(«Неподалеку от Лондона живет бедняк-лудильщик, вырастивший семерых сыновей. Сейчас они все в армии и сражаются за родную страну. Какое же вознаграждение получил этот лудильщик от государства за свою бесценную услугу? Да никакого! А ведь когда война кончится, вполне возможно, что его сыновей будут плетью гнать из прихода в приход, как бродяг, а старик-отец, немощный и хилый, кончит свои дни в исправительном доме») [2, с. 186].

Особое внимание Голдсмит уделяет неимущим. Он показывает, как печальна их участь в Англии, как страдают они от жестокосердия богатых, несправедливости английских законов. Автор использует для эмоционального усиления прием контраста, экспрессивно противопоставляя тщеславие и смирение, богатство и бедность [8, с. 118]. Например, в письме о ночном городе говорится:

"But who are those who make the streets their couch, and find a short repose from wretchedness at the doors of the opulent? These are strangers, wanderers, and orphans, whose circumstances are too humble to expect redress, and whose distresses are too great even for pity. Their wretchedness excites rather horror than pity. Some are without the covering even of rags, and others emaciated with disease. The world has disclaimed them: society turns its back upon their distress, and has given them up to nakedness and hunger. Why, why was I born a man, and yet see the sufferings of wretches I cannot relieve? Poor houseless creatures!" [11, с. 213].

(«Но кто же эти люди, которым улица служит постелью и которые находят краткий отдых от нужды у дверей тех, кто богат? Чужестранцы, бродяги и сироты, чей удел так жалок, что для него нет облегчения, а беды так безмерны, что перед ними сострадание немеет. Их несчастья внушают скорее ужас, а не жалость. Нагота некоторых из них не прикрыта даже лохмотьями, другие – иссушены недугом. Мир отвернулся от них; общество закрыло глаза на их беды и ввергло в объятия нищеты и голода. Зачем я родился человеком, если обречен взирать на страдания несчастных, которым не в силах помочь! Бедные сирые существа!») [2, с. 286].

При этом Лянь Чи Альтанчи восхищается английским государственным строем, который, по его мнению, является самым прочным и одновременно гибким из всех существующих в Европе. Этим он обязан монархии и лояльности в исполнении некоторых законов. Если следовать концепции циклов в развитии государств, то Англия XVIII в. находится в наиболее устойчивом положении.

"In England, from a variety of happy accidents, their constitution is just strong enough, or, if you will, monarchical enough, to permit a relaxation of the severity of laws, and yet those laws still to remain sufficiently strong to govern the people. This is the most perfect state of civil liberty, of which we can form any idea. Here we see a greater number of laws than in any other country; while the people, at the same time, obey only such as are immediately conducive to the interests of society: several are unnoticed; many unknown; some kept to be revived and enforced upon proper occasions; others left to grow obsolete, even without the necessity of abrogation" [11, с. 214].

(«В силу ряда счастливых обстоятельств в Англии государственный строй достаточно прочен или, если угодно, достаточно монархичен, чтобы допустить послабление законов, и все же они сохраняют должную силу и управляют народом. Это, пожалуй, самая совершенная из известных форм гражданских свобод. Хотя законов здесь больше, чем в любой другой стране, народ повинуетя лишь тем из них, которые в данное время более всего нужны обществу. Многие законы ныне не соблюдаются, а иные просто забыты; некоторые сохраняются на случай нужды, другие же постепенно так устаревают, что их и не надо отменять») [2, с. 131].

Письма китайского философа свидетельствуют, что английские законы не лишены милосердия, однако они бывают крайне жестоки и несправедливы, нередко их применяют предвзято.

"Similar to this, there is a spirit of mercy breathes through the laws of England, <...>. <...>, in order to secure the effects of one man, I should make a law which may take away the life of another, in such a case, to attain a smaller good, I am guilty of a greater evil; to secure society in the possession of a bauble, I render a real and valuable possession precarious" [11, с. 65].

(«Английским законам тоже не чужд дух милосердия, <...>. <...>, если ради сбережения имущества одного человека я издал закон, который может отнять жизнь у другого человека, в этом случае я ради достижения ничтожного блага буду повинен в совершении гораздо большего зла; и, дабы общество беспрепятственно владело безделкой, я подвергну страшной опасности истинную драгоценность») [2, с. 204].

Повествователь выражает крайнее несогласие по поводу таких жестоких законов, «глубочайшее сочувствие Голдсмита к простым людям не вызывает ни малейшего сомнения» [3, с. 325]. Демократизм писателя проявился и в других его произведениях, в частности, в романе «Векфилдский священник».

Объектом критики в письмах становится также экспансионистская политика Англии как колониальной державы, обрекающей на страдания захваченные земли.

Голдсмит осуждает войну между Англией и Францией, которая ведется за территории Канады, ибо она основана лишь на прихоти моды, алчности англичан, их стремлении присвоить земли ценой гибели множества людей. Также Голдсмит предупреждает, что колонизация дальних земель ослабит Англию, и потомки не найдут в ней причин для гордости.

В контексте английской колониальной политики может быть рассмотрен и образ Китая в восприятии англичан, собственно «китайский» текст цикла, в который иносказательно, имплицитно вплетена ирландская тема. Лянь Чи Альтанчжи отмечает, что Англия одержима Китаем. В домах знатных людей можно найти китайские вещи, некоторые создают сады в китайском стиле. Синофилия является данью моде и в ней нет глубины, о чем свидетельствует отношение к повествователю-китайцу «знатоков китайского», уверенных в своей эрудиции относительно восточной культуры:

"Dear madam, said I, these, though they may appear fine in your eyes, are but paltry to a Chinese; but, as they are useful utensils, it is proper they should have a place in every apartment. – Useful, sir! replied the lady; sure you mistake; they are of no use in the world. – What! are they not filled with an infusion of tea, as in China? replied I. – Quite empty and useless, upon my honour, sir. – Then they are the most cumbrous and clumsy furniture in the world; as nothing is truly elegant, but what unites use with beauty" [11, с. 49].

(«Сударыня, – вымолвил я, наконец, – они [кувшины], хотя и кажутся вам прекрасными, ничтожны в глазах китайца, но это полезная утварь, которая есть в каждом доме. – Нет, вы заблуждаетесь, сударь, они ни на что не годятся! – Как, неужели они не наполнены чаем, как принято в Китае? – Даю вам слово, сударь, они стоят пустые и совершенно без дела. – В таком случае это самые нелепые и неудобные вещи, какие мне только доводилось видеть, ибо изящны только те предметы, в которых красота сочетается с полезностью») [2, с. 37].

Ко второй половине XVIII в. восточная культура и обычаи становятся своеобразным эталоном поведения в высших слоях английского общества [6, с. 167]. Голдсмит критикует увлечение англичан всем китайским. В этом он близок Дж. Свифту, который негативно относился к увлечению зарубежной модой [13, с. 32]. Заинтересованность Китаем носит очень поверхностный характер. Так, китаец видит сон, в котором он выходит на лед с тележкой, нагруженной китайской этикой. В то же время на льду стоят фургоны с китайскими безделушками, которыми наводнена Англия. Лед выдерживает тяжесть фургонов, но под весом тележки сразу ломается. В «Письмах» Голдсмит часто приводит отрывки из Конфуция, переведенные Ле Конттом. В этом проявляется влияние Лейбница, который видел в конфуцианстве средство к объединению людей и считал китайское общество более цельным и гармоничным с этической точки зрения, чем европейское [13, с. 119]. В одном из писем китайский философ говорит: *"Confucius observes that it is the duty of the learned to unite society more closely, and to persuade men to become citizens of the world; but the authors I refer to, are not only for disuniting society, but kingdoms also" [11, с. 74]* («Конфуций наставляет нас, что долг ученого способствовать объединению общества и превращению людей в граждан мира. Писатели же, о которых я говорю, готовы разъединять не только общество, но и целые государства») [2, с. 51]. Или, например, слова Альтанчжи об английском обществе: *"each looks upon his fellow as a rival, not an assistant in the same pursuit" [11, с. 73]* («каждый видит в собрате не соратника, а соперника») [2, с. 50]. В то же время Голдсмит полагал, что заповеди христианства и конфуцианства имеют много общего.

Примечательно, что Голдсмит ни разу не упоминает об Ирландии явно. Для этого он обращается к символическим образам. Некоторые исследователи полагают, что «китайское» является лишь «маскировкой» для прикрытия Ирландии, аллегорической формой изображения ее положения [13, с. 139]. По данному поводу можно сделать уточнение. «Китайское» выступает не столько «маскировкой», сколько средством для более глубокого и полного выражения философии Просвещения, мыслей автора, духовных (христианских) положений. Следует сказать, что перевод на английский язык китайского романа *Hau Kiou Chooan, or, The Pleasing History* (1761) Томаса Перси мог повлиять на выбор Голдсмитом Китая как страны противоположной Англии [13, с. 125].

Имагологическая параллель между Ирландией и Китаем проводится автором через образ восточного сада, противопоставленного регулярным европейским садам. Вслед за архитектором У. Чеймберсом Голдсмит полагал, что сад должен быть живым, поэтичным, близким к природе, подобным тем, что существуют на востоке. Именно эти принципы Голдсмит применил для описания «китайского» сада [13, с. 125] в письме XXXI, в котором можно выделить

несколько аллегорий. Красивая тропинка, которая ведет ко греху, символизирует Ирландию. Некогда она была цветущей страной, но вследствие экспансии Англии была разорена. Кроме того, в письме LXXVI вновь присутствует аллегория, связанная с садом. В данном случае Голдсмит выражает единодушие с Э. Берком, который сравнивал плавные, живые линии сада с красотой, изменчивостью, изяществом фигуры женщины [13, с. 127]. Он называл это *female form* или *maze*. Голдсмит вслед за Берком соединил образы грациозной девушки и прекрасного сада и таким образом аллегорически выразил свое представление об Ирландии.

Следует отметить, что в описании сада присутствует мифологема райского дерева. Над воротами, ведущими к добродетели, возвышается кипарис (дерево мертвых). Образ дерева дополняет восточный фон эссе. Кроме того, он символизирует очищение от греха и появление нового человека.

В своих произведениях Голдсмит не раз обращается к ирландскому поэтическому жанру «эшлинг», в произведениях которого Ирландия представлялась в образе «небесной» женщины, и модифицирует его. Для Голдсмита, как и для Дж. Свифта, характерным было создание образа их родины, захваченной Англией, в виде простой бедной девушки [13, с. 112]. В письме XLVI китайскому философу снится сон, в котором английские знатные дамы смотрят в зеркало и видят свои грехи. Лишь одна скромная крестьянская девушка, символизирующая Ирландию, не имеет пороков. Подобный образ встречается и в поэме «Покинутая деревня».

Через образ китайского философа, через мотив путешествий и образ «чужого» Оливер Голдсмит выражает свой жизненный путь, свою личность, трагизм своей судьбы. Данный аспект творчества Голдсмита исследовал в своих работах Р. Квинтана [20, с. 82–98]. Всю жизнь Голдсмит находился в положении изгоя в различных сообществах (в школе, университете, среди писателей). По этой причине он имел возможность наблюдать за жизнью людей со стороны. Между Голдсмитом и китайским философом много общего. Оба покинули свой дом, путешествовали по разным странам, имели мало близких знакомых в Англии, жили в бедном квартале, занимали невысокое положение в обществе, хотя обладали талантами и умом. Кроме того, оба были гуманистами и проницательными наблюдателями жизни. Ирландец Голдсмит был культурно иным по отношению к английской нации, так же как его *alter ego* Лянь Чи Альтанчжи. Все это предопределило его выбор приема остранения как одного из средств создания образа Англии.

Использование этого приема в «Гражданине мира» во многом схоже с «Персидскими письмами» Монтескье. Китайский философ, как и Узбек, персонаж французского писателя, отправляет письма своему другу в Китай. «Очуждающее» повествование вовлекает читателя в диалог. Европейец, читая письма, которые адресованы представителю восточной культуры, сильнее проникается их ориентальной тематикой [17, с. 139]. Также Узбек находится вне европейского общества и может наблюдать за ним, поскольку он является представителем другой культуры [17, с. 138]. Аналогичные функции в «Гражданине мира» выполняет и Альтанчжи.

В «Письмах» китайский философ часто обращается к восточным сказкам и легендам. С их помощью Голдсмит говорит о важных вещах с юмором и в увлекательной форме [6, с. 197]. Сатирический элемент в книге создается за счет контраста между Китаем и Англией. Также этому способствует двойственная природа китайского философа. Внешне он предстает как китаец (в представлении Голдсмита о том, как должны выглядеть китайцы), но имеет ментальность европейца [18, с. 199]. Данный прием позволяет Голдсмиту с иронией описывать английскую действительность.

Примечательно, что Голдсмит критиковал «шинуазри», но в то же время его «Письма» можно рассматривать как литературное «шинуазри» [18, с. 112]. Следование автора ориентальной моде объясняет популярность цикла среди его современников. Одна из причин, по которой Голдсмит выбрал Китай для противопоставления Англии, заключается в том, что тот представлялся европейцам наиболее развитой восточной страной. Соответственно, китайский путешественник был ближе к англичанам по уровню культуры и поэтому воспринимался английским обществом с большей симпатией и пониманием [13, с. 114].

Таким образом, Голдсмит при создании своих эссе опирался на сочинения выдающихся ученых, писателей, мыслителей своего времени. В частности, он считал, что климат определяет характер нации и политическое устройство государства. Для описания английской действительности Голдсмит использовал прием очуждения. Это позволило ему увидеть проблемы английского общества. Однако Голдсмит не только видит эти проблемы, но и предлагает пути их решения. В духе эпохи Просвещения он обращается к морализации, но делает это по-

лушутя-полусерьезно с помощью восточных сказок, иронии китайского философа. И хотя Голдсмит предстает сторонним наблюдателем, для него важны проблемы англичан, он сопереживает ближним, эмпатически воспринимает их горести и радости [12, с. 212]. Автор создает глубокие, яркие, поэтические образы, в том числе аллегорические, которые насыщены глубоким смысловым содержанием. Через них он говорит о волнующих его вещах, о насущных, острых проблемах своего времени (экспансия Англии, взаимоотношения между Англией и Ирландией). Он рассматривает эти вопросы в завуалированной форме, поскольку личные обстоятельства не позволяют ему говорить открыто. Главные персонажи «Писем» воплощают alter ego писателя (Альтанчжи, «господин в черном»). С их помощью Голдсмит полнее передает дух времени, детальнее и ярче описывает современное ему общество. В этих описаниях он выступает как пророк-иронист, который обличает общество, и как проповедник-иронист, который наставляет людей [15, с. 355]. Китай выбран как страна для противопоставления Англии. На основе этого сравнения Голдсмиту удается критически обозреть английскую действительность, рассмотреть национальные черты англичан. Писатель пытается найти в «чужом» черты собственной нации. Поэтому сквозной линией через письма идет сопоставление христианства и конфуцианства, английских и китайских традиций. В своих эссе Голдсмит охватывает все пласты английского общества, и каждый из них он рассматривает через призму китайской культуры. Это обуславливает имагологическую направленность произведения «Гражданин мира, или Письма Китайского философа» и его значимость для исследователей дискурса о национальном в английской литературе XVIII в.

Список литературы

1. Гейзер А. Р. Восточная тема в английской литературе XVIII века : дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.05. Ленинград, 1984. 186 с. URL: <http://www.dslib.net/sravnit-literaturoved/vostochnaja-tema-v-anglijskoj-literature-xviii-veka.html>.
2. Голдсмит О. Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на востоке. М. : Наука, 1974. 334 с.
3. Ингер А. Г. Голдсмит-эссеист и английская журналистика XVIII в. // Литературные памятники. М. : Наука, 1974. С. 303-334.
4. Лучинина П. Ю. Восток на «ментальной карте» английских эссеистов XVIII в. Имагологический аспект // Литература Европы: Пространства диалога. Калининград : Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. Вып. 8. С. 118-124.
5. Лучинина П. Ю. К вопросу о типологии английских периодических эссе XVIII в. на ориентальную тему // Вестник Вятского государственного университета, 2012. С. 132-136.
6. Лучинина П. Ю. Поэтика «готического» в английских ориентальных эссе XVIII в. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. Вып. 3. С. 166-169.
7. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.
8. Поляков О. Ю. Литературная критика в периодических изданиях Англии 1750-х гг. Киров : ВГУ, 2003. 182 с.
9. Conant M. P. The Oriental Tale in England in the Eighteenth Century. New York : The Columbia University Press, 1908. 353 p.
10. Eun Kyung Min. China and the Writing of English Literary Modernity 1690-1770. Seoul : Cambridge University Press, 2018. 278 p.
11. Goldsmith O. The Citizen of the World; or Letters from a Chinese Philosopher, residing in London to His Friends in the East. London : W. Wilson, Printer, St. John's Square, 1809. 576 p.
12. Green M. E. Oliver Goldsmith and the Wisdom of the World. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1980. Pp. 202-212.
13. Griffin M. Enlightenment in Ruins: The geographies of Oliver Goldsmith. Lewisburg : Bucknell University Press, 2013. 232 p.
14. Hume D. Essays, Moral, Political, and Literary. Part 1: Of National Characters. URL: <https://david-hume.org/texts/empl1/nc> (дата обращения: 20.10.2022).
15. Knight C. A. Ironic Loneliness: The Case of Goldsmith's Chinaman. Boston : University of Massachusetts, 1983. Pp. 347-364.
16. Leerssen J. T. National Thought in Europe. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2006. 313 p.
17. Leerssen J. T. Montesquieu's corresponding images: cultural and sexual alterity in pseudo-oriental letters // Comparative Criticism. Amsterdam : Amsterdam University Press, 1987. Vol. 9. Pp. 135-154.
18. Mengmeng Yan. Foreignness and Selfhood. Reflections of China in Eighteenth-Century English Literature. Durham : Durham University Press, 2018. 222 p.
19. Taylor R. C. Goldsmith as Journalist. Teaneck : Fairleigh Dickinson Univ Press, 1993. 205 p.
20. Quintana R. Oliver Goldsmith: A Georgian Study. New York : Macmillan, 1967. Pp. 82-98.

Features of imagological representation in the series of O. Goldsmith's essay "Citizen of the World"

Shubin Konstantin Ilyich

postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: kostyashubin43@gmail.com

Abstract. The article examines the peculiarities of the discourse on the national in the cycle of essays by the English writer O. Goldsmith "A Citizen of the World, or letters from a Chinese philosopher living in London to his friends in the East" (Letters from a Citizen of the World, to His Friends in the East), 1762. In it, Goldsmith paints a picture of eighteenth-century England, depicting in detail the social, spiritual, and political spheres of English society through the prism of Anglo-Chinese and (implicitly) Anglo-Irish cultural dialogue. The analysis of this work in the imagological aspect allows us to identify the structural components of the hetero image of England, presented using the technique of estrangement, from the point of view of a fictional narrator, to explore the "national text" of the essay in terms of content and genre, to highlight the means of creating a national image and accentuating it, in particular, with the help of satirical techniques and allegory. The article also examines the elements of autobiography in the cycle "Citizen of the World", the socio-philosophical, aesthetic and spiritual quest of Fr. Goldsmith, who influenced his representation of the image of England, which, in fact, appears as an imagological meta-image. The features of the writer's essay cycle, established during the analysis, can contribute to a deeper understanding of Goldsmith's work in general and his work "A Citizen of the World, or Letters from a Chinese philosopher living in London to his friends in the East" in particular, and the research materials can be used for further research on this topic.

Keywords: Goldsmith, imagological image, representation, estrangement, allegory.

References

1. Geysler A. R. *Vostochnaya tema v anglijskoj literature XVIII veka : diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.05* [Eastern theme in English literature of the XVIII century : dis. ... PhD in Philology: 10.01.05. Leningrad, 1984. 186 p. Available at: <http://www.dslib.net/sravnit-literaturoved/vostochnaja-tema-v-anglijskoj-literature-xviii-veka.html>.
2. Goldsmith O. *Grazhdanin mira, ili pis'ma kitajskogo filosafo, prozhivayushchego v Londone, svoim druz'yam na vostoke* [Citizen of the World, or letters of a Chinese philosopher living in London to his friends in the East]. M. Nauka (Science). 1974. 334 p.
3. Inger A. G. *Goldsmith-esseist i anglijskaya zhurnalistika XVIII v.* [Goldsmith-essayist and English journalism of the XVIII century] // *Literaturnye pamyatniki – Literary monuments*. M. Nauka (Science). 1974. Pp. 303–334.
4. Luchinina P. Yu. *Vostok na "mental'noj karte" anglijskih esseistov XVIII v. Imagologicheskij aspekt* [The East on the "mental map" of English essayists of the XVIII century. Imagological aspect] // *Literatura Evropy: Prostranstva dialoga – Literature of dialogue: Spaces of dialogue*. Kaliningrad. Herald of the Baltic Federal University n. a. I. Kant. 2014. Is. 8. Pp. 118–124.
5. Luchinina P. Yu. *K voprosu o tipologii anglijskih periodicheskikh esse XVIII v. na oriental'nyu temu* [On the typology of English periodical essays of the XVIII century on the Oriental theme] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2012. Pp. 132–136.
6. Luchinina P. Yu. *Poetika "goticheskogo" v anglijskih oriental'nyh esse XVIII v.* [Poetics of the "Gothic" in English Oriental essays of the XVIII century] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova – Herald of Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov*. 2014. Is. 3. Pp. 166–169.
7. Polyakov O. Yu., Polyakova O. A. *Imagologiya: teoretiko-metodologicheskie osnovy* [Imagology: theoretical and methodological foundations]. Kirov. Raduga-PRESS. 2013. 162 p.
8. Polyakov O. Yu. *Literaturnaya kritika v periodicheskikh izdaniyah Anglii 1750-h gg.* [Literary criticism in periodicals of England in the 1750s]. Kirov. VSHU. 2003. 182 p.
9. Conant M. P. *The Oriental Tale in England in the Eighteenth Century*. New York : The Columbia University Press, 1908. 353 p.
10. Eun Kyung Min. *China and the Writing of English Literary Modernity 1690–1770*. Seoul : Cambridge University Press, 2018. 278 p.
11. Goldsmith O. *The Citizen of the World; or Letters from a Chinese Philosopher, residing in London to His Friends in the East*. London : W. Wilson, Printer, St. John's Square, 1809. 576 p.
12. Green M. E. *Oliver Goldsmith and the Wisdom of the World*. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1980. Pp. 202–212.
13. Griffin M. *Enlightenment in Ruins: The geographies of Oliver Goldsmith*. Lewisburg : Bucknell University Press, 2013. 232 p.
14. Hume D. *Essays, Moral, Political, and Literary. Part 1: Of National Characters*. Available at: <https://davidhume.org/texts/empl1/nc> (date accessed: 20.10.2022).

15. *Knight C. A.* Ironic Loneliness: The Case of Goldsmith's Chinaman. Boston : University of Massachusetts, 1983. Pp. 347–364.
16. *Leerssen J. T.* National Thought in Europe. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2006. 313 p.
17. *Leerssen J. T.* Montesquieu's corresponding images: cultural and sexual alterity in pseudo-oriental letters // *Comparative Criticism*. Amsterdam : Amsterdam University Press, 1987. Vol. 9. Pp. 135–154.
18. *Mengmeng Yan.* Foreignness and Selfhood. Reflections of China in Eighteenth-Century English Literature. Durham : Durham University Press, 2018. 222 p.
19. *Taylor R. C.* Goldsmith as Journalist. Teaneck : Fairleigh Dickinson Univ Press, 1993. 205 p.
20. *Quintana R.* Oliver Goldsmith: A Georgian Study. New York : Macmillan, 1967. Pp. 82–98.

Циклообразующие связи в русской рок-поэзии (на примере альбома группы «ДДТ» «Это всё...»)

Беляева Наталья Павловна

аспирант кафедры теоретической и исторической поэзии,
Российский государственный гуманитарный университет; руководитель, Академия доступной среды.
Россия, г. Москва. E-mail: nataliyabelyevaeva2010@yandex.ru

Аннотация. Рок-поэзия и в XXI в. сохраняет свою роль в социально-культурном пространстве России и является активно развивающимся направлением современного литературного творчества. Несмотря на устойчивый научный интерес к проявлению феномена циклизации в отечественной рок-поэзии, регулярное расширение предметного поля для данного направления исследований обеспечивает их своевременность и актуальность. Традиционно в рамках структурно-семантического анализа рок-альбома как лирического цикла предмет исследования рассматривается сам по себе, вне историко-культурного и автобиографического ситуативного контекста. Это приводит к искаженным, субъективным трактовкам не только единых образов, мотивов и смыслов как скреп циклообразования, но и к неверному пониманию концепции конкретных альбомов вообще. Настоящее исследование, выполненное на материале альбома «Это всё...» группы «ДДТ», пытается восполнить этот пробел. Статья посвящена изучению способов обеспечения единства художественно-образного мира, идентификации и описанию циклообразующих связей в автобиографическом и историческом контекстах создания песенного материала в рок-альбоме. В результате проведенного анализа были выявлены и охарактеризованы основные характеристики циклизации в альбоме «Это всё...» сквозь призму семантической и структурной моделей лирического цикла: заглавие, пространственно-временной континуум, композиция, изотопия, циклообразующие скрепы. В ходе исследования определяется центральная тема, «сшивающая» все произведения альбома в единое целое, в текстах песен фиксируются смыслы, раскрывающиеся, существующие только в контексте рассматриваемого лирического цикла. Особое внимание уделено обоснованию необходимости включения композиции социально-драматического характера в цикл лирических баллад. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при изучении современной поэзии студентами филологических специальностей, при создании научных трудов по теории рокологии и рок-поэзии.

Ключевые слова: циклообразование, рок-поэзия, ситуативный контекст.

Традиционно лирический цикл в рок-поэзии рассматривается сквозь призму совокупности его структурно-семантических характеристик: заглавия, композиции как сложного художественно-образного типа структуры, пространственно-временного континуума, присутствия во включенных в цикл произведениях различных скреп (мотивов, образов, художественных приемов и средств выразительности и тому подобное) [3; 11; 13; 15; 17]. В настоящем исследовании более целесообразным представляется подход, предложенный М. Н. Дарвиным [4, с. 16–19] и И. В. Фоменко [6, с. 79–81], в рамках которого внимание акцентировано на семантической компоненте цикла, смысловой модели его построения. Это позволяет рассмотреть лирический цикл, прежде всего, сквозь призму концептуальности: каждое включенное в цикл произведение как воплощение авторского мировосприятия существует и раскрывается только в связях и единстве с другими произведениями. Исследование структурных характеристик здесь носит вторичный, вспомогательный характер.

Особое место в современном литературоведении занимает творчество Ю. Шевчука, которому свойственно сочетание тщательности словесного оформления, художественной формы, разнообразия применяемых средств выразительности с ярким эмоциональным воздействием, идейно-художественной глубиной [8, с. 48]. Исследованию текстов рок-поэзии лидера группы «ДДТ» посвящены работы И. А. Буйнова [1], М. Н. Крыловой [8], О. Б. Каневской [10], В. А. Михайловой [12], Г. А. Шпилевой [18] и других ученых.

Альбом «Это всё...» группы «ДДТ» представляет собой так называемый «концептуальный альбом», который отличается от других видов песенных альбомов, например, представленных в виде сборника песен или каверов. Он представляет собой лирический цикл, все треки которого в совокупности имеют большую цель или значение, чем по отдельности, что достигается с помощью композиционного, лирического, инструментального единства [20, с. 230].

При решении вопроса о генеалогии альбома «Это всё...» отправной точкой отсчета является автобиографическое измерение, а исторический контекст, несмотря на происходившие в России в 1992–1994 гг. события, представляется вторичным и вплетается в автобиографический, а не наоборот. «Судороги организма, например, переношу на судороги страны» [19].

В начале 1990-х гг. Ю. Шевчук пережил личную трагедию: потерю жены Э. Шевчук (Биковой), скончавшейся от рака в марте 1992 г. В традиции рокологии считается, что возлюбленной поэта посвящен альбом «Актриса Весна», выпущенный после ее смерти в ноябре 1992 г. Действительно, в него вошел материал, написанный еще при жизни Эльмиры, вдохновленный любовью к ней, ее поддержкой и верой в талант мужа. В оформлении альбома были использованы ее рисунки, ее фотография присутствует на вкладыше альбома. Песня, давшая название этому лирическому циклу, была написана в ночь рождения сына Ю. Шевчука и исполнена им перед окнами родильного дома. В состав альбома вошли песни, написанные в 1980-е – начале 1990-х гг. Многие из них посвящены социальным темам, и только одна композиция («Актриса Весна») посвящена непосредственно Эльмире.

Если альбом «Актриса Весна» посвящен погибшей супруге Ю. Шевчука событийно, то альбом «Это всё...» – содержательно: большинство вошедших в его композицию лирических баллад посвящены отношениям между мужчиной и женщиной, переживанию автором личной трагедии, связанной со смертью любимой.

Заглавие предваряет знакомство слушателя с литературным материалом, именно оно задает основы понимания концептуальной идеи, заложенной автором в лирическом цикле рок-альбома. Оно служит соединительным звеном между читателем, с одной стороны, и текстом и внетекстовой действительностью, с другой, характеризуясь принципиальной полисемантичностью [2, с. 106]. В заглавие альбома «Это всё...» вынесено название одной из входящих в него песен. Такой прием является довольно распространенным в практике формирования лирических циклов в русской рок-поэзии. По мнению Г. С. Прохорова, заглавие рок-альбомов крайне редко связано с номинацией последних песен, что объясняется прямолинейностью как принципиальной особенностью рока (в случаях, когда заглавие совпадает с названием первой песни) или стремлением автора цикла перенести экстремум максимума цикла на предпоследнюю песню с дальнейшей эмоциональной разрядкой слушателя в финальном треке [14, с. 46–47]. Совпадение заглавия альбома и названия финальной песни свойственно творчеству Ю. Шевчука: два из трех альбомов-предшественников («Я получил эту роль» и «Актриса Весна») озаглавлены автором по названиям, завершающих циклы композиций. Использование финальной песни при маркировке границ лирического цикла позволяет не только расширить композиционную рамку, включив в нее заглавие альбома, с которого начинается знакомство читателя с циклом, но и придает самому циклу законченную, цельную, закольцованную форму.

Трагедия, случившаяся в жизни Ю. Шевчука, заставила его задуматься о смысле жизни человека вообще и собственной жизни, в частности. «Я много думал, что останется после меня, что возьму с собой?» – говорит Ю. Шевчук в одном из своих интервью [6]. Творчество, стихи, песни – вот то наследие, которое остается после завершения жизни талантливого человека в этом мире.

Представляется, что у заглавия исследуемого альбома есть и еще один, значимый лично для автора смысл, связанный с прощанием с погибшей женой. Практически все песни в нем посвящены любимой женщине Ю. Шевчука Эльмире. В 2017 г. Ю. Шевчук в одном из интервью назвал ее одной из двух любовей своей жизни [7].

Несмотря на лаконичность альбома, работа над ним осуществлялась в течение 1993–1994 гг. и завершилась в 1995 г. Такой длительный период переживания расставания с любимой женщиной, горевания по ее утрате мог завершиться только творческой финальной точкой, в которой сублимировано все накопленное внутреннее переживание, тоска и горе автора. Предложенная интерпретация заглавия находит в вошедших в альбом произведениях многочисленные подтверждения.

На обложке альбома Ю. Шевчук изображен стоящим в полный рост в замочной скважине, из которой на него льется свет, в ракурсе со спины. Он обращен лицом в будущее и, кажется, нашел выход из гнетущего прошлого, связанного, в том числе, со смертью Эльмиры, в новую жизнь, в новый день. Этот выход – заключение своих эмоций и переживаний в завершённый альбом, объединивший песни о переживании смерти любимой женщины, как символ памяти о ней. Об обретенном вновь стремлении продолжать жить и творить даже после тяжелой утраты говорит многоточие в конце заглавия альбома.

Любовь к женщине в первой песне альбома – не платоническая, а земная, плотская («*продолженья просят рода эти чёртовы глазища*»). Придирчивый критик, ознакомившийся с произведением вне контекста альбома, может рассмотреть в нем пошлость, противопоставление похоти возвышенной, одухотворенной любви мужа к жене, даже святотатство. Текст песни далек от традиционного любовного послания и попеременно обращен то к читателю, ставшему невольным свидетелем любовной истории, то к любимой женщине. Душевные метания, «эмоциональные качели» лирического героя многократно подчеркнуты адресованными возлюбленной анафорами («*твой, твой глазища*», «*эта весна ужасна, эта любовь хороша*», как попало разбросанными по тексту «*сказал ей, сказал ей*») и рефренами.

Композиционно песня «Глазища» монологическая, повествование ведется от первого лица, наблюдающего за событиями с личным участием как бы со стороны («*вот она... вот он я*», «*я сказал ей*»). Такой прием является поэтическим описанием диссоциации как механизма психологической защиты от избыточных, непереносимых эмоций.

В одной из книг о группе «ДДТ» приведены строки из записки Эльмиры Шевчук, написанные ей незадолго до смерти: «Почему, когда души так близки, их оболочки не могут сосуществовать вместе? Разве это не абсурд? Разве эти столь недолговечные футляры, столь самонадеянны и амбициозны – они ревнуют, оспаривая право на собственность, зачем любящим душам необходимо плотское совместное существование хозяев? Это обязательное правило игры для земных? Ведь достаточно просто любить. Наверное, именно против этих плотских взаимоотношений восстает душа, она хочет освободиться. Смерть для влюбленного – наивысшее сладострастие, потому что души освобождаются, сливаясь воедино. Они вольны делать, что угодно. А угодно им одно – быть вместе вечность, неся энергию создания в отличие от земных хозяев, которые являются разрушителями и развратителями. Но пока не заплачено...» [16, с. 148]. Ю. Шевчук ознакомился с содержанием записки только после смерти любимой. Песня «Глазища» – высказывание поэта на тему животной страсти в отношениях мужчины и женщины. Сохраняя в себе любовь возвышенную, он долгое время не мог смириться с потерей любви земной, но теперь «сказал ей – пора!». Поэтому он ни в коем случае не глумлив, а искренен в этой песне. С первой композиции читатель понимает, что автор не просто является прототипом лирического героя, а отождествляется с ним, не желает скрывать свои настоящие чувства и переживания под маской. Ю. Шевчук тяжело переживал потерю любимой женщины несколько лет, но теперь пришло время отпустить ее и продолжить жить. Поэтому песня «Глазища», выражающая осознание значимости и смысла момента, выведена в структуре лирического цикла в начало.

Пространственно-временной континуум строится на оппозициях «там – здесь» и «прошлое – настоящее». Так, в песне «Глазища» первый куплет посвящен прошлому, что выражено лексемой «вчера», второй – настоящему, отраженному лексемой «здесь». Временная оппозиция «прошлое» – «настоящее» представлена равнозначно обоими полюсами в текстах песен.

Жизнь поэта замерла после смерти любимой женщины. Образ Эльмиры представлен в самой первой песне альбома подвижным, звонким, летящим, уходящим («*вот она куда-то идет*», «*она свежа и прекрасна*» («Глазища»); «*ты такой хорошей была*» («Это всё»)). Образ лирического героя противопоставляется ей, он более статичен («*Я жив, как всегда, на месте. Жизнь, как всегда, на месте*» («Жизнь на месте»)), он «застрял» в настоящем и «вроде что-то забыл» в прошлом. При описании былого поэт постоянно вспоминает о жене, о совместно проведенном времени, совместных планах («*это было вчера, мы молчали вдвоем*», «*мы в непогоду погоду найдем*» («Глазища»); «*мы стояли на прошлом, мы ждали начала*», «*где ты и я ... ищем друг в друге тепло*» («Ветер»); «*мы уже были*» («Жизнь на месте»)). Прошлое даже на фоне намеков на бытовую неустроенность пронизано ощущением человеческого тепла и нежности, предвкушением счастливого будущего, общими мечтами и надеждами.

Лейтмотив первой песни задает субъектную структуру альбома: «я – ты (она) – мы (как единство я и ты)». Но как быть, когда один из компонентов двуединства утерян? Показательно, что смерть жены как событие прошлого не включена в хронотоп альбома «Это всё...» вообще. Автор не желает признавать этот факт, исключает его из канвы повествования в лирическом цикле. Он уверен в том, что душа любимой женщины продолжает жить, в песнях он неоднократно беседует с ней уже в настоящем («*Как ты там, за чертой? Где ты там, в тишине?*» («Белая ночь»)).

Тема смерти, рефреном проходящая через композиции альбома, раскрыта с использованием олицетворения. Смерть – самостоятельный персонаж сюжетной динамики. Она вен-

чает «еще одну жизнь» («Ветер»), «считает до семи и утирает сопли нам» («Белая река»). Смерть многолика и метафорически предстает внешней неуправляемой природной силой, например, в виде ветра («упав между нами, так недолго любимых разбил он объятья» («Ветер»)), птицы-весны («твои четыре окна – разбила птица-весна» («Четыре окна»)). Заглавие и тексты песен скрепляют мотивы отпускания любви, прощания с любимой: «я сказал ей, сказал ей – пора» («Глазища»); «и забыть те мечты» («Белая ночь»); «я прощаюсь с тобой» («Это всё...»); «шепни на прощанье» («Это всё...»).

Даже в стремлении пережить трагедию и начать новую жизнь автор обращается к ушедшей возлюбленной:

Отжени от меня ты сомненья и страх...

Отжени от меня дождевицу – печаль.

Отжени от меня одинокую ночь.

Отжени от меня суетливые дни.

Отжени, ангел мой, отжени («Четыре окна»).

Настоящее лирического героя – время неопределенности, печали, тревоги, неспособности продолжать жить. Его жизнь лишена порядка, в ней все смешалось: прошлое и настоящее, времена года (лето – зима – осень – весна в песне «Четыре окна»). Бытие поэта – лишь череда бессонных одиноких ночей («я научился не спать» («Глазища»); «отжени от меня одинокую ночь» («Четыре окна»); «не дает этот город уснуть» («Белая ночь»), «долго брел в темноте я... без сна» («Четыре окна»); «пять минут до утра» («Это всё»)).

Настоящее представлено окном между мирами прошлого, на котором акцентировано значительное внимание автора, и будущего, которое практически не упоминается в альбоме как-либо определенно вплоть до финальной композиции. Образ окна зафиксирован в названии одного из вошедших в альбом произведений и неоднократно используется в текстах песен («свет, окном разбавленный» («Белая река»); «побледневшие листья окна» («Это всё»)). Он дублируется иными образами, символизирующими переход из прошлого в будущее через настоящее («вылез я из подвала» («Жизнь на месте»)). Образ окна как настоящего лирического героя раскрывается в песне «Ветер». Автор сравнивает расставание с любимой с разбитыми «как простое стекло» объятьями: настоящее разбито, поломано, фрагментарно, болезненно. В новых строчках песен «веселья немного, все овраги да кочки, в них тревожные вести и печальные ноты» («Жизнь на месте»). В текущем моменте автор не только потерял сон, молодость, вдохновение, способность полюбить, но и себя самого:

Здесь я не знаю, что петь,

Я не знаю, чем быть («Глазища»).

Песня «Жизнь на месте» – краткое описание настоящего лирического героя. При первом прочтении представляется, что, пытаясь пережить личную трагедию, он хочет забыться в новых отношениях («в постели чую чье-то дыханье», «дуя нежно мне в ухо, Люба, Вера, Надюха отвечает, играя: «Я ж твоя дорогая!»»). Однако упоминание личных имен, обозначающих три христианские добродетели – веру, надежду и любовь, очевидно, указывает на метафоричность описанного образа. Последовательность упоминания добродетелей неслучайна и описывает историю отношений Ю. Шевчука и Эльмиры: сначала автор *полюбил* молодую талантливую девушку, потом *верил* в ее выздоровление, а теперь ему осталось только жить едва уловимой *надеждой*, дающей ему силы просыпаться по утрам.

Две центральные композиции альбома – «Белая ночь» и «Российское танго» – по своему содержанию относятся к социальным песням и стоят в альбоме, посвященном переживанию личной трагедии автора, как бы особняком. Ю. Шевчук, остро реагировавший на все общественные изменения и потрясения в стране, не мог равнодушно переносить события, происходившие в России в 1993 г. Следует отметить, что изначально авторская концепция предполагала включение в альбом «Это всё...» двух относительно самостоятельных частей. В первую должны были войти социальные композиции, во вторую – лирические баллады. Впоследствии автор отказался от этой идеи и включил в альбом восемь песен.

Переход от личных переживаний к социальной тематике осуществлен плавно, через композицию-мостик «Белая ночь», объединяющую в себе социальные и личностные мотивы. «Этот город» в песне, безусловно, любимый город Ю. Шевчука Санкт-Петербург. Но он слишком громок и суетлив для поэта в настоящем. Автор ревностно хранит свою внутреннюю тишину, не желая растворять ее в городском шуме. Автобиографичность песни подтверждается Ю. Шевчуком описанием сходного состояния и эпизода в одном из интервью: «Скажем, 12 часов ночи. То

же Репино (поселок под Санкт-Петербургом – прим. авт.), я иду на залив и наблюдаю просто за движением звезд, луны. Стою там час, два. Знаешь, где-то вдалеке ворочается, гремит, шумит Питер. Елозит. Кричит, орет от ужаса. Задыхается в этой похоти, пошлости... А здесь залив, черные деревья, лунный свет, и когда ты босиком становишься спиной к дереву...» [19]. Белая ночь – одно из любимых природных явлений поэта, в котором скрыт символический смысл: поэт находит свет «белой», «голой» ночи как знак обновления, наступления нового дня, перехода из прошлого в будущее. Очевидно, что контрастный рефрен с использованием словосочетания «тёмные времена» является одной из циклообразующих скреп и обретает не только философское, свойственное этапу в жизни лирического героя, но и социально-политическое звучание, отсылая читателя к социально-политической обстановке в России в 1993 г. Такая трактовка подкрепляется текстом следующей песни лирического цикла.

В одном из своих интервью в 1993 г. Ю. Шевчук говорил: «Моя оппозиция против политики. Важнее десять заповедей» [19]. Это кредо автора в полной мере отразилось в песне «Российское танго» – единственной полноценной социально-драматической композиции, которую автор хотел включить во вторую, неопубликованную часть цикла, но в итоге занявшую место в череде лирических баллад альбома «Это всё...». Несмотря на общее несоответствие содержания текста контексту лирического цикла, представляется, что из всего перечня социально-драматических композиций была оставлена неслучайно. Танго – парный танец мужчины и женщины, но даже в нем поэт видит зыбкость настоящего момента и неопределенность будущего. Российское танго – «без дна», без опоры, оно кружит в вечном падении. Образ вечного, бездонного в альбоме «Это всё...» повторяется в глазах любимой («лишь бы доползти до днища» («Глазища»)), в прозрачной воде-времени («у воды нет ни смерти, ни дна» («Это всё»)), в осени («в этой вечной осени» («Белая река»)).

В строке «сделали начальником Крика», иносказательно описывающей приход криминалитета во властные структуры в начале 1990-х гг., очевидна отсылка к «Одесским рассказам» И. Бабеля, главный герой которых – начальник банды налетчиков Бенья Крик. И вновь, как и в ситуации с переживанием личной утраты, герой в смятении, в поисках себя: «потерялся я среди этих строев, да ничего не пойму, хоть тресни» («Российское танго»).

Ю. Шевчук начинал творческую карьеру еще в Советском Союзе, поэтому приход демократии и свободы слова он встретил с энтузиазмом. Но события начала 1990-х гг. постепенно приводили его к разочарованию в новом государстве: «не заметили мы эту кражу»; «понашили из трусов героев», «но не знали мы, молодые». Используемая в тексте лексика физиологична, она вызывает отвращение на инстинктивном уровне («свили из жил своих пряжу», «морда», «выпивали из мутных луж», «припудрит наше сырое мясо», «зальет его из вены квасом», «унитаз до неба»). Этим до рвоты отвратительным образом семантически противостоит описание чувств и эмоций по отношению к Родине: «слёзы», «любовью», «до боли все любимо». Россия – еще одна любимая женщина лирического героя в альбоме «Это всё...», и происходящая с ней трагедия усугубляет личную трагедию автора.

Циклообразующие связи, обеспечивающие гармоничное вплетение песни «Российское танго» в композицию альбома, основаны на одном из центральных образов композиции – образе веры как христианской добродетели, который повторяется далее в песне «Жизнь на месте». Вера в Россию и вера в любовь в обоих случаях олицетворены, но если вера в Россию предстает в образе ласковой, обнимающей «бабули Веры» (вероятно, как авторская интерпретация образа «Родины-матери»), то вера в совместное счастье с женщиной показана как игривая женщина-любовница.

В желании переболеть личную трагедию, на которую накладывается трагедия страны, отпустить прошлое и перейти в будущее лирический герой обращается к алкоголю («похмеляется утро», «задохнулся от водки» («Жизнь на месте»); «да стукали в две рюмочки», «ты рюмка на столе», «хватали мы из горлышка» («Белая река»)) и религии. Гибель молодой жены приводит Ю. Шевчука к Богу. После смерти Эльмиры друг предложил ему отправиться в Иерусалим, и это путешествие, по словам поэта, помогло ему пережить трагедию. «Обычно нашего человека к Богу приводит большая беда, к сожалению. Когда ты не видишь уже смысла ни в чем абсолютно в этом мире, где все имеет начало и конец, и не видишь смысла ты уже в полной пустоте. И тогда кого-то это приводит к Богу, кого-то нет. Но меня привела» [7], – вспоминает Ю. Шевчук в одном из своих интервью. Этот новый опыт религиозных переживаний отражен в многочисленных символах, присутствующих в текстах как лирических, так и социальных композиций альбома: «а в руке ее пламя свечи» («Это всё...»), «предлагали хлеба

иконам, да иконы у нас давно съты» («Российское танго»), «а в далеких церквях я молился ему и просил об одном» («Четыре окна»).

Заключительная композиция альбома – песня «Это всё...» – возвращает нас к игре смыслов заглавия. Она не просто завершает лирический цикл, но и в некотором смысле оппозиционна к остальным произведениям, вошедшим в альбом.

Построение времени в песне не только повторяет заданную предыдущими текстами последовательность прошлого и настоящего (в первом и втором куплетах), но и впервые в альбоме дополняет ее будущим (в третьем куплете). В начале композиции лирический герой и возлюбленная вместе, что подкрепляется местоимениями «я... с тобой», «наше» и глаголами «донесем», «доживем». Действие происходит весной, которая обозначает не только присутствие Эльмиры («Актрисы Весны»), но и момент ее ухода из жизни. После первого припева сцена их прошлого сменяется на сцену настоящего. Присутствие Эльмиры рядом с поэтом в настоящем более чем очевидно. Разделив любовь телесную и любовь душевную еще в первой композиции альбома, так и не сумев смириться со смертью любимой женщины, автор к концу цикла обращается к бестелесной душе умершей супруги, прося у нее обнаружить себя в земной жизни взглядом, звуком голоса, действием («*посмотри на меня, не молчи*», «*нарисуй что-нибудь на окне и шепни на прощанье рекой*»). В настоящем в традиционной субъектной структуре текста «я – ты – мы» появляется еще один субъект – память («*с нами память сидит у стола*»). Смерть, образ которой проходит через произведения лирического цикла, сменяется воскресением как символом вечной жизни («*мы, воскреснув*»).

Если временная канва предыдущих композиций соткана из прошлого и настоящего лирического героя, то здесь после прощания с любимой у него появляется желание идти в будущее с надеждой на встречу с любимой женщиной («*До свидания, друг мой*»). Но будущее, образ которого метафорично представлен дорогой, – это не предвкушение радости, новых возможностей и достижений, это аналог продолжения страдания. Неслучайно автор использует вместо «дорогой идти» словосочетание «*дорогу нести*» (по аналогии с фразеологизмом «нести свой крест»). Будущее без любимой женщины – время, оно темно, безмолвно и, как и настоящее, связано с одиночеством («*дорога-луна*»).

Альбом завершается такими строками: «Это всё, что останется после меня. Это всё, что возьму я с собой». Песня, завершающая альбом, уникальна в творчестве Ю. Шевчука: с момента своего выхода она является финальной на всех концертах группы «ДДТ».

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Альбом «Это всё...» – квинтэссенция чувств, переживаний, мыслей Ю. Шевчука после смерти Э. Шевчук (Бикбовой), результат сублимации страдания от потери близкого человека в песенном творчестве. Лирический цикл отличается высшей степенью искренности автора, который приоткрывает перед читателем один из самых потаенных, интимных уголков внутреннего мира поэта. Даже значимые социально-экономические и политические перемены, происходящие в России в начале 1990-х гг., не смогли затмить личную трагедию поэта, хотя и не прошли мимо него совсем. Лирический герой полностью отождествлен с личностью автора. Бытие он воспринимает как часть себя, своего внутреннего мира, застрявшего в прошлом и запутавшегося в настоящем. Смысл вошедших в альбом песен, которые неискушенному читателю могут показаться набором фраз и метафор, раскрывается имплицитно в контексте всего лирического цикла и автобиографии Ю. Шевчука. Следует отметить, что семантические и образные линии, выявленные в рассмотренном лирическом цикле, получают свое развитие в песенном творчестве поэта в дальнейшем.

Список литературы

1. Буйнов И. А. Тема Родины в творчестве Ю. Ю. Шевчука // Рема. 2010. № 3. С. 4–11.
2. Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
3. Гавриков В. А. Переосмысляя аксиомы «рокологии»: циклизация // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2014. Вып. 15. С. 6–17.
4. Дарвин М. Н. Семантическая модель лирического цикла // Производство смысла : сб. статей и материалов памяти И. В. Фоменко / ред. С. Ю. Артёмова, Н. А. Веселова, А. Г. Степанов. Тверь : Тверской государственный университет, 2018. С. 15–26.
5. Доманский Ю. В. Циклизация в русском роке // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2000. Вып. 3. С. 99–122.
6. Интервью с Ю. Шевчуком // Газета «Россия». Январь 1994. № 17.
7. Интервью с Ю. Шевчуком «О баттле с Путиным и войне в Чечне». URL: https://www.youtube.com/watch?v=98pE29S5Gb4&list=UUMCgOm8GZkHp8zJ6l7_hluA&index=120 (дата обращения: 05.10.2022).

8. Крылова М. Н. Сравнительные конструкции в поэтических текстах Ю. Шевчука // Язык и культура. 2016. № 2. С. 45–56.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Интелвак, 2001.
10. Лыкова Ю., Каневская О. Б. Функционирование компонентов лексико-семантического поля «чувство» в поэтической речи Ю. Шевчука // Мировая литература в контексте культуры. 2007. № 2. С. 203–208.
11. Ляпина Л. Е. Проблема целостности лирического цикла // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. Донецк, 1977.
12. Михайлова В. А. Тематический комплекс Рождества в стихотворении Юрия Шевчука «Ночная пьеса. Рождество» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 3. С. 125–130.
13. Панченко П. В. Циклизация как прием создания художественного единства в книге рассказов В. Шаламова «Левый берег»: дисс. ... канд. фил. наук. Астрахань, 2009.
14. Прохоров Г. С. Меняется ли сумма от перестановки слагаемых? Принцип циклизации в рок-альбомах // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2003. № 7. С. 46–49.
15. Фоменко И. В. Циклизация как типологическая черта лирики Б. Л. Пастернака // Пастернаковские чтения: мат-лы межвуз. конф. (октябрь 1990 г., Пермь). Пермь: Пермский государственный университет, 1990. С. 78–84.
16. Харитонов Н. ДДТ. Книга свидетельств очевидцев. Архангельск: Изд-во Правда Севера, 1966.
17. Чехунова О. А. Циклическая структура поэтических сборников Георгия Иванова 1930-х гг. как отражение экзистенциальной картины мира: дисс. ... канд. фил. наук. Нерюнгри, 2012.
18. Шпилевая Г. А. Восприятие литературоведением творчества Ю. Шевчука: pro et contra // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2017. № 17. С. 81–87.
19. Ю. Шевчук: «Умру, но сухой не буду!» // Московский комсомолец. 1993.
20. Elicker M. Concept Albums: Song Cycles in Popular Music // Word and Music Studies: Essays on the Song Cycle and on Defining the Field / ed. by W. Bernhart, W. Wolf. Amsterdam-Atlanta: Rodopi, 2001. Pp. 229–231.

Cyclical connections in Russian rock poetry (on the example of the album of the DDT group "It's all...")

Belyaeva Natalia Pavlovna

postgraduate student of the Department of Theoretical and Historical Poetics,
Russian State University for the Humanities; head, Academy of Accessible Environment.
Russia, Moscow. E-mail: nataliyabelyaeva2010@yandex.ru

Abstract. Rock poetry in the XXI century retains its role in the socio-cultural space of Russia and is an actively developing direction of modern literary creativity. Despite the steady scientific interest in the manifestation of the phenomenon of cyclization in Russian rock poetry, the regular expansion of the subject field for this area of research ensures their timeliness and relevance. Traditionally, within the framework of the structural and semantic analysis of a rock album as a lyrical cycle, the subject of research is considered by itself, outside the historical, cultural and autobiographical situational context. This leads to distorted, subjective interpretations not only of unified images, motives and meanings as the staples of cycle formation, but also to a misunderstanding of the concept of specific albums in general. The present study, performed on the material of the album "This is all ..." by the DDT group, tries to fill this gap. The article is devoted to the study of ways to ensure the unity of the artistic and imaginative world, identification and description of cycle-forming connections in the autobiographical and historical contexts of the creation of song material in a rock album. As a result of the analysis, the main characteristics of cyclization in the album "This is all ..." were identified and characterized through the prism of semantic and structural models of the lyrical cycle: title, space-time continuum, composition, isotopy, cyclonic staples. In the course of the research, the central theme is determined that "stitches" all the works of the album into a single whole, the meanings that are revealed, existing only in the context of the lyrical cycle under consideration, are fixed in the lyrics. Special attention is paid to substantiating the need to include a composition of a socio-dramatic nature in the cycle of lyrical ballads. The results of the research can be used in the study of modern poetry by students of philological specialties, in the creation of scientific works on the theory of rockology and rock poetry.

Keywords: cycle formation, rock poetry, situational context.

References

1. Bujnov I. A. *Tema Rodiny v tvorcestve Yu. Yu. Shevchuka* [The theme of the Motherland in the works of Yu. Yu. Shevchuk] // *Rema – Rema*. 2010. No. 3. Pp. 4–11.
2. Veselova N. A. *Zaglavie literaturno-hudozhestvennogo teksta: ontologiya i poetika : dis. ... kand. filol. nauk* [The title of the literary and artistic text: ontology and poetics : dis. ... PhD in of Philological Sciences]. Tver. 1998.
3. Gavrikov V. A. *Pereosmyslyaya aksiomy "rokologii": ciklizaciya* [Rethinking the axioms of "rockology": cyclization] // *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst – Russian rock poetry: text and context*. 2014. Is. 15. Pp. 6–17.
4. Darwin M. N. *Semanticheskaya model' liricheskogo cikla* [Semantic model of the lyrical cycle] // *Proizvodstvo smysla : sb. statej i materialov pamyati I. V. Fomenko – Production of meaning : collection of articles and materials in memory of I. V. Fomenko* / ed. S. Y. Artemova, N. A. Veselova, A. G. Stepanov. Tver. Tver State University. 2018. Pp. 15–26.
5. Domanskij Yu. V. *Ciklizaciya v russkom roke* [Cyclization in Russian rock] // *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst – Russian Rock Poetry: text and context*. 2000. Is. 3. Pp. 99–122.
6. *Interv'yu s Yu. Shevchukom – Interview with Yu. Shevchuk* // *Gazeta "Rossiya" – Newspaper "Russia"*. January 1994. No. 17.
7. *Interv'yu s Yu. Shevchukom "O battle s Putinyim i vojne v Chechnye"* – Interview with Yu. Shevchuk "About the battle with Putin and the war in Chechnya." Available at: https://www.youtube.com/watch?v=98pE29S5Gb4&list=UUMCgOm8GZkHp8zj6l7_hIuA&index=120 (date accessed: 05.10.2022).
8. Krylova M. N. *Sravnitel'nye konstrukcii v poeticheskikh tekstah Yu. Shevchuka* [Comparative constructions in the poetic texts of Y. Shevchuk] // *Yazyk i kul'tura – Language and culture*. 2016. No. 2. Pp. 45–56.
9. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij – Literary Encyclopedia of terms and concepts* / ed. by A. N. Nikolyukin. Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Intelvak. 2001.
10. Lykova Yu., Kanevskaya O. B. *Funkcionirovanie komponentov leksiko-semanticheskogo polya "chuvstvo" v poeticheskoy rechi Yu. Shevchuka* [Functioning of the components of the lexico-semantic field "feeling" in poetic speech Yu. Shevchuk] // *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury – World literature in the context of culture*. 2007. No. 2. Pp. 203–208.
11. Lyapina L. E. *Problema celostnosti liricheskogo cikla* [The problem of the integrity of the lyric cycle] // *Celostnost' hudozhestvennogo proizvedeniya i problemy ego analiza v shkol'nom i vuzovskom izuchenii literatury – The integrity of a work of art and the problems of its analysis in the school and university study of literature*. Donetsk. 1977.
12. Mihajlova V. A. *Tematicheskij kompleks Rozhdestva v stihotvorenii Yuriya Shevchuka "Nochnaya p'esa. Rozhdestvo"* [The thematic complex of Christmas in the poem by Yuri Shevchuk "Night Play. Christmas"] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova – Herald of Kostroma State University* n. a. N. A. Nekrasov. 2009. Vol. 15. No. 3. Pp. 125–130.
13. Panchenko P. V. *Ciklizaciya kak priem sozdaniya hudozhestvennogo edinstva v knige rasskazov V. Shalamova "Levyj bereg" : diss. ... kand. fil. nauk* [Cyclization as a method of creating artistic unity in V. Shalamov's book of short stories "The Left Bank" : diss. ... PhD in Phil. Sciences]. Astrakhan. 2009.
14. Prohorov G. S. *Menyaetsya li summa ot perestанovki slagaemyh? Princip ciklizacii v rok-al'bomah* [Does the sum change from the permutation of terms? The principle of cyclization in rock albums] // *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst – Russian Rock poetry: text and context*. 2003. No. 7. Pp. 46–49.
15. Fomenko I. V. *Ciklizaciya kak tipologicheskaya cherta liriki B. L. Pasternaka* [Cyclization as a typological feature of B. L. Pasternak's lyrics] // *Pasternakovskie chteniya : mat-ly mezhvuz. konf. (oktyabr' 1990 g., Perm')* – Pasternak readings: materials of Inter-vuz conf. (October 1990, Perm). Perm. Perm State University, 1990. Pp. 78–84.
16. Haritonov N. *DDT. Kniga svidetel'stv ochevidcev* [DDT. A book of eyewitness accounts]. Arkhangelsk. Pravda Severa. 1966.
17. Chekhunova O. A. *Ciklicheskaya struktura poeticheskikh sbornikov Georgiya Ivanova 1930-h gg. kak ot-razhenie ekzistencial'noj kartiny mira : diss. ... kand. fil. nauk* [Cyclic structure of Georgy Ivanov's poetry collections of the 1930s as a reflection of the existential picture of the world : diss. ... PhD in Phil. Sciences]. Neryungri. 2012.
18. Shpilevaya G. A. *Vospriyatie literaturovedeniem tvorcestva Yu. Shevchuka: pro et contra* [Perception of literary criticism of Yu. Shevchuk: pro et contra] // *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst – Russian rock poetry: text and context*. 2017. No. 17. Pp. 81–87.
19. *Yu. Shevchuk: "Umru, no sukoj ne budu!" ["I will die, but I will not be a bitch!"]* // *Moskovskij komso-molec – Moskovsky Komsomolets*. 1993.
20. Elicker M. *Concept Albums: Song Cycles in Popular Music* // *Word and Music Studies: Essays on the Song Cycle and on Defining the Field* / ed. by W. Bernhart, W. Wolf. Amsterdam-Atlanta : Rodopi, 2001. Pp. 229–231.

Нарративная стратегия самоотстранения в романе Дж. Барнса «Метроленд»

Ефимов Алексей Вадимович

аспирант факультета романо-германской филологии, Башкирский государственный университет.
Россия, г. Уфа. ORCID: 0000-0002-4150-9378. E-mail: alexeyefimov3000@gmail.com

Аннотация. Актуальность данной статьи, посвященной решению проблемы реализации нарративной стратегии самоотстранения в романе Джулиана Барнса «Метроленд», обусловлена двумя фактами. Во-первых, изучение художественной литературы сквозь призму нарратологии является на сегодняшний день одним из самых перспективных направлений в литературоведении. Во-вторых, проблема выделения нарративных стратегий в современных англоязычных романах на данный момент не имеет полноценной разработки. Целью статьи является рассмотрение специфики нарративной стратегии самоотстранения в романе писателя. Методологической основой работы стал нарратологический подход. Результаты исследования связаны с раскрытием функционального потенциала выбранной автором нарративной стратегии. Благодаря последовательной реализации в романе стратегии самоотстранения, Барнс убеждает нарратора в неизбежности отстранения человека от своего «я»-в-прошлом. С помощью разнообразных повествовательных приемов писатель высказывает мысль о том, что хронология человеческой жизни предполагает вечное развитие, непрерывное становление своей личности, которое было бы неосуществимо без постоянного обновления человеческого «я». В статье отмечается амбивалентность процесса отчуждения человека от себя самого. С одной стороны, самоотстранение несет в себе деструктивное начало, которое предполагает напряженный конфликт между временными ипостасями человека, редуцирующийся лишь по мере уменьшения дистанции между ними. С другой стороны, нельзя переоценить созидательное начало самоотстранения: именно благодаря ему человек способен посмотреть на себя со стороны, проанализировать ошибки прошлого, изменить свои взгляды на мир и в конечном счете прийти к осознанию счастья в настоящем моменте жизни. Полученные результаты могут быть применены как в области нарратологии, так и в сфере исследований романного наследия Барнса.

Ключевые слова: Джулиан Барнс, нарратология, диегетический нарратор, нарративная стратегия, читательская рецепция.

Российская нарратологическая традиция, в отличие от зарубежной, тяготеет к разбору литературных произведений при помощи категории нарративной стратегии. В. И. Тюпа называет ее «регулятивным принципом <...> соединения двух событий – референтного (рассказываемого) и коммуникативного (события самого рассказывания)» [10, с. 338] и подчеркивает, что «ключевым звеном всякой нарративной стратегии» выступает «позиция нарратора (повествователя, рассказчика, хроникера) относительно излагаемой истории» [10, с. 341]. Именно позиция нарратора в дебютном романе Джулиана Барнса «Метроленд» (Metroland, 1980), реализация нарративной стратегии которого является предметом исследования в данной статье и обеспечивает ее новизну и актуальность, определяет самобытность и художественную ценность произведения, требующего детального нарративного анализа.

Простота нарративной структуры «Метроленда», лишенного тех постмодернистских приемов, которые в дальнейшем Барнс будет использовать в романах «История мира в 10 ½ главах» и «Попугай Флобера», обманчива. Книга маскируется под непритязательный «роман взросления»: три части произведения – Metroland (1963) («Метроленд (1963)»); Paris (1968) («Париж (1968)»); Metroland II (1977) («Метроленд II (1977)») – соответствуют трем этапам жизни (отрочеству, юности и зрелости) главного героя, Кристофера (Криса) Ллойда. В этом плане «Метроленд» репрезентативен по отношению ко всему творчеству Барнса – по словам Д. А. Радченко, в романах писателя «часто сюжетобразующим оказывается авторское стремление воссоздать биографию героя, показать путь его становления, причем это становление отличается неторопливым, постепенным характером» [7, с. 257]. Авторитетный нарратолог У. К. Бут отмечает, что персональное повествование, которое и реализуется в «Метроленде», в каждом из отдельно взятых произведений уникально по своему воплощению: «Что значит "от первого лица"? Насколько полно это лицо охарактеризовано? Насколько хорошо оно осознает

себя как рассказчик? Насколько надежно? Насколько ограничено рамками реализма и как далеко может от него отойти? В каких случаях оно должно говорить правду, а в каких – сдерживаться в суждениях или даже откровенно лгать? На эти вопросы можно ответить, только сославшись на конкретные произведения, а не на художественную литературу в целом» [15, с. 165] (*здесь и далее перевод наш. – А. Е.*). Действительно, рассказывание от первого лица в «Метроленде» имеет большое количество тонкостей, в чем можно убедиться только при детальном рассмотрении каждой из трех частей романа.

«Metroland (1963)» – безусловно, важнейшая для понимания разворачиваемой в романе нарративной стратегии часть: она задает произведению смысловой вектор, заключает в себе те нарративные приемы, которые будут повторяться в последующих двух частях, соответственно заслуживает наиболее подробного анализа. Так, роман начинается с истории посещения Крисом и его другом Тони Национальной галереи. Нарратор вспоминает, что они принесли с собой блокнот (Тони) и бинокль (сам Крис) с целью препарирования окружающего мира, каковым на тот момент для них были не столько произведения искусства, сколько изучающие их посетители галереи. Герои несут в себе тот жизненный запал, который обычно и свойственен подросткам: их интересует не прошлое (искусство), сколько самое что ни на есть настоящее (дискурсивное бытие искусства). Тони до мельчайших деталей воспроизводит внешность ценительницы живописи и ее статический по своему существу процесс созерцания картины: «She was gazing up at the picture now like an icon-worshipper. Her eyes hosed it swiftly up and down, then settled, and began to move slowly over its surface. At times, her head would cock sideways and her neck thrust forward; her nostrils appeared to widen, as if she scented new correspondences in the painting; her hands moved on her thighs in little flutters. Gradually, her movements quietened down» [14, с. 12] («Теперь тетка взирала на портрет чуть ли не в религиозном благоговении. Сначала она обвела его быстрым взглядом сверху донизу, а потом стала рассматривать более пристально. Иногда она наклоняла голову набок и выпячивала подбородок; иногда раздувала ноздри, как будто пыталась унюхать какие-то новые аналогии в картине, иногда безотчетно проводила руками по бедрам. Но постепенно она прекратила елозить и застыла как изваяние» [2, с. 15]). В переводе, как можно заметить, разговорной лексики гораздо больше, нежели в оригинале, однако и слово *sock* (в словарях эта лексема – в значении «наклонить» – дается с пометой *vulgar*), и предшествующее цитате определение женщины как *dorking* (английская порода кур) помогают нарратору наглядно продемонстрировать сугубо мальчишескую оптику мировосприятия. Нарочитая речевая мимикрия свидетельствует о некоем отстранении нарратора от своего «я»-в-прошлом. Н. С. Бочкарева комментирует сцену следующим образом: «Ставя своей целью изучение облагораживающей роли искусства, Кристофер и Тони фиксируют выражение лиц, позы и жесты посетителей, дают им портретную характеристику, определяют социальное и семейное положение, домысливают биографические детали. По сути, это описание не картины, а людей, ее созерцающих, то есть не столько экфрасис в традиционном значении этого слова, сколько антиэкфрасис ("нулевая степень" описания картины). Комический эффект создается уже самой ситуацией на контрасте высокого искусства и живой пантомимы» [3, с. 162]. Так, зазор между описываемым прошлым и настоящим (то есть актом текстовой презентации нарратора) образуется и благодаря эмоциональному расхождению между диегетической ситуацией и ее преломлением в нарративе.

Неудивительно, что у Криса, чей взгляд в подростковом возрасте был направлен по преимуществу не вовнутрь, а вовне, остаются воспоминания не о своих душевных переживаниях, а о том локальном пространственно-временном континууме, в котором он пребывал: «There were more meanings <...> Things contained more» [14, с. 13] («В те годы все вокруг было другим <...> И мир содержал в себе больше» [2, с. 16]). Психологический план треволнений Криса-из-прошлого вырисовывается нарратором в общих чертах, с высокой степенью отчуждения от героя. Подтверждается это тем фактом, что он подключает к процессу рассказывания второго текстового коммуниканта, получателя сообщения – то есть нарратора: «As you can see, we worried about large things in those days. And why not? When else can you get to worry about them?» [14, с. 15] («Как видите, в те дни у нас было немало поводов для беспокойства. А почему нет? Когда же еще беспокоиться о действительно важных вещах, как не в ранней юности?!» [2, с. 19]). Этот риторический вопрос преисполнен сарказма нарратора – ведь речь идет о беспокойстве героев в по-детски конспирологическом разрезе: друзья боялись, что «они» – «the unidentified legislators, moralists, social luminaries and parents of outer suburbia» [14, с. 14] («собираемый образ всех законников, моралистов, поборников общественной нрав-

ственности и отсталых родителей из лондонских предместий» [2, с. 18]) – заполучив язык, мораль и приоритеты в системе ценностей, похитят еще и цвета. Нарратор добивается своей цели на дискурсивном уровне: «Взрослому читателю кажутся наивными умозаключения и "горести" двух подростков» [6, с. 63] (В. Г. Минина).

Почему же герои так встревожены тем, что «они» могут отнять у них цвета? Для подростков, испытывающих неприязнь к материальному миру, цвета служат жизненной эссенцией, недоступной взгляду основной бытия. Эпиграф, который предваряет повествование в первой части, полностью отвечает их «философии» – это цитата из стихотворения Артюра Рембо «Гласные»: «A noir, E blanc, I rouge, U vert, O bleu» [14, с. 10]. Отражая присущий ему в то время юношеский максимализм, *resistance* как жизненную стратегию в сочетании с пылким романтизмом, нарратор пишет о том, что их с Тони волновали «the purity of the language, the perfectibility of self, the function of art, plus a clutch of capitalised intangibles like Love, Truth, Authenticity...» [14, с. 17] («чистота языка, самосовершенствование, предназначение искусства и плюс к тому некоторые абстракции, неосязаемые субстанции с большой буквы, как то: Любовь, Истина, Подлинность...» [2, с. 20]). Не составляет труда уловить нарраторскую насмешку, которая проявляется как в лексическом плане, так и в пунктуационном – даже многоточие в конце списка «важных» понятий расположено в ироническом регистре.

Учитывая такие многообразные средства, отстраняющие нарратора от его «я»-в-прошлом, нельзя согласиться с утверждением М. В. Турсуновой: «Это создает у нас сильное, но поверхностное впечатление, что они [Крис и Тони] склонны создавать себе проблемы – скорее, они просто обладают глубоким пониманием общества, чтобы показать его в окончательном застое» [21, с. 32]. В некоторых эпизодах, где, как и в проанализированном выше отрывке с наблюдением героев за посетителями в Национальной галерее, задается ярко выраженная несобственно-прямая речь. Примером может послужить рассуждение Криса, полного любви к французским литераторам и критически настроенного по отношению к английским: «Blokes like Yeats, though, were the other way round: swish, but always fugging around with fairies and stuff» [14, с. 19] («Чуваки вроде Йейтса, наоборот, были вполне изощренны и писали достаточно стильно, но почему-то всегда увлекались какими-то фейри и прочими сказочными приколами» [2, с. 23]). Не возникает сомнения в интенции нарратора, избобличающего высокомерие и поверхностность собственных взглядов тех лет.

Страстное обожание писателей Франции распространяется у друзей и на французский язык в целом. Ни в чем не зная меры, они увлекаются им «до полной гибели, всерьез» – и буквально подчиняют ему все свое существование, что и подчеркивается нарратором: «Toni and I were strolling along Oxford Street, trying to look like flâneurs. This wasn't as easy as it might sound. For a start, you usually needed a quai or, at the very least, a boulevard» [14, с. 20] («Мы с Тони гуляли по Оксфорд-стрит, старательно изображая flâneurs. Это не так просто, как кажется. Для начала необходимо наличие quai или хотя бы boulevard» [2, с. 24]). Нарратору претит такое безудержное стремление Криса-подростка перезаложить фундамент своей жизни, его юношеское позерство, однако именно оно сделает героя убежденным франкофилом. Важную для формирования характера роль погружения Криса во французский язык отмечает Н. С. Выговская: «В романе явно присутствует тонкая ирония, игра аллюзий и реминисценций на национальные особенности и возрастающий интерес к иной культуре как к двигателю, позволяющему проявиться собственной национальной самобытности» [4, с. 86]. Оправдано ли в таком случае бескомпромиссное отношение нарратора к своему прошлому? Очевидно, что нарратор, отстраняясь от своего «я» 1963-го года, предельно субъективен, поскольку сами факты его биографии свидетельствуют о явном влиянии прошлого на будущее. Подобная субъективность, по словам В. А. Андреевой, всегда присутствует в автобиографическом нарративе: «Автобиографическая реконструкция действительности отражает субъективный взгляд на прошлое, что неизбежно, так как целью авторизованного эгоцентрического повествования является прежде всего создание собственного образа его автора» [1, с. 154]. Следовательно, читательская рецепция должна быть настроена таким образом, чтобы отделять действительно чуждые нарратору-в-настоящем элементы прошлого от тех, которые в наибольшей степени способствуют формированию его характера. Именно этот процесс приведет нарратора к пониманию как самого пути становления личности, так и механизма восприятия прошлого с позиций настоящего.

Тони с Крисом переосмысливают функциональное назначение не только французского языка, но и самого Искусства – обязательно, по мнению молодого Криса, с прописной буквы.

Как можно было убедиться по первому эпизоду в романе, оно для них служит ключом к «расшифровке» соприкасающихся с ним людей: «It made people not just fitter for friendship and more civilised (we saw the circularity of that), but better – kinder, wiser, nicer, more peaceful, more active, more sensitive» [14, с. 35] («Люди, проникшиеся искусством, становятся не только более культурными и достойными интереса, они становятся лучше в самом широком смысле – добрее, мудрее и прекраснее, – они становятся более миролюбивыми, более активными, более чувствительными» [2, с. 46]). Интересуясь не искусством как таковым, а природой его воздействия, Крис и Тони анализируют внешние признаки «преображения» человека – в том числе и самих себя, – скрупулезно протоколируя малейшие физиологические реакции, приравниваемые ими к подлинно эстетическому отклику. Герои, подобно убежденным снобам, используют искусство как инструмент демаркации, высокомерно отделяя себя от тех, кто, по их разумению, был безнадежным филистером. Нарратор вспоминает случай, когда он в метро практически против своей воли вступает в разговор с мужчиной, увлеченно рассказывающим ему историю метрополитена. Большая роль, нежели самому диалогу, отведена внутреннему монологу Криса, подвергающего незнакомца разгромной критике: «He was an <...> old turd, no doubt, who couldn't tell Tissot from Titian» [14, с. 44] («Наверняка это был какой-нибудь честолюбивый старый пердун, который не мог отличить Тьюссо от Тициана» [2, с. 61]). Крис усматривает в речи мужчины пошлые намеки, неоднократно называет его old fugger («старым хрычом») и не раз возвращается к мысли о том, что он насильник. Благодаря такой реверсивности нарратор обнажает предвзятость и недалекость оценок Криса, резко контрастирующих с предельно недвусмысленной речью очевидно доброжелательного и умного собеседника. По меткому замечанию Т. Или, «стратегия двойной фокусировки в ретроспективном повествовании <...> выявляет дистанцию между рассказчиком и персонажем» [22, с. 610]. Так нарратор вновь показывает отличность своего нынешнего «я» от того «я», которое осталось в прошлом.

Посмотрим на эту ситуацию нарраторского отторжения своей подростковой ипостаси под несколько другим углом. По уже проанализированным фрагментам текста можно сделать однозначный вывод о ярко выраженном в Крисе духе протеста. Он радикальный нонконформист, который стремится быть непохожим на окружение – и в широком, и в узком смысле. Например, нарратор с неприкрытой иронией пишет об отрицании Криса внешней схожести с отцом: «For a start, he was bald. I suppose the cast of his jaw was a bit like mine, but he certainly didn't have my profound, questing eyes» [14, с. 47] («Во-первых, он совершенно лысый. Я готов допустить, что у нас с ним похожая форма челюсти, но глаза у него другие. У меня они проникновенные и пытливые. А у него... в общем, другие» [2, с. 66]). Но удастся ли нарратору полностью отстраниться от своего «я»-в-прошлом? Не наблюдается ли в его взгляде на самого себя то же неприятие, какое он испытывал ко всему человечеству в подростковые годы? Барнс, реализуя в романе нарративную стратегию самоотстранения и побуждая нарратора к оцениванию как рассказываемой истории, так и нюансов самого рассказывания, переводит эти вопросы в разряд риторических.

Еще одним звеном, связывающим Криса-в-прошлом с Крисом-в-настоящем, является страх смерти – один из тематических лейтмотивов творчества Барнса. Герой мучается бессонницей, будучи не в силах избавиться от неожиданно нахлынувших мыслей о смерти вообще и умирании в частности. Но в разговоре с Тони он не упоминает о своем «арзамасском ужасе». Срабатывает защитный механизм: Крис начинает обсуждать с товарищем concepts of immortality [14, с. 58] («концепцию бессмертия» [2, с. 94]). Эти идеи, как и все придумываемые друзьями «концепции», довольно расплывчаты. Нарратор демонстрирует несерьезное и даже игривое отношение героев к этому вопросу, размышляющих о теории частичного выживания, о жизни в искусстве, о чудо-лекарстве от смерти – и полностью игнорирующих религиозную сторону дела. Этому есть объяснение: нарратор, «пытаясь осмыслить свой страх смерти, связывает его возникновение с утратой веры» [12, с. 51] (М. Цховребова), в области которой по понятным причинам ответ он искать не намерен. Примечательно, что впоследствии Крис, перешагнув порог взрослой жизни, будет еще не раз думать о смерти, но так и не откажется от своих атеистических убеждений.

Высвечивает нарратор и психологическое противоречие Криса, которое, как и многие другие противные ему недостатки своего «я»-в-прошлом, вполне типично для подростка – одновременное стремление к кардинальным изменениям и боязнь таковых: «Things never changed for you. That was one of the first rules. You talked about what things would be like when they did change <...> But any real threat of change induced apprehension and discontent» [14, с. 65]

(«Для тебя ничего не менялось. Таково было правило. Ты много думал и говорил о том, как это будет, когда все изменится <...> Но если какие-то перемены назревали на самом деле, ничего, кроме мрачных предчувствий, досады и недовольства, это не вызывало» [2, с. 109]). Использование здесь местоимений второго лица служит, выражаясь словами В. Шмида, «разновидностью рассказа от первого лица» [13, с. 86], однако, в отличие от стандартно оформленного персонального повествования, такая грамматика позволяет нарратору показать отстранение от своего «я» с иного ракурса.

В заключительной главе первой части, «Взаимосвязи», нарратор снова задействует форму второго лица, но за этим «ты» располагается уже не он сам, а наррататор. В нарратологии данный прием называется апелляцией: нарратор вовлекает читателя в повествование, чтобы активизировать все его внимание. Он задает читателю вопрос и, разумеется, дает на него свой собственный ответ: «How does adolescence come back most vividly to you? What do you remember first? <...> I remember things» [14, с. 76] («Что ты чаще и ярче всего вспоминаешь из юности? Что вспоминается первым? <...> Я помню предметы и вещи» [2, с. 125]). Происходит резкое сближение нарратора с Крисом, который читает в постели, – за счет перехода с прошедшего времени на настоящее. Наррататор находится в одной комнате с нарратором, использующим при подробнейшем описании ее интерьера метод нонселекции. На первый взгляд такое детальное представление всех имеющихся в детской предметов может показаться немотивированным, поскольку будет в корне неверным утверждение, что они в какой-то мере способствуют раскрытию характера героя. Перед нарратором стоит другая цель: даже отстранившись от своего подросткового «я», он упорно желает утвердить самого себя в прошлом, закинуть в прустовском стиле крючки воспоминаний к вещам из того времени. Но возможно ли воссоздавать свое прошлое и обходить при этом стороной самого себя? Последнее предложение в этой главе дает однозначный отрицательный ответ. Нарратор возвращается к своему «я» и в третий раз прибегает к использованию дейксиса второго лица; на этот раз он сводит воедино все три инстанции – Криса-нарратора, Криса-героя и наррататора: «What else are you at that age but a creature part willing, part consenting, part being chosen?» [14, с. 77] («В этом возрасте ты далеко не всегда решаешь за себя: что-то, конечно, решаешь, но в основном либо мирисься с чужими решениями, либо, наоборот, обижаешься и возмущаешься» [2, с. 130]).

Эпиграф ко второй части романа – Paris (1968) – фиксирует существенный сдвиг в мировоззрении Криса, постепенно избавляющегося от подросткового идеализма и обретающего трезвый взгляд на мир: «Moi qui ai connu Rimbaud, je sais qu'il se foutait pas mal si A était rouge ou vert. Il le voyait comme ça, mais c'est tout» [14, с. 78] («Я знал Рембо, и я могу с уверенностью утверждать, что ему было плевать, какого там цвета "А": красного или зеленого. Он ее видел такой, какая она есть, вот и все» [2, с. 128]). Тем не менее говорить о полном сближении Криса-юноши с нарраторским «я» еще рано. Цитата, несмотря на отличную от первого эпиграфа коннотацию, лежит в той же плоскости, что и цитата Рембо: она принадлежит Полю Верлену, которого, как известно, с Рембо связывала не только французская символистская поэзия.

На протяжении всего повествования во второй части нарратор неоднократно использует тождественную Крису-студенту, приехавшему в Париж для работы над дипломной работой, точку фокализации. Он по-прежнему отстраняется от своего отрочества, но заимствует для этой цели промежуточное «я» из парижского периода: «Defeat once used to make me cry; now it made me grumpy and aggressive» [14, с. 106] («Когда-то я плакал, если проигрывал. Теперь я бесился – делался раздражительным и агрессивным» [2, с. 185]). Поездку в Париж в 1968 году нарратор решительно отделяет от всех предыдущих: «I'd already been to Paris many times before 1968 <...> I'd already done the Paree side of it in my late teens» [14, с. 85] («Я и раньше бывал в Париже, причем не раз <...> Щенячий восторг от Парижа я пережил еще в ранней юности» [2, с. 147]). Поворотным пунктом, обусловившим внутреннюю метаморфозу Криса, послужила его первая влюбленность тех лет. Если ранее герой обладал живым интересом ко всему окружающему миру, то сейчас он начинает устремлять свой взгляд внутрь самого себя. Нарратор признается, что стал задумываться о серьезных вещах: «...those thoughts which chase their own tails. On the nights I was sleeping alone I would interrogate myself» [14, с. 102] («Это были такие мысли, которые ни к чему не приводят и скорее порождают вопросы, нежели дают ответы. В те ночи, когда я спал один, я копался в себе» [2, с. 178]).

В Париже, как отмечает С. Султана, «Крис воображает себя автономным существом» [19, с. 46]. Полностью отдавая себя рефлексии, он не интересуется происходящим вокруг – а ведь на тот момент он находился в эпицентре значимых для всего мира политических событий.

Можно ли представить себе такое поведение Криса, если бы поездка в Париж в 1968 году пришлось на его подростковый период? М. Таунтон комментирует эту ситуацию следующим образом: «Крис не принимает участия в студенческих протестах, уличных боях, всеобщей забастовке и всем остальном, практически не обращая на это внимания... Юношеский бунт Криса против буржуазных условий, характерных для его родного пригорода, не переходит в политическую активность во взрослом возрасте, даже в том месте и в то время послевоенной истории, когда политические события было почти невозможно игнорировать» [20, с. 17].

Судить о том, как именно нарратор воспринимает подобное пренебрежение Криса буквально перестраивающими мир политическими событиями, можно по отсутствию каких-либо индексов, указывающих на нарраторское порицание. Как и Криса-юношу, его прежде всего интересует собственная жизнь и собственные переживания.

Те эпизоды, в которых проявляется «я» нарратора, свидетельствуют о его амбивалентном отношении к себе-в-Париже. С одной стороны, он все еще не ставит между своей нынешней ипостасью и личностью 1968-го года знак равенства, что заметно в следующем отрывке: «I also dabbled in a little writing. Dabbled, that is, with sober enthusiasm» [14, с. 86] («И еще я немного писал. По-дилетантски, но зато с упертым энтузиазмом» [2, с. 151]). С другой стороны, некоторые из его рассуждений касаются не столько конкретной диегетической ситуации (в данном случае герой заводит общение с британкой), сколько его мировоззрения в целом: «There's nothing like slang for easing initial doubts. It shows (a) sense of humour, (b) lively interest in the relevant foreign lingo, (c) awareness that friendly verbal intimacy can be attained» [14, с. 88] («Если ты к месту и вовремя применяешь сленг, это говорит: (a) о наличии у тебя чувства юмора, (b) о твоём искреннем интересе к чужому языку, (c) о твоём дружелюбном настрое» [2, с. 157]).

Во взаимоотношениях между Крисом-в-прошлом и Крисом-в-настоящем проявляется еще одна важная деталь. Нарратор зачастую рассказывает о событиях того года не отвлекаясь, а принимая деятельное нарративное участие в происходящих с героем событиях. Он берет на себя ответственность за поступки молодого Криса. Это не избавляет текст от явных элементов нарраторского осуждения героя за его промахи, однако теперь нарратор снабжает историю и оправданиями за них. Показательны в этом плане два эпизода. В первом Крис обедает со своей новой знакомой: «I bungled asking her what her name was <...> On the other hand, I managed the when-shall-we-meet-again bit quite well» [14, с. 89] («Я совершенно по-идиотски спросил, как ее зовут <...> Но с другой стороны, фрагмент "а когда мы опять увидимся" мне вполне удался» [2, с. 158]). Во втором – отправляется на свидание с книгой, которая, по его предположению, точно охарактеризует его с положительной стороны: «All this may sound cynical and calculating; but that wouldn't really be doing me justice. It was, I liked to think (perhaps still do think), more the result of a sensitive desire to please» [14, с. 90] («Может быть, это звучит расчетливо и цинично и характеризует меня отнюдь не с лучшей стороны, но это не так. Тогда мне казалось (и, наверное, кажется до сих пор), что мне просто хотелось понравиться ей» [2, с. 160]). Как можно убедиться по приведенным цитатам, на каждый упрек в свою же сторону нарратор находит свое «но» – чувствуя, по всей видимости, с Крисом-студентом гораздо большую связь, нежели с Крисом-подростком.

Вместе с тем не приходится говорить о полной оторванности Криса на втором этапе жизни от предшествующего ему «метролендского» периода. Как и раньше, он презирает далеких от искусства мещан, с которыми сталкивается в музее Густава Моро: «I could hear the philistines – their pockets still bulging with duty-free» [14, с. 109] («Я невольно прислушивался к разговору этих филистеров – с карманами, все еще набитыми всякой дешевой ерундой из магазина беспошлинных товаров в аэропорту» [2, с. 191]). Однако, как не бывает различия между прошлым и настоящим без сходства, так нет и сходства без различия: Крис слышит эту беседу *невольно* – он приходит в музей не для наблюдения за посетителями, а для погружения в искусство, которое в отроческие годы, как мы помним, его в полной мере не интересовало. Впоследствии Крис не будет возвращаться мыслями к обделенным эстетическим чутьем обывателям, убедившись в обманчивости первого впечатления – ведь одним из «филистеров» окажется его будущая жена Марион, умный знаток искусства с утонченным вкусом.

О ценности полученного Крисом в Париже опыта можно сделать вывод по тройному использованию нарратором курсива в рефлексивном фрагменте, сюжетно связанном с расставанием героя с девушкой: «No matter that Annick's anger and distress were caused by my own incompetent misinformation: they're *mine* now. They're part of *me*, of *my* experience» [14, с. 122] («И не важно, что страдания и ярость Анник были вызваны моим неумением объяснить;

теперь они были *моими*. Они стали частью *меня, моего опыта*» [2, с. 218]). Нарратор таким образом прямо заявляет о своей причастности как к событиям прошлого, так и к своему «я». Снижение «градуса» самоотстранения нарратора в *Paris* (1968) подчеркивает и О. Н. Редина: «В первой части ощутимы резкие перепады между аффектированной брутальностью подростковой речи и эссеистическими комментариями повествователя; во второй доминируют лирические излияния юноши – границы двух "я" размываются» [8, с. 124].

Логическим завершением второй части становится глава «Взаимосвязи», где, как и в соответствующей главе предыдущей части, нарратор детально описывает обстановку комнаты, в которой находится готовый к отбытию на родину Крис. Однако сейчас нарратор не обходит вниманием и самого себя, воспринимаемого им со стороны, в качестве объекта – но объекта чрезвычайно значимого, вобравшего в себя бесценный жизненный опыт: «The final object was me. Packed tight like my suitcase – I'd had to sit on top of me to get it all in» [14, с. 129] («Последний предмет в этой комнате – я. Упакованный под завязку, как мои чемоданы, – мне пришлось сесть на себя сверху, чтобы утрамбовать все, что в меня вместилось» [2, с. 233]). Крис-герой доходит до той временной точки, когда нарратор уже не может установить границы между настоящим и прошлым, а значит реализуемое в темпоральном плане самоотстранение уже не будет иметь отчетливого языкового выражения.

Эпиграф к заключительной части романа *Metroland II* (1977) убеждает нарратора в окончательном избавлении Криса от юношеских идеалистических иллюзий: «Things and actions are what they are, and the consequences of them will be what they will be; why then should we desire to be deceived?» [14, с. 130] («Явления, события и действия есть такие, какие есть, и результаты их будут такими, какими будут; тогда почему мы стремимся к самообману?» [2, с. 236]) Е. В. Хохлова пишет о том, что данный эпиграф «резко контрастирует с предыдущими и отсылает нас к британской культуре. Это цитата из проповеди английского философа-моралиста епископа Джозефа Батлера. <...> В этом мы видим постепенный переход от романтически наивного отношения к французской культуре к более осмысленному постижению прозаической правды о ней» [11, с. 177]. Жизнь Криса действительно становится прозаической: прекрасно справляясь со своими супружескими и отцовскими обязанностями, он работает рекламным агентом и не видит резких перемен в будущем. По словам М. В. Турсуновой, Крис «претерпел изменения в собственных ожиданиях и превратился в того, кого он сам когда-то презирал» [9, с. 303].

Однако, практически сойдясь Крисом-героем в одной пространственно-временной точке, нарратор все равно отстраняется от своего «я». Например, в изложении автобиографических фактов он использует документальный стиль: «Age: Thirty / Married: Yes / Children: One / Job: One / House: Yes» [14, с. 130] («Возраст: тридцать. / Семейное положение: женат. / Дети: есть (1). / Работа: есть. / Собственный дом: есть» [2, с. 237]). Желание нарратора структурировать и «запротоколировать» свою жизнь также отражено в составленном им списке причин, по которым он женился на Марион. Приведем в качестве цитаты лишь один пункт, полный нарраторской самоиронии: «Because she tolerates my making restless lists like this» [14, с. 139] («Потому что она с пониманием относится к тому, что я составляю дурацкие списки вроде вот этого» [2, с. 253]). Оба фрагмента подтверждают правоту высказывания В. Салман о том, что повествовательная тональность в романе «полна иронических ноток, которые становятся все более выраженными по мере развития сюжета» [18] и которые, добавим от себя, удерживают нарратора на некоторой дистанции от Криса-героя.

Почему же нарратор по-прежнему продолжает отстраняться от Криса? Не свидетельствует ли это самоотстранение о внутреннем разладе нарратора с самим собой и о его душевном дискомфорте? Во-первых, следует отметить, что полное отождествление диегетического нарратора с его героем невозможно по исключительно нарратологической причине: акт создания текста по умолчанию следует за повествуемыми событиями – сойтись в одной точке им не суждено. В этой связи уместно вспомнить известный парадокс про Ахиллеса и черепаху: нарратор-Ахиллес всегда будет на шаг, полшага, четверть-шага позади героя-черепахи просто по той причине, что тот начал свое движение раньше. Следовательно, в персональном повествовании всегда будет присутствовать самоотстранение нарратора от героя – пусть даже в неявном, редуцированном виде. Во-вторых, утверждать о душевном разладе Криса-семьянина не приходится: не раз и не два он возвращается к теме простого семейного счастья, которое кажется ему высшей точкой его жизненного пути: «They also say that all happy people are happy in the same way. Who cares; in any case, at times like this I'm hardly interested in arguing the toss»

[14, с. 131] («Кое-кто утверждает, что все счастливые люди счастливы одинаково. Даже если оно и так, какая разница?! В такие минуты мне не хочется спорить» [2, с. 240]). Эти рассуждения овладевают Крисом в тот момент, когда он засыпает в постели с женой. Нарратор, осмысляя данную сцену, отстраняется от героя на шаг и видит тихое, но абсолютное счастье. В этом и заключается важнейшая цель самоотстранения – увидеть сопряженные с самим собой вещи такими, какие они есть; научившись анализировать свои ошибки прошлого, в полной мере осознать счастье настоящего.

Значимое нарративное происшествие в третьей части – встреча Криса со своим старым другом Тони. Намеченный во второй части процесс разрыва между школьными товарищами – тогда нарратор отметил, что они «were beginning to drift apart» [14, с. 101] («начали отдаляться друг от друга» [2, с. 175]) – подходит к своему неутешительному концу. П.-И. Хван объясняет это событие наличием внутренних изменений в Крисе – и отсутствием таковых в Тони: «Два мальчика из пригорода пытаются избежать своего буржуазного воспитания и обещают восстать против всех ценностей своих родителей. Ближе к концу романа друзья снова встречаются, и один сдержал свое обещание, но другой женат и живет со своими детьми в том же пригороде» [17, с. 25]. Крис убеждается, что за время их разлуки никаких существенных мировоззренческих трансформаций Тони не претерпел. Друг по-прежнему уверен в революционной, преобразующей мир силе искусства – Крис же, со времен своего подросткового периода всецело проникнувшийся искусством, способен трезво оценивать его роль в жизни: «Poetry makes nothing happen» [14, с. 142] («поэзия ничего не меняет» [2, с. 261]). Но значит ли это, что нарратор полностью перечеркивает те идеи, которыми были увлечены друзья пятнадцатью годами ранее? П. Чайлдс точно подмечает промежуточное положение истины: «Роман Барнса подразумевает, что может быть что-то среднее: во-первых, искусство закрепляет в сознании человека определенные образы, во-вторых, добродетели, которыми обладает взрослый Кристофер, частично сформированы в период его юности» [16, с. 24]. Крис не отрекается от своего прошлого, оказавшего несомненное влияние на формирование его характера и взглядов. Например, после шумной вечеринки, на которую он попал без жены и на которой едва не был соблазнен молодой девушкой, он с горькой улыбкой вспоминает суждения Тони в 1963 году по поводу того, что именно в пригородах вроде Метроленда «the really interesting bits of sex took place» [14, с. 155] («случается по-настоящему интересный секс» [2, с. 281]), и отмечает про себя: «There might, I thought that evening, be something in the Theory after all» [14, с. 155] («В тот вечер мне показалось, что что-то в ней все-таки было, в этой теории» [2, с. 281]). Этим мыслительным актом Крис заключает своего рода перемирие с прошлым в целом и с Тони, как его отголоском, в частности.

Финальная глава «Взаимосвязи» «закольцовывает» роман. Крис сидит ночью перед окном и смотрит на свет фонаря, накладывающийся на свет Луны. Данный эпизод отсылает нас к отрывку из начала «Метроленда», где увлеченные символизмом герои-подростки рассуждают о цветах. Нарратор противопоставляет тем идеям мысли Криса-в-настоящем: «I follow a half-factitious line about the nature of the light: how the sodium with its strength and nearness blots out the effect of even the fullest moon; but how the moon goes on nevertheless; and how this is symbolic of ... well, of something, no doubt. But I don't pursue this too seriously: there's no point in trying to thrust false significances on to things» [14, с. 176] («Я где-то читал, что электрический свет, если источник расположен достаточно близко от наблюдателя, затмевает даже свет полной луны; но луна все равно продолжает светить; и все это вместе символизирует... ну, что-то оно обязательно символизирует. Но я не стал об этом задумываться; бесполезное это занятие – придавать вещам смысл и значение, которых в них нет» [2, с. 315]). Отстраняясь от терзавших его ранее философских вопросов, нарратор, по словам О. А. Джумайло, «признает тщету вопрошания» [5, с. 288] и окончательно утверждает себя и свое преисполненное внутренней гармонии бытие в настоящем.

Таким образом, последовательно реализуя в романе нарративную стратегию самоотстранения, Барнс показывает, что процесс отстранения человека от себя-в-прошлом неизбежен. Хронология человеческой жизни предполагает вечное развитие, непрерывное становление своей личности, что было бы неосуществимо без постоянного обновления человеческого «я». Самоотстранение несет в себе деструктивное начало, которое предполагает напряженный конфликт между временными ипостасями человека, редуцирующийся лишь по мере уменьшения дистанции между ними. Однако нельзя переоценить созидательное начало самоотстранения: именно благодаря ему человек способен посмотреть на себя со стороны, проанализировать ошибки прошлого, изменить свои взгляды на мир и, наконец, осознать ценность настоящего момента жизни.

Список литературы

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: зона формирования смыслов : монография. Казань : Бук, 2019. 320 с.
2. Барнс Дж. Метроленд : роман / пер. с англ. Т. Покидаевой. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. 320 с.
3. Бочкарева Н. С. Экфрастическая экспозиция в романе Дж. Барнса «Метроленд» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3 (19). С. 161–170.
4. Выговская Н. С. Урбанистический роман воспитания Дж. Барнса «Метроленд» : поэтика детских образов // Вестник НГЛУ. 2016. № 34. С. 83–91.
5. Джумайло О. А. Простое сердце: Джулиан Барнс // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 273–292.
6. Минаева В. Г. Образ молодого человека в романах Дж. Барнса «Метроленд» и «Предчувствие конца» // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. ст. по итогам III Международной научно-практической конференции 26–27 октября 2017 г. Минск, 2018. С. 61–66.
7. Радченко Д. А. Художественная дидактика Джулиана Барнса // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 69. С. 256–260.
8. Редина О. Н. Возвращение «блудного сына»: модификация мотива в романе Дж. Барнса «Метроленд» // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе : мат-лы международной научной конференции «Наука во благо человечества», 25 апреля 2018 г. Москва, 2018. С. 121–132.
9. Турсунова М. В. Джулиан Барнс – гуманист постмодернизма // Бюллетень науки и практики. 2020. № 8. С. 301–303.
10. Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа «Мастер и Маргарита» // Михаил Булгаков, его время и мы : коллективная монография / под ред. Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего при участии Дмитрия Клебанова. Краков : [б. и.], 2012. С. 337–347.
11. Хохлова Е. В. Французский культурный код в романе Джулиана Барнса «Метроленд» // Вестник НГУ. 2014. № 2 (3). С. 176–180.
12. Цховребова М. «Пост-лейбелный» метод Джулиана Барнса в контексте литературы английского постмодернизма // Colloquium-journal. 2019. № 6 (30). С. 48–54.
13. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
14. Barnes J. Metroland. L. : Picador, 1990. 190 p.
15. Booth W. C. The Rhetoric of Fiction. Chicago : University of Chicago Press, 1983. 572 p.
16. Childs P. Julian Barnes (Contemporary British Novelists). Manchester : Manchester University Press, 2011. 176 p.
17. Hwang P.-I. The Postmodern Writer and His Alter Ego: Julian Barnes versus Dan Kavanagh // The Wenshan Review of Literature and Culture. 2008. № 2. Pp. 1–29.
18. Salman V. «Fabulation» of metanarratives in Julian Barnes's novels Metroland, Flaubert's Parrot, A History of the World in 10 1/2 Chapters, and England, England. URL: <https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/3/12610310/index> (дата обращения: 12.11.2021).
19. Sultana S. The Transformation of the «Flâneur» Figure to Bourgeois in Julian Barnes's Metroland: A Critical Analysis // International Journal of English and Comparative Literary Studies. 2021. № 2 (2). Pp. 41–49.
20. Taunton M. The Flâneur and the Freeholder: Paris and London in Julian Barnes's «Metroland» // Julian Barnes (Contemporary Critical Perspectives) / ed. by Sebastian Groes and Peter Childs. New York : Continuum, 2011. Pp. 11–23.
21. Tursunova M. V. The place of Julian Barnes ingenuity in the genre evolution of the English Postmodern novel // International Journal of World Art. 2021. № 2. Pp. 28–33.
22. Yili T. Self-Negotiation between Past and Present: Bildungsroman and Character Narration in Julian Barnes's Metroland and The Only Story // Interdisciplinary Studies of Literature. 2018. № 2 (4). Pp. 590–611.

The narrative strategy of self-exclusion in the novel by J. Barnes "Metroland"

Efimov Alexey Vadimovich

postgraduate student of the Faculty of Romano-Germanic Philology, Bashkir State University.
Russia, Ufa. ORCID: 0000-0002-4150-9378. E-mail: alexeyefimov3000@gmail.com

Abstract. The relevance of this article, devoted to solving the problem of implementing a narrative strategy of self-exclusion in Julian Barnes' novel "Metroland", is due to two facts. Firstly, the study of fiction through the prism of narratology is currently one of the most promising areas in literary studies. Secondly, the problem of identifying narrative strategies in modern English-language novels does not have a full-fledged development at the moment. The purpose of the article is to consider the specifics of the narrative strategy of self-exclusion

in the writer's novel. The methodological basis of the work was the narratological approach. The results of the study are related to the disclosure of the functional potential of the narrative strategy chosen by the author. Thanks to the consistent implementation of the strategy of self-exclusion in the novel, Barnes convinces the narrator of the inevitability of removing a person from his "I"-in-the-past. With the help of various narrative techniques, the writer expresses the idea that the chronology of human life presupposes eternal development, the continuous formation of his personality, which would be impossible without the constant renewal of the human "I". The article notes the ambivalence of the process of alienating a person from himself. On the one hand, self-exclusion carries a destructive beginning, which implies a tense conflict between the temporary hypostases of a person, which is reduced only as the distance between them decreases. On the other hand, it is impossible to overestimate the creative beginning of self-withdrawal: it is thanks to him that a person is able to look at himself from the outside, analyze the mistakes of the past, change his views on the world and ultimately come to the realization of happiness in the present moment of life. The results obtained can be applied both in the field of narratology and in the field of research of Barnes' novel heritage.

Keywords: Julian Barnes, narratology, diegetic narrator, narrative strategy, reader's reception.

References

1. Andreeva V. A. *Literaturnyj narrativ: zona formirovaniya smyslov : monografiya* [Literary narrative: the zone of formation of meanings : monograph]. Kazan. Buk. 2019. 320 p.
2. Barnes J. *Metrolend : roman* [Metroland : a novel] / transl. from English by T. Osvisaeva. M. Inostroika, ABC-Atticus. 2018. 320 p.
3. Bochkareva N. S. *Ekfrasticheskaya ekspozitsiya v romane Dzh. Barnsa "Metrolend"* [Ekphrastic exposition in the novel by J. Barnes "Metroland"] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* – Herald of Perm University. Russian and foreign philology. 2012. No. 3 (19). Pp. 161–170.
4. Vygovskaya N. S. *Urbanisticheskij roman vospitaniya Dzh. Barnsa "Metrolend" : poetika detskih obrazov* [Urban novel of education by J. Barnes "Metroland" : poetics of children's images] // *Vestnik NGLU* – Herald of NGLU. 2016. No. 34. Pp. 83–91.
5. Jumailo O. A. *Prostoe serdce: Dzhulian Barns* [Simple heart: Julian Barnes] // *Voprosy literatury* – Questions of literature. 2011. No. 2. Pp. 273–292.
6. Minina V. G. *Obraz molodogo cheloveka v romanah Dzh. Barnsa "Metrolend" i "Predchuvstvie konca"* [The image of a young man in the novels of J. Barnes "Metroland" and "Premonition of the end"] // *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremenom polikul'turnom mire : sb. st. po itogam III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 26–27 oktyabrya 2017 g.* – Linguistic personality and effective communication in the modern multicultural world : collection of articles on the results of the III International Scientific and Practical Conference October 26–27, 2017 Minsk. 2018. Pp. 61–66.
7. Radchenko D. A. *Hudozhestvennaya didaktika Dzhuliana Barnsa* [The artistic didactics of Julian Barnes] // *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena* – News of RSPU n. a. A. I. Herzen. 2008. No. 69. Pp. 256–260.
8. Redina O. N. *Vozvrashchenie "bludnogo syna" : modifikatsiya motiva v romane Dzh. Barnsa "Metrolend"* [The return of the "prodigal son": modification of the motive in the novel by J. Barnes "Metroland"] // *Hudozhestvennoe osmyslenie dejstvitel'nosti v zarubezhnoj literature : mat-ly mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Nauka vo blago chelovechestva", 25 aprelya 2018 g.* – Artistic understanding of reality in foreign literature : materials of the international scientific conference "Science for the benefit of Humanity", April 25, 2018. M. 2018. Pp. 121–132.
9. Tursunova M. V. *Dzhulian Barns – gumanist postmodernizma* [Julian Barnes – humanist of postmodernism] // *Byulleten' nauki i praktiki* – Herald of Science and Practice. 2020. No. 8. Pp. 301–303.
10. Tyupa V. I. *Narrativnaya strategiya romana "Master i Margarita"* [Narrative strategy of the novel "The Master and Margarita"] // *Mihail Bulgakov, ego vremena i my : kollektivnaya monografiya* – Mikhail Bulgakov, his time and we : a collective monograph / ed. Grzegorz Przebinda and Janusz Fresh with the participation of Dmitry Klebanov. Krakow. [without publ.]. 2012. Pp. 337–347.
11. Hohlova E. V. *Francuzskij kul'turnyj kod v romane Dzhuliana Barnsa "Metrolend"* [The French cultural code in Julian Barnes' novel "Metroland"] // *Vestnik NGU* – Herald of NSU. 2014. No. 2 (3). Pp. 176–180.
12. Ckhovrebova M. *"Post-lejbel'nyj" metod Dzhuliana Barnsa v kontekste literatury anglijskogo postmodernizma* ["Post-label" method of Julian Barnes in the context of English literature postmodernism] // *Colloquium-journal* – Colloquium-journal. 2019. No. 6 (30). Pp. 48–54.
13. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. M. Languages of Slavic culture. 2008. 304 p.
14. Barnes J. *Metroland*. L. : Picador. 1990. 190 p.
15. Booth W. C. *The Rhetoric of Fiction*. Chicago : University of Chicago Press. 1983. 572 p.
16. Childs P. *Julian Barnes (Contemporary British Novelists)*. Manchester : Manchester University Press. 2011. 176 p.
17. Hwang P.-I. *The Postmodern Writer and His Alter Ego: Julian Barnes versus Dan Kavanagh* // *The Wenshan Review of Literature and Culture*. 2008. No. 2. Pp. 1–29.
18. Salman V. *"Fabulation" of metanarratives in Julian Barnes's novels Metroland, Flaubert's Parrot, A History of the World in 10 1/2 Chapters, and England, England*. Available at: <https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/3/12610310/index> (date accessed: 12.11.2021).

19. *Sultana S.* The Transformation of the "Flaneur" Figure to Bourgeois in Julian Barnes's *Metroland*: A Critical Analysis // *International Journal of English and Comparative Literary Studies*. 2021. No. 2 (2). Pp. 41–49.
20. *Taunton M.* The Flâneur and the Freeholder: Paris and London in Julian Barnes's *"Metroland"* // *Julian Barnes (Contemporary Critical Perspectives)* / ed. by Sebastian Groes and Peter Childs. New York. Continuum, 2011. Pp. 11–23.
21. *Tursunova M. V.* The place of Julian Barnes ingenuity in the genre evolution of the English Postmodern novel // *International Journal of World Art*. 2021. No. 2. Pp. 28–33.
22. *Yili T.* Self-Negotiation between Past and Present: Bildungsroman and Character Narration in Julian Barnes's *Metroland* and *The Only Story* // *Interdisciplinary Studies of Literature*. 2018. No. 2 (4). Pp. 590–611.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 008:001.8

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.032

Семья как мемориальный кластер (специфика мемориальной активности современной чеченской семьи)

Ярычев Насруди Увайсович

доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе,
Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова. Россия, г. Грозный.
ORCID: 0000-0003-4667-8020. Researcher ID: AAB-9203-2019. E-mail: nasrudiny@mail.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является осмысление специфики современной семьи как особого мемориального кластера, то есть субъекта мемориализации, ограниченного рамками родственной группы, инициирующего разнообразную по формам и содержанию мемориальную деятельность и подразумевающего коллективный характер мемориальной активности. Семья в контексте чеченской культуры выступала и выступает в настоящее время не просто традиционной ценностью, но и пространством сохранения памяти, межпоколенной коммуникации, поддержания социального единства и темпоральной стабильности. На материалах проведенного исследования (метод глубинного интервью, массив выборки – 90 человек: этнические чеченцы, проживающие на территории Чеченской Республики), автор статьи пришел к выводу о том, что мемориальная деятельность современной чеченской семьи отличается: 1) чрезвычайной активностью и востребованностью (каждый из участников интервью принимает участие в различных формах семейной мемориальной активности); 2) семейно-созидательным и семейно-образующим статусом (совместная мемориальная деятельность – посещение кладбищ, совместные молитвы, работа с семейным архивом и прочее – воспринимается современными чеченцами в качестве фундирующего основания существования семьи); 3) интериорным, самозамкнутым характером (ориентацией на мемориализацию самой семьи, а не внешних исторических событий или личностей); 4) традиционностью и консервативностью (прочной интеграцией в традиционный повседневный уклад, связью с базовыми ценностными установками чеченского народа); 5) гармоничным единством религиозно-ритуального и информационно-познавательного компонентов (пропорциональной представленностью мемориальной активности, связанной как с религиозными поминальными практиками, так и с самообразованием); 6) доминирование устных форм семейно-мемориальной коммуникации (общение со старшими членами семьи, чтение и обсуждение исторических книг).

Ключевые слова: мемориальная культура, мемориальная культура Чеченской Республики, семья, прошлое.

Введение. Феномен коллективной памяти можно назвать одним из наиболее востребованных в современной гуманитаристике. И, несмотря на то, что время от времени в пространстве мемориальных исследований звучат мысли о кризисе мемориалистики [1; 2; 18] и истерпанности ретро-проблематики [19; 20], она тем не менее сохраняет свою актуальность. Л. Б. Гапоненко объясняет это следующим образом: «Социокультурные изменения в современном мире характеризуются кризисом социокультурных моделей периода неоглобализма, отказом от мультикультурализма, возвратом интереса к национальным культурам, выражающимся зачастую в стремлении к локальному обществу, организованному на национально-этнической или религиозно-фундаменталистской идеологии. Человек в условиях глобального оцифрованного общества ищет опору в обыденности, реальности, исторических традициях» [0, с. 42].

Магистральная мысль мемориальных дискуссий, заданная еще П. Нора [11], А. Мегиллом [10], Д. Лоуэнталем [9], Хаттоном [15] – девитализация живого прошлого и превращение

его в историю, в архивированную и музеефицированную память, в объект политических манипуляций. Иными словами – уничтожение под натиском прогресса и модернизации связи прошлого и настоящего, связи одного поколения с другим, поддерживаемой посредством традиции и коммуникативной памяти (в терминологии Я. Ассмана [3]). Эти процессы как нельзя точнее сформулировал П. Нора в уже почти ставшей крылатой фразе «Все говорят о памяти, потому что памяти больше нет» [12, с. 15]. Эту мысль конкретизирует М. Л. Шуб: «Для традиционного восприятия прошлого, основанного на повторении, была характерна постоянная и непрерывная актуализация его в настоящем. Оно было вплетено в живую ткань традиции, было частью повседневного бытия группы и потому не осознавалось как прошлое. Сегодня же оно выключено из жизненного пространства, более того – оно дистанцировано от актуальной культуры в целом, поэтому единственной формой взаимодействия с прошлым становится его реконструкция» [17, с. 74].

Одним из немногих институтов сохранения традиции как носителя и транслятора представлений о прошлом остается семья. В контексте актуальных трансформаций семья играет ключевую роль не только как «заземляющая» альтернатива стремительному темпоральному ускорению, не только как оплот стабильности и надежности, но и как важнейший мемориальный кластер, способствующий аккумуляции, сохранению и трансляции памяти в формате традиций, обычаев и иных форм межпоколенной коммуникации. В этой роли семья «сглаживает разрыв между исторической памятью общности и памятью человека, выравнивая противоречия личностного и общественного нейтральнородовым, основанным на родственных чувствах, наполняющих событийность прошлого и настоящего особым личностно-значимым смыслом... сохраняет социально ценную информацию для будущих поколений... выполняет стабилизирующую функцию, защищающую общество от катаклизмов революционных изменений» [8, с. 69–70].

Методология и результаты исследования. Семья в чеченской культуре – это нечто большее, чем форма социального объединения родственников. Это, прежде всего, инструмент поддержания темпорального единства, сохранения связей между отдельными людьми и целыми поколениями. Как отмечает З. И. Хасбулатова, «передачу жизненного и практического опыта, исторически сложившихся традиций... следует считать одним из необходимых условий жизнедеятельности чеченского общества. Передача навыков старшего поколения младшему, когда обычаи и ценности непосредственно вплетались в жизнь человека с раннего детства, он приобщался к ним через семью – являлись важным и главным условием жизнедеятельности любого этноса, в том числе и чеченского» [14, с. 209].

Высокий социальный статус семьи закреплен и специально обозначен в различных официальных документах Чеченской Республики [5; 7], в том числе и в «Единой концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики», в которой «укрепление семьи, сохранение добрых традиций семейного воспитания, формирование прочной системы духовно-нравственных ценностей» [6] называется главным социальным приоритетом и неотъемлемой частью стратегии развития государства.

На протяжении 2021–2022 гг. автор настоящей статьи осуществлял исследование современной мемориальной культуры Чеченской Республики. Одним из методов исследования выступил метод глубинного интервью, участниками которого стали 90 этнических чеченцев, проживающих на территории Чечни. Одна из векторных целей исследования заключалась в изучении «низовых», неинституализированных форм мемориальной культуры, существующих как на уровне отдельной личности, так и на уровне семьи. В рамках данной статьи мы бы хотели более подробно остановиться на освещении специфики мемориальной активности чеченской семьи.

Под семейной мемориальной активностью мы понимаем инициацию различных видов мемориальной деятельности и/или участие в них членов семейного коллектива. В данном случае речь в равной степени может идти как о внутрисемейных мемориальных традициях и обычаях, так и об официальных коммеморативных практиках. Полный перечень видов семейной мемориальной деятельности, выявленный на основе ответов участников интервью, представлен в Таблице 1.

Таблица 1

Формы сохранения памяти о прошлом в рамках отдельной чеченской семьи

№	Вид	Кол-во ответов
1	Коллективные молитвы и иные поминальные ритуалы	39
2	Чтение исторической литературы	34
3	Составление генеалогического древа	24
4	Совместный просмотр фотографий, составление семейного архива	11
5	Рассказы старшего поколения об истории семьи и народа (устная история)	10
6	Создание групп памяти в социальных сетях	1
7	Посещение музея	1
8	Соблюдение национальных традиций	1
9	Посещение музея	1
10	Коллекционирование старинных предметов	1
11	Мемориальное паломничество	1

Ответы участников интервью позволяют говорить о *чрезвычайно высокой востребованности различных семейных форм и способов сохранения памяти о прошлом* – каждый из респондентов указал несколько (более двух) видов мемориальной деятельности, практикуемой в его семье. Сама такая деятельность в этом контексте оказывается во многом семейно-образующей, поддерживающей единство членов семьи, общие ценности, память о предках и прочее.

Эта мысль подкрепляется также и тем, что наиболее популярные мемориальные практики (участие в коллективных молитвах, посещение могил родных и близких, совместное прослушивание рассказов старших об истории рода, работа с семейным архивом, составление генеалогического древа и прочее) имеют *интериорный, в некотором смысле самозамкнутый характер*, то есть направлены на мемориализацию семейной истории, членов семьи, значимых семейных артефактов и тому подобное, а не ориентированы на коммеморацию внешних по отношению к семье событий или персоналий.

Даже чтение исторической литературы, посвященной истории Чечни, может рассматриваться в аналогичном ключе, поскольку, как свидетельствуют ответы респондентов, история родной страны воспринимается ими не изолированно от семейной истории, а как масштабный контекст ее бытования. Приведем один из ответов участников интервью: «Моя страна – это моя семья, а моя семья – это моя страна. Разделить их нельзя. Если я не знаю историю своей страны, как я могу по-настоящему знать свои корни?».

Стоит также отметить, что самые популярные формы семейной мемориальной деятельности (посещение могил, коллективные молитвы, беседы со старшими членами семьи и другое) носят в целом *традиционный и консервативный характер*, то есть имеют долгую историю своего практического воплощения. Они зародились много веков назад и сами являются частью традиций и обычаев предков, воплощают в себе национальные ценности, являются механизмом межпоколенной коммуникации.

Эти же мемориальные практики, как свидетельствуют данные Таблицы 1, носят практически в равной степени *религиозно-ритуальный* (связанный с поминальными действиями) и *интеллектуально-ознакомительный* (чтение литературы, составление генеалогического древа) характер и ориентированы как на получение мемориальной информации, так и на практическую мемориальную деятельность.

Семья в современном чеченском обществе выступает одновременно и *«сейфом»*, и *«инкубатором» памяти*.

В первом – прошлое сохраняется, капсулируется в виде устойчивых форм мемориальной деятельности – от бесед со старшими об истории рода до посещения могил умерших предков. Стабильная и неизменная востребованность таких форм объясняется предельной значимостью традиции как составляющей национальной идентичности и самосознания чеченцев. Не случайно на вопрос о традициях и обычаях, сохраняемых в их семьях, 92 % респондентов ответили: *«Все существующие»*. Остальные респонденты лишь уточнили свои ответы, назвав конкретные традиции:

- уважение к старшим;
- гостеприимство;
- бережное отношение к семье;

- взаимопомощь;
- сохранение чувства гордости и достоинства;
- соблюдение похоронных, свадебных и иных обрядов.

Чеченская семья, понимая в данном контексте, выполняет функцию «антропологического места» [13, с. 41], сохраняющего и воспроизводящего значимые для группы ценности и смыслы, обеспечивающего локальную идентичность.

Во втором («инкубаторе» памяти) – устойчивые мемориальные формы каждый раз рождаются заново, актуализируются, ревитализируются – с приходом новых членов семьи, смертью стариков, с изменением внешних социально-политических или экономических обстоятельств, просто с течением времени.

Мы попросили респондентов назвать механизмы, благодаря которым происходит передача социального опыта, исторических знаний, жизненного уклада от поколения к поколению. Иначе – обозначить формы воспроизводства «живой» (коммуникативной, в риторике Я. Ассмана) памяти, характерные для их семьи. Ответы участников интервью представлены ниже (в порядке убывания востребованности ответа):

- устная форма (разговоры с представителями старшего поколения);
- предметно-пространственная форма (приобщение к национальным традициям посредством взаимодействия со старинными вещами, семейными ценностями, ведение семейного архива);
- дидактическая форма (передача опыта, традиций личным примером, в процессе воспитания);
- познавательная форма (чтение специализированной литературы по истории культуры чеченского народа);
- обрядово-ритуальная форма (воспроизводство традиций в свадебных, похоронных и иных обрядах);
- мемориальный туризм (посещение родовых мест).

Доминирование устного формата мемориальной коммуникации подтверждает ее традиционный и консервативный характер. Несмотря на активное продвижение различных цифровых и дистанционных форм мемориальной деятельности (онлайн-сервисы по составлению семейного древа, виртуальные кладбища и прочее), для современной чеченской семьи продолжает сохранять актуальность живая коммуникация родственников, взаимодействие с реальными артефактами памяти, личное участие в актах мемориализации.

Ответы респондентов подтверждают самозамкнутый характер семейной мемориальной активности. Она, главным образом, сосредоточена на самой себе, на общении поколений, на взаимодействии с пространственно-предметной средой, фиксирующей основные этапы семейной истории, на каждодневном воспроизводстве национальных традиций и обычаев в естественных формах повседневной жизни. Респонденты не назвали ни одного способа передачи традиций, обычаев и прочего, связанного с внешними по отношению к семье акторами или институциями (образование, СМИ и прочее).

Заключение. Сложно делать однозначные выводы о ярко выраженной специфике (об особом статусе, особой активности, особой ценностной наполненности) семейной мемориальной активности современных чеченцев в сравнении, скажем, с мемориальной деятельностью современной русской семьи. Для таких выводов нужны тематически близкие исследования, проводимые по аналогичной инструментальной технологии. Однако в качестве подтверждающего аргумента можно сослаться на исследование локальной идентичности жителей индустриальных южноуральских городов, автор которого, М. Л. Шуб, так характеризует уровень семейной мемориальной активности южноуральцев: «В целом жители всех шести изучаемых городов отличаются пассивностью в проявлении культуры памяти на персонально-семейном уровне... из предложенных участникам исследования вариантов сохранения памяти о семейном прошлом как наиболее предпочтительные были выбраны те, которые не требовали высокой степени активности, деятельного участия, перемещения в пространстве, интеллектуальных и временных затрат и прочее» [16, с. 196–197].

На основании ответов участников проведенного нами глубинного интервью можно говорить о совершенно иной картине, об активном функционировании в пространстве современной чеченской мемориальной культуры коммуникативной памяти, об исчезновении которой писал П. Нора. Последний был убежден, что из семьи «вырвано с корнем все то, что еще сохранялось из пережитого в тепле традиций, в мутациях обычаев, в повторении пришедшего

от предков, под влиянием глубинного исторического чувства» [13, с. 17]. Как показывают результаты исследования, эти трансформации не коснулись современной чеченской семьи, которую можно охарактеризовать как чрезвычайно значимый мемориальный кластер.

На наш взгляд, в данном случае срабатывает сразу три значимых обстоятельства. Во-первых, высокая мемориальная активность самих респондентов, уделяющих большое внимание семейно-родственным формам «работы» с прошлым (100 % участников интервью). Во-вторых, глубокая и системная вмонтированность семейной мемориальной деятельности в структуру повседневности современных чеченцев, ее восприятие как значимого ресурса сохранения национальной самобытности, поддержания связи поколений, воспроизводства традиций и обычаев. В-третьих, мемориальная активность именно на уровне семьи является локальной моделью масштабной, общегосударственной мемориальной политики. В ней отражаются все значимые официально закрепленные мемориальные ценности, востребованные модели поведения, формы мемориализации. Через семейную мемориальную деятельность проявляется (и посредством нее же формируется) гражданская позиция чеченцев, их отношение не только к собственным родственникам, но и ко всему чеченскому народу в целом.

Список литературы

1. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с. URL: <https://culture.wikireading.ru/hD7PWSU85A> (дата обращения: 25.11.2022).
2. *Ассман А.* Распалась ли связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 267 с.
3. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. *Гапоненко Л. Б.* Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 40–53.
5. Государственная программа Чеченской Республики «Развитие культуры и туризма в Чеченской Республике». URL: <https://docs.cntd.ru/document/430606685> (дата обращения: 05.12.2022).
6. Единая Концепция духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2000202110070001?index=6&rangeSize=1> (дата обращения: 09.12.2022).
7. Концепция государственной национальной политики Чеченской Республики. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432867330?marker> (дата обращения: 11.12.2022).
8. *Логунова Л. Ю.* Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 69–75.
9. *Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. СПб. : Владимир Даль, Русский Остров, 2004. 624 с.
10. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
11. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html> (дата обращения: 23.12.2022).
12. *Нора П.* Франция-память. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 333 с.
13. *Тхакахов В. Х.* Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная мысль Кавказа. 2019. № 2. С. 40–49.
14. *Хасбулатова З. И.* К вопросу о роли семьи и общества в воспитании детей в традиционном чеченском обществе в XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 209–212.
15. *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2004. 424 с.
16. *Шуб М. Л.* Культура памяти в структуре идентичности жителей промышленных городов. Челябинск : ЧГИК, 2021. 283 с.
17. *Шуб М. Л.* Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве : дисс. ... докт. культурологии. Челябинск, 2018. 491 с.
18. *Assmann A., Conrad S.* Memory in a global age. Discourses, Practices and Trajectories. England : Macmillan Publishers Limited, 2010. 252 p.
19. *Bernhard M., Kubik J.* Twenty years after communism: The politics of Memory and commemoration. Oxford : Oxford University Press, 2014. 326 p.
20. *Torpey J.* Politics and the Past. On Repairing Historical Injustices. USA : Rowman & Littlefield Publishers, 2003. 328 p.

The family as a memorial cluster (specifics of the memorial activity of the modern chechen family)

Yarychev Nasrudi Uvaysovich

Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy, professor, vice-rector for academic affairs,
Kadyrov Chechen State University. Russia, Grozny. ORCID: 0000-0003-4667-8020.
Researcher ID: AAB-9203-2019. E-mail: nasrudiny@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to comprehend the specifics of the modern family as a special memorial cluster, that is, a subject of memorialization, limited by the framework of a related group, initiating memorial activities of various forms and content and implying the collective nature of memorial activity. The family in the context of Chechen culture has acted and is currently acting not just as a traditional value, but also as a space for preserving memory, intergenerational communication, maintaining social unity and temporal stability. Based on the materials of the conducted research (the method of in-depth interview, the sample array – 90 people: ethnic Chechens living in the territory of the Chechen Republic), the author of the article came to the conclusion that the memorial activity of the modern Chechen family is different: 1) extreme activity and demand (each of the interview participants takes part in various forms of family memorial activity); 2) family-creative and family-forming status (joint memorial activities – visiting cemeteries, joint prayers, working with the family archive, etc. – are perceived by modern Chechens as the foundation for the existence of the family); 3) internal, self-enclosed character (orientation to memorializing the family itself, and not external historical events or personalities); 4) traditional and conservative (strong integration into the traditional everyday way of life, connection with the basic values of the Chechen people); 5) the harmonious unity of religious-ritual and informational-cognitive components (proportional representation of memorial activity related to both religious memorial practices and self-education); 6) the dominance of oral forms of family-memorial communication (communication with older family members, reading and discussing historical books).

Keywords: memorial culture, memorial culture of the Chechen Republic, family, past.

References

1. Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [New dissatisfaction with memorial culture]. M. New Literary Review, 2016. 232 p. Available at: <https://culture.wikireading.ru/hD7PWSU85A> (date accessed: 25.11.2022).
2. Assman A. *Raspalas' li svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Has the connection of times broken up? The rise and fall of the temporal regime of Modernity]. M. New Literary Review. 2017. 267 p.
3. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. M. Languages of Slavic culture. 2004. 368 p.
4. Gaponenko L. B. *Konstruirovaniye nacional'noj identichnosti v kontekste politiki pamyati* [Constructing national identity in the context of memory politics] // *Nauchnyy zhurnal "Diskurs-Pi"* – Scientific journal "Discourse-Pi". 2020. No. 3 (40). Pp. 40–53.
5. *Gosudarstvennaya programma Chechenskoj Respubliki "Razvitie kul'tury i turizma v Chechenskoj Respublike"* – The State program of the Chechen Republic "Development of culture and tourism in the Chechen Republic". Available at: <https://docs.cntd.ru/document/430606685> (date accessed: 05.12.2022).
6. *Edinaya koncepciya duhovno-nravstvennogo vospitaniya i razvitiya podrastayushchego pokoleniya Chechenskoj Respubliki* – Unified Concept of spiritual and moral education and development of the younger generation of the Chechen Republic. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2000202110070001?index=6&rangeSize=1> (date accessed: 09.12.2022).
7. *Koncepciya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Chechenskoj Respubliki* – The concept of the State national policy of the Chechen Republic. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/432867330?marker> (date accessed: 11.12.2022).
8. Logunova L. Yu. *Semejno-rodovaya pamyat': vremennye ipostasi i social'nye resursy* [Family and ancestral memory: temporary hypostases and social resources] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2014. No. 379. Pp. 69–75.
9. Lowenthal D. *Proshloe – chuzhaya strana* [The past is a foreign country]. SPb. Vladimir Dal, Russian Island, 2004. 624 p.
10. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. M. Canon+, ROOI "Rehabilitation". 2007. 480 p.
11. Nora P. *Vsemirnoe torzhestvo pamyati* [World Celebration of Memory // *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture* – The Untouchable Reserve: A debate about politics and culture]. 2005. No. 2–3 (40–41). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html> (date accessed: 23.12.2022).

12. Nora P. *Franciya-pamyat'* [France-memory]. SPb. Publishing House of St. Petersburg University. 1999. 333 p.
13. Thakahov V. H. *Identichnost' i pamyat' v toponimicheskoy politike Chechni* [Identity and memory in the toponymic policy of Chechnya] // *Nauchnaya mysl' Kavkaza* – Scientific thought of the Caucasus. 2019. No. 2. Pp. 40–49.
14. Hasbulatova Z. I. *K voprosu o roli sem'i i obshchestva v vospitanii detej v tradicionnom chechenskom obshchestve v XIX – nachale XX v.* [On the question of the role of family and society in the upbringing of children in traditional Chechen society in the XIX – early XX century] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* – Theory and practice of social development. 2014. No. 3. Pp. 209–212.
15. Hutton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the art of memory]. SPb. Vladimir Dal. 2004. 424 p.
16. Shub M. L. *Kul'tura pamyati v strukture identichnosti zhitelej industrial'nyh gorodov* [Culture of memory in the structure of identity of residents of industrial cities]. Chelyabinsk. ChSIC. 2021. 283 p.
17. Shub M. L. *Obraz proshlogo kak fenomen kul'tury: konceptualizaciya i formy reprezentacii v sovremenom sociokul'turnom prostranstve : diss. ... dokt. kul'turologii* [The image of the past as a cultural phenomenon: conceptualization and forms of representation in the modern socio-cultural space : diss. ... Dr. of Cultural Studies]. Chelyabinsk. 2018. 491 p.
18. Assmann A., Conrad S. *Memory in a global age. Discourses, Practices and Trajectories*. England : Macmillan Publishers Limited, 2010. 252 p.
19. Bernhard M., Kubik J. *Twenty years after communism: The politics of Memory and commemoration*. Oxford : Oxford University Press, 2014. 326 p.
20. Torpey J. *Politics and the Past. On Repairing Historical Injustices*. USA : Rowman & Littlefield Publishers, 2003. 328 p.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 2 (30) (2023)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 25.07.2023 г.
Дата выхода в свет 14.09.2023 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 100 экз. Заказ № 280.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36